

ЭМИРОВА А. М.

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

(К 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности)

Симферополь
2008

УДК 81/82=161.1=512.145

ББК 81.411.2+81.636

Э55

Видано за рахунок державних коштів.

Продаж заборонено

Издание осуществлено на средства Республиканского комитета Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан

Рекомендовано к печати учёным советом факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 1 от 29 августа 2008 г.)

Рецензенты:

— доктор филологических наук, профессор ТНУ им. В.И. Вернадского **Богданович Г.Ю.**;

— кандидат филологических наук, доцент РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет» **Сейтягьяев Н.С.**

Книга издана в авторской редакции

Э55 Эмирова А.М.

Избранные научные работы. К 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности.

— Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. — 366 с.

— На русском языке.

ISBN 978–966–354–225–6

УДК 81/82=161.1=512.145

ББК 81.411.2+81.636

В сборник включены научные работы по русистике, крымскотатарскому языкознанию и социолингвистике, выполненные с 1966 года по настоящее время. Они в определённой степени отражают развитие научной мысли в области русской фразеологии и крымскотатарского языкознания.

Э55 Емірова А.М.

Обрані наукові роботи. До 75-річчя від дня народження й 52-річчя наукової, педагогічної і громадської діяльності.

— Сімферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2008. — 366 с. — Російською мовою.

ISBN 978–966–354–225–6

УДК 81/82=161.1=512.145

ББК 81.411.2+81.636

ISBN 978–966–354–225–6

© Емірова А.М., 2008

© КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник включены наиболее показательные научные работы разного жанра проф. А.М. Эмировой. Они расположены в хронологическом порядке, с указанием источника публикации. Такой порядок расположения материала обнаруживает расширение тематического и концептуального диапазона работ автора, а также диалектику его научной мысли, отвечающей вызовам и потребностям времени. От системно-структурного подхода – к изучению языка в новой, коммуникативно-когнитивной, парадигме – таков вектор развития исследовательской мысли учёного.

Представленные в сборнике работы в определенной степени отражают развитие русской фразеологии как науки и крымскотатарского языкознания.

Сборник предваряет **curriculum vitae автора, в котором в краткой форме** отражены основные этапы его жизни и творчества.

CURRICULUM VITAE

Эмирова Адиле Мемедовна	– доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки Автономной Республики Крым, действительный член (академик) Крымской академии наук, член Национального союза писателей Украины
------------------------------------	--

Персональные сведения

Эмирова Адиле Мемедовна родилась 10-го ноября 1933 г. в г. Ялта Крымской АССР. Национальность – крымская татарка.

Образование и трудовая деятельность

После окончания Самаркандского государственного университета (1957) работала преподавателем русского языка и литературы в средней школе, в 1964–1968 гг. училась в аспирантуре Сам.ГУ, а затем работала там же, на кафедре русского и общего языкознания, последовательно в должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента и профессора. В январе 1991 г. Эмирова А.М. была приглашена в Симферопольский государственный университет на должность профессора кафедры русского языка, после разделения которой (2002 г.) работает на кафедре межкультурных коммуникаций и журналистики.

Преподавательская деятельность

Проф. Эмирова А.М. читает лекции по профилирующим дисциплинам (фонетика, фонология, лексикология, фразеология русского языка; общее языкознание, основы теории языковой коммуникации; культура речи и стилистика, риторика и др.), руководит курсовыми, дипломными и диссертационными работами по русскому и крымскотатарскому языкам, а также в сопоставительном аспекте.

Научные интересы

Области научных интересов проф. Эмировой А.М. – русская, общая и контрастивная фразеология в системно-структурном и коммуникативно-прагматическом аспектах, социальная лингвистика, лингвокультурология, крымскотатарская филология.

Проф. Эмирова А.М известна в странах СНГ и за рубежом как один из ведущих специалистов по русской фразеологии; её труды цитируются и упоминаются в работах не только отечественных, но и зарубежных учёных (более 500 ссылок и цитаций). Ею разработана новая область научного

анализа русской фразеологии – коммуникативная фразеология. Научные достижения Эмировой А.М. в этой области используются при анализе других языков, в частности – украинского. Первой в Крыму она начала разрабатывать актуальные для многонационального Крыма и Украины проблемы социолингвистики: языковая ситуация и языковая политика в Крыму и Украине, языковые права и обязанности, тип крымскотатарско-русского двуязычия, языковая компетенция крымских татар, русский дискурс в речевой деятельности крымских татар и др.

Публикации

Результаты научных исследований проф. Эмировой А.М. докладывались на 19 всесоюзных, 32 республиканских и 55 международных научных конференциях, в том числе и за рубежом: в Германии (1993), Австрии (1995), Японии (1997), Франции (2004), Болгарии (2007). В списке опубликованных научных трудов проф. Эмировой А.М. более 200 научных работ разного жанра, в том числе монография и учебные пособия для вузов:

* Русская фразеология в коммуникативном аспекте (Монография). – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.

* Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. Учебное пособие для вузов. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1972. – 97 с.

* Словарь-справочник лингвистических терминов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1995. – 96 с.

* Крым – любовь и боль моя (Проблемы возрождения крымскотатарской культуры). – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 160 с.

* Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка. – Симферополь: Сонат, 2001. – 64 с. (Соавторы – Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С.)

* Бекир Чобан-заде. Къырымтатар ильмий сарфы. (Крымскотатарская научная грамматика). Общая редакция, предисловие и комментарии – Эмировой А.М. Транслитерация с арабского письма на кириллицу, перевод с османского на крымскотатарский, составление именного указателя и глоссария – Сейтягьева Н.С. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.

* Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: Сонат, 2003. – 232 с. (Соавтор – Усеинов С.М.)

* Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.

Научно-общественная деятельность

В 1994–1996 гг. выполняла функции члена коллегии Министерства культуры АРК.

В 2000–2003 гг. – член специализированных ученых советов:

– Д 52.051.02 по русскому языку и литературе (Симферополь, ТНУ им. В.И. Вернадского);

– Д 26.001.33 по восточным языкам (Киев, Институт филологии КНУ им. Т.Г. Шевченко).

В 2004–2007 гг. выполняла функции члена специализированного

учёного совета Д 52.051.02 по русской литературе (Симферополь, ТНУ им. В.И. Вернадского), с октября 2007 – специализированного учёного совета Д 52.051.05 по русской и зарубежной литературе (Симферополь, ТНУ им. В.И. Вернадского).

С 2007 – член специализированного учёного совета К 52.051.08 – украинский и русский языки.

Литературная деятельность

Эмирова А.М. – член Национального союза писателей Украины: пишет стихи, рассказы, литературно-критические статьи, занимается художественным переводом. Русскоязычный читатель Крыма и Украины впервые познакомился с творчеством известного писателя крымскотатарского зарубежья Дженгиза Дагджи в переводах с турецкого языка, выполненных Эмировой А.М.

Награды

– Медаль «Ветеран труда» – за долголетний добросовестный труд от Президиума ВС СССР (1986).

– Почётная грамота Совета Министров АРК – за многолетнюю плодотворную научную деятельность (1999).

– Почётное звание «Заслуженный деятель науки и техники Украины» – за весомые достижения в профессиональной деятельности, за многолетний добросовестный труд (1999).

– Благодарность Председателя Верховной Рады Автономной Республики Крым – за многолетний добросовестный труд, весомые достижения в профессиональной деятельности и в связи с 70-летием со дня рождения.

– Почётное звание «Заслуженный работник образования и науки АРК» (2004).

– Почётная грамота Таврического национального университета им. В.И. Вернадского за многолетний добросовестный труд, высокое профессиональное мастерство, особые заслуги в деле подготовки квалифицированных специалистов, весомый вклад в развитие науки и образования и в связи 90-летием университета (2008).

ОБ ОТРАЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

(Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка». (Самарканд, 9–16 сентября 1966). – Часть II. – Самарканд, 1966. – С. 251–254.)

Некоторые сферы и уровни языка особенно благоприятствуют сохранению языковых категорий и форм, которые принадлежат предшествующим эпохам. Так, фразеология как сфера языка, связанная с готовыми и воспроизводимыми в речи единицами, является своеобразной «кладовой» реликтовых явлений. Именно в составе фразеологических единиц современного русского языка встречаются лексические, грамматические и семантические явления архаического характера. В частности, мы находим их в различных по структуре и функциям устойчивых оборотах предложно-именного типа.

1. Лексические архаизмы чаще всего встречаются в составе фразеологических единиц, в которых произошли значительные структурно-семантические изменения. Степень опрощения таких единиц во многом определяется степенью архаизации входящих в их состав слов и словоформ: *на ять, ни на ноту, без зазрения совести, в мгновение ока, от аза до ижицы, семь пядей во лбу, глас вопиющего в пустыне, не на живот, а на смерть* и др.

Интерес в этом плане представляет фразеологизм с *кондачка*. Можно предположить, что этимология его восходит к слову *скандак*, *скандачок*, которое подверглось переразложению по аналогии с *азов*, с *плеча* и т.п. (см. у В. Даля: «*Скандакъ, скандачокъ*, пляска, один из приёмов выступки народной мужской пляски, пяткой в землю, а носком вверх»).

2. Грамматические архаизмы, которые встречаются во фразеологических единицах, «чаще всего лишь подтверждают идиоматичность выражения, но не создают его» (В.В. Виноградов). Так, во фразеологизмах наблюдается употребление архаичных падежных форм кратких прилагательных в застывшей определительной функции: *среди бела дня, по белу свету, от мала до велика* и др. Сочетания с *прохладцей*, с *кондачка* представляются остатками парадигмы склонения имён существительных (*прохладца?!; кондачок?!; скандак?!).*

3. Во фразеологизмах оказываются «законсервированными» и необычные для современного языка архаичные значения предлогов, что придает им в целом особое архаическое звучание, усиливая вместе с тем их экспрессию: *палка о двух концах*¹ (в значении 'с'), *семь (семи) пядей во лбу* (в значении 'на'); *ложь во спасение* (в значении 'для, ради'); *братья во Христе* (в

¹ А.М. Пешковский отмечает, что значение предлога *о* (*об*) в подобных сочетаниях восходит к праславянскому языку и в современном языке употребляется редко.

обобщенном значении принадлежности лиц к какой-то группе); *притча во языцех* (в значении ‘среди’) и др.

4. В связи с тем, что многие фразеологические единицы омонимичны свободным предложно-именным сочетаниям, они стремятся к омонимическому отталкиванию при помощи различных средств. В частности, складывается специфическое фразеологическое ударение: *на руку* ‘выгодно’; *по сердцу* ‘нравится’; *до смерти* ‘очень’; *на корню* ‘изначально’ и др.

5. Особый тип эволюции фразеологических единиц наблюдается при активизации структурно-семантических моделей устойчивого сочетания. Так, типичная для своего времени структура терминов *генерал от инфантерии*, *генерал от кавалерии*, сохраняя свои основные структурные черты, но наполняясь лексемами современного языка, приобретает индивидуально-фразеологические черты и остро сатирическое звучание. Ср. *делец от искусства*, *делец от науки*: *Он вступил в схватку с дельцом от искусства Владимиром Николаевичем – Везном* [ЛГ, № 51, 2 марта 1966].

О МОДЕЛИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Материалы 1-ой республиканской конференции по вопросам языкознания и методики обучения иностранным языкам. – Баку, 1968. – С. 15–16.)

1. В процессе эволюции языка постоянно складываются новые синтаксические модели, на основе которых строятся различные по характеру и степени устойчивости сочетания слов.

Данная работа посвящена некоторым структурно-семантическим особенностям устойчивых предложно-именных оборотов, построенных на основе продуктивных моделей типа «имя существительное + предлог + имя существительное». Такие модели, наполняясь различным лексическим материалом, образуют в речи незамкнутые ряды устойчивых сочетаний слов, характеризующихся общим типом значения, обусловленным уже самой моделью.

2. Модель «*кандидат* + предлог *в* + существительное в винительном падеже множественного числа со значением лица» на основе воспроизведения свободных синтаксических связей образует в речи незамкнутый ряд устойчивых сочетаний: *кандидат в депутаты*, *кандидат в академики*, *кандидат в студенты* и др. Вместо предлога *в* в рассматриваемых сочетаниях употребляется и соотносительный с ним предлог *на*; в этом случае в качестве второго именного компонента используются имена существительные с предметным или отвлеченным значением в форме винительного падежа единственного числа: *кандидат на медаль*, *кандидат на пост*, *кандидат на звание* и др. Общее значение ряда обусловлено прямым номинативным значением слова *кандидат*.

Рассматриваемая модель лежит также в основе многочисленных

оказиональных образований, отличающихся различными эмоционально-экспрессивными оттенками: *кандидат в мужья, кандидат в воры, кандидат в святые* и др. Экспрессивная окраска таких сочетаний обусловлена ограниченным характером семантической сочетаемости самого слова *кандидат* с другими лексемами.

3. Продуктивна модель «окно + предлог *в* + имя существительное в винительном падеже с отвлеченным значением»: *окно в мир, окно в жизнь, окно во вселенную, окно в космос, окно в будущее* и др. Подобные сочетания характеризуются семантической эллиптичностью. Слово *окно* в данном случае предполагает признак „открытости”, что обуславливает общее значение ряда.

В речевом процессе рассматриваемая модель может “обрастать” факультативными компонентами, выступающими в качестве определений к именному компоненту сочетания. Возможны также различные случаи варьирования именных компонентов: *Они прорубили еще одно окошечко в древний мир*. [Л. Успенский, Слово о словах]; *Фотоокна в мир* – название корреспонденции о фотовыставке [Изв., 22 февр., 1966].

4. Модель типа *товарищи по оружию* образует ряд устойчивых оборотов, относящихся к общему семантическому полю – обозначения лиц, объединенных совместной деятельностью: *товарищи (братья, братья) по труду (профессии, оружию, цеху), коллега {друг, собрат} по перу (кисти)* и др. В качестве первого компонента здесь обычно выступают окказионально синонимичные существительные со значением лица, в качестве второго – имена существительные в форме дательного падежа единственного числа, называющие самый род деятельности или его атрибут.

На основе общего номинативного значения рассматриваемых сочетаний развились номинативно-производные значения, выражающие общность в более отвлеченных сферах: а) единство взглядов – *братья по духу, товарищи по борьбе* и др.; б) общность положения или каких-то существенных признаков – *друг (товарищ) по несчастью, собратья по уму* и др.

5. Весьма продуктивна модель типа *делец от искусства*. На основе генетической модели *генерал от инфантерии* (устаревший военный термин) в современном русском языке сложилась новая модель, структурно адекватная первой, но отличающаяся от неё новым значением, сферой употребления. Сочетания, образуемые на основе этой модели, имеют преимущественно отрицательную экспрессивную окраску: *шарлатан от науки, чиновник от медицины, проходимцы от торговли, бизнесмены от бокса, хамелеоны от идеологии* и др.²

6. Рассмотренные модели, наполняясь соответствующим лексическим материалом, употребляются в определенных сферах языка. В речевой практике такие обороты могут приобрести различные экспрессивные оттенки и развить добавочные, прямые или переносно-образные, значения. Это позволяет рассматривать такие модели как один из источников пополнения фразеологического фонда современного русского языка.

² См.: Е.А. Земская. Об одной новой модели фразеологического сочетания // Вопросы культуры речи. – Вып. IV. – Москва, 1963. – С. 10–19.

ПРОЦЕССЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

(Вопросы русского языкознания / Труды Самаркандского педагогического института им. С. Айни. – Новая серия, вып. 1. – Самарканд, 1968. – С. 54–60.)

Семантические процессы в сфере фразеологии, как известно, во многом изоморфны аналогичным процессам в лексике и словообразовании. Так, одним из проявлений процесса семантической конденсации, “семантического сжатия” (В.В. Виноградов) в лексике и словообразовании является включение [1]. “Включение как поглощение одним словом значения другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова” [1, с. 24] может явиться одним из способов образования определенного вида фразеологических единиц, в частности – устойчивых предложно-падежных конструкций типа «предлог + имя существительное» *на уровне, под носом, в форме*. Исходные словосочетания в данном случае могут обладать свободным или связанным значением. Устойчивые обороты, образовавшиеся в результате включения, чаще всего приобретают положительную коннотацию (при оценочной индифферентности знаменательных компонентов в их составе) и фиксированную синтаксическую функцию, преимущественно – сказуемого.

Процессы семантического сжатия во фразеологии характеризуются включением преимущественно согласованного определения, случаи же включения определяемого и управляемого имён встречаются значительно реже.

В сфере разговорной речи употребляется значительное число фразеологизмов, выступающих в полном и эллиптированном (на основе включения определения) вариантах. Факультативный компонент в составе таких единиц может быть выражен качественным прилагательным, определительным местоимением, в редких случаях – именем числительным. Производящий и производный обороты имеют одинаковую стилистическую и лексико-грамматическую характеристику (соотносительность с определенной частью речи), в семантическом отношении тождественны, однако определение в полном варианте придает ему некоторый оттенок усилительности. Ср.: *в преклонном возрасте – в возрасте; для пущей важности – для важности; до последней нитки – до нитки; до последней копейки – до копейки; в хорошей (спортивной) форме – в форме* и др. Ср. также: *в самом соку – в соку, от всей души – от души; со всеми потрохами – с потрохами; за одно спасибо – за спасибо; под самым носом – под носом* и др.

Фразеологическая единица *на уровне* восходит, надо полагать, одновременно к фразеологическому обороту *на высоком (высшем) уровне* и к устойчивому предложно-именному сочетанию *на уровне (кого, чего)*. Оборот *на высоком уровне* выполняет в речи различные синтаксические функции: *Уже давным-давно “Дружба” рапортовала, что осенний сев закончен и полностью, и в сжатые сроки, и на высоком уровне* [Изв., 27 нояб. 1966]; *Для этого необходимо “согласование” на высшем уровне – уровне министерств, президиума академий наук* [ЛГ, 13 дек. 1967]; *Она и делегатом, и депутатом, и вообще на самом высоком уровне ...* [Изв., 23 июня 1967].

Предложно-именной оборот *на уровне (чего)* выполняет в речи функцию служебного слова. Он в отличие от омонимичного усечённого фразеологизма употребляется всегда с управляемым именем в форме родительного падежа единственного или множественного числа в функции именного сказуемого: *Вообще-то я был абсолютно на уровне своих одноклассников*. [В. Аксёнов, Поэма экстаза]. *Гутенберг не только оказался на уровне лучших технических решений своего времени ...* [ЛГ, 31 янв. 1968]; *Это значит, что “Ольховка” – на уровне мировых образцов* [Сов. культура, 29 июня 1968] и др.

Поскольку бóльшая семантическая нагрузка падает на управляемое слово, вся конструкция *на уровне (чего)* служит, как правило, для выражения положительной качественной характеристики предмета (в широком смысле слова).

В результате включения в первом случае согласованного определения, во втором – управляемого имени образовался фразеологизм *на уровне*, вошедший в себя значения обоих производящих оборотов и функционирующий, как правило, в качестве сказуемого: *С молодыми проектировщиками требователен, но без придирок, в общем, товарищ на уровне* [Изв., 12 апр. 1966]; *Ага, успел я злорадно подумать, у него там на Марсе тоже качество не всегда на уровне* [Изв., 31 дек. 1967]; *В нём и идея хороша, и написан он на уровне* [ЛГ, 18 авг. 1967]; *Внимательно прочтя хорошую популярную книжку по физике, читатель получит обманчивое ощущение, что он более или менее всё знает, что он на уровне* [ЛГ, 14 февр. 1968] и др.

В синонимических отношениях с рассмотренным фразеологизмом *на уровне* находится устойчивое сочетание *на высоте*, по-видимому, также восходящее к устойчивому обороту *на высоком уровне*. Здесь наблюдается включение не определения, а определяемого (*уровне*), при этом определение, сохраняя общее значение исходного оборота, модифицируется в однокоренное существительное (*высоком – высоте*). Рассматриваемый фразеологизм также функционирует в качестве сказуемого, употребляясь в двух коррелятивных формах – с отрицательной частицей *не* или без неё: *А вот внешнее оформление их явно не на высоте* [Изв., 24 марта 1966]; *У нас тут культурно-массовая работа не на высоте* [В. Кожевников. На огонёк]; *Кафе всем хорошо. И интерьер современный, и обслуживание на высоте* [К. пр., 19 дек. 1967]; *Конечно, общественное питание во многих случаях не на высоте* [Изв., 10 февр. 1968] и др.

Усечённый фразеологизм *на высоте* в значении ‘в состоянии удовлетворить самым строгим требованиям’ [ФСРЯ] омонимичен фразеологическому обороту *на высоте* с факультативным компонентом *положения (на высоте положения)* в значении ‘в состоянии проявлять себя так, как нужно, как единственно возможно, правильно’ [ФСРЯ]. Ср.: *И борьба с алкоголизмом на высоте* (т.е. на самом высоком уровне) [Изв., 1 янв. 1968], но: *Увы, они (родители) не всегда бывают “на высоте”* (т.е. на высоте положения) *в этом вопросе* [ЛГ, 14 июля 1966].

Путем включения управляемого имени в форме родительного падежа единственного или множественного числа на основе предложно-падежного оборота *в курсе (чего)* выделилось устойчивое сочетание *в курсе*, семантически

тождественное с производящим сочетанием: ‘осведомлен о ходе, развитии, состоянии и т.п. чего-либо’. Ср. ...*Значит, можно подумать, что и все пожарные не в курсе этого вопроса* [ЛГ, 26 дек. 1965]; *Тот был в курсе всей этой истории.* [Изв., 5 апр.1968], но: *Истина состоит в том, что мы теперь уже “не в курсе”, мы позволили себя обогнать.* [ЛГ, 31 мая 1966]; *А я знаю, почему так происходит, – убежденно заявил двадцать шестой. Книг мы не читаем. Не в курсе. А я лично всем хорошим во мне обязан книгам.* [ЛГ, 22 мая 1968]; *Воспитатели удивились моей горячности и сказали, что, может быть, я не в курсе, но это называется самоуправлением.* [ЛГ, 12 июня 1968]; *Нет, коллеги, я в курсе* [Там же] и др.

Примыкает к рассмотренным выше устойчивое сочетание *в норме*, заключающее в себе элемент положительной оценки, которое восходит, по видимому, к лексеме *нормальный*: *Она была в норме. Даже способная.* [Изв., 25 окт. 1965].

В отдельных случаях правильная реконструкция первоначального структурного облика “производящей основы” фразеологизма может способствовать разграничению полисемии и омонимии. Так, фразеологизм *в голос* зафиксирован в ФСРЯ как полисемант: 1) так громко, что всем слышно (кричать, плакать и т.д.); 2) все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать и т.п.); 3) единодушно, единогласно (утверждать, повторять и т.п.). Однако первое значение восходит к фразеологическому обороту *во весь (в полный) голос* с семантикой ‘очень громко (говорить, петь и т.п.)’, а второе и третье – к фразеологическому обороту *в один голос* со значением ‘все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать, повторять)’. Следовательно, мы имеем не полисемантический фразеологизм *в голос*, а фразеологизмы-омонимы, обладающие адекватным механизмом включения (определения), но восходящие к различным фразеологическим оборотам.

Включение – весьма активный процесс, захватывающий различные уровни современного русского языка. Рассмотренные выше устойчивые предложно-именные обороты образуется, как правило, в сфере разговорной речи и в силу своей особой стилистической окрашенности не сразу и не всегда становятся фактом литературного языка. Однако в процессе функционирования эмоционально-экспрессивный колорит таких сочетаний постепенно бледнеет, что может способствовать их передвижению из сферы разговорной речи в литературный язык и закреплению в языковой системе.

Приведенные примеры, почерпнутые из языка различных газетных жанров, свидетельствуют о большой частотности употребления в современном русском языке устойчивых предложно-именных сочетаний, образованных на основе различных типов включения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского язык. – Москва, 1964.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. – Москва: Советская энциклопедия, 1967.

О СООТНЕСЁННОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ЕЁ КОМПОНЕНТОВ- СЛОВ

(Вопросы описания лексико-семантической системы языка / Тезисы докладов всесоюзной конференции. – Часть 2. – Москва, 1971. – С. 184–187.)

1. Теорию фразеологии последних лет характеризует пристальное внимание к категориальным признакам фразеологических единиц (ФЕ), выдвинутым в свое время во многом на интуитивной основе. В ряду актуальных вопросов фразеологии следует указать, в частности, следующие: какова языковая функция ФЕ и, в связи с этим, принимают ли ФЕ участие в семантическом членении континуума внеязыковой действительности?

Об актуальности данных вопросов свидетельствуют отсутствие единого мнения и резко полярные точки зрения отечественных фразеологов по вопросу о характере языковой функции ФЕ³: одни считают, что ФЕ не обладают функцией номинации (а только эмотивной функцией); другие же утверждают, что ФЕ, наряду с эмоционально-экспрессивной функцией, которая является ведущей, обладают также и номинативной. Крайним проявлением первой точки зрения является мнение о том, что ФЕ представляют собой избыточные элементы языковой системы, ненужную роскошь, без которой язык вполне может обойтись.

2. Как известно, познание человеком объективной действительности складывается из двух ступеней: чувственного познания и абстрактного мышления. Ступень наглядно-чувственного познания со своими специфическими формами (ощущение, восприятие, представление) является основной понятийного мышления. В этом смысле можно говорить об отсутствии резкой грани между этими двумя ступенями познания объективной действительности. Следует учесть также, что доля наглядно-чувственных образов и абстракций в мыслительном процессе неодинакова и определяется самим характером последнего. Представляется справедливым мнение о том, что, чем эмоциональнее процесс мышления, тем он образнее, и, наоборот, чем выше степень абстрактности содержания мысли, тем меньше в ней наглядно-чувственных образов⁴.

3. Такая функционально-стилистическая подсистема языка, как разговорная речь, способствует непосредственному выражению эмоций, а эмоциональное состояние говорящего в той или иной степени обуславливает участие наглядно-чувственных образов в процессе мышления. Именно в русле разговорной речи возникают и функционируют лексические и фразеологические единицы, характеризующиеся яркой эмоционально-экспрессивной окраской. Ср. слова, выполняющие в речи функцию эмо-

³ См. в частности, последние работы Е.Н. Толикиной и А.В. Кунина.

⁴ См.: Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности // Язык и мышление. – Москва, 1967. – С. 57 и след.

ционально-оценочной характеристики субъекта, образованные на основе трансформации наглядного образа–сравнения в метафору: *морда, рыло, лиса, пень, шляпа, бревно, дубина* и др.

Несомненно, содержание основной массы ФЕ генетически представляет собой наглядно-чувственное сопоставление характеризуемых реалий с уже познанными предметами объективной действительности и их отношениями (разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми – это как бы *выносить сор из избы*; здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица – как будто под кожей переливаются *кровь с молоком* и др.) Именно этот наглядно-чувственный элемент сравнения, сопоставления лёг в основу переносного значения сочетания слов и трансформировался в особую эмоционально-экспрессивную окраску всего оборота.

4. По отношению к семантике значительного числа фразеологизмов можно говорить о диалектической взаимосвязи чувственного и абстрактного: в основе значения ФЕ лежит наглядно-чувственное представление, которое в той или иной степени может актуализироваться в содержании ФЕ. В тех же случаях, когда внутренняя форма ФЕ полностью стирается, забывается носителями языка (т.н. фразеологические сращения), можно говорить об отсутствии в содержательной структуре ФЕ наглядно-чувственных образов.

5. Как соотносятся содержательная структура фразеологической единицы и её словных компонентов?

Каждое отдельно взятое слово является языковой формой выражения понятия. Понятие как форма логического мышления одинаково репрезентирует в сознании человека как признаки вещей или явлений, существенные с точки зрения определенного этапа развития науки, так и минимальные признаки, достаточные для практического различения соответствующих явлений. «Состав признаков, входящих в содержание понятия, не влияет на качество понятия в общем гносеологическом аспекте как субъективного образа явлений мира»⁵.

Каждое слово в составе свободного словосочетания выражает самостоятельное понятие, а словосочетание в целом выражает отношение понятий, сложное понятие, которое «в таком же смысле выступает единым (но не одним) понятием, в каком словосочетание функционирует как единая группа ...»⁶.

Значения фразеологических единиц формируются, как известно, на основе различных типов переноса значения свободного словосочетания. И если на «входе» этого процесса мы имеем единое понятие, то на «выходе» – тоже единое понятие, но более высокой степени абстракции. Во внутреннем строении даже идиоматических оборотов типа *бить баклуши* (как выражений, значение которых абсолютно не мотивировано значениями слов-компонентов), по мнению Г.В. Колшанского, сохраняются отношения слово – понятие⁷. При этом единое сложное понятие, выражаемое фразеологизмом в целом, «вмещает» в себя только самые минимальные и самые абстрактные,

⁵ Колшанский Г.В. Семантика слова в логическом аспекте. // Язык и мышление. – Москва, 1967. – С. 189.

⁶ Там же, стр. 201.

⁷ Там же, стр. 202.

обобщенные признаки предметов или явлений объективной действительности, недостаточные уже для практической дифференциации данных предметов, однако вполне достаточные ещё для их объединения в какие-то общие, абстрактные по значению группы. Именно последнее и позволяет не только правильно интерпретировать значение фразеологической единицы (*делать из мухи слона* – ‘придавать чему-либо незначительному большое значение’), но и преобразовывать, трансформировать её до того предела, пока в содержании слов-компонентов ещё осознаются эти минимальные достаточные признаки предметов. Вычленение из содержания слов таких минимальных признаков (сем) может происходить только на фоне широкого контекста.

6. Таким образом, можно говорить о соотносительности сложного понятия, выражаемого фразеологической единицей в целом, и понятий, выражаемых её словными компонентами. При этом следует иметь в виду, что степень проявления этой соотносительности неодинакова во фразеологизмах различных структурных типов. Например, своеобразие семантики фразеологизмов со структурой «предлог + имя прилагательное + имя существительное» (*на скорую руку*) заключается в том, что определение является семантически стержневым словом и маркирует глобальное значение фразеологизма, а определяемое слово, наоборот, десемантизируется в такой степени, что является только показателем определенной темы.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что фразеологическим единицам свойственна прежде всего номинативная функция т.е. функция обозначения и названия предметов, явлений объективной действительности и их отношений, и, следовательно, они участвуют в семантическом членении объективной действительности наряду со словами и словосочетаниями. Что же касается эмотивной (эмоционально-экспрессивной) функции, то она является вторичной и обусловлена тем наглядно-чувственным образом, который лёг в основу понятийного содержания фразеологической единицы.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (Опыт семантического анализа фразеологических единиц)

Учебное пособие для студентов-филологов. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1972. – 96 с. / Редакторы: И.В. Абрамец, А.А. Нагаев.

От автора. Данное учебное пособие представляет собой одну из первых попыток системного описания семантики русской фразеологии в советском языкознании. Книга была издана 36 лет назад ротационным способом в издательстве Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои и потому отличается столь низким уровнем полиграфии, что её сегодня невозможно сканировать и даже читать. Однако ценность книги и необходимость её переиздания обусловлены тем, что она отражает один из этапов развития фразеологии как науки.

Печатается с купюрами. (В оригинале – 6 печатных листов.)

10 мая 2008.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие возникло на основе спецкурса “Актуальные вопросы современной русской фразеологии”, читаемого автором в течение ряда лет на факультете русской филологии Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои.

Учитывая возросший в последние годы интерес молодых исследователей к узловым проблемам фразеологии, автор акцентирует внимание преимущественно на одном круге вопросов, связанном с более глубоким анализом семантики фразеологических единиц. Эти вопросы представляются в настоящее время наиболее актуальными для теории фразеологии и привлекают пристальное внимание отечественных фразеологов. Думается, что особый интерес к семантическому аспекту фразеологических единиц может в какой-то мере пролить свет и на не решённые до сих пор кардинальные проблемы фразеологии – определение фразеологической единицы, объём и границы фразеологии и др.

Автор выражает глубокую благодарность проф. А.В. Кунину и доц. В.Л. Архангельскому, которые любезно согласились прочитать рукопись пособия и рекомендовать её к опубликованию. При подготовке работы к печати были учтены также критические замечания проф. Л.И. Ройзензона и доцента Пермского университета С.Г. Гаврина, которых автор сердечно благодарит.

Автор приносит глубокую благодарность доцентам кафедры русского и общего языкознания Сам.ГУ И.В. Абрамец и А.А. Нагаеву, взявшим на себя труд быть редакторами настоящего пособия.

Пользуясь случаем, автор выражает особую благодарность своему учителю – проф. Ю.Ю. Авалиани за неоценимую помощь на всех этапах работы над книгой.

*А. Эмирова
Самарканд, 25 сентября 1972 г.*

I. ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Наш век – век бурного развития науки и техники. На наших глазах рождаются, так сказать, на пустом месте, и начинают бурно развиваться новые отрасли науки, чаще всего – на стыке существующих научных дисциплин или отделившись от них. Аналогичную картину мы наблюдаем и в области языкознания. Такие процессы сопровождаются возникновением новых разделов науки о языке. Например, на стыке литературоведения и лингвистики зародилась и успешно развивается такая наука, как лингвостилистика; на скрещении математики и лингвистики – математическая лингвистика и др.

Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина сложилась относительно недавно, отпочковавшись от круга лексикологических проблем. Термин “фразеология” двузначен: 1. совокупность фразеологических единиц языка и 2. раздел языкознания, изучающий фразеологическую систему языка в её современном состоянии и историческом развитии.

Особый интерес к изучению фразеологии появился после опубликования известных работ акад. В.В. Виноградова [15–17]. Эти работы послужили основой становления и развития не только русской фразеологии, но и теории фразеологии языков всех народов СССР, а также некоторых стран социализма. Акад. В.В. Виноградов предложил семантическую классификацию фразеологических единиц, учитывающую соотношение общего значения фразеологической единицы со значениями её компонентов-слов: 1. фразеологические сращения, 2. фразеологические единства и 3. фразеологические сочетания. В дальнейшем к этому перечню были добавлены т.н. фразеологические выражения двух типов [65].

Нельзя сказать, что до работ акад. В.В. Виноградова никто не изучал русской фразеологии. Ещё М.В. Ломоносов указывал, что в словарь русского литературного языка, наряду с отдельными словами, должны войти также “речения”, “идиоматизмы”, “фразесы”. Интересные наблюдения над устойчивыми словесными комплексами находим также в работах А.А. Потемни, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова, Е.Д. Поливанова. Уже в советское время (но до В.В. Виноградова) в области фразеологии работали В.В. Вульфийус, С.И. Абакумов и др. [65, с. 7–13].

Фразеология русского языка была отражена в некоторых дореволюционных лексикографических пособиях, например, в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. Даля, а также в двухтомном словаре М. Михельсона “Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской

фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний”. После революции появились сборник “Крылатые слова” М.А. Булатова [Москва – Ленинград, 1958] и одноименный сборник А.С. и М.Г. Ашукиных [изд. 2, Москва, 1960]. Кроме того, во всех толковых словарях фразеологический материал стал помещаться после знака \diamond (“ромбик”) в словарной статье грамматически опорного слова фразеологической единицы. И только в 1967 г. был издан специальный “Фразеологический словарь русского языка” (далее – ФСРЯ), составленный коллективом авторов (Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров) под редакцией А.И. Молоткова [62].

Особый интерес к изучению фразеологии как русского, так и других языков проявился также в том, что в последние 20 лет (с 1959) состоялось 7 научных конференций, посвящённых различным актуальным проблемам фразеологии. I Межреспубликанская конференция, посвящённая вопросам теории и практики фразеологии, состоялась 15–18 сентября 1959 г. в Самаркандском государственном университете им. Алишера Навои. В работе конференции приняли участие учёные Москвы, Харькова, Тбилиси, Алма-Аты, Фрунзе, Ташкента, Баку и др. Материалы конференции были изданы отдельным сборником – “Вопросы фразеологии”. Труды Сам.ГУ им. А. Навои. – Новая серия. – Вып. 106. – Самарканд, 1961. В декабре 1961 в Ленинграде состоялось совещание, посвящённое проблемам фразеологии и задачам составления фразеологического словаря русского языка. Доклады участников совещания были опубликованы в сборнике “Проблемы фразеологии. Исследования и материалы”. – Москва – Ленинград: Наука, 1964. III всесоюзная конференция по вопросам фразеологии состоялась в Москве в 1964 г. Следующая в том же году – в Баку [Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. – Баку, 1968]. В мае 1965 г. в Череповецком педагогическом институте прошла межвузовская конференция. (См. сб. “Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе”. – Вологда, 1967.) Проблемам устойчивости и вариантности фразеологических единиц был посвящён межвузовский симпозиум, который состоялся в Туле в ноябре 1968 г. (См. сб. “Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц”. – Тула, 1968.) И, наконец, последний межвузовский симпозиум, посвящённый проблеме “Фразеологизм и слово”, был организован и проведён кафедрой русского и общего языкознания Сам.ГУ 22–26 января 1971 г. Принципиальное отличие этого симпозиума от предыдущих конференций по фразеологии заключается в том, что доклады строились на материале языков, разных в генеалогическом и типологическом отношениях.

Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои – один из ведущих центров изучения фразеологии [33, с. 120–141]. Кафедра русского и общего языкознания под руководством Л.И. Ройзензона регулярно издаёт серию “Вопросы фразеологии” и материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. Учитывая большую работу, проводимую Сам.ГУ в области теории и практики фразеологии, и опыт координации научных исследований, последний симпозиум принял решение “просить Мини-

стерство высшего и среднего специального образования СССР (Комитет по координации лингвистических исследований) считать Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои главным вузом в области исследований по фразеологии”.

Отечественная фразеология уже прошла через стадию первичного накопления языковых фактов и их предварительной классификации. Сегодня она находится в фазе системного осмысления объекта исследования, в фазе более тонкого и глубокого анализа тех языковых феноменов, которые были выдвинуты на начальном этапе развития фразеологии (во многом на интуитивной основе) в качестве её основных категорий. В частности, одной из актуальных проблем современной науки является проблема семантической характеристики фразеологических единиц во всей полноте и разнообразии её аспектов.

На современном этапе развития фразеологии как науки утвердился плюралистический подход к определению фразеологической единицы. Дифференциальные признаки фразеологической единицы позволяют квалифицировать её как языковую единицу особого типа (в связи с её сверхсловностью), в которой, как в узле, переплетаются “нити”, идущие от лексико-семантического, морфологического и синтаксического уровней. Многоаспектность этого языкового феномена диктует необходимость при определении его лингвистического статуса исходить не из одного общего релевантного признака, свойственного фразеологизмам всех типов и отграничивающего их от нефразеологизмов, но учитывать совокупность признаков. При всём различии набора дифференциальных признаков фразеологической единицы, в том числе и их соотносительной значимости, выдвигаемого разными учёными, большинство из них признают, что релевантными признаками фразеологических единиц являются именно семантические признаки [34, с. 9 и след.].

Семантический аспект фразеологии связан с исследованием широкого круга проблем: способы образования фразеологизмов как структурных единиц со специфической (по сравнению с аналогичными по структуре переменными сочетаниями слов) семантикой; семантическая структура фразеологических единиц, в том числе типология их семантики; различные семантические оппозиции фразеологизмов как проявление системных связей во фразеологии и др. Семантические особенности фразеологизмов наиболее отчётливо проявляются в идиоматике – фразеологических сращениях и фразеологических единствах, составляющих ядро фразеологического состава русского языка [65, с. 3; 63, с. 27–31; 36, с. 194–217].

В данной работе основное внимание уделено следующим вопросам, связанным с исследованием семантики идиом: 1. источники и способы образования фразеологических единиц, 2. семантическая структура фразеологических единиц, 3. системные связи во фразеологии.

2. НЕКОТОРЫЕ АКТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Основным способом образования фразеологических единиц является, как известно, семантическое преобразование общего значения свободного сочетания слов, которое происходит на основе различных семантических процессов: разных типов переноса, расширения, абстрагирования, обобщения значения и др. (См. раздел 4.2.). Данные процессы могут происходить в разных вариантах, “плоскостях” общенародного языка.

В русле **разговорной речи** на базе переносного употребления бытовых наименований и оборотов сложился обширный пласт фразеологических единиц различной структуры: *выносить сор из избы, плыть против течения, вставлять палки в колёса, мокрая курица, шишка на ровном месте, как кошка с собакой (жить), под метёлку (брать, забирать), под боком (быть, жить), как угорелая кошка (бегать, метаться)* и др. Думается, это не только один из традиционных, но и по сей день активно действующих источников образования фразеологических единиц (фразеобразования – термин В.Л. Архангельского).

Важное место занимает также такой источник фразеобразования, как **устное народное творчество**. Фразеологические единицы *собака на сене, море по колено, руки в брюки, свет в окошке, журавль в небе, хата с краю, сучок в глазу* и др. обязаны своим происхождением малым фольклорным жанрам [11, с. 13; 47, с. 59; 68]. Традиционные изречения и афоризмы как источник образования фразеологических единиц активно используются и в настоящее время, о чём свидетельствуют многочисленные фразеологические окказионализмы, встречающиеся в языке современной периодической печати: *Карьера, деньги – вот из свет в окошке* [Сов. Культура, 14 апр. 1966]. *Но всё же хотя бы приблизительно нужно определить, сколько их – журавлей в небе и синиц в руках* [Изв., 2 марта 1966]. *Как ему живётся, как можется? Сладко живётся. Неплохо можется. Бестрепетно в его “хате с краю”* [Изв., 27 апр. 1966]. *Для этих кругов де Голль с его независимой внешней политикой – сучок в глазу* [ЛГ, 17 дек. 1966].

Активным и постоянным “поставщиком” фразеологического материала является на разных этапах развития языка **художественная литература**. Различные по структуре авторские инновации большей или меньшей степени оригинальности, попадая в благоприятные коммуникативные условия, могут приобрести обобщённо-образное и квалифицирующее значение и стать элементами фразеологической системы. Природа таких единиц неоднородна. Это и дословные фрагменты текста литературного произведения, например, *с корабля на бал* (А.С. Грибоедов), *дырка от бублика, езда в неизвестное* (В.В. Маяковский), *блюдечко с голубой каёмочкой* (И. Ильф, Е. Петров), и более отдалённые литературные реминисценции: *окно в Европу, у разбитого корыта* (А.С. Пушкин).

Особое место здесь занимают устойчивые обороты, восходящие к заглавиям литературных произведений: *последний из могикан* (Ф. Купер), *рыцарь на час* (Н.А. Некрасов), *мещанин во дворянстве* (Ж.-Б. Мольер),

принцесса на горошине (Г.Х. Андерсен), *слуга двух господ* (К. Гольдони) и др. Приобретение такими выражениями статуса фразеологических единиц обусловлено не только актуальностью явлений и событий, лежащих в основе идейно-тематического содержания произведений, но и потенциальными возможностями их обобщённо-оценочного употребления.

Сам перечень процессов и способов образования фразеологических единиц и их соотносительная значимость заметно меняются на разных этапах развития языковой системы. Думается, на более ранних этапах развития языка фразеологизмы активно формировались на основе семантического преобразования свободных словосочетаний, связанных с наименованием обиходно-бытовых реалий, а также вычленились из фольклорных текстов. Выдвижение художественной литературы как активного источника фразеобразования произошло, можно полагать, лишь к 18–19 вв.

С начала 20-го в. на первый план выдвигается новый источник образования фразеологизмов – **терминология** различных сфер знаний и производства. Фразеологизация терминологических словосочетаний происходит на основе их образно-переносного употребления вне типичных для таких единиц систем. В результате включения в новые контекстуальные условия они приобретают в той или иной степени выраженную эмоционально-экспрессивную и стилистическую коннотацию и начинают активно употребляться в газетно-публицистическом и разговорно-просторечном стилях. Примеры: *Бег на месте – так характеризует парижская печать брюссельские переговоры* [Изв., 3 мая 1966]. *Нашей команде предстояло решить сложную задачу – уравнение со многими неизвестными* [ЛГ, 14 июня 1966]. *...Дом Майоровых за полтора года уже воспринимался здесь как “вещь в себе”, отвлечённо...* [Изв., 2 сент. 1966]. *Испытание на прочность* – название статьи на морально-этической тему [Изв., 2 июля 1966].

Термины-словосочетания могут выполнять разные функции: употребляться в качестве прямых номинаций специальных денотатов, с одной стороны, и как образные фразеологические единицы, с другой. Только с утратой всякой связи с реалиями такие обороты покидают свои терминосистемы и приобретают статус собственно фразеологических единиц. Так, термин *табель о рангах*, в исходном значении ‘расписание чинов, введённое Петром I’, в современном русском языке употребляется только в метафорическом значении ‘общественная субординация по материальному состоянию или служебному положению’: *Даже в церкви существовали места для “высших” и “низших”. Табель о рангах соблюдался и в божьем доме* [Изв., 31 мая 1966]. *По табелю о рангах человек может быть и рядовым, а по опыту, мастерству и впрямь генералом* [Изв., 3 сент. 1966].

Аналогичный путь семантической и стилистической трансформации претерпела и фразеологическая единица *через час (день) по чайной ложке* со значением ‘очень медленно и помалу’. Генетически представляя собой рецептурную формулу, в современном языке она окончательно потеряла связь с медицинской терминосистемой и стала достояние разговорной речи: *И что*

обидно: дело-то, пусть через день по чайной ложке, но уже сделано [Изв., 2 сент. 1966].

На современном этапе развития и пополнения фразеологического состава языка терминология как источник фразеологии выдвинулась на одно из ведущих мест и обнаруживает ярко выраженную тенденцию к ещё большей активизации данного процесса. Это связано, в частности, и с некоторыми экстралингвистическими факторами. Бурное развитие науки и техники в последние годы привело к интенсивному распространению знаний в широких кругах населения и как следствие – к использованию в речи терминов различных сфер науки, техники, производства и искусства. Разросшийся корпус терминологической лексики оказывает сильное влияние на общеупотребительную лексику и фразеологию: наиболее актуальные тематические группы слов и словосочетаний (например, спортивная и космическая терминология и номенклатура) стали использоваться в речи не только в прямом, но и в переносном значениях, вне своих терминосистем [40, с. 53, 151 и след.].

Интересные данные о путях и способах образования фразеологических единиц на современном этапе можно почерпнуть из словаря-справочника “Новые слова и значения” (далее – НСЗ) [46]. Словарь составлен по материалам прессы и художественной литературы 60-х годов и отражает изменения в словарном составе русского языка, происшедшие за два последних десятилетия. Из новообразований, включённых в словарь-справочник, нас будут интересовать “новые несвободные сочетания, в которых переосмыслено одно из слов” (*бархатный путь* – ‘бесстыковой путь’) и “новые неразложимые сочетания слов, например, *взять на вооружение* – ‘воспользоваться чем-либо’” [46, с. 16]. В самом словаре нет чёткого разграничения данных языковых явлений, и подаются они разными способами: то после знака □, то жирным шрифтом, то в разрядку. Ср., например, оформление словарных статей таких единиц, как *второе дыхание*, *несовместимость тканей*, *жать на всю железку*, *информационный язык*, *голубой экран* и др.

Эту массу новообразований представляется целесообразным разделить по характеру денотата на две группы: 1. терминологические словосочетания и специальная номенклатура и 2. собственно фразеологические единицы.

1. Наличие в словаре-справочнике большого количества терминов, в том числе и сверхсловного характера, безусловно, отражает объективное состояние словарного состава русского литературного языка на современном этапе его развития. Включение в словарь такой лексики, однако, должно быть ограничено определёнными рамками: словарь отражает лишь ту часть новой терминологии различных отраслей, которая имеет активное употребление в широкой прессе и в художественной литературе и, следовательно, в той или мере доступна массовому читателю.

В связи с задачами данного исследования нас интересуют только сверхсловные терминологические единицы и номенклатура (их обнаружено около 100). Они представляют собой преимущественно именные словосочетания типа

“прилагательное + существительное”, характерные вообще для аналитической словообразовательной типологии современного русского языка. Устойчивость их обусловлена, как правило, фразеологически связанным значением (узкой сочетаемостью) одного из компонентов: *адренилиновая машина, безоткатное орудие, безъядерная зона, бесшажный ход, глобальная ракета, глобальная эпидемия, ксеноновая лампа, рибонуклеиновая кислота* и др. Незначительно количество терминов, построенных по модели “существительное + существительное в родительном падеже” (*бригада комтруда, стреловидность крыла, ступень ракеты, несовместимость тканей*), что позволяет говорить о низкой степени продуктивности данной модели по сравнению с описанной выше.

Данная группа терминологических и номенклатурных словосочетаний представляет собой важнейший потенциальный источник формирования фразеологических единиц: ассоциативный ореол таких единиц в целом и их компонентов обуславливают их употребление в речи в переносном значении и превращение в собственно фразеологические единицы.

К рассмотренной группе примыкают номинативные сочетания перифразического характера: *голубое топливо, голубая река ‘газ’, белое золото ‘хлопок’, чёрное золото ‘нефть’* и др. На начальных этапах функционирования такие единицы обладают ярко выраженной образностью и употребляются в качестве экспрессивных синонимов по отношению к своим словным эквивалентам. Вследствие исключительной частотности их употребления в газетно-публицистическом стиле образ, лежащий в основе их значения, стирается, и они превращаются в безобразные газетные штампы. Это не исключается, однако, дальнейшего развития их семантики. Так, оборот *голубой экран*, первоначально употреблявшийся в конкретном синекдохическом значении ‘телевизор’, позже приобрел абстрактное, тоже синекдохическое, значение ‘телевидение’. Ср.: *Предполагается, что к 1970 году голубой экран появится в каждой второй семье* [Неделя, 1967, 5]. *Денежный мешок сразу же оценил всепроникающую силу голубого экрана, меру его воздействия на человеческие ум и сердце* [Правда, 18 дек. 1964].

2. Незначительную группу устойчивых оборотов (около 40) образуют собственно фразеологические единицы. Основная часть их генетически связана с терминологией и профессионализмами различных сфер материальной и духовной культуры. Они, как правило, сохраняют двойственную – терминологическую и фразеологическую – коммуникативную природу. Так, к спортивной терминологии восходят фразеологизмы *взять старт* ‘начать что-либо удачно, успешно’, *второе дыхание* ‘новые силы, прилив энергии, бодрости у кого-либо после периода усталости, апатии, неудач’. Приобрели устойчивый фразеологический статус и некоторые термины, относящиеся к различным областям знания и производства: *цепная реакция* ‘распространение, передача от одного к другому, другим каких-либо чувств, настроений, состояния’; *принять (взять) на вооружение* ‘воспользоваться чем-либо, применить в своей деятельности, практике’; *выдать на горá* ‘произвести, выработать, добыть, представить’; *получить (постоянную) прописку* ‘получить постоянное место, войти в обиход’ и др.

Как свидетельствует НСЗ, активным источником пополнения состава фразеологии продолжают оставаться разговорно-просторечные варианты языка. На основе переносно-образного употребления обиходно-бытовых наименований и оборотов формируется большое количество разных по структуре и семантике фразеологизмов: *дать на лапу* ‘дать взятку, приплатить’; *брать в лапу* ‘брать взятки’; *вагон и маленькая тележка* ‘очень много’; *без дураков* ‘серьёзно, всерьёз’; *держат хвост пистолетом (морковкой)* ‘держаться уверенно, не унывать’; *тянуть резину* ‘медлить с чем-либо, затягивать какое-либо дело’ и др.

Возникновение таких фразеологических единиц происходит, как правило, в результате разного рода преобразований структуры и семантики свободных словосочетаний-прототипов: расширения или сужения их значений, разного типа контаминаций и др. Просторечные обороты *дать на лапу* и *брать в лапу*, например, сформировались на основе метонимического употребления свободных словосочетаний *дать в руку*, *брать в руку*. Слово *лапа* по своей отрицательной оценочной окраске оказалось более “созвучным” содержанию и оценке обозначаемого социального явления. В результате дальнейших структурно-семантических трансформаций данных фразеологизмов, на базе семантического сжатия, из их состава вычленился дериват *лапа* в значении ‘взятка’. Ср.: *Без лапы здесь не обойтись. Он что – просит лапу?*

На наших глазах изменилось значение фразеологизма *на ты*. В ФСРЯ он зафиксирован в значении ‘в таких отношениях, когда в обращении друг к другу говорят “ты”’. Однако НСЗ отмечает его употребление в более широком переносном значении – ‘хорошо разбираться в чём-либо, добиться успехов в чём-либо’ (перенос наименования с одушевлённого существа на неодушевлённый предмет), что можно интерпретировать как возникновение нового семантического варианта, т.е. – фразеологическую полисемию.

В заключение следует отметить, что процессы современного русского фразеобразования во многом изоморфны тем, что протекают на лексическом уровне. Здесь прежде всего обращает на себя внимание активное перемещение, перераспределение единиц, уже существующих в различных стилях и жанрах языка. Рассмотренные явления в области образования фразеологических единиц коррелируют с общими тенденциями развития русской лексики и отражают характерные особенности эволюции языка нашего времени.

Процессы образования и функционирования фразеологических единиц, как уже отмечалось, тесно связаны с разного рода трансформациями их структуры и семантики. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть отдельно проблему преобразования фразеологических единиц в речи.

3. ОБ ИЗМЕНЕНИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ

Функционирование фразеологических единиц связано с постоянно повторяющимися процессами их воспроизводства: как тип устойчивых

сочетаний слов они не создаются каждый раз, а лишь воспроизводятся в речи в типичных для них контекстах. Такое воспроизведение в идеале предполагает включение фразеологизмов в речь без изменения их структуры и семантики, а также характера обязательного контекстуального окружения. Однако функционирование фразеологических единиц – более сложный процесс: он не ограничивается лишь “чистым” воспроизведением, а сопровождается, как правило, различного рода преобразованиями их лексико-семантических и структурно-грамматических особенностей. Нередко такие окказиональные видоизменения фразеологизмов диктуются особыми стилистическими задачами коммуникации.

Можно выделить такие основные типы трансформации фразеологических единиц в речи: 1. изменение семантики фразеологизмов (без изменения их внешней формы), обусловленное изменением их дистрибутивных связей; 2. преобразование структурно-грамматической формы, что, в свою очередь, может сопровождаться изменением семантики и стилистической окраски фразеологизмов. Изменения обоих типов могут быть прослежены как в синхроническом, так и в диахроническом планах. Они происходят прежде всего в сфере разговорной речи, которая является тем магистральным руслем, в котором формируются и обновляются все единицы общенародного языка.

1. Фразеологическая единица обладает своим типовым окружением, в котором её значение актуализируется и разворачивается. Дистрибутивные связи фразеологизма обусловлены прежде всего его семантическим потенциалом. Однако коммуникативно-речевая сфера их часто разрушает, что может иметь следствием расширение его значения, образование новых производных значений на основе вторичной метафоризации, формирование фразеологической полисемии и – как случай предельной дифференциации значений – возникновение фразеологизмов-омонимов. Изменённое значение фразеологизма, в свою очередь, может способствовать преобразованию его окружения.

Разрушение привычных дистрибутивных связей фразеологизма может выражаться в изменении семантической характеристики слов индивидуального окружения. Так, оборот *слово в слово* реализует свое первичное значение с глаголами речи *сказать, повторить*. Ср., однако: *Понимаю, что экранизировать повесть “слово в слово” нельзя: у каждого искусства есть свой язык, свои законы* [Комс. правда, 11 июня 1967]. Здесь указанный оборот оказался вовлечённым в более широкий контекст вследствие его вторичной метафоризации, что выразилось в сочетании с глаголом иной семантической характеристики. Графически это может быть дополнительно выражено использованием кавычек.

Фразеологический оборот *на широкую ногу* употребляется в речи обычно с глаголом состояния *жить*: Ср.: *И жил себе на широкую ногу* [Изв., 1 марта 1968]. Но: *Строительство велось на широкую ногу: двухэтажные здания с газом, ваннами* [Изв., 20 дек. 1966]. *Ставятся они (совещания. – А.Э.) на широкую ногу – представители всех научных центров Российской республики, всех районов области, пленарные заседания, работа секций ...* [ЛГ, 4

сен. 1968]. Как видно из приведённых примеров, фразеологизм сочетается с глаголами действия.

Таким образом, нарушение типичной сочетаемости фразеологической единицы способствует расширению её значения, созданию необычного эмоционально-экспрессивного эффекта, на котором может держаться стилистическая окраска фрагмента текста.

Семантические преобразования могут затронуть также слова обязательного окружения фразеологизма. Так, устойчивый оборот *на одно лицо* обычно является атрибутивно-предикативной характеристикой субъекта, выраженного одушевлённым именем, что обусловлено характером основного значения оборота. В речи данный оборот может сочетаться и с неодушевлёнными именами, что способствует расширению его значения и придает тексту особую экспрессивную окраску. Ср.: *Для него все русские жанристы на одно лицо* [Изв., 21 февр. 1968]. Но: *Даже архитектурные ансамбли общественных зданий делаются на одно лицо* [Изв., 23 июня. 1968].

И наконец, отсутствие слов обязательного окружения фразеологизмов может кардинально изменить их значение. Так, фразеологизм *с иголки* имеет обязательное окружение *одеваться, быть одетым*. В ФСРЯ он зафиксирован в трех значениях: 1. совершенно новый, только что и очень хорошо сшитый (об одежде) 2. во всё новое, только что сшитое (о безусловно, по моде одетом человеке); 3. совсем, совершенно новый, только что сделанный, приготовленный. (см. [ФСРЯ, с. 178]). Однако в речи он обнаруживает возможности дальнейшего изменения значения в сторону обобщения и абстрагирования: *Режиссёр, желая сделать фильм модным “с иголки”, притормаживает действие до полной почти атрофии* [Комс. правда, 1 нояб. 1967]. Как видно из контекста, фразеологизм *с иголки* приобрёл здесь абстрактное значение ‘очень, в высшей степени’.

В речи наблюдаются и более сложные, комбинированные способы преобразования значения фразеологических единиц вследствие изменения их окружения. Фразеологизм *один на один* зафиксирован в ФСРЯ в двух значениях: 1) наедине, без свидетелей, без посторонних; 2) без союзников, помощников, единомышленников [62, с. 295]. Однако функционирование в коммуникативно-речевой сфере также обнаруживает его более широкие семантические потенции. Семантика оборота *один на один* в исходном значении предполагает наличие двух лиц, что находит своё выражение в лексико-семантической и грамматической сочетаемости оборота в целом: в постпозиции или реже в препозиции он требует имени существительного со значением лица в форме творительного падежа единственного числа с предлогом *с*: *В такой обстановке, один на один с бандитом, невозможно решить, сколько ударов нужно нанести для спасения своей жизни* [Изв., 11 янв. 1966]. *Ещё красивее богатырские поединки с могучим зверем один на один* [ЛГ, 1 февр. 1968].

Изменение характера семантического окружения (замена имени существительного со значением лица на существительное с предметным значением)

также способствует расширению фразеологического значения данного устойчивого оборота. *Трудно потому, что он – один на один с машиной* [Изв., 11 июня 1967]. Ср. также: *Его оклеветали, и он оказался один на один со своим горем* [Изв., 2 июня 1968]. *Один на один с совестью* – название статьи [ЛГ, 19 февр. 1967]. *Один на один с товаром остаётся торговля* [Изв., 9 нояб. 1966]. В этих случаях обязательное окружение фразеологизма представлено отвлечёнными существительными, что обусловило высокую степень абстрагирования его значения. В последнем же примере значение фразеологизма подверглось многоступенчатому изменению: субъект и объект со значением лица заменены на имена с абстрактными значениями, причём субъект (*торговля*) употреблен в метонимическом значении.

Таким образом, в процессе функционирования в речи фразеологические единицы могут расширять и обогащать своё значение на основе всё более широкого переносного употребления (двойной и даже тройной перенос). Таковы механизмы формирования фразеологической полисемии и соответственно – качественного обогащения фразеологического состава языка.

2. Изменение лексико-грамматического облика фразеологических единиц осуществляется на основе привлечения разного рода языковых средств: лексическая субституция, эллипсирование, контаминация и др. (См. [1; 51; 69].)

1) Лексическая субституция – замена одного из значимых компонентов фразеологизма, обусловленная потребностями коммуникативной ситуации. В диахроническом плане такая замена вызвана экстралингвистическими факторами – изменением денотатов. Ср.: *на всех парусах – на всех парах, от доски до доски – от корки до корки* и др. В синхроническом плане может иметь место замещение одного словного компонента другим словом, обладающим той же семантической характеристикой: *калиф на час – ударник на час, лидер на час, кумир на час* и т.п. Как правило, взаимозаменяемые компоненты входят в одно семантическое поле, в данном случае – поле деятеля.

2) Разновидностью предыдущего способа трансформации фразеологической единицы является замещение всех её знаменательных компонентов при сохранении её структурно-грамматической модели, включая служебные слова: *генерал от инфантерии – делец от науки, чиновник от искусства, чиновник от педагогики, хамелеон от идеологии, хунвейбин от литературы* и др. Одинаковая структурно-семантическая модель данных окказиональных образований обеспечивает тождественность их коннотации, в данном случае – отрицательной [30].

3) Расширение границ фразеологической единицы – добавление к одному из компонентов фразеологизма слова, синтаксически с ним связанного (См. [64; 21].): *... Умирает старый промышленный магнат, разбойник с большой дороги большого бизнеса* [Изв., 3 февр. 1966]. *Наша специальность кажется какой-то лишней, мало нужной, пятым колесом в телеге современной науки* [41, с. 11].

В некоторых случаях расширение границ фразеологической единицы связано с разрушением контактного порядка следования её словных

компонентов. Дистантное расположение компонентов, однако, не влечёт за собой разрушения образного значения фразеологизма: *Ниже снабженца нету начальства, собака он на чужом сене* [ЛГ, 23 авг. 1967]. *И в самом деле: план – пятое колесо в банно-прачечной телеге* [Изв., 19 апр. 1967].

4). Буквализация – использование устойчивого оборота в буквальном значении словосочетания-прототипа. Особый эмоционально-экспрессивный эффект создаётся и поддерживается здесь одновременным восприятием обоих семантических планов – прямого и переносного: *И, кроме того, в самолётах, как известно, обслуживание “на высоте”* [Изв., 30 сент. 1966]. *Без сучка без задоринки* – название статьи о механическом сучкорезе [Изв., 20 окт. 1966]. *Обед на самом высоком уровне* – текст под снимком, на котором запечатлён обед монтажников-высотников, строящих Останкинскую телебашню [Изв., 3 июля 1966]. *Во всю Ивановскую* – заглавие статьи об успехах текстильщиков Ивановской области: *Хоть и четверть века уже руководит он текстильщиками, а развернулся во всю ивановскую после того, как фабрика перешла на новую систему* [Изв., 5 сент. 1968].

Указанные способы изменения грамматической и семантической структуры фразеологических единиц: замещение (субституция) полнозначного компонента (*лидер на час*), образование окказиональных сочетаний по модели фразеологической единицы (*чиновник от педагогики*), расширение границ фразеологической единицы (*собака на чужом сене*), буквализация (*во всю ивановскую*) и др. – способствуют изменению семантики фразеологических единиц и обогащению фразеологического состава языка. Это проявляется, в частности, в своеобразной актуализации потенциальных синтаксических связей словных компонентов фразеологических единиц, в которых полнее раскрывается их значение, и в параллельном восприятии их двух семантических планов. В случае же отсутствия структурно-грамматических изменений такая семантическая двуплановость маркируется, как правило, специальными языковыми средствами – вводными оборотами *так сказать, как говорится* и др. Графически это может быть выражено использованием кавычек.

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Исследование семантики фразеологизмов предусматривает характеристику как их общего значения, так и значений составляющих их словных компонентов. Особый интерес в этой связи представляет анализ лексико-семантических особенностей стержневых центров фразеологизмов, способствующих формированию фразеологических серий и гнёзд и в какой-то мере предопределяющих семантическую структуру устойчивых оборотов. Чрезвычайно важным представляется также анализ структуры фразеологических единиц в логико-семантическом аспекте, что может способствовать выяснению специфики обозначения предметов и выражения понятий фразеологическими средствами языка.

4.1. СТЕРЖНЕВЫЕ СЛОВА В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Тематико-семантическая характеристика знаменательных компонентов в составе фразеологических единиц весьма неоднородна. Тем не менее обращает на себя внимание наличие значительного количества фразеологизмов, в составе которых имеются соматизмы – наименования частей тела человека и животных: *голова, сердце, рука, нога, глаза, лицо, плечо, нос, спина, лоб* и др., – являющиеся организующим центром фразеологических гнёзд. (Ср. [25] и [4].) Фразеологическое гнездо – это совокупность разноструктурных фразеологических единиц, в составе которых встречается одно и то же слово в разных парадигматических формах. В составе некоторых фразеологических гнёзд можно выделить семантические микрополя, обладающие тематическим и/или понятийным единством. В структурно-грамматическом отношении такие поля могут быть разнородными или однородными. В последнем случае их можно назвать фразеологическими сериями.

Лексема *голова*, например, входит в состав разных по структуре и лексико-грамматической (частеречной) характеристике фразеологизмов: *через голову, на голову, с повинной головой, со свежей головой, в первую голову* и др. Можно выделить микрополе единиц, характеризующих умственные способности человека (и как развитие этого значения – поведение, характер) с положительной или отрицательной стороны: *с головой, без головы, голова на плечах, каша в голове, с царём в голове, без царя в голове, ветер в голове, о двух головах* и др.

Лексема *сердце (душа)* также является структурным центром значительного по объёму фразеологического гнезда, в составе которого выделяются фразеологические серии и синонимические ряды со значением ‘душевные переживания и состояния’. Например, характеристика психических состояний человека передается фразеологической серией: *с лёгким сердцем (душой), с открытым сердцем (душой), с тяжёлым сердцем (душой), с упавшим сердцем, с чистым сердцем (душой)* и др. Оценка душевных побуждений выражена фразеологической серией, являющейся одновременно синонимическим рядом: *от всего сердца (души), от доброго сердца, от чистого сердца* и др.

Лексема *рука* входит в состав большого круга фразеологических единиц: *выпускать из рук, рука набита, не с руки, по рукам, держать в руках, правая рука, под рукой, на руку, с пустыми руками, с лёгкой руки, из рук в руки* и др. Фразеологическая серия *лёгко на руку, тяжёл на руку, скор на руку, нечист на руку* передает оценку (положительную или отрицательную) поведения человека. Характеристика душевного состояния человека, выраженного через его поступки и действия, дана в серии *под горячую (сердитую) руку, под пьяную руку, под весёлую руку* и др.

Лексема *нога* является структурно-грамматическим и тематическим центром фразеологической серии, характеризующей отношения между людьми: *на короткой (дружеской) ноге, на равной ноге, на родственной ноге*, – а также серии, характеризующей образ жизни: *на широкую ногу, на большую (барскую) ногу, на холостяцкую ногу* и др.

Отметим также несколько фразеологических гнёзд, организующими центрами которых выступают другие соматизмы. *Глаз: на глаза, за глаза, в глазах, на глазах, ни в одном глазу, для (ради) прекрасных глаз, с безумных глаз, с пьяных глаз, с закрытыми глазами, глаза в глаза, дурной глаз, глаза разбегаются, глаза разгорелись, мозолить глаза* и др. *Лицо: лицом к лицу, на одно лицо, к лицу, в лицо* и др. *Нос: с гулькин (воробьиный) нос, под носом, носом к носу, на носу, не по носу, тыкать носом* и др. *Бок: под боком, по боку, бок о бок* и др.

Наличие в составе большого количества фразеологизмов существительных, именующих части тела, можно объяснить, на наш взгляд, некоторыми экстралингвистическими факторами. Процессы познания человеком окружающей действительности начинаются с ощущений, осуществляемых органами чувств. Вместе с тем разнообразные действия и процессы, начиная с простейших, выполняются человеком при помощи различных органов, прежде всего – руки, как первичного и в то же время универсального органа труда. Кроме того, само человеческое тело является с младенческих лет наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающему человеку “удобнее” соотносить прежде всего с частями своего тела, которые издавна служили мерой (ориентиром) расстояния и положения в пространстве. Таковы старинные русские меры длины: *пядь* – мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами; *аршин* (перс. *ārš* – локоть). Ср. *фут* (англ. *foot* – нога, стопа), *миля* (англ. *mile* < лат. *milia passum* – тысяча шагов) и др.

Со сказанным выше связано также использование говорящим человеком жестов и мимики как невербальных знаков, сопутствующих чувственному восприятию действительности, и как реакции на окружающее. Негативная или позитивная оценка ума, соотнесённая с головой как “вместилищем” разума, в коммуникативно-речевой сфере может сопровождаться жестом на направлении к голове, чаще – ко лбу. Информация об ограниченных умственных способностях кого-либо может свестись только к соответствующему жесту – без слов. Сфера душевных переживаний во многих культурах мира связана с понятием сердца (*resp.* души). Выражение в речи богатой гаммы человеческих чувств: радости, восторга, мольбы, горя и пр. – часто сопровождается жестом одной или обеих рук по направлению к сердцу. Охарактеризованное выше языковое явление – т.н. соматическая фразеология – является, несомненно, языковой универсалией: такие фразеологизмы встречаются во всех языках мира, разных в генетическом и типологическом отношениях. См. [13; 42; 44].

Выше была сделана попытка лексико-семантического анализа одной группы стержневых слов (соматизмов) в составе фразеологических единиц разных структурных типов. Структурообразующую функцию могут выполнять и другие классы полнозначных слов. Далее проводятся наблюдения над лексико-семантическими свойствами квалифицирующих слов, функционирующих

в качестве определения в составе фразеологических единиц типа *на скорую руку*, с целью выявления характера взаимодействия лексических значений таких слов с общим значением фразеологизмов данного структурного типа. (Аналізу были подвергнуты 267 фразеологизмов указанного типа, при этом в 150 случаях определение выражено именами прилагательными, в 66 – местоимениями, в 51 – именами числительными.)

Определение является обязательным компонентом структуры значительного числа фразеологизмов указанного типа. Оно выполняет наиболее ответственную роль в формировании общего фразеологического значения и семантически маркирует ряды фразеологических единиц. По мере развития таких парадигматических рядов семантика определяемого слова редуцируется до роли показателя темы, которая конкретизируется, уточняется именно определением.

Чаще всего определение в составе фразеологизмов выражено качественными прилагательными, что вполне закономерно, если иметь в виду квалифицирующую функцию таких фразеологических единиц, очень редко – относительными и притяжательными, а также страдательными причастиями, перешедшими в разряд имен прилагательных. При этом относительные и притяжательные прилагательные и причастия в новом фразеологическом контексте теряют значения предметной отнесённости и, выступая в потенциально свойственном им производно-переносном значении, вносят в содержание фразеологической единицы значение качественной оценки: *в пожарном порядке, на мёртвой точке, на птичьих правах, с распростёртыми объятьями, с открытым сердцем, в растрёпанных чувствах* и др.

Прилагательные в составе рассматриваемых фразеологизмов неоднородны в лексико-семантическом отношении, однако их объединяет известная общность семантических потенциалов, обусловленная качественным, квалифицирующим характером их значения. Вместе с тем присущая им полисемия позволяет в каждом конкретном случае выдвинуть какую-то одну микросемантическую “долю” (сему) и соотнести с именной лексемой в составе фразеологизма. Так, употребление определённого круга прилагательных в составе фразеологизмов, обозначающих признак действия, а также состояния предмета, обусловлено, несомненно, потенциальным диапазоном их значений. Многозначное прилагательное *полный*, например, чаще всего актуализируется в таких значениях – ‘достигающий предела, наивысший’, ‘цельный, вполне законченный, исчерпывающий’: *на полном ходу, на полную катушку, на полном серьёзе, в полном рассудке, в полном порядке* и др. Слово *последний* во фразеологических оборотах *в последнем градусе, до последнего дыхания, до последней нитки, до последней копейки, из последних сил* реализует лишь один из своих семантических вариантов – ‘конечный в ряду чего-нибудь’.

В составе фразеологизмов рассматриваемого типа (предлог + определение + определяемое имя) встречаются и местоимения, чаще – определительные: *весь* (30 единиц), *самый* (7), притяжательное местоимение *свой* (9) и др. Наибольшая частотность местоимения *весь* неслучайна: она обусловлена

характером его семантики. Местоимение *весь* в различных парадигматических формах способно обозначать полноту охвата явления или предельную интенсивность протекания действия или процесса: *на всех парах, на все лады, на всю катушку, во весь дух, во весь рост, во весь голос, во всю силу* и др.

Лексема *один*, как известно, обладает и количественным, и местоимённо-определятельным значениями. В ряду оборотов *на одну колодку, на одно лицо, в один голос, в одном ключе, из одного теста, в одну масть* она актуализирует местоимённое значение ‘тот же самый, тождественный’. В других случаях – собственно количественное значение: *в один миг, за один присест, на один зуб, под одной крышей, в одни руки* и др.

Порядковое числительное *первый* используется, как правило, в широком значении, способствующим формированию фразеологических единиц, в значении которых выражена высокая степень интенсивности или меры протекания действия: *с первого взгляда, на первом взводе, с первых слов, с первых шагов* и др. Аналогична семантика числительных *два, второй, три, третий*: *в двух (трёх) словах, в двух (трёх) шагах, до третьих петухов* и др. Однако большая конкретность и определённости семантики этих числительных (по сравнению с лексемами *один, первый*) определяют не только их ограниченную частотность в составе фразеологизмов, но и ограниченность семантического диапазона (объёма выражаемого понятия) самих фразеологических единиц, образованных при их участии. В таком содержании семантические различия их нейтрализуются, что позволяет варьировать или сопоставлять данные числительные в составе фразеологизмов (см. приведённые выше примеры).

Некоторые числительные (*три, семь, десять* и др.), как известно, с глубокой древности являются носителями магических и мистических представлений, которые скрыты в значении фразеологических единиц *на седьмом небе, за семью замками, до седьмого пота, сорок сороков* и др. “Расшифровка” внутренней формы (мотивирующего признака общего значения) таких оборотов требует специальных этимологических разысканий [56].

Таким образом, имена числительные в составе фразеологических единиц, как правило, утрачивают конкретно-числовое и порядковое значение и способствуют формированию оценочно-квалифицирующей семантики или значения количественной градации.

Проведённый анализ показал, что слова, выполняющие функции определений в составе фразеологизмов, независимо от их частеречной отнесённости, утрачивают своё категориальное значение, претерпевают семантический сдвиг большей или меньшей степени и способствуют формированию целостного качественно-оценочного значения. При этом основную роль в формировании фразеологического значения играют стержневые слова, которые могут совпадать или не совпадать с синтаксически опорными словами. Степень частотности таких слов в составе фразеологизмов зависит от их семантических потенций. Следовательно, количественные характеристики здесь являются показателем их определённого качественного статуса и

позволяют в первом приближении наметить членение фразеологического континуума на семантические поля.

В отличие от семантически стержневого компонента определяемые лексемы часто семантически нейтрализуются и становятся показателями, знаками определённых тем, развёртывание которых осуществляется квалифицирующими определениями, которым принадлежит ведущая роль в формировании таких семантических компонентов, как ‘высокая степень признака’, ‘тождественность’, ‘интенсивность’ и т.п.

4.2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДИМАТИЧНОСТИ

В теории фразеологии последних лет намечается тенденция к пересмотру основных понятий фразеологии, которые долгое время принимались за аксиомы: фразеологическая устойчивость, идиоматичность, соотносительность фразеологической единицы со словом и др. Такой пересмотр подготовлен результатами многочисленных исследований в области фразеологической теории и обусловлен потребностями её дальнейшего развития. Сегодняшние достижения фразеологии позволяют оглянуться назад с тем, чтобы на более основательном научном фундаменте определить лингвистический статус тех языковых явлений, которые в своё были выдвинуты (во много на интуитивной основе) в качестве категориальных параметров фразеологической единицы. Таким параметром является, в частности, понятие фразеологической идиоматичности, часто выдвигаемое в качестве категориального признака фразеологической единицы.

Понятие идиоматичности, которым оперируют почти все фразеологи, трактуется ими далеко не однозначно. Известно, что акад. В.В. Виноградов понимал идиоматичность как семантическую цельность выражения [17, с. 21–28]. Современные авторы трактуют идиоматичность как меру семантической неделимости, проявляющейся в том, что в составе сочетания некоторые элементы характеризуются “специфическими переводами” [43], как ограничение сочетаемости семем [32], как немотивированность значения фразеологизма [66] и др. Чаще же идиоматичность понимается в самом общем виде как невыводимость общего значения фразеологической единицы из суммы значений её словных компонентов.

Фразеологическая идиоматичность в первом приближении понимается нами как семантический сдвиг бóльшей или меньшей степени, как семантическое обновление общего значения сочетания слов, которое происходит на основе различных семантических процессов в пределах сочетающихся слов. Здесь имеются в виду различные типы переноса, расширение, абстрагирование значения и др. Обычно говорят, что фразеологизмы обладают переносным – метафорическим – значением. Действительно, фразеологическое значение очень часто складывается на основе метафоризации значения свободного словосочетания. Выдвигаемое же в данной работе понятие семантической основы фразеологической идиоматичности включает в себя разные типы переносов, в том числе и

метафорического, которые представляют собой результат сложного развития, сталкивания и переплетения различных ассоциаций.

Как известно, метафорический перенос имеет разные основания: сходство формы, функций, сложных впечатлений, порождаемых воздействием предметов на говорящих, и др. Например, перенос по сходству формы лёг в основу значения следующих фразеологических единиц: *с гулькин (воробьиный) нос*, *с коломенскую версту* и др. Основная масса фразеологических единиц образована, как показывает наш материал, на основе переноса по сходству общего впечатления, порождаемого воздействием предмета на говорящего (иначе – по сходству структуры оценки): *брать за горло*, *брать на буксир*, *плыть по течению*, *плыть против течения*, *выносить сор из избы*, *есть глазами кого*, *мокрая курица*, *играть первую скрипку*, *заходить в тупик*, *путеводная звезда*, *под занавес* и др. Гиперболическая метафора или литота (преувеличение или преуменьшения степени проявления признака) лежит в основе фразеологического значения таких единиц, как *до конца ногтей*, *до мозга костей*, *до последней нитки*, *в три ручья*, *по уши*, *по горло*, *с головы до ног*, *под (самым) боком*, *на носу* и др. Специфической особенностью семантики таких единиц является трансформация элемента сравнения, который имплицитно присутствует в их значении, в элемент усиления, интенсивности признака.

Реже, по нашим наблюдениям, встречаются фразеологизмы, семантической основой идиоматичности которых является разновидность метонимии – синекдоха, т. е. перенос, возникший на основе связи между целым и его частью: *хлеб насущный*, *на хлебах (жить)*, *на чай (давать)*, *с носа*, *на глазах*, *с головой*, *без головы*, *забубённая голова*, *золотые руки*, *с глаза на глаз*, *синий чулок* и др. Выявление тех тонких ассоциаций по смежности, которые лежат в основе значения таких фразеологических единиц, возможно только при реконструкции их внутренней формы. Например, оборот *хлеб насущный* со значением ‘необходимые средства для жизни, для существования’ имеет внутреннюю форму: хлеб как существенная часть и символ питания в целом.

Семантическое обновление общего значения сочетания слов, приводящее к становлению фразеологической единицы, может базироваться на совокупности, переплетении различных типов переноса: *без ума (влюбиться)* – метафора по сходству впечатления, порождаемого воздействием предмета на говорящего, и вместе с тем гиперболизация признака; *дырявая голова* – синекдоха и перенос по сходству структуры оценки; *в мгновение ока* – гипербола и метафора по сходству впечатления и др. Как следует из приведённых примеров, расширение значения сочетания слов обычно связано с синекдой, а абстрагирование – с различными видами метафорического переноса.

Высшая степень семантической абстракции свойственна фразеологическим единицам, значения которых подверглись вторичному переносу. Как правило, это метафорический перенос, основанный на сходстве структуры оценки. Ср. значения многозначных фразеологических единиц: *по пути*: 1) попутно,

мимоходом (зайти, заглянуть), 2) в одном и том же направлении (идти, ехать), 3) заодно, вместе (о единстве взглядов, убеждений, устремлений); *плечом к плечу*: 1) в непосредственной близости, один возле другого (идти, ехать, сидеть), 2) вместе (жить, работать, бороться); *плоть от плоти*: 1) родной ребёнок (о кровном родстве), 2) порождение, детище кого-либо или чего-либо (об идейном родстве); *вешаться на шею*: 1) приставать с ласками, нежностями, 2) навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви (о женщине по отношению к мужчине) и др. Вторичная метафоризация значения фразеологических единиц обычно сопровождается различного рода трансформациями их типичных дистрибутивных связей.

Процессы расширения и абстрагирования значений фразеологических единиц способствуют формированию во фразеологическом составе языка понятийных полей – со значением ‘очень’, ‘высокая степень проявления признака или действия’, элементами которых могут выступать следующие фразеологические единицы: *во всю ивановскую, во все лопатки, во всю мочь, во всю прыть, во весь дух, во все глаза, на всю катушку, из последних сил, до последней нитки, до мозга костей, до кончиков пальцев, до чёртиков* и др.

Следует иметь в виду и иные основания фразеологической идиоматичности. В частности, обращает на себя внимание группа фразеологизмов, обладающих высокой степенью идиоматичности и яркой эмоционально-экспрессивной окраской: *без задних ног, без году неделя, сапоги всмятку, от жилетки рукава, курам на смех, во все глаза, во все лопатки* и др. Данные единицы образуются в результате намеренного, сознательного нарушения говорящим семантической сочетаемости слов с целью создания комического или иронического эффекта. Такой алогизм также можно рассматривать как основу фразеологической идиоматичности определённой группы фразеологизмов.

Некоторые из отмеченных выше основ фразеологической идиоматичности, по всей вероятности, являются семантическими универсалиями. Несомненно, выдвинутое предположение нуждается в скрупулёзном анализе аналогичного языкового материала языков, разных в генетическом и типологическом отношениях.

4.3. СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследование логических аспектов языка, привлекавшее внимание ещё античных философов, особенно активизировалось в последнее время и, повидимому, будет одним из важнейших направлений в развитии лингвистики в ближайшее десятилетие. (См. [14; 61].)

Триада предмет – понятие – значение является, как известно, кардинальной и до сих пор однозначно не решённой проблемой языковой семантики. Исследование содержания языковых единиц в познавательном аспекте прежде всего связано с вопросом о том, насколько оно обусловлена объективной действительностью. Исследователи подчёркивают, что между значением как языковой категорией и понятием как категорией логической нельзя

ставить знака равенства, однако общим является их отражательный характер [55, с. 107 и след.].

В данном разделе делается попытка анализа ономаσιологического аспекта семантики фразеологических единиц, т.е. выяснения специфики обозначения предметов (предмет понимается в широком смысле – как объект познания) и выражения понятий фразеологическими средствами языка. Решение этой проблемы тесно связано с вопросом о характере лингвистической функции фразеологических единиц. Одни учёные считают, что фразеологизмы не обладают функцией номинации (а только эмотивной функцией), другие же утверждают, что фразеологизмы, наряду с эмоционально-экспрессивной функцией, которая является для них ведущей, могут выполнять и номинативную функцию. Крайним проявлением первой точки зрения является мнение о том, что фразеологизмы представляют собой избыточный элемент языковой системы, ненужную роскошь, без которой язык вполне может обойтись [45; 60].

Логико-семантическая характеристика фразеологических единиц распадается на два аспекта: 1) взаимодействие понятий, выражаемых словами в составе свободного словосочетания (как генетической основы фразеологизма), и 2) взаимодействие понятий, выражаемых свободным словосочетанием и порождённым на его основе фразеологизмом. По нашему глубокому убеждению, семантические феномены, имеющие место на разных языковых уровнях, не могут быть достаточно объективно и адекватно интерпретированы без обращения к тем глубинным ментальным процессам, отражением которых они являются.

В качестве исходных принимаются следующие установки: 1) Понятие как форма логического мышления одинаково отражает в сознании человека как признаки предметов, существенные с точки зрения определённого этапа развития науки, так и минимальные признаки, достаточные для практического однозначного различения соответствующих предметов. (См. [31, с. 169].) 2) Значение есть тот минимум признаков понятия, который закрепляется за языковым знаком и обуславливает его общественную значимость [55, с. 107 и след.]. 3) Семантическая структура слова – это совокупность иерархически организованных сем, соотносящихся с признаками понятия. 4) Семы могут отражать некоторые отличительные признаки денотатов.

Фразеологические единицы рассматриваются в работе в качестве единиц системы языка, вне их конкретной реализации в речи, т.к. в речи, как известно, семантика языковой единицы, вступая во взаимодействие с содержанием всего высказывания, может изменяться согласно закономерностям комбинаторной семантики [19, с. 90 и след.].

Как соотносятся содержательные структуры свободного словосочетания и его компонентов-слов? В научной литературе имеет хождение несколько упрощённое понимание семантики свободного словосочетания как суммы значений его компонентов. Однако последние исследования в области семасиологии показывают несостоятельность подобного мнения. Семантическая сочетаемость слов сопровождается разного рода изменениями

их семантической структуры: возникновением новых сем, их погашением, наложением и др. Несомненно, такие семантические процессы есть отражение глубинных ментальных процессов взаимодействия понятий. Существует мнение, что каждое слово в составе словосочетания выражает понятие, а словосочетание в целом выражает отношение понятий, сложное понятие, которое “в таком же смысле выступает единым (но не одним) понятием, в каком словосочетание функционирует как единая группа...” [31, с. 201]. Однако такое сложное понятие есть не сумма, а взаимодействие понятий, выражаемых словами в составе словосочетания. (В логике отмечается пять основных отношений между понятиями: равнозначность, внеположность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение [24, с. 54 и след.]). Какие-то отличительные свойства предметов могут при этом не обозначаться словосочетанием в целом.

Содержание основной массы фразеологических единиц восходит к наглядно-чувственному сопоставлению характеризуемых предметов с уже познанными предметами объективной действительности и их отношениями. Корни семантики фразеологических единиц следует искать в познавательных процессах: в условиях непосредственного, спонтанного речевого общения возникает необходимость оперативно и с минимальной затратой речевых усилий назвать какой-либо предмет и одновременно выразить своё отношение к ней. Именно в этих условиях человек обращается к хорошо познанным предметам и явлениям объективного мира и через их образы-представления называет и характеризует новое, непознанное. Этим объясняется, на наш взгляд, такая языковая универсалия, как значительный пласт т.н. лексических соматизмов и соматических фразеологизмов в языках разного типа и происхождения: человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдений человека в плане онтогенеза и в связи с этим – своеобразным ориентиром в окружающем пространстве. (См. 4.1.) Именно этот наглядно-чувственный элемент сравнения, сопоставления может лечь в основу переносного значения сочетания слов и трансформироваться в особую эмоционально-экспрессивную окраску всего оборота: разглашать ссоры, дразни, происходящие между близкими людьми, – это как будто *выносить сор из избы*, дома; здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица человек – как будто под кожей у него переливаются *кровь с молоком* и т.п. Такие удачные описательные выражения, обозначающие субъективный образ предметов и явлений, диалектически трансформируясь в понятие, могут приобрести статус узуальных единиц и стать фактом языковой структуры.

По отношению к семантике значительного числа фразеологизмов можно говорить о диалектической взаимосвязи чувственного и абстрактного: в основе значения фразеологической единицы лежит наглядно-чувственное представление, которое в той или иной мере может актуализироваться в её содержании. В тех же случаях, когда внутренняя форма фразеологизма полностью стирается, забывается носителями языка (т.н. фразеологические сращения), можно говорить об отсутствии в содержании фразеологизма наглядно-чувственного образа.

Общее значение фразеологических единиц формируется, как известно, на основе различных типов переноса значений свободного словосочетания. (См. 4.2.) И если на “входе” этого процесса мы имеем единое понятие, то на “выходе” – тоже единое понятие, но более высокой степени абстракции и обобщения. По-видимому, здесь имеет место сужение содержания понятия при расширении его объёма [29, с. 345–346]. Первое (сужение содержания понятия) проявляется в том, что единое сложное понятие, выражаемое фразеологизмом в целом, “вмещает” в себя только самые общие отличительные признаки предметов или явлений объективной действительности, недостаточные уже для практической дифференциации данных предметов, однако вполне достаточные ещё для их объединения в какие-то наиболее обобщённые классы (категории). Именно последнее и позволяет слушающему (читающему) не только правильно интерпретировать значение фразеологической единицы (*делать из мухи слона* – ‘придавать чему-то незначительному большое значение’), но и преобразовывать, трансформировать её до того предела, пока в содержании слов-компонентов ещё осознаются эти наиболее общие отличительные признаки предметов. Ср.: *По существу это был слон из мухи* [Комс. правда, 13 июня 1967]. “Давление” семантики фразеологических единиц в целом при осмыслении таких новых деривационных значений их компонентов следует признать вторичным по отношению к значениям данных слов в их свободном употреблении.

Согласно закону обратного отношения между объёмом и содержанием понятия, сужение содержания понятия, выражаемого фразеологической единицей, приводит к расширению его (понятия) объёма, что проявляется в практической соотнесённости фразеологизма с более широким классом предметов. Например: *плыть по течению* ‘поступать так, как вынуждают обстоятельства’ (применительно ко всем сферам человеческой деятельности); *белая ворона* ‘человек, резко выделяющийся чем-то’ (независимо от его социального статуса и профессиональной деятельности); *под занавес* ‘к самому концу, в самом конце чего-либо’ (применительно к разным видам действий, совершаемых человеком) и др.

По существу при образовании фразеологических единиц на основе переносного употребления свободных словосочетаний мы имеем тот же логико-семантический процесс, что при переносном употреблении отдельных слов. На логическом уровне данное языковое явление может быть интерпретировано как абстракция отождествления, т.е. процесс отвлечения от несходных, различающихся свойств предметов (в данном случае – родовых и многих видовых) и одновременного выделения свойств тождественных. В результате такого отвлечения (которое лежит в основе процесса обобщения) образуется новое, более общее, понятие [24, с. 313–314]. Образованное таким путём понятие находится с предыдущим в отношениях взаимосвязи и взаимодействия. Думается, здесь имеет место перекрещивание (пересечение) понятий, что на семантическом уровне выражается в изменении семантической структуры языковой единицы: чаще всего устраняется или

заменяется архисема, дифференциальные семы могут изменить свой статус, одновременно могут актуализироваться потенциальные семы. Например, своеобразии фразеологизмов типа *с открытым сердцем* (по сравнению с семантикой аналогичного свободного словосочетания) заключается в том, что определение является семантически стержневым словом и маркирует общее значение фразеологизма, а определяемое слово десемантизируется в такой степени, что становится только показателем определённой темы, в данном случае – темы эмоционального состояния. (См. 4.1.)

Членение объективной действительности, связанное с образованием понятий и номинацией предметов, сложный ментально-языковой процесс. Если в системе языка такое членение представляется относительно стабильным, то в речи происходит постоянное перераспределение покрытых номинацией участков действительности. Это особенно отчётливо проявляется на уровне свободных словосочетаний, которые, выражая сложное понятие, взаимодействие понятий, “покрывают” бóльший по сравнению с отдельным словом участок действительности. Учитывая, что часть словосочетаний, пройдя процесс фразеологизации, становится элементом языковой системы, следует считать, что фразеологизмы могут “покрывать” не только “свободные” участки действительности, не обозначенные словами и свободными словосочетаниями, но и уже “занятые”. Следовательно, фразеологические единицы принимают участие не только в первичном (наряду со словами), но и во вторичном (а возможно, и более – в случае фразеологической полисемии) членении континуума внеязыковой действительности. В свете сказанного особый интерес представляет устное свидетельство проф. А.В. Кунина (выступление в прениях на симпозиуме “Фразеологизм и слово” 26 марта 1971 г. в г. Самарканде) о том, что только около 3% английских фразеологизмов имеют словные эквиваленты. Следовательно, основная масса фразеологизмов покрывает необозначенные участки действительности. См. также: [37, с. 8 и след.].

Представляется необходимым в связи со сказанным выше поставить вопрос о специфике фразеологической номинации: фразеологизмы покрывают обычно сферы, непосредственно соотнесённые с человеком, с его восприятием, видением действительности на более высокой ступени обобщения и абстрагирования.

Сказанное о характере номинативной функции фразеологических единиц отнюдь не снимает вопроса об их экспрессивно-оценочном назначении. Однако образная основа многих фразеологических единиц в результате частотности их употребления в речи стирается в той или иной степени: *на скорую руку, лёгок на помине, идти в ногу, войти в колею* и др. Основная же масса фразеологизмов, несомненно, выполняет, наряду с номинативной, и эмоционально-экспрессивно-оценочную функцию, обусловленную тем наглядно-чувственным образом, который лёг в основу понятийного содержания фразеологической единицы и определил её коннотацию.

5. СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеологический состав современного русского языка, представляя собой в определённой степени автономную часть лексической системы, в своей структуре во многом воспроизводит те системные отношения, которые существуют между лексическими единицами. Важное место в системе парадигматических отношений между элементами структуры занимают, как известно, семантические оппозиции, в частности – синонимические, антонимические и омонимические.

Понятие системности во фразеологии пока ещё сравнительно редко привлекается при анализе её категорий, что связано с наличием разных мнений относительно того, можно ли считать фразеологию самостоятельным уровнем языковой системы. (См. материалы всесоюзной научной конференции “Уровни языка и их взаимодействие”, которая прошла в Москве в апреле 1967 г.) Разногласия по этому поводу обусловлены тем, что фразеология долгое время считалась частью лексикологии и как самостоятельная лингвистическая дисциплина сформировалась только за последние два десятилетия. Значительный вклад в разработку вопроса о системных связях во фразеологии внесли В.Л. Архангельский [9], Ю. Ю. Авалиани [2; 3], И.И. Чернышёва [63] и др.

В данной работе принято определение фразеологической системы, данное В.Л. Архангельским: “Под фразеологической системой русского языка понимается не только набор ФЕ, образующих в синхронном аспекте фразеологический состав языка, но и наличие закономерностей образования ФЕ, отношения между ФЕ как единицами системы и отношения ФЕ к единицам других уровней” [9, с. 261].

5.1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ

Наиболее ярким проявлением системности во фразеологическом составе языка можно считать формирование последовательных синонимических рядов. Исследованию проблем фразеологической синонимии посвящено немало работ, однако и здесь вплоть до последнего времени обнаруживаются разногласия среди учёных по вопросам соотношения понятий “фразеологическая синонимия”, “фразеологические синонимические дублеты”, “фразеологические варианты”. В лексикографических разработках, в частности, в словарях различного типа, фразеологизмы-синонимы, как правило, включаются в состав лексических синонимических рядов, т.к. они обладают в основном теми же дифференциальными признаками, что и лексические синонимы. Наряду с этим существует мнение, что “лексическая и фразеологическая синонимия, как близкие, но не совпадающие явления, должны быть самостоятельными объектами лингвистического анализа” [5].

Под фразеологическими синонимами в данной работе понимаются фразеологические единицы, выражающие одно и то же понятие, близкие по значению, но имеющие разную образную основу (внутреннюю форму), отличающиеся смысловыми и / или стилистическими оттенками, а также обладающие разной эмоционально-экспрессивной окраской.

Фразеологические синонимические ряды, в отличие от лексических, состоят из небольшого количества единиц. Часто такой синонимический ряд представлен лишь двумя одноструктурными фразеологизмами, построенными по принципу аналогии. Например: синонимичная пара *под сердитую руку* – *под горячую руку* различаются по степени интенсивности признака, лежащего в основе их значения. Обладая одинаковой грамматической структурой, со стороны лексического наполнения они отличаются только определениями, выраженными прилагательными *сердитая, горячая*. Первая единица является более нейтральной в эмоционально-экспрессивном отношении в силу своей прямой соотнесённости через определение с денотатом. Вторая же обладает добавочным (по сравнению с первой) эмотивно-оценочным колоритом: лексема *горячая*, употреблённая здесь в переносном значении ‘полный чувств, возбуждения’, добавляет во фразеологическое значение сему ‘высокая степень интенсивности признака’ и вместе со вторым знаменательным компонентом (*рука*) создает негативно окрашенный образ. Дополнительным дифференциальным признаком фразеологизма *под сердитую руку* следует считать его редкую употребительность на современном этапе. Таким образом, члены данной синонимической пары могут быть квалифицированы как идеографические (понятийные) и стилистические синонимы.

Фразеологизмы *туг на ухо* и *туговат на ухо* имеют общую образную и понятийную основу, в связи с чем второй мог бы быть квалифицирован в качестве варианта первого. Однако в действительности это идеографические синонимы, отличающиеся друг от друга градацией обозначаемого признака: *туг на ухо* ‘плохо слышит’, *туговат на ухо* ‘немного глуховат’.

Показателен ряд одноструктурных синонимов с общим значением ‘соответствие или несоответствие (в зависимости от наличия отрицательной частицы *не* в составе таких фразеологизмов) чьим-то взглядам, убеждениям, симпатиям’: (*не*) *по душе*, (*не*) *по вкусу*, (*не*) *по нраву*, (*не*) *по нутру*. При общности грамматической структуры перечисленные единицы отличаются знаменательными компонентами, которые сами по себе, вне данного их сцепления, не являются синонимами. Однако в составе устойчивого оборота они подчиняются его семантической структуре и втягиваются в новые семантические связи. Значительную роль в таких оборотах играет также предлог *по*, который не только выполняет структурообразующую функцию, но и сохраняет свое значение ‘соответствия или сообразности’. Члены данного синонимического ряда имеют разную образную структуру (внутреннюю форму), что обусловлено различием семантики их знаменательных компонентов: *душа* – *вкус* – *нрав* – *нутро*. Они отличаются также сферами функционирования и эмоционально-экспрессивной окраской.

Наиболее нейтральным в стилистическом и эмоционально-экспрессивном отношениях является фразеологизм (*не*) *по душе*, как единица, не обладающая закреплённой функционально-стилистической характеристикой. Несколько сниженной стилистической окраской обладают фразеологизмы (*не*) *по вкусу*, (*не*) *по нраву*, которые функционируют преимущественно в разговорном стиле. Грубо-просторечную стилистическую окраску имеет фразеологизм

(не) по нутру именно в связи с просторечным статусом лексемы *нутро* в прямом значении ‘внутренности’, что обусловило наличие отрицательной эмоционально-оценочной характеристики фразеологизма в целом.

Фразеологический синонимический ряд может быть представлен и разноструктурными единицами. При этом членами его могут быть многозначные фразеологизмы, которые, расщепляясь в своих значениях, могут входить в разные синонимические ряды. Так, приведённые ниже структурно разнородные устойчивые обороты, обладающие общей понятийной и образной основой, формируют синонимический ряд со значением комитативности (соучастия, совместности): *бок о бок, плечом к плечу, рука об руку, рука в руку* и др. Данные фразеологизмы имеют по два значения, причём в синонимические отношения вступают их вторые, производно-фразеологические, значения – ‘вместе, как единомышленники (действовать, работать, жить, бороться и т.п.)’.

Исходя из общепринятого положения о том, что основой синонимии является общность выражаемого языковыми единицами понятия, можно утверждать, что фразеологические единицы, которые отличаются характером окружения (синтагматическими связями), но выражают одно и то же понятие, также следует квалифицировать в качестве синонимов. Здесь уместно вспомнить высказывание Л.В. Щербы: “Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносённых друг с другом” [67, с. 121].

Рассмотрим два синонимических ряда фразеологизмов: 1) положительно характеризующих умственные способности человека: *с головой, голова на плечах, с царём в голове* и 2) отрицательно оценивающих интеллект человека: *без головы, без царя в голове, каша в голове, солома в голове*. Внутренняя форма данных единиц связана с метонимическим значением лексемы *голова* как “вместилища” разума, при этом они обладают разными валентностными потенциалами. В таких случаях как синонимические следует рассматривать конфигурацию в целом (фразеологизм вместе с его обязательным окружением, в котором происходит “развёртывание” его значения): ***кто-либо с головой, кто-либо с царём в голове, у кого-либо голова на плечах, у кого-либо каша в голове*** и др. Из сказанного выше следует, что презентация фразеологизмов в словарях любого типа обязательно должна включать в себя такого рода грамматические пометы.

Проведённый выше анализ фразеологических синонимических рядов позволяет говорить о специфике фразеологической синонимии по сравнению с синонимией лексической: особая роль внутренней формы фразеологизмов, их типовое строение, соотносённость их семантической и грамматической структур, характер их включения в контекст и др.

5.2. ОБ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЯХ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Антонимические отношения в сфере фразеологии разных языков стали предметом изучения только в последнее время [8; 49; 53]. Традиционное понимание антонимии как семантических отношений между языковыми

единицами с противоположными, но соотносительными значениями на современном этапе развития науки о языке нуждается в пересмотре и уточнении. Значение слова, как известно, представляет собой сложный ментальный феномен. В качестве рабочего определения можно опираться на следующее: лексическое значение представлено денотацией, сигнификацией и коннотацией. Можно полагать, что содержательная структура фразеологической единицы состоит из тех же компонентов, однако соотношение их несколько иное, чем в значении слова: в связи с образным характером общего фразеологического значения коннотация является его обязательным компонентом и даже, возможно, превалирует над сигнификацией. См. [7; 63].

Антонимические отношения между лексическими и фразеологическими единицами должны базироваться на противоположении одного или нескольких из названных компонентов, прежде всего – сигнификата. Коннотация тоже может служить основой т.н. контекстуальной антонимии: *Речи как снег, а дела как сажка. У неё не глаза, а очи.*

Фразеологическая антонимия, несомненно, явление более сложное, чем лексическая. Это связано с тем, что фразеологизм, как устойчивый словесный комплекс, обладающий особым типом значения, представляет собой единицу более высокого уровня. Во фразеологическом значении в той или иной мере могут быть отражены значения словных компонентов. В связи с этим фразеологическая антонимия наиболее рельефно обнаруживается там, где она опирается на лексические (как знаменательные, так и служебные) единицы в составе фразеологизма.

Объектом исследования в данной работе являются фразеологические антонимы, извлечённые из ФСРЯ. В структурно-грамматическом отношении они представлены двумя группами – 1) одноструктурными и 2) разноструктурными антонимами. Первая группа, в свою очередь, может быть разделена на подгруппы – а) абсолютные и б) собственно одноструктурные антонимы. Характер семантических противопоставлений таких единиц во многом обусловлен их структурными особенностями.

1а). В качестве абсолютных антонимов могут быть квалифицированы фразеологические единицы, выступающие в негативной (с отрицательной частицей *не*) и позитивной (без частицы *не*) формах: *не по душе – по душе, не по плечу – по плечу, не по карману – по карману; не в курсе – в курсе, не в своей тарелке – в своей тарелке; не ко двору – ко двору; не для красного словца – для красного словца* и др. Основным показателем антонимичности в таких парах выступает отрицательная частица *не*, которая входит в состав фразеологизма в качестве его обязательного структурного компонента. Бóльшей частотностью в речи обладает отрицательный коррелят, что отражено и в ФСРЯ: в заголовке словарной статьи даётся отрицательная форма, а положительная отражена там же в качестве деривата.

Антонимические отношения данных фразеологизмов создаются на основе противопоставления их денотативно-сигнификативных значений, коннотации же обоих членов оппозиции практически совпадают: *не по нутру – по нутру* имеют одинаковую отрицательную эмоционально-экспрессивную и грубо-

просторечную окраску; *не по зубам* – по зубам, *не по карману* – по карману характеризуются шутливо-иронической эмоциональной окраской и являются единицами разговорного стиля; *не в курсе* – в курсе обладают нейтральной эмотивной и стилистической характеристиками и т.п. Тождественная коннотация таких фразеологизмов обусловлена их одинаковым лексическим составом и грамматическим строем и в определённой мере предопределена коннотацией знаменательных компонентов в их составе.

1б). Вторую подгруппу одноструктурных антонимов составляют такие фразеологические единицы, которые включают в свой состав в одной и той же позиции противоположные по значению слова, знаменательные или служебные: *с открытыми глазами* – с закрытыми глазами, *с полными руками* – с пустыми руками, *с лёгким сердцем* – с тяжёлым сердцем, *лёгко на подъём* – тяжёл на подъём, *жить своим умом* – жить чужим умом, *надевать маску* – сбрасывать маску, *поворачиваться лицом* – поворачиваться спиной, *птица высокого полёта* – птица низкого полёта, *сильные мира сего* – слабые мира сего, *язык хорошо подвешен* – язык плохо подвешен и др.

Противоположность значений тех слов, которые обуславливают антонимичность фразеологизмов в целом, ощущается менее отчётливо, если эти слова многозначны. В таких случаях антонимия фразеологизмов опирается на противопоставление не только прямых, но и производных значений данных слов. Например, антонимия фразеологизмов *из одного теста* – *из другого теста* опирается на антонимию слов *один* – *другой*, которые употреблены здесь в своих номинативно-производных значениях: *один* ‘тот же самый, тождественный’, *другой* ‘не такой, иной’; слова *заваривать* и *расхлёбывать* в составе фразеологизмов *заваривать кашу* – *расхлёбывать кашу* противопоставлены своими переносным и прямым значениями соответственно и др.

Менее прозрачна мотивированность фразеологической антонимии и в тех случаях, когда фразеологизмы отличаются друг от друга только служебными словами. Это, как правило, многозначные первообразные предлоги, обладающие более абстрактным по сравнению со знаменательными словами значениями. Ср.: *со щитом* – на щите, *с головой* – без головы, *с царём в голове* – без царя в голове, *в глаза* – за глаза, *гладить по шерсти* – гладить против шерсти, *идти в гору* – идти под гору, *с оглядкой* – без оглядки, *сваливаться на плечи* – сваливаться с плеч и др.

Очень редко встречаются фразеологизмы-антонимы, опирающиеся на антонимию одновременно и знаменательных, и служебных слов в их составе: *появляться на горизонте* – *исчезать с горизонта*, *входить в колею* – *выбиваться из колеи*, *наставлять на путь* – *сбивать с пути* и др.

Коннотации одноструктурных антонимичных фразеологизмов, как правило, совпадают: фразеологизмы *гладить по шерсти* – *гладить против шерсти*, *птица высокого полёта* – *птица низкого полёта* обладают иронической эмоциональной окраской и употребляются в разговорном стиле речи; *надевать маску* – *сбрасывать маску* имеют оттенок неодобрительности и функционируют преимущественно в газетно-публицистическом стиле и др. Коннотация фразеологизмов, как было сказано выше, в определённой

степени обусловлена коннотацией знаменательных слов в их составе. Например, в рассмотренной паре *заваривать кашу – расхлёбывать кашу* коннотация сформирована коннотацией глаголов: *заваривать* – перен., прост. ‘начать делать что-либо хлопотливое, неприятное’ и *расхлёбывать* – прост., ‘выяснять, разбираться в чём-нибудь, с трудом распутав что-нибудь сложное, неприятное’.

В рассмотренных выше двух подгруппах фразеологических единиц антонимия во многом опирается на противоположность значения их лексических компонентов. Однако в связи с особым характером фразеологического значения, представляющего не сумму, а специфический синтез значений таких компонентов, антонимические противопоставления в сфере фразеологии строятся не так “прозрачно”, как в лексике. Наличие в составе двух одноструктурных фразеологизмов противоположных по значению слов (в том числе и специальных средств выражения негативности) не всегда способствуют формированию фразеологической антонимии. Ср.: *с умом* ‘разумно, основываясь на здравом смысле (делать что-либо)’ и *без ума* ‘1) в восторге, в восхищении; 2) очень сильно (любить, влюбляться)’.

2. Разноструктурные фразеологические антонимы – это фразеологические единицы, обладающие противоположным соотносительным значением, но отличающиеся друг от друга лексическим составом, грамматической структурой и внутренней формой: *до чёрта – с гулькин (воробыньи) нос, душа в душу – как кошка с собакой, душа нараспашку – себе на уме, как по маслу – с грехом пополам, за милую душу – скрепя сердце, повесить голову – воспрянуть духом, семи пядей во лбу – олух царя небесного, рукой подать – за тридевять земель* и др.

Специфика антонимии таких фразеологизмов состоит в противоположности их сигнификативно-денотативных значений, коннотации же их часто не совпадают. Ср.: *душа в душу* (одобр., разг.) – *как кошка с собакой* (неодобр., прост.); *каланча пожарная* (шутл., разг.) – *от горшка два вершка* (презр., прост.) и др.

Анализ рассмотренных групп фразеологических антонимов позволяет сделать некоторые выводы:

1. Антонимические отношения фразеологических единиц базируются на противопоставлении прежде всего их сигнификативно-денотативных значений. Различные коннотации разноструктурных антонимов (их эмоционально-экспрессивные и стилистические созначения) вносят некоторую неуверенность при определении системного статуса таких единиц и служит основанием для выделения их в отдельную группу фразеологических антонимов.

2. Рассмотрение круга вопросов, связанных с явлением фразеологической антонимии, может способствовать выявлению изоморфных отношений в лексике и фразеологии на более глубокой основе: имеется в виду разного типа соотношения общего фразеологического значения с лексическими значениями словных компонентов фразеологизма – их десигнатом и коннотацией.

5.3. К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ

Среди учёных-фразеологов до сих пор нет единогласия по вопросу о соотношении разного типа свободных синтаксических структур и порождённых на их основе фразеологических единиц в аспекте омонимии. Так, А.И. Молотков не считает омонимами свободные словосочетания и возникшие на их основе фразеологические единицы [62, с. 9 и след.]. Однако ещё Ш. Балли называл такие структуры “омонимическими выражениями”, квалифицируя их в качестве семантических омонимов.

Если исходить из определения лексических омонимов как слов, одинаковых по своему звучанию и написанию, но разных по значению, то применительно к фразеологии порождающие и порождённые структуры следует рассматривать как омонимичные: при тождестве формы они имеют разные планы значений – прямое и переносное. При этом здесь имеет место омонимия, возникшая как результат семантического развития свободного сочетания слов. Такую омонимию следует назвать **разноуровневой**: порождающие и порождённые на их основе единицы относятся соответственно к синтаксическому и лексико-фразеологическому уровням.

Переход свободных сочетаний слов в устойчивые и тем самым возникновение между ними омонимических отношений происходит на основе структурно-семантических процессов, описанных Б.А. Лариным: “Исходным являются свободные обороты речи, полные по составу, нормальные по грамматическому строю, прямые по значению. Семантическое обновление наступает обычно в силу всё более вольного переносного употребления от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. Новое метафорическое значение имеет тенденцию к слитности, к некоторому упрощению ...” [38, с. 218].

Если оставить в стороне т.н. фразеологические сращения, как тип устойчивых сочетаний (количественно крайне ограниченный), подвергшихся значительным семантическим и грамматическим деформациям в силу полного забвения носителями языка их первоначальной внутренней формы, то семантическая структура основной массы фразеологических оборотов довольно прозрачна и потенциально выводима из семантических связей компонентов. Однако следует всегда иметь в виду, что фразеологическая единица по сравнению со свободным сочетанием слов обладает качественно иным типом значения.

Доказательством омонимичности производящих и производных единиц следует считать также постоянное взаимодействие, “сталкивание” их в процессе функционирования. Они могут взаимно усиливать и дополнять друг друга в семантическом и особенно в экспрессивном планах. Это находит своё выражение в частых случаях восстановления исходного значения словосочетания-прототипа. Такое параллельное “сосуществование”, а следовательно, восприятие обоих семантических планов встречается в особых контекстуальных условиях, а также в случае различных окказиональных преобразований фразеологизмов в речи. (См. раздел 3 настоящего пособия)

Эти трансформации способствуют реставрации и обновлению потухшей или стёршейся образности фразеологических единиц. В предложении “*И кроме того, в самолётах обслуживание, как известно, на высоте* [Изв., 30 сент. 1966] сквозь фразеологическое значение оборота *на высоте* “проступает” его прямое значение, также связанное со значением контекста. *Машине-сучкорезу “по зубам” великаны с комлями диаметром 6 метров, она легко отгрызает сучья двадцатисантиметровой толщины* [Изв., 20 окт. 1966] В этом предложении оборот *по зубам* использован в прямом значении (вместо – *по зубьям*), однако его фразеологическое значение также отчётливо воспринимается, как вполне уместное в данном контексте. Использование кавычек показывает, что он употреблён в данном контексте в ином семантическом плане. Ср. также: *Мастера парикмахерской № 13 решили полностью отказаться от чаевых. Теперь здесь обслуживают дёшево и сердито* [ЛГ, 8 апр. 1970].

Внутриуровневая омонимия во фразеологии, т.е. омонимические отношения между собственно фразеологическими единицами, – явление довольно редкое. (М.И. Сидоренко считает, что число собственно фразеологических омонимов не превышает 100 [52].). Фразеологические омонимы, как и лексические, могут возникать в результате случайного совпадения лексического состава и грамматической формы фразеологизмов. В таких случаях имеют место разные и независимые переосмысления одного и того же свободного словосочетания, отдалённые друг от друга не только хронологические, но и ареально. При этом различие образной структуры таких фразеологизмов-омонимов обусловлено различием того мотивирующего признака, который лёг в основу образа. Ср.: *пустить петуха* ‘взять неверную ноту, сфальшивить при пении’ (мотивирующий признак – звук) и *пустить петуха* ‘поджечь’ (мотивирующий признак – цвет); *зелёная улица* ‘свободный путь’ (цвет светофора) и *зелёная улица* ‘наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России’ (цвет прутьев из лозняка) и др.

Представляется ошибочной характеристика фразеологизма *за спиной*, который в ФСРЯ [62, с. 448] подан как четырёхзначный: 1) тайно, скрытно от кого-либо; 2) под защитой, под опекой кого-либо; 3) в прошлом; 4) позади, за собой. Думается, здесь два двузначных фразеологизма-омонима соответственно со значениями 1, 2 и 3, 4, потому что у них разная внутренняя форма: в первом случае это характеристика человека, спрятавшегося за **чужую** спину, во втором – оставившего что-то за **своей** спиной. Ср.: *Что я, больной или негодящий, чтобы жить за спиной родителей?* (Г. Николаева. Жатва). – ... *За моей спиной уже 50 лет стояло* (А. Чехов. Тайный советник).

Неверным представляется также характеристика фразеологизма *в голос*, который в ФСРЯ [62, с. 115] подан как полисемант с тремя значениями: 1) так громко, что всем слышно (кричать, плакать); 2) устар. Все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать); 3) единодушно, единогласно (утверждать, повторять). В действительности здесь два редуцированных фразеологизма-омонима, возникших на разной образной основе и восходящих к разным производящим: первый – к фразеологизму *во весь голос*, второй (с

двумя значениями) – к фразеологизму *в один голос*. Совпадение их лексико-грамматической формы – явление случайное.

Можно допустить, что фразеологическая омонимия, как и лексическая, может сформироваться в результате распада фразеологической полисемии, однако мы не располагаем соответствующими примерами. Это связано, по-видимому, с тем, что в большинстве случаев трудно установить, завершился ли процесс распада полисемии, приводящий к образованию фразеологизмов-омонимов.

Таким образом, явление омонимии применительно к анализу фразеологических единиц следует рассматривать в двух планах: как разноуровневую (соотношение порождающих свободных синтаксических структур и порождённых на их основе фразеологических единиц) и внутриуровневую (омонимические отношения между самими фразеологическими единицами). Специфика данного явления во фразеологии, по-видимому, связана со сверхсловной формой фразеологических единиц и синтетическим характером их значения.

5.4. О СПЕЦИФИКЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеология современного русского языка образует частную языковую систему. Между фразеологизмами, как и между единицами других уровней языка, наблюдаются системные отношения двоякого рода – синтагматические и парадигматические. Взаимодействие этой двойной системы отношений, выявляющееся в процессе речи, определяет лингвистический статус каждой языковой единицы и, следовательно, может характеризовать систему языка в целом.

Синтагматические отношения – это отношения линейности, смежности, в которые в процессе функционирования вступают единицы одного уровня языка. Как известно, Ф. де Соссюр считал, что лексически неразложимые соединения (фразеологические единицы) должны рассматриваться в рамках синтагматики, так как их словные компоненты находятся между собой в определённых отношениях. С другой стороны, фразеологизмы, как и отдельные слова, вступают в речевом потоке в разнообразные отношения с другими словами и фразеологизмами, образуя языковую единицу более высокого ранга (предложение-высказывание). Следовательно, синтагматические отношения в сфере фразеологии следует рассматривать в двух аспектах: 1) в плане отношений между компонентами фразеологической единицы (внутренние синтагматические отношения) и 2) в плане отношений между фразеологизмом в целом и окружающими его элементами контекста (внешние, собственно синтагматические отношения).

Внутренние синтагматические отношения проявляются прежде всего в моделях их построения. Тип построения фразеологизма обуславливает в какой-то мере его общее (типовое) значение, его семантическую структуру. В частности, фразеологизмы, построенные по модели предлог + прилагательное + имя существительное (*на скорую руку*), как уже говорилось выше, обладают специфической семантической структурой: прилагательное выполняет

собственно квалифицирующую функцию, уточняя существительное, служащее указателем темы.

Внешние синтагматические отношения фразеологизма находятся в тесной связи с его внутренними синтагматическими отношениями; их взаимодействие определяет его лексико-грамматический статус (соотнесённость с той или иной частью речи), в том числе синтаксическую функцию в высказывании-предложении и особенности его включения в контекст. Ср. в этом плане фразеологизмы *бок о бок*, *место под солнцем*, *карты в руки (кому)*, *по душе (кому)*, *под занавес*, *на огонёк (прийти, собраться)* и др. Специфика структуры фразеологической единицы (её свехсловность) предопределила её особое положение на сетке синтагматики и парадигматики: внутренние синтагматические отношения обуславливают её внешние синтагматические связи, взаимодействие которых, в свою очередь, определяет её парадигматические отношения.

Парадигматические (ассоциативные) отношения основаны на сходстве и различии структуры и семантики языковой единицы. В сфере фразеологии такие отношения проявляются в различного типа оппозициях. По общности одного из компонентов фразеологизмы объединяются во фразеологические гнёзда большего или меньшего объёма, которые могут характеризоваться тематическим или семантическим единством. Детерминаторами темы, своеобразными организующими центрами таких гнёзд выступают слова разных лексико-грамматических и семантических разрядов, в частности – наименования частей, органов человеческого тела: *голова*, *рука*, *нога*, *сердце*, *глаз*, *плечо*, *нос* и др. (См. 4.1.). Этот же признак может лечь в основу формирования понятийных микрополей со значением ‘очень, высшая степень’ (элементами такого микрополя выступают фразеологизмы с компонентами *полный*, *последний*, *весь*: *в полном параде*, *в полном соку*, *по последнему слову*, *во все лопатки*, *на всю катушку* и др.), ‘тождественный’ (фразеологизмы с компонентом *один* в функции качественного прилагательного: *на одно лицо*, *одним миром мазаны*) и др.

В рамках системного анализа фразеологии можно выделить группу единиц, построенных на основе редупликации именных компонентов: *плечо к плечу*, *бок о бок*, *день ото дня*, *год за годом* и др. Сходство в структуре может сопровождаться сходством или близостью их значения и характера включения в контекст: перечисленные фразеологизмы относятся к наречным единицам и сочетаются в речи с глаголами действия или состояния. К парадигматическим отношениям во фразеологии относятся также синонимия, антонимия, полисемия, омонимия, которые в отличие от тех же явлений в сфере лексики проявляются специфически. (См. раздел 5.)

Вычленившиеся в результате системного анализа фразеологии группы и ряды единиц (фразеологические гнёзда, понятийные и тематические микрополя, синонимические, антонимические и омонимические ряды и др.) в синхронном состоянии языка предстают как сосуществующие, часто накладывающиеся друг на друга и пересекающиеся микросистемы,

образующие единую фразеологическую подсистему. Однако синхронное состояние языка не есть неподвижная система “застывших” в своих связях и отношениях единиц, а представляет собой постоянное движение и развитие этих отношений в процессе речи. Так, функционирование фразеологических единиц не ограничивается только “чистым” воспроизведением их в речи, а сопровождается разного рода преобразованиями их структуры и семантики. (См. раздел 3.)

В современном русском языке активно протекают процессы разрушения привычных дистрибутивных связей фразеологических единиц, что может сопровождаться изменением их лексико-грамматического статуса, развитием полисемии, вплоть до становления фразеологической омонимии. Синхронное состояние языка есть результат предшествующих этапов его развития. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения фразеологии в диахронии. Генеральный путь формирования фразеологических единиц – семантическое обновление в речи свободных сочетаний слов, которое наступает в результате тесного взаимодействия лексических и грамматических форм и значений. Фразеологические новообразования могут возникать и на основе внутриуровневых процессов: явления аналогии, семантической конденсации, разного рода трансформаций структуры и семантики фразеологизмов и др. (См. [70 – 72].)

Проведённый анализ фразеологии в семантическом аспекте позволяет характеризовать её как частную языковую систему, подсистему, которая занимает особое положение в структуре языка – на пересечении лексического, морфологического и синтаксического уровней – и отражает некоторые характерные явления и процессы, происходящие в русском языке на современном этапе её развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамец И.В.* Семантические основы некоторых приёмов преобразования фразеологических единиц (на материале русских сатирических журналов 80-х годов XIX века): Автореф... канд. филол. наук. – Самарканд, 1969.
2. *Авалиани Ю.Ю.* К взаимодействию лексики и фразеологии // Уровни языка и их взаимодействие. – Москва, 1967.
3. *Авалиани Ю.Ю.* К понятию системы во фразеологии // Вопросы языкознания. – Самарканд, 1967.
4. *Авалиани Ю.Ю.* Понятие структурообразовательной типологии фразеологических единиц // Актуальные вопросы фразеологии. – Самарканд, 1968.
5. *Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И.* Проблемы фразеологической синонимии в современном языкознании (обзор литературы) // Труды Сам.ГУ. – Новая серия. – Вып. 132. – Самарканд, 1963.
6. *Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И.* Синонимические отношения слов и фразеологических сочетаний // Лексическая синонимия. – Москва, 1967.
7. *Авалиани Ю.Ю., Эмирова А.М.* Некоторые вопросы современной фразеологии // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Вып. 2. – Тула, 1972.
8. *Алёхина А.И.* Фразеологическая антонимия и структурные типы фразеологических антонимов в современном английском языке // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.
9. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке (Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии). – Ростов-на-Дону, 1964.

10. *Архангельский В.Л.* Омонимические соответствия фраз и свободных предложений // Вопросы истории и теории русского языка. – Вып. 3. – Тула, 1970.
11. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, её развитие и источники. – Москва: Наука, 1970.
12. *Бондаренко В.Т.* О соотношении фразеологических единиц и частей речи в современном русском языке (К постановке вопроса) // Вопросы истории и теории русского языка. – Вып. 4. – Калуга, 1971.
13. *Вакк Ф.* О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореф...канд. филол. наук – Таллин, 1964.
14. *Вейнрайх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. – Вып. V. – Москва, 1970.
15. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. – Ленинград, 1946.
16. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А.М. Шахматов. – Москва, 1947.
17. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Москва – Ленинград: Учпедгиз, 1947.
18. *Виноградов В.В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. – Москва, 1969.
19. *Гак В.Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. – Москва, 1971.
20. *Гвоздарёв Ю.А.* Фразеологические гнёзда в современном русском языке // Вопросы лексики и фразеологии русского языка. – Ростов-на-Дону, 1968.
21. *Геннер Ю.Р.* Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменений // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – Москва – Ленинград, 1964.
22. *Глухов В.М.* О внутрифразеологической омонимии в современном русском языке // Вопросы истории и теории русского языка. – Вып. 4. – Калуга, 1971.
23. *Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образования понятий. – Москва, 1961.
24. *Горский Д.П.* Логика. – Москва, 1963.
25. *Жуков В.П.* О смысловом центре фразеологизмов // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – Москва, 1964.
26. *Жуков В.П.* Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет // ВЯ. – Москва, 1967. – № 5.
27. *Жуков В.П.* Фразеологизм и слово: Автореф... докт. филол. наук. – Ленинград, 1967.
28. *Истомина В.Н.* О фразеологической омонимии // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов-на-Дону, 1968.
29. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. – Москва, 1971.
30. *Земская Е.А.* Об одной новой модели фразеологического сочетания // Вопросы культуры речи. – Вып. 4. – Москва, 1963.
31. *Колшанский Г.В.* Семантика слова в логическом аспекте // Язык и мышление. – Москва, 1967.
32. *Копыленко М.М.* Заметки по общей фразеологии // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц / Материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – С. 14–21.
33. *Копыленко М.М.* Труды фразеологов Самарканда // Вопросы фразеологии. IV. Труды Сам.ГУ им. А. Навои. – Новая серия. – Вып. 217. – Самарканд, 1971.
34. *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1972.
35. *Кунин А.В.* Изучение фразеологии в советском языкознании // Иностранные языки в школе. – Москва, 1967. – № 5.
36. *Кунин А.В.* Английская фразеология. – Москва: Высшая школа, 1970.
37. *Кунин А.В.* За дальнейшее укрепление позиций фразеологии как

лингвистической дисциплины // Вопросы фразеологии. V. – Часть I. Труды Сам.ГУ. – Новая серия. – Вып. 219. – Самарканд, 1972.

38. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии // Учёные записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. – Вып. 24. – Ленинград, 1956.

39. *Лекант П.А.* К вопросу о минимальной единице фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.

40. Лексика современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. – Москва, 1968.

41. *Леонтьев А.А.* Языкознание и психология. – Москва: Наука, 1968.

42. *Мамулия Э.В.* Идиоматические выражения в турецком языке (в сопоставлении с грузинским): Автореф...канд. филол. наук. – Тбилиси, 1971

43. *Мельчук И.А.* О терминах “устойчивость” и “идиоматичность” // ВЯ. – Москва, 1960. – № 4.

44. *Мордкович Э.М.* Соматические фразеологизмы белорусского языка, не имеющие эквивалентов в русском языке // Вопросы русской филологии. – Самарканд, 1971.

45. *Никитин В.М.* Проблема классификации фразеологизмов и их относительная устойчивость и варьирование // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц / Материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – С. 68–76.

46. НСЗ – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – Москва: Советская энциклопедия, 1971.

47. *Ожегов С.И.* О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. – Вып. 2. – Москва, 1957.

48. *Попов Р.Н.* О характере внутривидовых отношений между компонентами фразеологических единиц // Исследования по русскому и славянскому языкознанию, III. – Самарканд, 1971.

49. *Пюрбеев Г.Ц., Бертагаев Т.А.* Антонимия слов и антонимия фразеологизмов в современном монгольском языке // Вопросы фразеологии, III. – Самарканд, 1970.

50. *Ройзензон Л.И., Абрамец И.В.* Совмещённая омонимия в сфере фразеологии // ВЯ. – Москва, 1969. – № 2.

51. *Ройзензон Л.И., Абрамец И.В.* О фразеологической контаминации в русском языке // Русский язык в школе. – Москва, 1969. – № 3.

52. *Сидоренко М.И.* О фразеологических омонимах // Вопросы русской фразеологии. – Вып. II / Учёные записки МОПИ им. Н.К. Крупской. – Т. 160. – Москва, 1966.

53. *Сидоренко М.И.* О фразеологических антонимах русского языка // Русский язык в школе. – Москва, 1969. – № 3.

54. *Сидоренко М.И.* О смысловой структуре фразеологизмов // Лекции по русскому языку и истории его развития. – Ленинград, 1969.

55. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. – Москва: Наука, 1971.

56. *Супрун А.Е.* О фразеологических единицах с числительными // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1965. – С. 65.

57. *Тагеев М.Т.* Глагольная фразеология современного русского языка (Опыт исследования фразеологических единиц по окружению). – Баку, 1966.

58. *Теля В.Н.* Вариативность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Автореф...канд. филол. наук. – Москва, 1968.

59. *Тихонов А.Н.* О грамматических формах, вариантах и дериватах фразеологических оборотов // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.

60. *Толикина А.Н.* К вопросу о значении слова и значении фразеологизма // Вопросы фразеологии. III. Труды Сам.ГУ им. А. Навои. – Новая серия. – Вып. 178. – Самарканд, 1970. – С. 213–221.

61. *Ульманн С.* Семантические универсалии. – Новое в лингвистике. – Вып. V. – Москва, 1970.

62. ФСРЯ. – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – Москва: Советская энциклопедия, 1967.

63. *Чернышёва И.И.* Фразеология современного немецкого языка. – Москва: Высшая школа, 1970.

64. *Шанский Н.М.* Основные свойства и приёмы стилистического использования фразеологических оборотов // Русский язык в школе. – Москва, 1957. – № 3.

65. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – Москва: Высшая школа, 1969.

66. *Шмелёв Д.Н.* О понятии “фразеологическая связанность” // Иностранные языки в школе. – Москва, 1970. – № 1.

67. *Щерба Л.В.* Избранные труды по русскому языку. – Москва: Учпедгиз, 1957.

68. *Эмирова А.М.* Об одном способе образования устойчивых предложно-именных оборотов в русском языке // Вопросы языкознания / Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава Сам.ГУ им. А. Навои. – Самарканд, 1967.

69. *Эмирова А.М.* О некоторых особенностях функционирования фразеологических единиц в разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи / Тезисы докладов на II – III Республиканской научной конференции. – Горький, 1968.

70. *Эмирова А.М.* К образованию устойчивых предложно-именных оборотов на основе структурных преобразований фразеологизмов // Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава Сам.ГУ им. А. Навои. – Самарканд, 1968.

71. *Эмирова А.М.* Аналогия как фактор формирования фразеологических единиц // Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава Сам.ГУ им. А. Навои. – Самарканд, 1968.

72. *Эмирова А.М.* Процессы включения в сфере фразеологии (К вопросу об образовании фразеологических единиц в современном русском языке) // Вопросы русского языкознания / Труды Сам.ГУ им. А. Навои. – Новая серия. – Вып. 1. – Самарканд, 1968.

К ТЕОРИИ ДВУЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

(Учёные записки Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова. Серия XII – языки и литература. – Баку, 1976. – № 1. – С. 86–93. Соавтор – Л.И. Ройзензон.)

Сегодня уже можно говорить о становлении отечественной фразеологии как науки о теории и практике составления фразеологических словарей разного типа, сформировавшейся на стыке лексикографии и фразеологии. Особый интерес к фразеологии обусловлен растущими практическими потребностями во фразеологических словарях разного типа, как одноязычных, так и двуязычных, в том числе русско-иноязычных и иноязычно-русских. Отечественная фразеология имеет здесь определенные успехи, однако пристальный взгляд обнаруживает чрезвычайную «пестроту» принципов отбора, систематизации и подачи фразеологического материала в подобных словарях. Думается, что есть необходимость в осмыслении достигнутого, в выработке унифицированных принципов построения фразеологических словарей, в создании общей теории фразеологии. Отнюдь не претендуя на решение указанных выше задач, выскажем некоторые свои соображения относительно теории составления одного из типов словарей – двуязычных русско-иноязычных (в том числе и русско-национальных) фразеологических словарей. Наши наблюдения и обобщения основаны на всестороннем анализе 18 словарей указанного типа [1–18], а также лексикографической и фразеологической литературы последних лет [19–24]. Рассмотрим типологию названных словарей, основываясь на следующих двух параметрах: 1) назначение словаря (в том числе характеристика адресата); 2) объём языкового материала.

1) По своему назначению указанные словари могут быть разделены на два типа: общие (для всех изучающих русский язык как иностранный) и специализированные.

Весьма широкому кругу читателей: переводчикам, работникам печати, учителям, студентам и др. – адресованы словари [5; 14; 18]. Предназначен для русских и туркмен безотносительно к их возрастным и профессиональным характеристикам словарь [10]. Неясно, кому адресован русско-татарский фразеологический словарь [1]. Представляется, что такая «глобальная» ориентация названных пособий может отразиться на их лингвистических параметрах (охват материала, аспект и метаязык описания). Остальные словари являются специализированными: для школьников [6], для студентов-иностранцев [7; 8], для слушателей курсов иностранного языка [12], для переводчиков [9].

Как видно, здесь все еще остается в силе тезис Резолюции IX Всесоюзного координационного совещания по вопросам фразеологии, проходившего в г. Баку 20–22 октября 1964 г.: «Недостаточный опыт по созданию фразеологических словарей не дает ещё возможности остановиться на каком-либо одном типе фразеологического словаря, поэтому допустимы и желательны экспериментальные фразеологические словари различного замысла» [25, с. 172]. Беда, как нам кажется, не в разнообразии и разнотипности словарей, а в отсутствии их чёткой специализации, четкой ориентации на носителей определенного языка.

2) Вопрос об объеме языкового материала, включаемого в словари, тесно связан с «вечной» теоретической проблемой объема и границ фразеологии.

В теории фразеологии неоднократно декларировалась мысль о том, что «фразеология в широком смысле не может явиться объектом лексикографического толкования во фразеологическом словаре, поэтому целесообразно сосредоточить внимание на толковании лексической идиоматики, оставляя за пределами словарей крылатые слова, пословицы, поговорки и терминологические сочетания» [25, с. 172; 19, с. 6]. Однако анализируемые нами словари не подтверждают указанной выше установки. Наоборот, основная масса словарей включает в себя широкий фразеологический материал, причём такая установка составителей может быть выражена эксплицитно – формулируется в предисловии или отражается в наименовании словаря [5; 9; 10], а также может реализоваться в словаре как нечто само собой разумеющееся [1; 12].

Даже в пределах широкого понимания объема фразеологии наблюдается разный подход составителей к отбору языкового материала (речь идет о русском словнике). Так, в пособия [1; 6; 10; 14; 17; 18] включены пословицы, поговорки, собственно фразеологизмы (идиомы), крылатые выражения, терминологические словосочетания, устойчивые формулы повседневного обихода и др. Во многих пособиях содержатся сочетания слов, которые трудно квалифицировать как фразеологические: *выдавать тайну, на месте преступления, писать аристинными буквами, будто бы, как только, член-соревнователь*, – и даже отдельные слова с переносным значением: *Бала-лайкин, крышка (кому), дожили, вволю, наугад* и др.

Нечётко понимаются границы фразеологии составителями русско-английского [7] и русско-немецкого [12] словарей. Так, в первый словарь включён весьма разнородный материал, который условно назван «несвободными словосочетаниями»: 1) фразеологические сочетания (по терминологии В. В. Виноградова); 2) предикативные сочетания слов с переносным значением (*бежит время, бегут годы, беречь время, блестящая лекция, близкий друг, вести переписку с кем-либо*); 3) фразеологические единства (по терминологии В.В. Виноградова). «Последних в словаре незначительное количество», – признаются составители. Кроме указанных групп единиц, в словарь включены и терминологические словосочетания. Словарь [5] представляет только паремиологические минимумы русского и немецкого языков, которые поданы отдельными словниками.

Фразеология в узком смысле отражена в словарях [15; 16; 8]. В первый словарь включены различные по структуре фразеологические единицы: *правая рука, найти общий язык, под руками, в лицо, без году неделя, кот заплакал* и др. Пословицы, поговорки и крылатые изречения в словаре отсутствуют.

Что же касается принципов отбора языкового материала в пределах указанных границ, то здесь почти во всех словарях отсутствуют сколько-нибудь точные и чёткие критерии. В целом почти все составители апеллируют к критерию частотности и общеупотребительности [5; 7], подменяя его собственной языковой интуицией. Более убедительным представляются принципы отбора фразеологического материала в специализированных словарях [6; 8]. Так, в словарь А. Гюльмагомедова включены фразеологизмы, «наиболее часто встречающиеся в школьных учебниках по русскому языку и литературе, художественной литературе, устной речи»; русский словник второго пособия (В. Зиминой) отобран «на основе учебных материалов, утверждённых программами Министерства высшего и среднего специального образования СССР».

Авторский субъективизм, проявившийся в отборе фразеологического материала, подтверждается и количественными параметрами анализируемых словарей (в тех случаях, когда эти данные указаны в аннотации, предисловии или на титульном листе): в словарях [6; 14; 12; 9; 18] соответственно около 1300, 5000, 700, 1800 и 8587 фразеологических единиц.

Большое внимание составлению разного типа учебных словарей, в том числе и русско-иноязычных фразеологических словарей, было уделено на Втором международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы (3–8 сентября 1973 г., Варна, Болгария). Работала специальная секция 5 «Учебные словари русского языка», на которой выступили с содержательными докладами учёные из разных стран. Вопросы составления фразеологических словарей разного типа затрагивались в докладах Л. Азимова (СССР), А. Барулина (СССР). О готовящемся в Польше русско-польском фразеологическом словаре доложил С. Кохман (ПНР). А.И. Молотков (СССР) сообщил о назначении и структуре учебного русско-иноязычного фразеологического словаря. Такой словарь предназначается для лиц, умеющих читать русский текст средней трудности и вести разговор на несложные темы. «Задача данного словаря – научить иностранца правильно пользоваться в речи русской фразеологией, сообразуясь с нормой современного русского литературного словоупотребления» [24, с. 184]. Объем словаря – около 500–700 единиц; в его состав войдут наиболее употребительные фразеологизмы.

Предполагается издать также «Словарь окружений фразеологизмов русского языка», который будет содержать около 500 разговорных фразеологизмов (Чыонг Донг Сан, ДРВ). «Назначение словаря – помочь изучающим русский язык употреблять фразеологизмы в подходящих контекстах и ситуациях» [24, с. 188].

Коллектив Университета Дружбы Народов им. П. Лумумбы сейчас заканчивает работу над составлением «Словаря-справочника устойчивых сочетаний русского языка», который охватывает более 4000 единиц

(Л. Широкова, СССР). В словарь войдут различного типа устойчивые сочетания (составители отличают их от собственно фразеологизмов), лишённые эмоционально-экспрессивной окраски, т.е. стилистически нейтральные.

Доклады, обсужденные на секции 5, являются значительным вкладом в развитие теории лексикографии и фразеологии. Здесь прозвучала мысль о необходимости более строгого научного подхода к отбору фразеологического словаря, о необходимости использования в этих целях точных методов. Так, весьма важным представляется положение В. Акуленко (СССР) об активном качестве учебного словаря русского языка, которое предполагает отчётливые ограничения при отборе словаря в хронологическом и функционально-стилистическом отношениях. Паремический словарь-минимум (доклад А. Барулина) был составлен с применением методов математической статистики; словарь русско-польского фразеологического словаря будет отбираться на основе частотных словарей русского языка и словаря-минимума с учетом тематической и методической целесообразности.

Заслуживает внимание в этой связи новый подход к проблеме обеспечения правильности качественных и количественных характеристик словаря, о котором доложил Е. Бжозонь (ПНР) в докладе «Об учебном словаре-минимуме наиболее употребительных русских экономических терминов». Новый подход заключается в применении таких математически обоснованных приемов, как метод типологического стратификационного механического отбора, с максимально возможной точностью отражающий статистические свойства языковых единиц, и показатель коэффициента стабильности, дающий возможность использовать частотность и распространенность в качестве двух отдельных характеристик употребительности слова.

В 1974 г. в Москве был издан предназначенный для обсуждения проект «Единого фразеологического минимума русского языка для национальной средней школы», составленный сотрудниками НИИ преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР. В предисловии, написанном Е.А. Быстровой, убедительно обоснованы целесообразность и необходимость создания специального фразеологического минимума (ФМ), который, по мнению авторов, явится лингвистической основой разработки всей системы овладения русской фразеологией в школе. В связи с особой значимостью данного проекта остановимся на его анализе несколько подробнее.

Обращает на себя внимание продуманность всех параметров словаря – назначения, объёма, теоретических основ (определение единиц, принципов и критериев отбора ФЕ и др.) – и конкретных, практических рекомендаций (приёмы семантизации ФЕ, подача факультативных компонентов и др.).

По своему назначению словарь является специализированным: он предназначен для всех национальных школ. Сознывая, однако, недостаток такой глобальной ориентации, составители указывают на необходимость конкретизации состава словаря на основе учёта условий республики. Повидимому, имеются в виду наименования специфически национальных реалий фразеологическими средствами и наличие межязыковой идиоматики.

При определении количественного объема словника составители опирались на данные лексикографии, которая отражает соотношение лексики и фразеологии в рамках 1 к 10–15. Объем фразеологического минимума в 300 – 330 единиц представляется в связи с этим вполне аргументированным и достоверным (см. с. 9 и след.).

Так же тщательно обоснован качественный объем словаря: в него включены только фразеологические сращения и единства, т. к. рецептивное и продуктивное усвоение их в силу синтетичности их значения не зависит от знания лексического минимума. Фразеологические же сочетания и выражения, обладая аналитическим значением, могут быть усвоены на основе знания лексических значений их компонентов. Исключение сделано – «из методических соображений» – только для традиционных формул повседневного обихода.

Исходными принципами минимизации указанного выше фразеологического материала являются принципы: 1) ситуативно тематический (отбираются ФЕ, необходимые для обслуживания минимума тем и ситуаций, которыми должен овладеть обучаемый); 2) коммуникативной ценности ФЕ, дополняющий первый принцип; 3) употребительности, одним из критериев которого является частотность; 4) нормативности (в минимум войдут ФЕ литературного языка); 5) сочетаемости (в минимум будут включены преимущественно ФЕ с широкой сочетаемостью); 6) исключения синонимов (в ФМ включаются стилистически нейтральные ФЕ).

Некоторые из названных принципов не представляются убедительными и способными объективировать минимизацию фразеологического материала в словаре. Так, принцип 2 предполагает «включение в ФМ прежде всего тех ФЕ, которые не имеют эквивалента в лексике или имеют лексические эквиваленты, однако не включены в ЛМ» (с. 17–18). Думается, что при таком подходе к определению коммуникативной ценности ФЕ многие употребительные ФЕ не войдут в ФМ, тем более что степень употребительности ФЕ и её лексического эквивалента определяется составителями словаря интуитивно.

Третий принцип также может быть принят лишь с оговорками: он не отражает объективного статуса употребительности (частотности) ФЕ и не исключает внесения в ФМ нечастотных и даже устаревших и диалектно-просторечных ФЕ (если учесть выборки из произведений русской и советской литературы, изучение которых предусмотрено типовой программой по русской литературе в национальной школе). Составители словаря и сами отчетливо сознают недостатки принципа употребительности в том виде, в каком он ими реализуется: из-за отсутствия данных о частотности ФЕ они вынуждены руководствоваться «интуицией и опытом составителей списков ФЕ и интуицией лексикографов, решавших проблему компрессии фразеологического словаря» (с. 18).

Необъективным представляется также принцип сочетаемости, согласно которому в ФМ будут включены ФЕ с широкой сочетаемостью. ФЕ с ограниченной сочетаемостью могут быть включены в ФМ только при условии наличия в ЛМ слов, в соединении с которыми данные ФЕ актуализируются

в речи. В соответствии с этим принципом из ФМ исключены ФЕ: *с больной головы на здоровую* (валить, переключать), *до корней волос* (краснеть); (хлопот, забот) *полон рот* и др., коммуникативная значимость и высокая степень употребительности которых не вызывают сомнения.

Принцип исключения синонимов может в ряде случаев накладывать искусственные ограничения на объём фразеологического корпуса, тем более, что стилистическая характеристика ФЕ в практике лексикографии и фразеологии определяется, как известно, на интуитивной основе.

Несмотря на отмеченные недочёты, отчетливо создаваемые самими составителями словаря, в этом направлении было сделано всё, что можно сделать на данном этапе развития фразеологии (при отсутствии частотных словарей ФЕ, основанных на статистической обработке текстов разных стилей и жанров). В этой связи заслуживает особого внимания и одобрения экспериментальная работа с информантами (составление интуитивных списков ФЕ), правда, не лишенная недостатков.

Рецензируемый проект «Единого фразеологического минимума» является определенным вкладом в теорию и практику составления фразеологических словарей. Однако успешное создание словаря фразеологического минимума возможно только после критического осмысления целого ряда положений, выдвинутых авторами данного проекта.

Некоторые наиболее общие выводы и рекомендации:

1. Двухязычные русско-иноязычные фразеологические словари должны иметь чёткое назначение, объявленное в аннотации, в предисловии к словарю и на титульном листе, чёткую ориентацию на носителей определенного языка. Последнее положение тесно связано с объёмом словника: несомненно, словарь, ориентированный на носителя русского языка, должен иметь более обширный словник.

2. Объём фразеологического словника определяется типом словаря. Отбор словника должен осуществляться посредством методов статистической лингвистики.

Что касается оформления словарной статьи, то здесь отечественная фразеология выработала (частично заимствовала из лексикографии) вполне чёткие рекомендации: определены система помет, методы перевода фразеологических единиц (эквивалент, аналог, калька и ситуационная интерпретация), способы подачи разного типа вариантов и др.

Дальнейшие успехи отечественной фразеологии тесно связаны с развитием теории фразеологии. Теоретические разыскания последних лет свидетельствуют о бурном развитии фразеологии и вселяют надежду на щедрую «отдачу» на ниве составления различного типа фразеологических пособий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борханова Н.Б., Махмутова Л. Т. Русча-татарча фразеологик сузлек. — Казан, 1959.
2. Ван-Цзы-Юнь и др. Нэньюй сяо цыдянь. Краткий сборник русских фразеологизмов и поговорок с китайским переводом. – Пекин, 1959.

3. *Вирган И., Пилинская П.* Русско-украинский фразеологический словарь. – Харьков, 1959–1962.
4. *Гамкрелели Н.Н., Мгалоблишвили У.А.* Русско-грузинская идиоматика. – Тбилиси, 1956.
5. *Герд А.А.* Русские и немецкие пословицы и поговорки. Пособие для преподавателей и студентов. – Ростов-на-Дону, 1965.
6. *Гюльмагомедов А.Г.* Русско-лезгинский школьный фразеологический словарь. – Махачкала, 1971.
7. *Ермоленко И.Н., Кохтев Н.Н.* и др. Краткий русско-английский словарь несвободных сочетаний современного русского языка. Пособие для студентов-иностранцев. – Москва, 1965.
8. *Зимин В.И.* Краткий фразеологический словарь русского языка (для студентов-иностранцев). – Москва, 1968.
9. *Кицис А.Б.* Пословицы, поговорки, фразеологизмы. Краткий русско-английский словарь. – Москва, 1969.
10. *Кулиев А.* и др. Краткий фразеологический словарь русского и туркменского языков (Мудрость двух народов). – Ашхабад, 1963.
11. *Martinkova M.* Rusko-česky frazeologický slovník. – Praha, 1953.
12. *Мартынюк А.П.* Русско-немецкий фразеологический словарь-минимум. – Москва, 1969.
13. *Morkovin B.* Nový frazeologický rusko-česky slovník. – Praha, 1921.
14. *Садыкова М.* Русско-узбекский фразеологический словарь. – Ташкент, 1972.
15. *Тагиев М.Т.* Краткий русско-азербайджанский фразеологический словарь. – Баку, 1964.
16. *Тагиев М.Т.* Русско-азербайджанский фразеологический словарь. – Баку, 1974.
17. *Тарабукин И.П.* Краткий русско-коми фразеологический словарь. – Сыктывкар, 1961.
18. *Чой Лувсанжав.* Русско-монгольский фразеологический словарь. – Уланбатор, 1970.
19. *Багатурова Е.Г.* Лексикографическая проблематика русской фразеологии (на материале русско-армянских словарей). – АКД, Баку, 1972.
20. *Берков В.И.* Вопросы двуязычной лексикографии. – Ленинград, 1973.
21. *Денисов П.Н.* Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. – Москва, 1974.
22. *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. – Москва, 1974.
23. *Сукаленко Н.И.* Некоторые принципы составления двуязычных словарей. – АКД. – Ленинград, 1971.
24. Теория и практика составления учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному // Второй международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Тезисы докладов и выступлений. – София, 1973.
25. Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. – Баку, 1968.

К ТЕОРИИ ФРАЗЕОГРАФИИ

(Рецензия на «Справочник по русской фразеологии для иностранцев», составленный Р.И. Яранцевым.)

(Вопросы фразеологии: XI. – Новая серия, вып. № 339. – Самарканд, 1977. – С. 97–100.)

Большие успехи отечественной фразеологии предопределили в последние два десятилетия особый интерес к вопросам преподавания русской

фразеологии в высшей и средней школе, к разработке методических основ преподавания русской фразеологии, особенно в нерусской аудитории. Свидетельством тому являются многочисленные лексикографические и фразеографические пособия, изданные в последние годы, а также монографические исследования и специальные конференции⁸, посвященные этим вопросам. Тем не менее высшая и средняя школа до сих пор испытывает нужду в различного рода фразеографических пособиях – одноязычных, двуязычных, тематических словарях, справочниках фразеологических единиц определенного структурно-грамматического типа и др.

В этой связи обратимся к недавно вышедшему в свет “Справочнику по русской фразеологии для иностранцев”, составленному Р.И. Яранцевым⁹. Справочник обращён к советским и зарубежным преподавателям русского языка как иностранного, а также к иностранцам (безотносительно к их родному языку), изучающим русский язык на продвинутой этапе и / или достаточно хорошо владеющим русским языком. Языковой материал справочника – фразеологические единицы, обозначающие и выражающие эмоции человека, – извлечен из “Фразеологического словаря русского языка” под ред. А.И. Молоткова (далее – ФСРЯ).

Справочник составлен по “эмоционально-ситуативному принципу”:¹⁰ все фразеологические единицы сгруппированы по эмоционально-экспрессивным рядам, выражающим: 1) прямоту, искренность, откровенность, 2) самообладание, бесстрашие, смелость, 3) восхищение, восторг, радость, 4) любезность, вежливость, добрые пожелания, 5) удивление, недоумение, изумление, 6) насмешку, пренебрежение, презрение, 7) огорчение, раздражение, досаду, 8) возмущение, негодование, гнев.

Несомненной заслугой составителя является также более широкий (по сравнению с ФСРЯ) объем словарной статьи, включающий в себя следующие компоненты: фразеологическую единицу во всех ее вариантах; легенду, представляющую собой семантический, стилистический и грамматический (синтаксический) комментарий; иллюстративный материал; различные указания справочного характера (логическое ударение, невербальные единицы и др.).

Наши замечания и попутные соображения по отдельным параметрам Справочника сводятся к следующему:

1. Критерии отбора языкового материала из ФСРЯ сформулированы очень общо и нечётко: “Фразеологизмы отбирались по принципу их практической

⁸ В 1965 г. в Череповецкой пединституте состоялась межвузовская конференция “Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе”; см. одноимённый сборник материалов конференции (Вологда, 1967). В январе 1976 г. в Москве (ИРЯ им. А.С. Пушкина и НИИ ПРЯНШ АПН СССР) была проведена конференция по учебным словарям, где обсуждались также вопросы методики преподавания фразеологии и учебной фразеографии; см. “Научно-методические основы составления учебных словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексике”. Тезисы докладов и сообщений (Москва, 1976).

⁹ Справочник по русской фразеологии для иностранцев (выражение эмоций) / Составитель А.И. Яранцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1976. – 92 с.

отмеченности – составитель старался включать те из них, которые чаще других встречаются в русской классической и современной художественной литературе, а также в газете, в устной речи” (с. 4). Составитель, следовательно, молчаливо исходил из того, что сами фразеологические единицы, выражающие эмоции, извлечь из ФСРЯ легко, трудность же заключается только в том, чтобы отобрать из них наиболее частотные. На деле же в Справочник включено много фразеологизмов, не выражающих собственно эмоции, а лишь имеющих в своей семантике ту или иную эмоционально-экспрессивную коннотацию (ирон., презр., пренебр. и др.)¹⁰. Например, в Справочник включена фразеологическая единица *открывать Америку* (разг., ирон.), в значении которой – ‘говорить, объявлять о том, что всем и давно известно’ – нет семантического компонента ‘насмешка, пренебрежение’. Не называют никаких эмоциональных состояний единицы *родиться под счастливой звездой, родиться в сорочке* и др.

Обзор номенклатуры эмоционально-экспрессивных рядов, данных в Справочнике, показывает, что ряды 1, 2, 4 не связаны с выражением эмоций. В то же время в данном перечне нет рядов, обозначающих и выражающих такие эмоции, как любовь (*сводить с ума, отдавать сердце, открывать сердце* и др.), стыд, смущение (*кровь бросилась в лицо, сгорать от стыда, хлопать глазами* и др.), страх, ужас (*волосы становятся дыбом, душа уходит в пятки, кровь стынет в жилах* и др.), отчаяние (*хоть пулю в лоб, хоть плачь* и др.), душевные страдания (*душа не на месте, ад кромешный на душе, камень на сердце* и др.).

Составитель Справочника сетует на то, что “у преподавателей-практиков нет ещё той “психологической сетки”, которую можно было бы положить в основу функционального изучения русской фразеологии” (с. 3). Думается, однако, что в данном случае мы можем опираться на разработанную в психологии классификацию эмоций и эмоциональных состояний. Что же касается распределения объекта исследования по отдельным эмоциональным рядам, то здесь надо исходить из словарных толкований фразеологических единиц.

2. Среди фразеологизмов сферы эмоций встретилась значительная группа единиц, имеющих синкретичную семантику: они могут обозначать различные эмоции – как смежные, рядоположные и градуальные, так и полярные (амбивалентные, в терминологии психологии). Например, фразеологическая единица *брать за душу* толкуется в ФСРЯ ‘сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить; вызывать щемящую тоску, боль или радость, умиление и т.п.’. См. также: *Подумать только! Бог ты мой! Скажи(те) пожалуйста! Вот так штука!* и др. Думается, что подобные единицы разными оттенками своих значений могут входить в разные эмоциональные ряды, однако составитель членит их на отдельные значения и подает дважды в разных рядах.

3. Неясно, как определяется составителем логическое ударение, т.е. как выявляется наиболее семантически весомый компонент в составе фразеологической единицы, несущий новую информацию (ср. рема), в таких,

¹⁰ Как известно, основная масса собственно фразеологических единиц (а именно фразеология в узком смысле включена в ФСРЯ) имеет в своем содержании эмоциональный компонент, определяющий мотивную функцию фразеологических единиц.

например, единицах, как: *Скажи на милость! Вот так-так! Какая муха укусила! В подмётки не годится* и др. По-видимому, составитель пытался выделить смысловые центры фразеологических единиц, а это, как известно, возможно не во всех случаях. Думается, что в данном случае (учитывая назначение справочника – работа с иностранцами) достаточно было бы указать словесные и тактовые ударения.

Рецензируемый Справочник близок к типу идеографических словарей, которые, как известно, опираются на полевые исследования¹¹. Особый интерес к полевой лингвистике, наблюдаемый в последние годы в зарубежном и отечественном языкознании, обусловил экспансию её методов на такие уровни языка, как грамматика и фразеология. Идеи и методы теории поля нашли уже применение в теории фразеологии и фразеографии, однако они не коснулись пока практики фразеографии. Сегодня мы не имеем ещё идеографического словаря русской фразеологии. Поэтому следует всячески приветствовать составление разного типа справочников и фразеографических пособий, включающих отдельные пласты фразеологии – фразеологические единицы сферы эмоций, сферы интеллектуальной деятельности и др. Справочник Р.И. Яранцева является первым пособием такого типа.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

(Вопросы фразеологии. XV. Сб. научных работ. – Самарканд, 1980. – С. 54–62.)

На современном этапе развития лингвистической мысли наблюдается широкий интерес к общим и частным проблемам семантики.¹² Особенно актуальным представляется исследование номинативного аспекта семантики языковых единиц разного ранга. На наших глазах происходит становление общей теории номинации – уточнение её объекта, формирование её целей и задач, апробация методов и приёмов анализа.

Еще недавно теорию номинации отождествляли с ономасиологией, изучающей “принципы и закономерности “обозначения” предметов и выражения понятий лексическими и лексико-фразеологическими средствами” [4] в системе языка, вне их реализации в речи. В работах последних лет (В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия и др.) отмечается широкий понимание теории номинации: её интересует прежде всего “язык в ситуации”, т.е. то, как ситуация в целом и её элементы получают языковое

¹¹ См.: *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. – Москва: Наука, 1974; Караулов Ю.Н. *Общая и русская идеография.* – Москва: Наука, 1976.

¹² Об этом свидетельствуют, в частности, ежегодно проводимые симпозиумы: «Проблема значения в современной лингвистике» (16–18 мая 1977 г., Тбилиси), «Проблемы и методы семантических исследований» (18–20 апреля 1978 г., Москва), «Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях» (25–27 мая 1979 г., Кишинёв).

обозначение. Объектом изучения общей теории номинации являются не только лексические средства языка, но – шире – языковые единицы разных уровней и их взаимодействие, переплетение при обозначении определенных элементов действительности.

Такое новое широкое понимание теории номинации повлекло за собой и расширение области ономаσιологических исследований: в теоретической ономаσιологии, помимо раздела лексикологии, изучающей “наименования отдельных элементов внешнего и внутреннего опыта человека”, и раздела синтаксиса, в котором изучаются “способы обозначений целостных событий” [2], “целесообразно выделить также раздел деривационной ономаσιологии” (словообразования) [24, с. 236; 13].

Как известно, активизация исследований в какой-либо области науки (в нашем случае – в области общей теории номинации и ономаσιологии) часто стимулирует исследовательскую мысль в смежных, а порой и отдаленных областях науки (мы назвали бы это явление эффектом “расходящихся кругов”). Анализ языковых единиц в номинативном аспекте вовлекает в свою сферу также “неканонические”, неуровневые, межуровневые и маргинальные языковые единицы¹³.

Ономаσιологический подход к изучению семантики фразеологических единиц покрывает обширную область исследования, которая может быть названа фразеологической ономаσιологией. Эта область исследования охватывает широкий круг проблем: специфика смыслового членения универсума фразеологическими средствами языка, учёт и “инвентаризация” тех участков объективной действительности, которые покрываются фразеологией (в отличие от лексики); ономаσιологическая направленность фразеобразования (в синхронии); ономаσιологическая структура фразеологических единиц; типы и виды фразеологической номинации – “элементарная” и / или “событийная”, вторичная – непрямая и / или косвенная [7; 16]; семантико-грамматические разряды фразеологии в ономаσιологическом аспекте и др.

О специфике смыслового членения универсума фразеологическими средствами, об избирательности фразеологической семантики, носящей в целом ярко выраженный антропоцентрический характер, мы говорили в работе [22]. Были доложены результаты “перекрёстного” анализа некоторых участков русской фразеологии по тематическим и понятийным полям (фразеология сферы эмоций, фразеология сферы интеллектуальной деятельности), по семантико-грамматическим разрядам (субстантивные, глагольные, наречные фразеологизмы) и по фразеологическим гнёздам, структурируемым соматизмами *голова, сердце, душа, рука*), который позволил установить избирательный характер фразеологической семантики: фразеология покрывает те участки действительности, которые связаны с характеристикой психологических особенностей человеческой личности – познавательных процессов (ощущений, восприятий, памяти, воображения, мышления), речи, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических особенностей личности и т.д. [20; 21].

¹³ Ввиду промежуточного, межуровневого положения фразеологии в системе языка системные отношения в ней проявляются специфически. См.: [19]

Характеристика процессов синхронического фразообразования в ономаσιологическом аспекте – выявление специфики обозначения предметов (предмет понимается в широком смысле – как любой объект познания) и выражения понятий фразеологическими средствами – предполагает анализ структуры фразеологических единиц в логико-семантическом аспекте ¹⁴.

Содержательная сторона фразеологических единиц представляет собой сложное, многогранное явление. Мы исходим из следующего понимания содержания фразеологической единицы: ядром семантической структуры является концептуальное значение (мыслительное отображение денотата), которое может быть рассмотрено со стороны его отношения к денотату (денотативное значение), со стороны его соотношения с понятием (сигнификативное значение), со стороны его соотношения с концептуальными значениями других фразеологических единиц в рассматриваемой фразеологической системе (структурное значение, или значимость). Кроме концептуального значения, в содержание фразеологической единицы входят коннотации – дополнительные эмоциональные, экспрессивные, стилистические значения.

Известно, что при включении языковой единицы в акт коммуникации происходит «подгонка», приспособление её семантики к целям и задачам коммуникации. Это приспособление выражается прежде всего в изменении некоторых характеристик концептуального значения согласно законам комбинаторной семантики [8; 9].

В процессе фразообразования следует выделять следующие два аспекта: 1) взаимодействие лексических значений словных компонентов свободного словосочетания как генетической основы фразеологической единицы и 2) соотношение семантики свободного словосочетания и порождённой на его основе фразеологической единицы.

Последние исследования в области семантики показывают, что семантическая сочетаемость слов в составе свободного словосочетания сопровождается изменением их семантической структуры: возникновением новых сем, наложением, погашением сем и др. [6]. Представляется, что подобные явления на семантическом уровне отражают глубинные ментальные процессы взаимодействия понятий. Свободное словосочетание в целом выражает отношение понятий, сложное понятие, которое «в таком же смысле выступает единым (но не одним), в каком словосочетании функционирует как единая группа ...» [14]. Такое сложное понятие представляет собой не сумму, а взаимодействие понятий, выражаемых компонентами словосочетания ¹⁵.

Фразеологическое значение (значение фразеологической единицы) формируется, как известно, на основе различных типов переноса значения свободного словосочетания [23]. И если на «входе» этого процесса мы имеем,

¹⁴ Содержательная структура фразеологических единиц в логико-семантическом аспекте была охарактеризована нами в [23]. Здесь же делается попытка осмыслить результаты нашего анализа в аспекте общей теории номинации (и, по возможности, в её терминологии).

¹⁵ В логике отмечается пять основных отношений между понятиями: равнозначность, внеположность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение. См.: [11.]

как отмечалось выше, единое понятие, то на «выходе» – тоже понятие, но более высокой степени абстракции и обобщения. Происходит сужение содержания понятия, сопровождающееся расширением его объёма: сложное понятие, выражаемое фразеологической единицей, включает в себя только самые общие отличительные признаки денотатов, позволяющие объединить их (денотаты) в какие-то наиболее обобщенные классы. Следовательно, фразеологическая единица может соотноситься с широким классом денотатов. Например, *попадать в переплёт* значит ‘оказываться в сложном, трудном, опасном или неприятном положении’ независимо от возраста, пола, рода деятельности и характера поступков человека.

Таким образом, формирование фразеологической единицы на логическом уровне может быть интерпретировано как абстракция отождествления, т.е. процесс отвлечения от несходных, различающихся свойств предметов и одновременного выделения свойств тождественных. В результате такого отвлечения формируется более общее понятие – концептуальное ядро семантики фразеологической единицы. Такое новое понятие находится с предыдущим понятием, выражаемым свободным словосочетанием, в отношениях перекрещивания (пересечения).

Членение объективной действительности, связанное с образованием понятий и номинацией предметов, диалектически сложный процесс. Если в системе языка также членение представляется относительно стабильным, то в речи происходит постоянное перераспределение «покрываемых» номинацией участков действительности. Фразеологические единицы могут покрывать не только «свободные» участки действительности, не обозначенные словами и словосочетаниями, но и уже «занятые». Следовательно, фразеологические единицы принимают участие в первичном и вторичном членении внеязыкового континуума.

О специфике такого членения мы говорили в начале статьи. Здесь же добавим, что полная и объективная картина смыслового членения универсума фразеологическими средствами поможет составить точную «картину» понятийного содержания фразеологии в отличие от лексики, что может иметь непосредственный выход в теорию общей фразеологии и в практику изучения и преподавания фразеологии (особенно в нерусской аудитории), в практику составления идеографических фразеологических словарей разного типа.

Процесс фразеобразования в актах синхронного функционирования языка в терминах ономазиологии может быть интерпретирован следующим образом. Специфика номинативной значимости словных компонентов фразеологической единицы заключается в том, что они сохраняют способность отражать основные ономазиологические категории – субстанцию (предметность) и признак (во всех его разновидностях – признак предмета, признак действия, признак признака) [25].

При формировании фразеологического знака как сверхсловной единицы вторичной номинации имеет место взаимодействие разных базисов и признаков, выражаемых словными компонентами фразеологической единицы. Ономазиологическая структура фразеологической единицы явля-

ется двучленной: она состоит из ономаσιологического базиса (наиболее общей понятийной категории, выражаемой данным словосочетанием, – предметности или признака) и ономаσιологического признака (более частной, более конкретной понятийной категории – лексико-семантической и / или грамматической, в том числе морфологической и синтаксической), способствующего уточнению базиса [25; 13; 16].

Ономаσιологическая структура фразеологической единицы в определенной степени обусловлена её грамматической структурой. Базисный компонент ономаσιологической структуры реализуется, как правило, в грамматически господствующем слове устойчивого словосочетания. Так, ономаσιологическим базисом фразеологической единицы *стреляный воробей* является категория предметности, реализуемая в данном случае словом *воробей* и конкретизируемая в термине лица. Ономаσιологический признак данного знака реализуется прилагательным *стреляный* ('опытный, бывалый'). Функцию ономаσιологического базиса во фразеологической единице *плыть по течению* выполняет глагол *плыть* ('действовать'), а функцию признака – предложно-именной оборот *по течению* ('так, как вынуждают обстоятельства').

Чёткое соотнесение ономаσιологической и грамматической структур нам удалось зафиксировать лишь у субстантивных и глагольных фразеологических единиц. Ономаσιологическая структура единиц остальных семантико-грамматических разрядов (адъективных и адвербиальных) прослеживается не столь отчетливо: по-видимому, здесь вступают в силу факторы, нарушающие соответствие между семантическим типом имени и его синтаксическими функциями [3, с. 122], или же действуют непознанные закономерности взаимодействия базисов и признаков в составе производного наименования¹⁶.

Обязательным элементом ономаσιологической структуры фразеологизмов является их внутренняя форма, шире – референтная пресуппозиция как фонд общих знаний (общечеловеческие знания в области природы, физиологии, знание специфически национальных реалий, знакомство с историей народа – носителя языка, с текстами – библейскими, мифологическими, литературными и т.п.). Например, *мамаево побоище* – это 'крупная ссора, драка; разгром' плюс знание исторического факта об опустошительном нашествии на Русь в 14 веке татарского хана Мамай. *Запретный плод* – 'что-либо заманчивое, но недозволенное' плюс знание библейского мира о древе познания добра и зла, плоды которого бог запретил есть Адаму и Еве.

Решение вопроса о типах фразеологической номинации: что именуется фразеологическими единицами – элементы объективной действительности (т.н. "элементарная номинация") или события, ситуации (т.н. "событийная номинация"), как фразеологические единицы соотносятся с обозначаемой действительностью – автономно (прямая номинация) или через посредство другого наименования (косвенная номинация) – зависит от взглядов

¹⁶ См.: [13]. *Думается, что взаимодействие базисов и признаков в составе производного наименования во многом объясняется отношениями, существующими между понятиями.*

исследователя на объект и объём фразеологии. (Данный вопрос будет объектом специального исследования автора).

Что касается характеристики основных семантико-грамматических (resp. лексико-грамматических) разрядов фразеологии в ономасиологическом аспекта, то проблема эта в науке о языке еще не ставилась. Изучение грамматических свойств фразеологических единиц только начинается [17; 18; 5; 12; 15]. Но уже сейчас обращает на себя внимание количественное и качественное своеобразие системы частей речи во фразеологии сравнительно с лексикой. Фактически отсутствуют фразеологические единицы, соотносительные с местоимениями (*наш брат, наша сестра* 'мы'; *ваш брат, ваша сестра* 'вы') и именами числительными (*чертова дюжина* 'тринадцать'). Собственно субстантивные фразеологические единицы, т.н. идентифицирующие имена (Н.Д. Арутюнова), типа *анютины глазки, антонов огонь* представлены во фразеологии русского языка незначительным количеством. Преобладают фразеологические единицы, имеющие предикатное, характеризующее значение (Н.Д. Арутюнова) – глагольные, наречные, предикативные в различных своих видах – субстантивно-предикативные (*стреляный воробей, мокрая курица*), адъективно-предикативные (*молоко на губах не обсохло, без царя в голове*), наречно-предикативные (*на носу, кот заплакал*). Такое неравномерное распределение семантико-грамматических типов связано с характером фразеологической семантики – её оценочностью, характеристичностью, обусловленным специфическими коммуникативными задачами, порождающими фразеологию. Своёобразие представлена во фразеологии система частей речи: они, как правило, не имеют полного «комплекта» грамматических категорий, характерных для аналогичного лексико-грамматического разряда. Например, адвербиальная фразеология имеет неполную, ущербную, по сравнению с наречной лексикой, систему грамматических категорий.

Изучение основных семантико-грамматических разрядов фразеологических единиц в ономасиологическом аспекте, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию общей теории номинации.

В статье была сделана попытка наметить ту область исследования, которая была названа нами фразеологической ономасиологией. Думается, что углублённое изучение перечисленных проблем будет способствовать выявлению онтологических параметров языка, проявляющихся в его взаимодействии с мышлением и действительностью в актах коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авалиани Ю.Ю.* Тексты лекций по компаративно-сопоставительной фразеологии иранских языков. – Самарканд, 1979.
2. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксис // *Общее языкознание* (Внутренняя структура языка). – Москва, 1972. – С. 299
3. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. – Москва, 1976. – С. 122 и след.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – Москва, 1969. – С. 288.
5. *Бондаренко В.Т.* Предикативные фразеологические единицы с грамматическим значением состояния в современном русском языке. Автореф. дисс...канд. филол. наук. – Калинин, 1975.

6. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка. – Новое в лингвистике. – Вып. V. – Москва, 1970. – С. 189 и след.

7. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва 1977.

8. *Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов научной конференции (16–18 ноября 1971). – Ч. 1. – Москва, 1971.

9. *Гак В.Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. – Москва, 1971.

10. *Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образования понятий. – Москва, 1961. – С. 24, 313–314.

11. *Горский Д.П.* Логика. – Москва, 1963. – С. 54 и след.

12. *Ионова И.А.* Фразеологические единицы с адекватным значением в современном русском языке. Автореф. дис. . канд. филол. наук. – Москва, 1975.

13. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. – Москва, 1978. – С. 59.

14. *Колианский Г.В.* Семантика слова в логическом аспекте // Язык и мышление. – Москва, 1967. – С. 201.

15. *Молотов А. И.* Основы фразеологии русского языка. – Ленинград, 1977.

16. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва, 1977.

17. *Чепасова А.М.* Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск, 1974.

18. *Чепасова А.М.* Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах // Вопросы фразеологии современного русского языка. – Челябинск, 1975.

19. *Эмирова А.М.* О специфике синтагматических и парадигматических отношений во фразеологии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. – Самарканд, 1971.

20. *Эмирова А.М.* Структура и семантика фразеологического поля эмоций // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. – Самарканд, 1978.

21. *Эмирова А.М.* Фразеология сферы интеллектуальной деятельности // Вопросы русской и славянской фразеологии. XIII. – Самарканд, 1978.

22. *Эмирова А.М.* К основам фразеологической идеологии // Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях (Кишинёв, май 1979). – Кишинёв, 1982. – С.190–193.)

23. *Эмирова А.М.* Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. – Самарканд, 1972.

24. Языковая номинация (Виды наименований). – Москва, 1977. – С. 236.

25. Языковая номинация (Общие вопросы). – Москва, 1977. – С. 55 и след.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (Субстантивные фразеологические единицы)

(Вопросы фразеологии русского языка. – Самарканд, 1981. – С. 4–15.)

В последние годы произошло дальнейшее укрепление позиций фразеологии как особой отрасли науки о языке. Статус фразеологии

как самостоятельной лингвистической дисциплины проявляется в том, что после длительного периода бурных дискуссий определился объект фразеологии, представленный двумя ипостасями – идиоматикой и шире – сочетаемостью слов (и словесных значений); сформировалась своя частная методология как совокупность приёмов и методов анализа фразеологического материала. Упрочение позиций фразеологии сопровождается дальнейшей дифференциацией её объекта, что позволяет исследователям ставить вопрос о выделении в лоне фразеологии относительно самостоятельных областей исследования – фразообразования, фразеологической стилистики, сравнительно-исторической и контрастивной фразеологии, фразеологической морфологии и др. В каждой из этих областей происходит дальнейшее интенсивное накопление знаний и развитие теории, базирующееся на исследованиях не столько вширь, сколько вглубь: имеет место более углублённый анализ языкового материала, в основном уже введённого в научный обиход в предшествующие периоды.

Изучение грамматических, в частности морфологических, свойств фразеологических единиц русского языка только начинается. До сих пор отсутствует однозначная и полная номенклатура семантико-грамматических (частеречных) разрядов во фразеологии. «В современно русском языке более или менее чётко вычленяются несколько лексико-грамматических разрядов фразеологизмов» [6, с. 127], – пишет А.И. Молотков и выделяет и характеризует такие общие классы фразеологизмов, как именные, глагольные, адъективные, глагольно-пропозициональные и междометные. Н.М. Шанский, как известно, выделил глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные и союзные фразеологические единицы [13, с. 63].

Большие семантико-грамматические разряды фразеологических единиц и свойственные им морфологические и синтаксические категории описываются в работах А.М. Чепасовой. В книге [10] предпринята попытка описать фразеологические единицы, “служащие для обозначения понятий... и употребляющиеся на месте и в роли знаменательного или служебного слова” [10, с. 4]. Все фразеологизмы разделены на большие классы, характеризующиеся общим категориальным значением: предметные, процессуальные, атрибутивно-предикативные, качественно-обстоятельственные, количественные, грамматические и модальные фразеологизмы. Далее выявлены морфологические категории, свойственные каждому классу (для предметных фразеологизмов, например, это категории рода, числа, падежа), и синтаксические свойства фразеологизмов этого класса и др.

Последующие работы А.М. Чепасовой [11, 12] дополняют собой содержание книги [10]; в них сохраняются те же последовательность расположения материала и терминология. В первой статье характеризуется специфика морфологических категорий фразеологизмов, семантически соотносительных с существительными, прилагательными и местоимениями, во второй – специфика морфологических категорий вида, лица, времени, наклонения, залога в глагольных фразеологизмах, являющихся средством обозначения действия, процесса. Эта специфика обусловлена семантическими

и структурными свойствами каждого семантического класса фразеологических единиц, а также “в разной степени сохраняющимися и проявляющимися во фразеологизме элементами лексических и грамматических свойств слов, ставших их компонентами” [12].

Языковые явления, представляющие собой “промежуточную категорию между словом и фразеологизмом”, рассматривает Р.П. Рогожникова [7]. Это большой разряд (около 1000 единиц) высокочастотных в разных жанрах устойчивых “фразеологически связанных сочетаний” (знаменательного олова со служебным или двух и более неполнознаменательных слов), функционально и семантически эквивалентных слову. Автор называет их эквивалентами слова и предлагает следующую их классификацию: эквиваленты слова, выполняющие функции служебных слов (*в области, в качестве, во имя, несмотря на*); эквиваленты слова, выполняющие обстоятельственную функцию (*без конца, в итоге, в действительности*); эквиваленты слова, выполняющие функцию вводных сочетаний (*к счастью, как говорится*).

Как видно из примеров, такие устойчивые сочетания обычно квалифицируются как фразеологизмы, соотносительные в семантико-грамматическом отношении со служебными и модальными словами. В рецензированной выше монографии А.М. Чепасовой они отнесены к классам грамматических и модальных фразеологизмов. Наблюдаемый в характеристике этих языковых явлений разнородностью не случаен: он объясняется неразработанностью данной проблемы в теории фразеологии¹⁷. Представляется, что вопросы, поднятые в статье Р.П. Рогожниковой, являются весьма актуальными для теории фразеологии и грамматики и будут способствовать научным размышлениям в этом направлении.

Эта же проблема – соотносительность фразеологических единиц с частями речи – рассматривается в диссертационной работе В.Т. Бондаренко [1]. Предикативные фразеологические единицы – объект исследования В.Т. Бондаренко – обнаруживают тесную связь с адъективными [4], адвербиальными и глагольными единицами. В работе В.Т. Бондаренко дана чёткая дифференциация этих семантико-грамматических разрядов фразеологических единиц на основе таких критериев, как семантический, морфологический и функциональный. Автор предложил оригинальную классификацию фразеологических предикативов: 1) со значением качественного состояния, 2) со значением количественной характеристики состояния, 3) с модальным значением.

Как видно из краткого обзора работ последних лет, посвящённых грамматическому аспекту фразеологии, внимание исследователей в основном обращено к проблеме системности лексико-грамматических разрядов во фразеологии. И здесь, действительно, заметно количественное и качественное своеобразие системы частей речи во фразеологии сравнительно с лексикой. Практически отсутствуют фразеологические единицы, соотносительные с

¹⁷ В учебном пособии [13, с. 63] часть таких единиц охарактеризована очень кратко как союзные и модальные фразеологические обороты; в монографии [6] они вообще не рассматриваются, как сочетания нефразеологического характера.

местоимениями и числительными. Незначительно количество субстантивных фразеологических единиц идентифицирующего типа. Преобладают фразеологические единицы, имеющие предикатное значение: глагольные, наречные, предикативные в различных своих видах – субстантивно-предикативные, адъективно-предикативные, наречно-предикативные. Такое неравномерное распределение фразеологизмов по семантико-грамматическим разрядам обусловлено спецификой их семантики – её оценочностью, характеристичностью.

Фразеологические единицы отличаются от других языковых единиц прежде всего своеобразием своей семантики. Поэтому правомерным представляется тот глубокий интерес к проблемам фразеологической семантики, который наблюдается в последние годы. Большие перспективы здесь, как нам кажется, открывает исследование фразеологической семантики в аспекте теории номинации, ономастиологии и шире – в аспекте теории речевой деятельности, коммуникативной лингвистики. Такое исследование способствует выявлению онтологических параметров языка, проявляющихся в его взаимодействии с мышлением и действительностью.

В работах автора последних лет [14–17] неоднократно ставился вопрос о необходимости выделения фразеологии в качестве самостоятельного объекта ономастиологии. Выделена специальная область исследования, которая условно названа фразеологической ономастиологией. Одна из проблем фразеологической ономастиологии – ономастиологическая характеристика частеречных (семантико-грамматических) разрядов во фразеологии.

В научной литературе имеются наблюдения над семантикой отдельных групп и разрядов фразеологических единиц, однако основные семантико-грамматические разряды фразеологии в целом не были до сих пор объектом специального анализа в ономастиологическом аспекте.

“Изучение тех или иных языковых явлений в ономастиологическом плане означает, что в центре внимания находится вопрос о том, как связаны эти явления с обозначением окружающей нас действительности, с выбором и созданием названий для отдельных её фрагментов” [5, с. 5], “... что представляют собой их значения, а главное, какие отрезки или явления действительности они называют и выделяют” [5, с. 12].

Познавательная, номинативно-классифицирующая деятельность человека осуществляется в языке в форме единиц, относящихся к различным частям речи. Основными ономастиологическими категориями (категориями наименования) являются категория субстанции, реализующаяся в грамматике в форме имён существительных, и категория признака, репрезентируемая глаголами, прилагательными и наречиями [8; 18; 5].

Исследователи фразеологии обратили внимание на избирательный – антропоцентрический – характер фразеологической семантики: фразеология “покрывает” преимущественно те участки действительности, которые связаны с человеком – его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических

особенностей личности и т.д. [15; 16]. Анализ основных семантико-грамматических разрядов фразеологии достаточно полно проявляет указанную ориентацию фразеологической семантики.

Кардинальные семантико-грамматические разряды во фразеологии – субстантивные, глагольные, адъективные, наречные ФЕ – обладают в целом теми же ономаσιологическими характеристиками, что и слова: субстантивные фразеологические единицы имеют в основе своего значения понятие субстанции, предмета в широком смысле слова; глагольные, адъективные и наречные фразеологизмы реализуют значение признака в таких его разновидностях, как признак предмета и признак признака. Однако репрезентация основных ономаσιологических категорий во фразеологии по сравнению с лексикой специфична. Рассмотрим подробнее особенности реализации основных ономаσιологических категорий в субстантивных фразеологических единицах.

Семантика фразеологических единиц носит преимущественно комплементарный характер: фразеологическое значение (значение фразеологической единицы) состоит, как правило, не из одного, а нескольких компонентов. Например, субстантивные единицы строятся по семантической модели “предмет + его признак” [3] (*глухая тетеря* ‘человек, который плохо слышит’; *молочные реки и кисельные берега* ‘обеспеченная, привольная жизнь’), глагольные – по моделям “действие + его результат” (*братъ с бою* ‘добиваться энергичными действиями’), “действие + его признак” (*закусывать удила* ‘действовать, не зная удержу, идя напролом, не считаясь со здравым смыслом, с обстоятельствами’) ¹⁸ и др.

Категория субстанции в субстантивных фразеологических единицах репрезентируется двумя субкатегориями – лица и предмета ¹⁹.

Основная масса субстантивных единиц со значением лица называет и характеризует социальный облик человека. При этом выделяются следующие семантические группы (ср. [3]):

1. Социальное происхождение: *черная кость* ‘человек незнатного происхождения или принадлежащий к непривилегированному сословию в дореволюционной России’; *белая кость* ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России’; *голубая кровь* ‘человек дворянского, аристократического происхождения’; *серая скотинка, жеребьячья порода* и др.

2. Семейное положение и родственные отношения: *соломенный вдовец* ‘мужчина, временно оставшийся без жены или не живущий с ней’; *старая дева, христова невеста* ‘немолодая женщина, не бывшая замужем’; *дражайшая половина* ‘супруга или супруг, жена или муж’; *подруга жизни, соломенная вдова, плоть и кровь, седьмая вода на киселе* и др.

3. Социальное положение человека и его оценка, основанная на его физических, психических, моральных и др. качествах: *большая рука, гог и*

¹⁸ Языковой материал извлечён из [9].

¹⁹ Извлечено около 300 субстантивных фразеологических единиц, при этом выражающих субкатегории лица и предмета среди них примерно поровну.

магог ‘человек влиятельный, сильный, всемогущий’: *птица высокого полета, важная птица* ‘человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием’; *сильная рука* ‘влиятельный покровитель’. Антонимичное значение имеет ряд идеографических синонимов: *ноль без палочки* ‘ничего не стоящий, не значащий человек’; *птица низкого полета, мелкая сошка* ‘человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение, невлиятельный, неавторитетный’; *последняя спица в колеснице* ‘человек, играющий ничтожную, незначительную роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле’.

Характеристику человека по его отношению к работе дают единицы *золотые руки, мастер на все руки, маг и волшебник; канцелярская крыса, крапивное семя, приказная строка, чернильная душа* и др.

К этой же группе примыкают фразеологические единицы с пейоративной оценочной семантикой: *дутый пузырь, мыльный пузырь, калиф на час, шишка на ровном месте, отставной козы барабанщик, ни пава ни ворона, ворона в павлиньих перьях, стреляная птица, стреляный воробей, травленный волк, тёртый калач* и др.

Отдельно можно выделить группу фразеологических единиц, называющих и характеризующих человека и черты его характера, преимущественно отрицательные: хитрость, лицемерие – *Лиса Патрикеевна, гусь лапчатый, продувная бестия, двуликий янус, волк в овечьей шкуре*; нерешительность, нерасторопность, бесхитрость – *святая простота, горе луковое, буриданов осел*; робость, застенчивость – *заячья душа, божья коровка, красная девица*; болтливость – *бесструнная балалайка, базарная баба*; отчаянность, бесшабашность – *бедовая голова, буйная голова, забубённая голова, шальная голова* и др.

Фразеологические единицы со значением лица образуют также группу, характеризующую человека со стороны его интеллектуальных возможностей и способностей. Здесь выделяются единицы с положительной окраской: *светлая голова, живая летопись, ходячая энциклопедия, ходячий университет*. Однако основная масса фразеологических единиц негативно характеризует умственные способности человека: *дурья голова, олух царя небесного, дубина стоеросовая, голова садовая, голова еловая, дырявая голова, мешок с соломой* и др.

Внешние, физические качества и свойства человека характеризует группа единиц: *каланча пожарная, коломенская верста, глухая тетеря, тепличное растение, драная кошка, слепая курица, сонная тетеря, синий чулок* и др.

Фразеологические единицы со значением предмета гораздо труднее поддаются рубрикации в номинативном аспекте. Довольно отчетливо они распадаются на две неравнообъемные группы – единицы с абстрактным и с конкретным значениями. Фразеологизмы первой группы называют видовые понятия, обозначающие онтологические категории (движение, время), и являются именами «определенных свойств, состояний, процессов, признаков» [8, с.113]. Так, абстрактное значение начала какого-либо процесса, действия выражают фразеологические единицы *путёвка в жизнь* ‘то, что открывает

дорогу кому-либо или чему-либо’, *первое слово* (1) ²⁰ ‘самое начало, исходное (в деле, в работе и т.п.)’, *проба пера* ‘первый литературный опыт’, *первая ласточка* ‘самые ранние, самые первые признаки наступления чего-либо’ и др.

Различные временные отрезки обозначают единицы *смертный час* (2) ‘время непосредственно перед смертью, кончиной’, *вчерашний день* ‘прошлое, прошедшее’, *завтрашний день* ‘будущее, ближайшее будущее’, *чёрный день* ‘трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастья’, *морковкино заговенье* ‘время, которое никогда не наступит, неопределённо отдалённое время’, *второе пришествие* ‘отдалённое будущее время’, *часы пик* ‘время наивысшего напряжения, загруженности в работе предприятия, транспорта и т.п.’, *мёртвый (тихий) час* ‘время отдыха в больнице, домашнего отдыха и т.п.’. К этой же группе примыкают единицы *золотая свадьба*, *бриллиантовая свадьба*, *медовый месяц*, *дни долгие* (‘долголетняя жизнь’) и др.

Основу, суть какого-либо явления называют и оценивают фразеологизмы *краеугольный камень* ‘основа, важнейшая, существенная часть, главная идея’, *хлеб насущный* (2) ‘самое важное, существенное, жизненно необходимое’, *золотой фонд* ‘самое лучшее, самое ценное, самое значимое, основное в чем-либо’, *первое слово* (2) ‘самое главное, существенное’ и др.

Названиями психических явлений и процессов являются фразеологические единицы, обозначающие и характеризующие различные эмоции, чувства (*скрежет зубовный*, *искра божья* (2), *мировая скорбь*), волевые качества (*присутствие духа*, *аннибалова клятва*), мыслительные феномены и операции (*задняя мысль*, *заколдованный круг*, *колумбово яйцо*), индивидуальные особенности, содержание и форму речи (*дар слова*, *живое слово*, *вредное словцо*, *набор слов*, *эзоповский язык*, *красное словцо*, *аттическая соль*, *суды да пересуды*, *бабьи сказки*, *плетение словес*, *тары-бары растабары*) и др.

“В остатке” – довольно большая группа фразеологических единиц с абстрактным значением, которая не поддается дальнейшей семантической дифференциации: *избиение младенцев*, *мамаево нашествие*, *мамаево побоище*, *мыльный пузырь*, *колосс на глиняных ногах*, *фиговый листок*, *камень преткновения*, *красивый жест*, *скачка с препятствиями*, *китайская стена*, *подводные камни*, *история с географией*, *золотая середина*, *узкое место*, *музейная редкость* и др.

Субстантивные фразеологические единицы со значением конкретного предмета немногочисленны и представляют собой наименования помещений, учреждений (*желтый дом*, *сумасшедший дом*, *дом терпимости*, *злчное место*, *шарашкина контора*), денег (*хлеб насущный* (1), *презренный металл*), явлений природы (*белые мухи*) и др.

Фразеологическое значение всегда манифестируется через определенное грамматическое значение. Основная масса фразеологических единиц со значением лица представлена единицами, могущими обозначать лиц и мужского, и женского пола: *заячья душа*, *бесструнная балалайка*, *базарная баба*, *ненасытная утроба*, *старая курица*, *белая кость*, *ноль без палочки*, *дутый пузырь*, *последняя ступица в спице*, *горе луковое*, *чернильная душа*, *тёртый калач*,

²⁰ Цифры в скобках указывают на соответствующий семантический вариант многозначной фразеологической единицы.

святая простота, кисейная барышня, переезжая сваха, отрезанный ломоть, заблудшая овца, абсолютный нуль, козёл отпущения, жеребячья порода и др. Значение пола конкретизируется в речи сочетаемостными характеристиками данных фразеологических единиц, а также широким контекстом.

Значение лица женского и мужского пола может быть выражено лексически и морфологически – лексическим значением и системой флексий субстантивного компонента. Ср.: фразеологические единицы со значением женского пола: *маменькина дочка, подруга жизни, соломенная вдова, раба божья, старая дева, христова невеста*; фразеологические единицы со значением мужского пола: *раб божий, наш брат, маменькин сынок, заплечных дел мастер, шут гороховый, олух царя небесного* и др. Гиперонимическую функцию (18, с. 282; 2, с. 14 и след.) по отношению к приведённым выше группам единиц выполняют соответственно фразеологизмы *слабый пол* и *сильны пол*, фразеологическое значение которых “поддерживается” лексическим значением адъективных компонентов.

В отдельных случаях значение лица реализуется в словообразовательном значении имени существительного, выраженном специфическими формантами. Ср.: *искатель приключений, соломенный вдовец; соломенная вдова, искательница приключений* и др. Уникально проявляется оппозиция по полу в единицах *казанский сирота – казанская сирота*, в которых существительное со значением общего рода сирота конкретизируется в узком фразеологическом контексте специальными показателями – флексиями адъективного компонента. Ср. также более сложную оппозицию: *маменькин сынок – маменькина дочка*.

Несколько фразеологических единиц объединяются значением собирательности: *сильный пол, слабый пол, ваш брат, ваша сестра, злые языки, панургово стадо, тяжёлая артиллерия* и др.

Абстрактная семантика фразеологических субстантивов находит нерегулярное выражение в лексических значениях имен существительных, а также в их словообразовательных значениях, выраженных формально – суффиксами отвлеченного действия *-ениџ-, -ствиџ-, -и(a)*, отвлеченного признака *-ость* и др.

Анализ субстантивных фразеологических единиц в номинативном аспекте показал, что группировка имен во фразеологии, по сравнению с лексикой, носит более узкий, избирательный характер. Это обусловлено прежде всего оценочностью, характеристичностью фразеологической семантики, особым набором присущих фразеологическим единицам языковых функций – номинативной (обозначения) и эмотивной, прагматической (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия).

В подклассе фразеологических субстантивов отсутствуют группы имён, обозначающих вещества, животных, единично представлены наименования конкретных предметов. Абстрактные имена отражают не все семиологические подтипы, отмеченные в научной литературе [8, с. 100–114]. Изучение основных семантико-грамматических разрядов фразеологии в ономазиологическом аспекте, несомненно, может способствовать выявлению онтологических характеристик фразеологических единиц и дальнейшему развитию общей теории номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко В.Т.* Предикативные фразеологические единицы с грамматическим значением состояния в современном русском языке / Автореф... канд. филол. наук. – Калинин, 1975.
2. *Ефимова Н.А.* Фразеологическая антропонимия в современном английском языке и её семантические особенности / Автореф. ... канд. филол. наук. – Москва, 1975.
3. *Гвоздарёв Ю.А.* О семантической классификации фразеологических единиц русского языка // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Часть 1. Тезисы докладов и сообщений. – Волгоград, 1971.
4. *Ионова И.А.* Фразеологические единицы с адъективным значением в современном русском языке (К вопросу о соотносённости фразеологических единиц с частями речи) / Автореф... канд. филол. наук. – Москва, 1975.
5. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – Москва: Наука, 1978.
6. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 127.
7. *Рогожникова Р.П.* Об эквивалентах слова в русском языке // ВЯ. – Москва, 1977. – № 5.
8. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. – Москва: Наука, 1974 (Глава 3).
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. – Москва: Сов. энциклопедия, 1967.
10. *Чепасова А.М.* Семантические классы русских фразеологизмов. – Челябинск, 1974.
11. *Чепасова А.М.* Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья первая) // Вопросы фразеологии современного русского языка. – Челябинск, 1975.
12. *Чепасова А.М.* Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья вторая) // Фразеологическая система языка. – Челябинск, 1976.
13. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – Москва: Высшая школа, 1969.
14. *Эмирова А.М.* Фразеология сферы интеллектуальной деятельности // Вопросы русской и славянской фразеологии. XIII. – Самарканд, 1978.
15. *Эмирова А.М.* Структура и семантика фразеологического поля эмоций // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. – Самарканд, 1978.
16. *Эмирова А.М.* К теоретическим основам фразеологической идеографии (Некоторые проблемы фразеологической ономаσιологии). – Вопросы фразеологии. XIV. – Самарканд, 1979.
17. *Эмирова А.М.* Некоторые проблемы фразеологии в ономаσιологическом аспекте // Вопросы фразеологии. XV. – Самарканд, 1980.
18. Языковая номинация (Общие вопросы). – Москва: Наука, 1977.

ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ И ФРАЗЕОЛОГИЯ

(К вопросу об объекте фразеологической номинации)

(Вопросы семантики фразеологических единиц / Сборник научных трудов. – Самарканд, 1983. – С. 10–17)

Анализ фразеологических единиц в номинативном аспекте предполагает исследование таких вопросов, как знаковый характер фразеологических единиц (ФЕ) и их словных компонентов, соотношение ФЕ с мыслительным содержанием и внеязыковыми реалиями и др. В данной работе остановимся подробнее на вопросе об объекте фразеологической номинации.

Каков объект фразеологической номинации? Что обозначают ФЕ – элементы или события, ситуации объективной действительности?

В зависимости от характера номината (обозначаемого объекта) В.Г. Гак предлагает делить номинации на два типа – элементные и событийные (ситуативные). “Элементная номинация обозначает определённый элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект”²¹. Сочетание двух простых элементов дает в результате сложный элемент ситуации со структурой предмет + признак, действие + предмет и т.п. Событийная же номинация обозначает событие, факт, объединяющий несколько разных элементов.

Номинантом (языковой формой) элементной номинации является слово или словосочетание, событийная же номинация имеет внешнюю форму предложения, в связи с чем она иногда именуется пропозитивной номинацией.

Идиоматика современного русского языка представлена преимущественно признаковыми именами, обозначающими признаки и свойства денотатов: глагольными ФЕ, конкретизирующими категорию признака в виде действия, состояния предмета; адвербиальными ФЕ, характеризующими действия и процессы; предикативными в таких разновидностях, как субстантивно-предикативные (субстантивные ФЕ с качественным значением), адъективно-наречно-предикативными (наречные ФЕ с количественным значением). Обозначая признаки и свойства предметов, все признаковые имена имеют в своем номинативном значении указание на эти предметы, которое реализуется в рамках синтагматического развёртывания их семантики. Признаковые имена могут быть квалифицированы как “скрытые синтагмы”²²: знаковое значение их развёртывается в минимальных двучленных синтагмах.

Номинативное значение признаковых имен облигаторно ориентировано относительно субъекта, носителя признака или производителя действия, причём такая субъектная ориентация может быть непосредственной (для глагольных и субстантивных ФЕ) или опосредованной – через глагол (для наречных ФЕ). Указание на другие актанты (элементы содержания, реализующиеся в моделях синтагматического развёртывания языковой единицы), например, на объект или место, в содержании предикатных (признаковых) имен встречается реже.

Именные фразеологические единицы с качественным значением имплицитно влекут левый актант со значением субъекта – носителя признака. Чаще всего в этой позиции выступают антропонимы или их заместители (местоимения). Так, субстантивные ФЕ *гусь лапчатый*, *волк в овечьей шкуре*, *коломенская верста*, *козёл отпущения*, *голь перекатная* и др. построены по номинативной модели лицо + признак, при этом значение лица вынесено за рамки ФЕ и перенесено в область синтагматических отношений: кто есть *коломенская верста*, кто есть *голь перекатная* и др. Признаковая часть номинаций состоит, как правило, не из одного, а нескольких признаков,

²¹ Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – Москва, 1977. – С. 257.

²² Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва, 1977. – С. 69.

переплетённых друг с другом и образующих сложный признак. Так, *голова садовая* – это ‘несообразительный и неловкий человек’.

Аналогичную структуру номинации имеют адъективные ФЕ, обозначающие сложный признак (свойство, качество), присущий лицу: *кто воды не замутит* – ‘очень скромн, тих, кроток’; *кто остёр на язык* – ‘остроумен, язвительн’; *кто не громах* – ‘ловок, сообразителен, не упустит своего’ и др.

Для некоторой части адъективных ФЕ с субъектно ориентированным значением указание на субъект – носитель признака может задаваться падежным вопросом. На поверхностно-грамматическом уровне такой актант принимает жёстко заданную форму косвенного падежа существительного или его заместителя: *ветер в голове гуляет* у кого ‘кто-либо легкомыслен, несерьёзен’; *из пушки не прошибёшь кого* ‘ничем не убедишь, никак не воздействуешь на кого-либо’; *нос не дорос* у кого ‘кто-либо ещё слишком молод, чтобы делать что-либо, заниматься чем-либо’ и др.

Как видно из словарных дефиниций, левый актант, выраженный падежной или предложно-падежной формой имени, на логико-грамматическом уровне является субъектом, которому приписывается сложный признак, обозначенный с помощью фразеологической единицы. Номинативное значение рассмотренных именных ФЕ (субстантивных и адъективных) ориентировано относительно субъекта, который реализуется в речи преимущественно в позиции слева. Такие ФЕ можно назвать одновалентными субъектными номинациями.

К одновалентным субъектным номинациям относится и часть глагольных ФЕ, обозначающих процессы, действия, совершаемые субъектом, или состояния, свойственные субъекту (левый актант): *идти ко дну*, *вешать голову*, *биться об заклад*, *биться как рыба об лёд*, *владеть пером* и др.

В знаковом значении фразеологических единиц может присутствовать указание ещё на один элемент, который на поверхностно-грамматическом уровне задаётся падежным вопросом и функционирует преимущественно в качестве пациенса. Актантная рамка таких единиц имеет следующую структуру: в позиции слева – агенс, в позиции справа – пациенс. Например: *что есть заключительный аккорд* чего; *кто есть на голову выше* кого; *у кого голова забита* чем; *у кого глаз набит* в чём и др.

Глагольные ФЕ, обозначая сложное действие, процесс, состояние, могут указывать одновременно на агенс (в позиции слева) и пациенс (в позиции справа), при этом грамматическая форма пациенса так же, как у именных ФЕ, задаётся падежным вопросом: *брать на арапа* кого; *приложить руки* к кому–чему; *прийти в голову* кому; *держаться на привязи* кого; *наступить на ноги* кому; *вить веревки* из кого; *вилять хвостом* перед кем и др. Очень редки глагольные ФЕ, имеющие в правой позиции два объектных актанта: *совать под нос* кому что.

Таким образом, семантика части глагольных ФЕ ориентирована только на субъект, другой части – на субъект и объект действия одновременно. Фразеологические номинации первого типа можно назвать одновалентными

субъектными, второго типа – двухвалентными субъектно-объектными²³.

Наречные ФЕ ориентированы в своем знаковом значении налево, где находится процессуальное имя – глагол со значением конкретного действия, абстрактного процесса или состояния. Семантический диапазон сочетающихся с наречными ФЕ глаголов весьма широк – от семантически и тематически различных, далёких друг от друга групп до обязательного одиночного окружения. Ограничения, накладываемые на сочетаемость наречных ФЕ с глаголами (реже – прилагательными), вызываются как собственно языковыми причинами (закрепленностью языкового значения за определенной сферой внеязыковой действительности), так и внеязыковыми факторами – характером связи между самими предметами в объективном мире. Ср. сочетаемостные потенции наречных ФЕ *с кондачка, во все лопатки, как банный лист* (ФЕ расположены по нарастанию ограничений на сочетаемость).

Особое положение в системе фразеологических номинаций занимают ФЕ, структурно организованные как двусоставное предложение, но функционирующие в качестве одного элемента – сказуемого – в безличном предложении. Это разные по характеру категориальной семантики единицы: 1) адъективные (*голова варит, гайка слаба, кишка тонка, мозги набекрень, молоко на губах не обсохло, ветер в голове гуляет* – у кого); 2) адвербиальные (*кот заплакал, куры не клюют* – чего); 3) собственно предикативные (*душа уходит в пятки, глаза на лоб лезут, ветер свистит в карманах, язык заплетается, почва уходит из-под ног* – у кого; *карачун пришел кому; руки не доходят до кого* – чего²⁴).

Предложенная рубрикация таких ФЕ основана на особенностях их семантизации, т.е. типов словарных толкований их значений: первые толкуются о помощи адъективных синтагм (*молоко на губах не обсохло* – ‘совсем ещё молод и неопытен’), вторые – с помощью наречных (*кот заплакал* – ‘очень мало’), третьи – с помощью глагольных словосочетаний (*душа уходит в пятки* – ‘испытывает сильный страх’).

Вне контекста рассмотренные ФЕ семантически и функционально несамодостаточны – только при заполнении актантных позиций слева (для части ФЕ и справа), заданных падежными вопросами, они способны образовать минимальный (коммуникативно достаточный) контекст – безличное предложение.

Следовательно, предикативные ФЕ, имеющие структуру двусоставного предложения, но функционирующие в качестве одного члена предложения – сказуемого, также должны быть квалифицированы как элементные номинации. Их следует чётко отграничивать от устойчивых словесных комплексов, структурно организованных как предложение, но образующих законченное

²³ Там же, с. 72 и след.

²⁴ Фразеологические единицы указанного типа получили название глагольно-позициональных. См.: *Молотков А.И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. // Фразеологический словарь русского языка. – Москва, 1967. – С. 8; *он же.* Основы фразеологии русского языка. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 143–147.

высказывание, – поговорок, поговорок, афоризмов, цитат²⁵: *Сухая ложка рот дерет. Шила в мешке не утаишь. Мал золотник, да дорог. Сорок лет – бабий век. Уговор дороже денег. Человек – это звучит гордо* и др. Такие сочетания слов имеют форму предложения (одно- или двусоставного), обозначают ряд элементов, сцеплённых в ситуацию, событие, и, следовательно, должны квалифицироваться в качестве событийных номинаций. Они находятся за пределами идиоматики языка и относятся к фразеологии в широком смысле.

Следует отметить, однако, что дифференциация фразеологических номинаций на элементные и событийные представляет определённую трудность. И это связано прежде всего со сложностью, “тройственностью” природы ФЕ, предполагающей установление связи языковых явлений как с мыслительным содержанием, так и с фактами внеязыковой действительности.

Решение данного вопроса может проясниться при обращении к некоторым логическим формам и категориям. На логическом уровне элементы объективной действительности могут отражаться в форме конкретного понятия (“понятие, в котором отображён определённый, данный предмет или класс класс предметов”²⁶) или абстрактного понятия (“понятие, в котором отображён не данный предмет как таковой, а какое-либо свойство предметов, отвлечённое мысленно от самих предметов»²⁷).

Фразеологические единицы, как признаковые, предикатные имена, выражают только абстрактные понятия, т.к. они именуют процессы, состояния, признаки предметов и действий, Возражение может вызвать интерпретация логико-семантического содержания лишь субстантивных фразеологических единиц. При формальном подходе к анализу их дефиниций может сложиться впечатление, что сигнификат субстантивной ФЕ, например *мокрая курица* (‘безвольный, бесхарактерный человек’), представляет собой сочетание конкретного понятия (*человек*) с абстрактным, отражающим свойство, признак человека (*безвольный, бесхарактерный*). Постараемся показать ошибочность такой интерпретации. Обращает на себя внимание, что неизменным компонентом дефиниций субстантивных ФЕ, характеризующих человека по его свойствам и признакам – физическим, психическим, социальным, является лексема *человек*, а в составе дефиниций субстантивных ФЕ со значением неодушевленного предмета часто встречается указательное местоимение *то*. Ср.: *стреляный воробей* – ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’; *калиф на час* – ‘человек, наделённый или завладевший властью на короткое время’; *пробный камень* – ‘то, что выявляет свойства, качества, сущность кого-либо’; *ариаднина нить* – ‘то, что помогает найти выход из затруднительного положения’ и др. Ср. также два значения ФЕ: *тяжёлая артиллерия*: 1) ‘неповоротливый (-ые), медлительный (-ые) человек (люди)’;

²⁵ Такие семантически и функционально разнотипные единицы часто не разграничиваются и рассматриваются в качестве одного объекта анализа. Отсюда до сих пор встречающиеся названия научных работ типа «Фразеологические единицы со структурой предложения в таком-то языке».

²⁶ Кондаков Н.И. Логический словарь. – Москва: Наука, 1971. – С. 223.

²⁷ Там же. – С. 11.

2) ‘то, что придерживается на самый крайний случай как самое надёжное, действенное средство для достижения чего-либо’.

Дефиниции, построенные без указанных слов *человек* и *то*, можно рассматривать как некорректные, обусловленные недостаточной разработанностью в теории и практике лексикографии принципов построения словарных дефиниций. Случаи же однословных дефиниций могут быть квалифицированы как свёртки, которые легко развёртываются по типичной для субстантивных ФЕ формуле словарного толкования. Например, ФЕ *канцелярская крыса* толкуется как ‘чинуша, бюрократ, формалист’. Каждое из этих слов имеет признаковое значение и может быть семантизировано по формуле человек + признак: чинуша – ‘тот, кто ведёт свою работу с холодным равнодушием, без интереса’; бюрократ – ‘человек, который привержен к бюрократизму’; формалист – ‘человек, работа которого проникнута формализмом’. Подставив любое из этих толкований в дефиницию ФЕ *канцелярская крыса*, получим типичную для субстантивных ФЕ со значением лица формулу семантизации.

Изофункциональность лексем *человек* и *тот, то* в составе дефиниций рассмотренного типа наталкивает на мысль об их семантической однородности: лексема *человек* выполняет здесь не номинативную функцию, а дейктическую, указательную, как местоимение *то*. Наше предположение неожиданно подтвердилось данными частотного словаря семантических множителей: лексема *человек* включена в список нулевых множителей, как обладающая очень широкой семантикой, семантически пустая²⁸. Это даёт нам основание полагать, что лексема *человек* в составе дефиниций рассмотренного типа является формальным показателем класса предметов, которым приписывается данный признак. Следовательно, подобные субстантивные ФЕ могут квалифицироваться в качестве элементарных номинаций, отражающих не предмет, а признак предмета (гесп. выражающих абстрактное понятие).

Фразеологическая идиоматика, таким образом, является специфическим номинативным средством языка, позволяющим именовать сложные элементы ситуации, объективно существующие в качестве целостных, недискретных объектов познания с “включёнными” в них атрибутами. Отражённые в логических формах и категориях, такие сложные элементы ситуации адекватно именуется с помощью фразеологических единиц, номинативное значение которых соответствует моделям предмет + его признак, действие + его признак и др.

²⁸ Семантический множитель *чел.* (т.н. квазиснова лексемы *человек*) имеет на дескрипторном множестве, т.е. в дефинициях дескрипторов, индекс частотности 59, на массиве словника – 91 и занимает 5-ю позицию в частотном словнике семантических множителей. Содержательную интерпретацию приведённых данных см.: *Караулов Ю.Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка. – Москва: Наука, 1980. – С. 3–35.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

(Вопросы фразеологической стилистики / Сборник научных статей. – Самарканд, 1983. – С. 89–94.)

Последнее десятилетие в развитии отечественного языкознания отмечено успехами в области теории фразеологии и лексикографии, а также всё расширяющейся практикой издания филологических словарей разного типа, в том числе и фразеологических. Эти достижения способствовали становлению нового раздела науки о языке – фразеологии как науки о теории и практике составления фразеологических словарей разного типа.

В начале 70-х годов на кафедре русского и общего языкознания Самаркандского государственного университета под руководством проф. Л.И. Ройзензона началась работа по составлению «Фразеологического словаря русской советской поэзии» (ФСРСП). Источником словаря явились произведения русских советских поэтов, изданные в 60-е годы (с 1960 по 1970 гг.). Выбор именно этого периода (несмотря на некоторую условность его границ) объясняется как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. Прежде всего, это слабая изученность и, следовательно, актуальность проблемы «фразеология и поэзия». С другой стороны, 60-е годы явились яркой страницей в развитии советской поэзии: в эти годы в поэзию пришла большая группа талантливых поэтов, которые заявили о себе своими произведениями и публичными выступлениями, вызвавшими необычайный интерес к поэзии.

В основу картотеки²⁹ ФСРСП, начитывающей около 20 тысяч карточек (употреблений), легли произведения поэтов разного возраста и «ранга»: П. Антокольского, А. Ахматовой, М. Алигер, Б. Ахмадулиной, А. Барто, С. Баруздина, М. Борисовой, В. Бокова, В. Берестова, В. Бершадского, О. Берггольц, А. Брагина, Е. Винокурова, К. Ваншенкина, С. Васильева, Л. Васильевой, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. Мыслилось, что только максимально полная и представительная выборка языкового материала даст возможность выявить наиболее характерные тенденции употребления фразеологии в поэтической речи. Отсюда вытекали следующие цели и задачи словаря:

1. Выявить и представить в обозримой форме ту часть фразеологического достояния современного русского языка, которая используется в поэтических текстах разных жанров. Уточнить содержание понятия «поэтическая фразеология» применительно к современному этапу развития русского литературного языка.

2. Показать способы включения в поэтическую ткань произведения фразеологических единиц общенародного языка, способы их структурно-семантических трансформаций и типологию этих процессов, обусловленных образно-эстетическим содержанием поэтического произведения.

Материалы картотеки показали, что в поэтической речи широко

²⁹ Картотека составлялась в течение ряда лет преподавателями кафедры русского и общего языкознания Сам.ГУ, а также слушателями спецкурсов и спецсеминаров по русской фразеологии под руководством преподавателей.

представлена фразеология различных семантико-грамматических и стилистических разрядов. Предварительные³⁰ наблюдения позволяют сделать вывод о преобладании разговорно-просторечной фразеологии над нейтральной и книжной. Это большой пласт единиц, различных по структуре и степени семантической слитности компонентов: идиомы – *бить баклуши, дойти до ручки, крутить шаши* и др.; фразеологические сочетания (по классификации В.В. Виноградова – Н.М. Шанского), в составе которых имеются слова с фразеологически связанным значением: *безысходное горе, глухая полночь, глухая тоска, глухая боль, круглые сутки, круглая сирота, одержать победу, принимать решение* и др. К разговорно-бытовой фразеологии примыкают фольклорные единицы различных структурных типов, в том числе пословично-поговорочные выражения: *горячая кровь, горячие слезы; сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит; береги честь смолоду, а платье снову; близок локоть, да не укусишь* и др. Значителен в поэтической речи также пласт нейтральной фразеологии, представленной единицами с временной, пространственной и количественной семантикой: *от зари до зари, без лишних слов, разбросать по свету* и др., а также устойчивыми глагольными сочетаниями: *бросать взгляд, бросать упрёк* и др. Книжная фразеология незначительна в количественном отношении. Это единицы различных генетических разрядов – библеизмы, мифологизмы, старославянизмы, изречения из литературных источников: *добывать в поте лица, круги ада, глас вопиющего в пустыне, строить воздушные замки* и др.

В процессе обработки поэтических текстов и формирования словаря ФСРСП составители словаря постоянно сталкивались с трудностями разного рода: Как отграничить общеязыковую единицу от индивидуально-авторского новообразования? Является ли данное сочетание слов регулярной парадигматической формой фразеологической единицы или её вариантом – узуальным или авторским? Какой должна быть инвариантная форма фразеологической единицы и, следовательно, как свести все её разновидности к инварианту? и т.д. Указанные вопросы решались составителями словаря во многом на интуитивном уровне, что, естественно, не исключало субъективизма в оценке языковых явлений.

Критерии отбора из поэтической речи фразеологических единиц основаны на предельно широком понимании объёма и границ фразеологии. И тем не менее в процессе работы над словарём приходилось пересматривать и уточнять некоторые теоретические вопросы, связанные с определением языкового статуса отдельных разрядов устойчивых словосочетаний, например, образных сравнений, сочетаний существительных с эпитетами и др.

Поэтическая речь как одна из форм художественной речи характеризуется повышенной эмоциональностью и поэтому предрасполагает к использованию различных образных средств – метафоры в широком смысле, в том числе образных сравнений и эпитетов. И действительно, в стихотворных текстах встречается большое количество образных сравнений как общеязыкового

³⁰ Работа над словарем ФСРСП еще не завершена, поэтому мы не имеем возможности указать статистические параметры характеризуемых языковых явлений.

характера (*как полынью, как ветром сдуло, как в воду канул, как из ведра, как из пушки, как зеницу ока*), так и индивидуально-авторских (*как яблоко на ладони, как дух, как бог, как с братом брат, как собачонка, как сквозь слезы*). К фразеологии следует отнести только первые, общезыковые, сравнения, как устойчивые и общеупотребительные единицы. Индивидуально-авторские же образные сравнения, обладающие яркой эмоциональностью, оригинальной внутренней формой, остаются за пределами общенародной фразеологии.

Эпитеты разного типа также довольно частотный элемент поэтической речи. Эпитеты понимаются нами достаточно широко – как характеризующие определения [1]. К фразеологии, однако, можно отнести не всякие образно-характеризующие словосочетания, включающие в свой состав эпитеты-прилагательные, а только такие, которые являются устойчивыми и общеупотребительными. Это могут быть устойчивые номинативные словосочетания типа *высотный дом, массовый читатель*; словосочетания, включающие в свой состав слова с фразеологически связанным значением (*крутой характер, крутое слово, крутой подъём, крутая дорога, крутой язык*); народно-поэтические эпитеты, имеющие ограниченную сочетаемость с определяемым словом (*горячая кровь, горячие слезы*).

Значительные трудности представляют определение фразеологического инварианта, особенно при наличии залоговых корреляций (*разрывать на части – разрываться на части*), разграничение семантических вариантов одной и той же единицы, а также фразеологизмов, в составе которых имеется общий компонент. Например, в текстах встретился ряд сочетаний: *куда ни глянь, куда ни гляну, куда ни взгляну, куда ни глянешь, куда ни глянете, куда бы взгляда я ни кинул, куда ни кинешь взгляд, куда ни кинешь взор* и др. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова (далее – ФСРЯ) зафиксирована только одна единица – *куда ни кинь глазом (взглядом)*. Часть вышеприведённых сочетаний является парадигматическими формами, часть вариантами одной и той же единицы, инвариантная форма которой может быть представлена в следующем виде – *куда ни глянь (кинь глазом, взглядом, взором)* ³¹. Не решённым до сих пор в теории фразеологии остается вопрос о фразеологических конверсивах: считать ли их формой той фразеологической единицы, на основе которой они образованы, или самостоятельными дериватами. Ср.: *воздушный замок < строить воздушные замки, разбитое сердце < разбить сердце, кружение головы < голова кружится* и др. Как видно из приведённых выше примеров, определение языкового статуса образных и устойчивых оборотов в поэтических текстах связано со значительными трудностями как теоретического (неразработанность вопроса), так и практического (отсутствие фундаментального фразеологического словаря русского языка) характера.

Художественная речь является, как известно, феноменальной творческой лабораторией, в которой под рукой художника слова языковые единицы

³¹ Способы подачи различных типов вариантов фразеологических единиц с помощью разных графических средств (скобок) заимствованы нами из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (Москва, 1967).

«преобразовываются и преображаются, получают дополнительные характеристики, обнаруживают «приращение смысла», расширение связей и взаимодействий, выступая в художественной речи как качественно новые единицы, реализуя свои эстетические потенции выразительности» [2, с. 60]. В поэтических текстах в изолированном виде фразеологизмы используются сравнительно редко. Обычно они тесно связаны с другими изобразительно-выразительными средствами, т.н. тропами и стилистическими фигурами, взаимодействуют с ними, «поддерживают» их, создавая объёмный художественно-эстетический эффект.

В условиях художественно насыщенного поэтического текста фразеологические единицы гораздо чаще, как нам представляется, чем слова, подвергаются различным трансформациям (семантическим и формальным), т.к. они, как «крупногабаритные блоки», сверхсловные единицы, «вынуждены» приспосабливаться к поэтической ткани (метрике, мелодике, рифме и т.д.), адаптируясь к окружающим образным средствам. Применительно к задачам составления нашего словаря можно отвлечься от проблемы широкого взаимодействия тропов в поэтическом контексте и рассмотреть некоторые наиболее типичные для анализируемого периода способы преобразования фразеологических единиц без учёта их специфики в творчестве отдельных поэтов. Думается, что такой подход также правомерен, т.к. он позволяет проследить эволюцию типологии фразеологических преобразований в разные периоды “жизни” поэзии и может пролить свет на некоторые глобальные проблемы стилистики и теории литературного языка (взаимодействие функциональных стилей в разные периоды развития языка, основные тенденции развития литературного языка на определенном этапе и др.).

Значительное количество фразеологических единиц включается в поэтический текст без изменения их узуальной формы. Но даже в таких условиях значение фразеологической единицы может существенно измениться. Изменения характера фразеологического окружения (семантического и грамматического) может сопровождаться расширением, дальнейшим абстрагированием значения фразеологизма и, в конечном счёте, формированием нового семантического варианта. Сюда же примыкает т.н. буквализация, т.е. восстановление исходного значения словосочетания-прототипа, которое может наблюдаться в определенных контекстуальных условиях, например, при фразеологическом анжамбемане (перенесении отдельных компонентов фразеологизма с одной строки на другую).

Материалы картотеки ФРСРП позволили выделить различные способы трансформации фразеологических единиц. Наиболее часто встречаются преобразования, связанные с лексическими субституциями: один из компонентов фразеологической единицы заменяется общеязыковым или окказиональным синонимом, тематически близким или контекстуально необходимым словом. Ср.: *безысходное горе – безысходное лицо, без лишних слов – без длинных слов, от зари до зари – от зари до звёзд, разбиваться в лепёшку – разбиваться в блин, рубить сплеча – косить сплеча, держать камень за пазухой – держать за пазухой войну* и др. К преобразованиям на лексическом уровне можно отнести и т.н. количественную трансформацию –

усечение одного или нескольких компонентов: *без лишних слов – без слов, голова кругом идёт – голова кругом* и др.

Часть преобразования фразеологических единиц и на грамматическом уровне: могут изменяться и морфологическая (в том числе и морфемная) структура одного или нескольких компонентов (ср.: *разбирать по косточкам – разбирать по костям, сердце болит – сердечко болит*), и синтаксический строй словосочетания. Частным случаем синтаксических преобразований является изменение привычного порядка слов в составе фразеологических единиц (инверсия): *баклуши бить, век свой доживать* и др.

Фразеологическая контаминация может быть квалифицирована как смешанный тип преобразования, т.к. она сопровождается изменением как лексического состава, так и грамматической структуры фразеологизмов. Простейшим случаем контаминации является соположение (часто в разной последовательности) двух фразеологических единиц, имеющих общий компонент: *резнуть по сердцу + нож в сердце = резнуть по сердцу ножом, верить на слово + честное слово = верить на честное слово* и др.

В поэтических текстах часты и такие сложные, многоярусные трансформации фразеологизмов, которые трудно подвести под какой-либо тип преобразований. Фразеологическая единица “растворяется” в тексте, на “поверхности” которого остаются отдельные элементы, которые сигнализируют об устойчивом обороте: *Все те песни, похожие на локоть, который всё же нужно укутить* (Н. Тихонов), Такой тип преобразований можно условно назвать фразеологической реминисценцией.

Намеченные выше типы преобразований фразеологизмов, несомненно, нуждаются в дальнейшем уточнении и характеристике, в частности, и в аспекте выполняемых ими эстетических, художественных функций.

Таковы наши предварительные наблюдения над использованием фразеологии в поэтической речи. Составителям ФСРСП предстоит закончить формирование словника словаря, разработать структуру словарной статьи, систему стиливых и эмоциональных помет и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачевич К.С., Хабло К.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Ленинград, 1979.
2. Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. – Москва: Наука, 1973. – С. 60.

К ВОПРОСУ О НОМИНАТИВНОЙ СУЩНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ (ИДИОМАТИЧЕСКИХ) ПРЕДИКАТОВ

(Журнал «Вопросы языкознания». – Москва, 1984. – № 6. – С. 114–118.).

По характеру смыслового содержания и по назначению в системе языка фразеологизмы принадлежат к классу знаменательных, полнозначных языковых единиц. Дихотомическая классификация языковых единиц (знаменательные и служебные, полнозначные и неполнозначные) в новейшем

языкознании неоднократно подвергалась всестороннему пересмотру. В частности, были введены некоторые дополнительные основания классификации – учёт особых знаковых признаков языковых единиц. Так, А.А. Уфимцева при классификации слов по семиологическим свойствам предлагает учитывать следующие факторы: 1) наличие (отсутствие) и характер соотнесённости денотативных и сигнификативных компонентов, составляющих основу знакового значения слова; 2) сферу языка, преимущественно обслуживаемую данными знаками (речемыслительную, коммуникативную, номинативную, прагматическую) и др. [1, с. 34; 2, с. 84]. Эта классификация дополняется другой, учитывающей обусловленность содержания языковых единиц их ролью в сообщении. Коммуникативный подход позволил выделить два типа языковых единиц – идентифицирующие и предикатные единицы [3 – 8].

Идиоматика современного русского языка представлена преимущественно предикатными (признаковыми) именами. Идиомы с т.н. идентифицирующим значением составляют количественно незначительный разряд единиц, выполняющих собственно номинативную, терминологическую функцию и являющихся названиями естественных объектов. Среди них исследователи отмечали и выделяли названия (преимущественно народные) объектов флоры и фауны (*пастушья сумка, львиный зев*), болезней (*антонов огонь*), бытовые наименования (*мёртвый час, гусиные лапки 'морщины'*) и др.

Предикативно-характеризующий тип значения основной массы идиом обусловлен тем, что их содержание формируется в высказывании в качестве его предикативного (пропозиционального) ядра для удовлетворения определённой коммуникативной и прагматической потребности и постоянно шлифуется под влиянием выполняемой ими коммуникативной функции. Фразеологическое значение, таким образом, представляет собой своеобразную конденсацию семантической структуры предложения-высказывания.

Эту специфику фразеологического значения отмечал ещё акад. В.В. Виноградов. Среди языковых причин, способствующих формированию фразеологических единств, он отмечал синтаксическую специализацию таких единиц, т.е. их употребление в строго фиксированной грамматической форме и синтаксической функции. Например, шутливо-фамильярное выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции сказуемого: *Медик пьян как сапожник. На сцену ноль внимания* [9]. Можно провести аналогию между фразеологическими единицами такого типа и словами с функционально-синтаксически ограниченными значениями. Отмечая, что синтаксические свойства подобных слов в роли члена предложения (сказуемого) как бы включены в их семантическую характеристику, В.В. Виноградов определил их значение как предикативно-характеризующее [9 – 11]: выполняя функцию сказуемого, они одновременно оценивают, характеризуют те или иные признаки предмета.

Предикатный (признаковый) характер семантики идиом не исключает номинативной предназначенности таких единиц, т.е. их отнесённости –

через концептуальное содержание – к объективному миру, их способности представлять, репрезентировать признаки предметов, называемых идентифицирующими словами³². В речевых актах идиомы не только сообщают новую информацию о предмете (о его свойствах, качествах, действиях, состояниях и других признаках), названном идентифицирующим именем, но одновременно являются и названиями сообщаемых признаков. Трудности, возникающие при выявлении номинативной сущности актуализируемых в речи фразеологизмов, связаны прежде всего со спецификой их денотатов: они называют не классы дискретных предметов реальной действительности, а их существенные признаки, их атрибуты, которые не существуют и, следовательно, не мыслятся вне этих предметов, «включены» в них.

Идиомы представляют собой такие признаковые имена, которые обозначают и характеризуют преимущественно психические состояния и свойства человека (эмоции, чувства, проявления интеллектуальной деятельности), его моральные качества, дают его социальную, межличностную оценку. Эти характеристики человека не существуют в качестве «отчуждённых» от него признаков, не являются чем-то внешним по отношению нему³³.

Известно, что дискретные объекты действительности (в философии им соответствует категория вещи) относительно легко воспринимаются, вычлняются и именуется как в онтогенезе – в ходе индивидуального развития человеческой личности, – так и филогенетически – в ходе поступательного развития общественного познания (науки) в целом. Что касается свойств и качеств предметов, особенно их отношений, то они открываются и классифицируются постепенно, в процессе практической деятельности и научного познания человеком природы. «Категория отношения является более сложной и абстрактной, чем, скажем, категории вещи и свойства. Вещи и свойства часто можно непосредственно видеть,

³² Признавая отношение «имя существительное – предмет» основным, ядерным типом номинации, В.Г. Гака считает, что «расширение понятия лингвистической номинации идёт как за счёт широкого понимания её содержательного аспекта, так и по линии более широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте» [12]. Выражение в языке несубстанциональных элементов действительности (свойств, качеств, отношений, процессов, действий, состояний) с помощью прилагательных, наречий, глаголов, по мнению В.Г. Гака, тоже следует квалифицировать в качестве номинации.

³³ Понимая психическую деятельность в качестве неотъемлемого параметра человеческой личности, в речи говорящие, тем не менее, склонны экстерииоризировать константы психики – «чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто, отдельное от нас, но и как нечто, вступающее с нашим «я» в определённые, дружеские или враждебные, отношения...». [4, с. 94]. Такая экстерииоризация компонентов психики происходит лишь на поверхностно-грамматическом уровне предложения (ср.: *В нас горят желанья. – Мы желаем; У меня душа ушла в пятки. – Я испугалась* и др.). Она обусловлена сложностью, «ненаблюдаемостью» внутреннего мира человека, который именно в силу этого моделируется по образцу внешнего, материального мира (ср. [13]).

слышать, вообще чувственно воспринимать. Отношения же чувственно не воспринимаются. Не случайно ребёнок усваивает понятия об отношениях позже, чем понятия о вещах и свойствах» [14]³⁴.

Номинативная сущность фразеологических предикатов проясняется и при обращении к коммуникативным аспектам синтаксиса, к категориям синтаксической семантики. Наши наблюдения показали, что основная масса фразеологических единиц (субстантивные, адъективные, глагольные, часть наречных) функционирует в качестве сказуемого в предложениях разного структурного типа. Многообразные и разносторонние отношения между предметами объективного мира находят в языке соответствия в определённых синтаксических моделях. Картина мира, отражаемая в содержании текста, «не может объективироваться иначе, чем в синтаксических моделях, предназначенных языком для того или иного содержания [15, с. 15]³⁵.

Центральной категорией синтаксической структуры предложения, формирующейся на основе взаимодействия синтаксических значений членов предложения и лексических значений слов, является (наряду с субъектом) предикативный признак, т.е. признак, выявляющийся в объективно-модальном плане, – в комплексе значений времени и реальности / нереальности [17, с. 124]. Категория признака реализуется как действие, состояние или свойство, т.е. в форме классических предикатов – глаголов и различных образований с *быть*, выступающих в функции сказуемого. Следовательно, тип предложения (синтаксическая модель, схема), лежащий в основе его семантической структуры, обусловлен типом предиката (в том числе и фразеологического), который в свою очередь соотносится с объективной действительностью, отражая её так, как это доступно нашему языковому сознанию³⁶. В этих различиях структурных типов предложения и проявляется «план связи предложения с внеязыковым миром» [15, с. 24].

О нерасчленённости функций указания и сообщения в содержании предикатных единиц свидетельствует, на наш взгляд, и тесная связь субъекта и предиката: субъект предназначен не только для идентификации предмета речи,

³⁴ Высокой степенью абстракции, свойственной значениям идиом, отражающих различные свойства и отношения предметов реального мира (в том числе и «невидимого» – человеческой психики), можно объяснить явление этимологизации, буквального понимания значения идиом разного типа (в частности – пословиц) детьми младшего возраста. Только с развитием у ребёнка абстрактного мышления ему становится доступным фигуральный смысл идиом, и он начинает использовать их в своей речи.

³⁵ Ср.: «В конечном счёте все лингвисты... исходят из признания того, что семантическая структура предложения... изоморфна отражаемой им реальной ситуации» [16].

³⁶ Результаты познания человеком объективной действительности, свойств, качеств предметов и отношений между ними объективируются лишь в языке, с помощью различных языковых форм. Аргументируя это положение, Э. Бенвенист, как известно, обратился к анализу категорий Аристотеля, полагавшего, что он имеет дело с универсальными свойствами, являющимися потенциальными предикатами любого объекта. Оценивая категории Аристотеля, Э. Бенвенист пришёл к выводу, что эти категории суть категории того языка, на котором Аристотель мыслил, т.е. древнегреческого: «Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка: ведь именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить эти свойства» [18].

но он «имеет ещё одну достаточно важную задачу – эксплицировать значение предиката, создавая для него семантический фон ... Связь с предикатом осуществляется не только через родовые признаки, присущие субъекту, но и через его индивидуальные черты. В субъекте поэтому часто эксплицируются те именно свойства, которые должны обеспечить понимание или должную оценку поступающей о нём новой информации» [19]. Таким образом, субъект, будучи семантически бифункциональным (в его содержании наличествуют как идентифицирующий, направленный на внеязыковую действительность семантический компонент, так и компонент характеризующий, сообщающий, направленный на предикат), тем самым обеспечивает референцию предиката (resp. актуализирует его в качестве номинативной единицы).

Дополнительную аргументацию в пользу нашего мнения мы усматриваем и в явлении «обратимости» субъекта и предиката, наблюдаемом в структуре тема-рематической основы высказываний, образующих относительно законченный текст³⁷. В процессе текстообразования номинация и предикация могут постоянно меняться местами (ролями): номинация как тема рассматриваемого предложения-высказывания может восходить к предикации как реме предшествующего предложения. Иначе: рема (предикат) предыдущего предложения преобразуется в тему (субъект) последующего, рема которого в свою очередь может быть оформлена в качестве темы следующего за ним предложения. Например: *Я люблю тебя. Моя любовь сильна и безгранична. Сила любви моей способна разрушить все преграды* и т.д. Использование предикатных имён в целях конкретной референции (в позиции субъекта) требует, как правило, местоименных детерминантов (*этот, тот, мой, наш* и др.), которые выполняют функцию идентификации не изолированно, а только в сочетании с этими предикатными именами (ср. [4, с. 349]).

Описанные выше явления получили название номинализации или грамматической метафоры [20]. Номинализация – это представление признака предмета (свойства, действия, состояния и т.д.) в виде субстанции, опредмечивание, субстантивация глагольных и адъективных единиц: *бегать – бег, белый – белизна, гадать на кофейной гуще – гадание на кофейной гуще, переливать из пустого в порожнее – переливание из пустого в порожнее* и т.п.

Номинация создаётся в русле предикации и сама является источником предикации. Конкретный речевой акт представляет собой непрерывный процесс перехода предиката как носителя ремы в субъект, выступающий в качестве носителя темы последующего предложения. Следовательно, признание референтности идентифицирующих единиц влечёт за собой и констатацию референтности (resp. номинативности) предиката.

Привлекают внимание и случаи употребления предикатных существительных со значением лица в функции обращения: *Молчи, пустая голова!; Дак тропочка-то где ж, мякинная ты голова?; Ты для чего тут поставлен, дубина стоеросовая?* и др. Основная функция обращения (называние

³⁷ Отношения «субъект – тема – идентифицирующее имя / предикат – рема – признаковое имя» являются наиболее типичными, классическими. В реальных же речевых условиях они могут существенно трансформироваться.

того, к кому адресована речь) часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего к адресату речи [17, с. 164]. Употребление предикатных имён в функции апеллятивов выявляет их функциональную двойственность: в таких речевых условиях в их содержании актуализируются и идентифицирующий, и признаковый компоненты.

Дифференциация содержания идентифицирующих и предикатных имён носит не абсолютный, а относительный характер, на что неоднократно указывали исследователи. По мнению Г.В. Колшанского, «...грамматический субъект и предикат как результат функционального членения высказывания по существу безразличны к тем значениям, которые заключаются в словах и словосочетаниях, выступающих в роли субъекта и предиката ... Что касается классов слов, семантических или морфологических, то о них можно говорить в этом плане как о словах с той или иной преобладающей синтаксической функцией. Например, так называемые имена идентифицирующие и предикатные по существу выполняют соответственно субъектную и предикатную роль в высказывании, но это абсолютно не означает принципиального ограничения для этих классов слов выступать и в противоположных функциях в различных типах высказываний» [21].

Постулируя номинативный характер фразеологической семантики, мы могли бы утверждать, что фразеологизмы именуют не предметы (в широком смысле), а понятия о них (такое мнение встречается в специальной литературе). Известно, однако, что обозначение предмета всегда опосредовано понятием о нём, причём содержание понятия является отражением в нашем сознании совокупности существенных отличительных свойств, признаков и отношений предмета. Кроме того, принятие такой точки зрения привело бы нас к признанию унилатеральности, односторонности языкового знака. Мы же стоим на позициях двусторонней природы языкового знака: первая сторона знака – его материальный экспонент, чувственно воспринимаемый в процессе общения, вторая сторона – идеальная, «включающая а) отражение экспонента в сознании и б) общественно закреплённую за этим экспонентом содержательную информацию, т.е. содержание знака» [22, с. 23–24]. Сущность всякого знака заключается в том, что он является знаком «чего-то», а это «что-то», конечно, должно быть вне его самого – иначе знак и не был бы знаком.» [25]. Это «что-то», находящееся вне фразеологических знаков, сводится к признакам (в широком смысле) предметов объективного мира, отражаемым в языковых формах.

Иллюзия неререферентности, неноминативности идиом может поддерживаться, таким образом, спецификой их денотатов: это не классы предметов, а классы признаков предметов. Они существуют в объективной действительности не изолированно, не дискретно (хотя как объекты научного познания они могут «отчуждаться» от предметов), а в качестве своеобразных инкорпораций в «плоть» предметов, являясь их сущностными характеристиками.

Таким образом, фразеологические единицы (идиомы) могут быть квалифицированы как бифункциональные знаки, осуществляющие и идентифицирующую, и предикатную функции. Эта функциональная

двойственность фразеологических знаков обнаруживается в том, что их знаковая форма представляет собой свёрнутую пропозицию, субъект которой включён в неё в качестве облигатной переменной. Идиомы неравноценны, неоднозначны семантически и функционально, в частности, по их способности идентифицировать и оценивать предметы внеязыковой действительности. Характеристика идиом по их соотношению с действительностью и мышлением может стать предметом самостоятельного научного исследования³⁸.

Высказанные нами соображения согласуются с существующими в современном отечественном языкознании концепциями лексического значения [1–8; 20; 26; 27]. Нами сделана попытка приложить, «примерить» эти концепции к фразеологическому материалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – Москва, 1980.
2. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – Москва, 1974.
3. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова // НДВШ ФН. – Москва, 1973. – № 3.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – Москва, 1976.
5. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. – Москва, 1977.
6. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – Москва, 1980. – С. 163 и след.
7. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы. – Москва, 1977.
8. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – Москва, 1981.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Москва, 1972. – С. 27.
10. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. – Москва, 1953. – № 5. – С. 24.
11. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. – Ленинград, 1946. – С. 63.
12. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – Москва, 1977. – С. 233.
13. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – Москва, 1973. – С. 47.
14. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. – Москва, 1963. – С. 47.
15. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва, 1982.
16. Распопов И.П. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // ВЯ. – Москва, 1981. – № 4. – С. 26.
17. Русская грамматика: В 2-х тт. – Т. II. Синтаксис. – Москва, 1980.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Москва, 1974. – С. 111.
19. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта // ИАН ОЛЯ. – Москва, 1979. – № 4. – С. 331 – 332.
20. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – Москва, 1981.
21. Колишанский Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката // ИАН ОЛЯ. – Москва, 1979. – № 4. – С. 321.

³⁸ В [20, с. 136–222] на материале фразеологических сочетаний разработана оригинальная типология связанного значения слова в его отнесённости к миру.

22. Маслов Ю.С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление. – Москва, 1967. – С. 285.

23. Уфимцева А.А. Понятие языкового знака // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – Москва, 1970. – С. 112 и след.

24. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – Москва, 1971. – С. 109–112.

25. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – Москва, 1973. – С. 15–16.

26. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. – Москва, 1977.

27. Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. – Москва, 1980.

Рец.: НОВОЕ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ. СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 77–79. (I – Москва, 1980. II – Москва, 1981. III – Москва, 1982.)

(Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – Москва, 1984. – № 5 (143). – С. 82–83.)

В отечественной лексикографии развивается новое направление – кодификация лексических, лексико-семантических и фразеологических новообразований. О целесообразности, теоретической и практической значимости такого начинания подробно уже говорилось. Мы поставили перед собой более частную задачу – высказать свои соображения относительно фиксации и интерпретации фразеологического компонента в справочниках «Новое в русской лексике», выпускаемых издательством «Русский язык».

Потребность в сверхсловных наименованиях объясняется прежде всего необходимостью восполнения лагун в обозначении элементов действительности лексическими средствами. В условиях дефицита однословных номинаций говорящий обращается к дискретным наименованиям, способным адекватно передать идеальное содержание. Обращение к сверхсловным номинациям может иметь место и в эвристической ситуации – поиска говорящим уже известного или более выразительного и эмоционально коннотированного наименования.

Первая тенденция нашла отражение в большой группе словосочетаний номинативного характера. Сюда входят бытовые номинации, называющие различные реалии (*аллея памяти, талон качества, пассивное курение* и др.), а также терминология и номенклатура специальных сфер (*отраслевая лаборатория, архитектурная бионика, двухстреловый кран*). Вторая тенденция ярче иллюстрируется разного вида фразеологическими единицами, симультанно выполняющими в речи номинативную и экспрессивную функции: это идиомы (*промывать мозги, утешка умов*), фразеологические сочетания (*белая страда, дом природы, золотой юбилей*), перифразы (*белое зерно, голубые каски*) и т. п.

Фразеологический компонент рецензируемых справочников важен для теории фразеологии и фразеографии, а также может рассматриваться как банк языкового материала при составлении лексикографических и

фразеографических пособий разного типа. Он позволяет судить об активных на современном этапе процессах фразеобразовании, о некоторых тенденциях в развитии семантической структуры словных компонентов фразеологизмов, о фразеобразовательных потенциях отдельных слов и т.д. Особый интерес в этом отношении представляют окказиональные новообразования (*мазать розовой краской, скрытой камерой* и др.).

Основная масса новых идиом образована на основе метафорического употребления свободных словосочетаний бытового или терминологического характера: *мух ловить, есть не просит, стиральная доска, скрытой камерой*. Редки примеры фразеологизмов, сформировавшихся на основе метонимии: *до королей, до ленточки, от винтика*. Заимствования-кальки представлены немногочисленно: *теория локомотива, крысиные бега, семейная корзина* и др. В качестве новых единиц подаются в справочниках и разного типа фразеологические варианты: *компостировать мозги* (ср. *пудрить мозги, крутить мозги*), *катить баллон на кого* (ср. *катить телегу на кого*), *голова кругалем идет* (ср. *голова кругом идет*), *расшивание узких мест* (ср. *узкое место*).

Составители справочников сознательно отказались от системных (парадигматических) характеристик новообразований, что было продиктовано стремлением полно и объективно зарегистрировать всё многообразие языковых явлений, показать поток ненормированной речевой стихии. В словарных статьях новообразований, являющихся вариантами и произвольными трансформами известных единиц или находящихся с ними в синонимических или омонимических отношениях, отсутствуют указания на системные параметры. Они отсутствуют даже в тех случаях, когда эти единицы расположены «по соседству»: *белая смерть* (II, с. 34) ‘снежная лавина’ и *белый тигр* (II, с. 35) ‘снежная лавина’; *белое золото* ‘хлопок’ и *белое золото* ‘бивни слона’ (II, с. 35); *белая смерть* ‘наркотики, наркомания’ (I, с. 28) и *белая смерть* (II, с. 34) ‘сахар’ и др.

Принятое в справочниках обозначение звездочкой (*) новых значений (ЛСВ) слов не распространяется на новые семантические варианты фразеологизмов; звездочка фактически маркирует разные языковые явления. Например, вокабула *разгон*, компонент фразеологизма *взять разгон* (II, с. 183), снабжена таким маркером, но очевидно, что здесь он отражает не новое значение слова, а новое более абстрактное значение словосочетания в целом.

В словарные статьи следовало бы внести соответствующие системные справки (это проще сделать именно составителям), что значительно облегчит последующую работу при составлении нормативных справочников.

Следует высказать и некоторые соображения относительно графического оформления и семантизации фразеологических единиц. В справочниках приняты два способа графической подачи новых сочетаний слов – разрядкой (бытовые и терминологические наименования) и полужирным шрифтом (идиомы). Пристальный «фразеологический» взгляд обнаруживает, однако, отдельные отклонения от декларируемой дифференциации языкового материала и соответственно нарушение способов его графического оформле-

ния. Неоднотипно поданы, например, словосочетания, образующие одну лексико-фразеологическую парадигму: разрядкой – *день прессы*, *день культуры*, полужирным шрифтом – *день земель*, *день права* и др. Разрядкой же поданы идиомы *крысиные бега*, *взять разгон* (и, следовательно, интерпретированы как неидиоматические обороты). Встречаются и явные противоречия в графическом облике новообразований: термин *резьба в упор* оформлен полужирным шрифтом, но толкуется через синонимичное словосочетание *глухая резьба*, которое подано разрядкой (II, с. 62, 187).

Представляются некорректными и формулы толкования отдельных словосочетаний. Как известно, в отечественной лексикографии традиционно принято семантизировать вокабулу адекватным в лексико-грамматическом отношении словосочетанием. Составители справочников в целом следуют этой традиции, однако данный принцип семантизации почему-то нарушается при толковании некоторых словосочетаний, которое осуществляется в данном случае по формуле «о чем-либо»: *подземная буря* ‘о землетрясении’, *работать в один котел* ‘о системе оплаты рабочего’ и др. Семантический диссонанс между содержанием устойчивых оборотов и их дефинициями особенно заметен при соположении единиц, входящих во фразеологическую парадигму одного и того же слова. Ср.: *белый шовинизм* ‘враждебное отношение к цветным иммигрантам’, но *белое зерно* ‘о рисе’, *белая жатва* ‘об уборке хлопка’, *белый панцирь* ‘об арктических льдах’ (II, с. 34–35).

Думается, высказанные соображения могут быть приняты во внимание составителями при дальнейшей работе над данной серией, представляющей учёным ценный материал для теоретических обобщений и практики лексикографии и фразеографии.

О ЯЗЫКОВЫХ ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ИДИОМ)

(Фразеология и контекст. Сб. научных статей. – Самарканд, 1987. – С. 30–40.)

Категориальная специфика фразеологического значения может быть выявлена лишь при обращении к коммуникативному аспекту содержания фразеологических единиц (ФЕ), формирующегося под влиянием их роли в сообщении. Процессы коммуникации (актуализация знаний, сообщение новой информации, их интеллектуальная и эмоциональная оценка) осуществляются на базе номинации – вычленения в актах когнитивной деятельности человека каких-либо предметов и явлений реальной действительности и их названия с помощью языковых средств – и одновременно с нею. Поэтому коммуникативный подход к анализу семантики идиом есть по существу подход номинативно-коммуникативный, отражающий знания говорящего об объективной действительности и его интенции в их обращенности к слушающему. Номинативно-коммуникативная характеристика ФЕ предполагает их исследование в семиологическом и собственно лингвистическом аспектах, которые находятся

в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости. В практике научного анализа эти аспекты не удаётся чётко отграничить друг от друга, тем не менее можно наметить круг вопросов, относящихся преимущественно к тому или иному аспекту анализа. Семиологический аспект предполагает определение языковых функций ФЕ, характеристику их содержательной структуры (соотношение концептуального ядра и коннотации), объекта фразеологической номинации (что именуется с помощью ФЕ – элементы или события, ситуации реального мира) и др. В данной работе остановимся на первом вопросе: какие языковые функции свойственны идиомам – для чего они используются говорящими в речи, какова их роль в высказывании и – шире – в тексте? Мнение о ФЕ как излишествах, украшениях, без которых язык якобы вполне может выполнять свое основное номинативно-коммуникативное предназначение, не выдержало испытания временем и сегодня никем не разделяется. Наоборот, исследования последних лет укрепили мысль об особой роли ФЕ в номинативно-коммуникативной деятельности человека, об их облигаторности, универсальности как специфических коммуникативно-прагматических средств, об особом характере их семантики, отражающей “невидимые миры” – эмоциональные и интеллектуальные состояния и оценки человека.

ФЕ, как и слова, выполняют фактически весь репертуар языковых функций: конститутивную (функцию сообщения), субфункции – обозначения (номинативную), обобщения (сигнификативную), символическую – и эпифункции – прагматические функции экспрессивного выражения, эмоционального воздействия, фатическую, эстетическую и др. Мы обращаемся здесь к типологии языковых функций, предложенной в [14]. Конститутивная функция – это функция, определяющая природу языка. Сущность языка – в его способности быть средством общения, следовательно, конститутивная функция языка есть функция коммуникативная. Субфункции – это функции отдельных составных элементов языка; эпифункции – функции, характеризующие употребление языка в конкретной ситуации. Эпифункции трактуются иногда как функции речи. (Ср.: [19, с. 59]). Коммуникативная функция ФЕ определяется их ролью в качестве и в составе предикативных единиц в речи: в системе языка основная масса идиом представляет собой пропозитивные свёртки с **признаковым значением** [22] (так называемое первичное – семиотическое – означивание), которое легко развёртывается в речи в пропозитивное ядро высказывания, определяющее его актантную конфигурацию (вторичное – семантическое – означивание [2, с. 87–88]). Соотносясь с элементами внеязыкового мира и обозначая свойства, качества, действия, состояния предикатов и их отношения (номинативная функция), ФЕ тем самым сообщают результаты когнитивной деятельности человека (сигнификативная функция), что позволяет им выполнять и так называемую кумулятивную функцию – функцию фиксации и накопления в своём содержании общественно значимого опыта, информации о постигнутой действительности [3, с. 92]. Ср.: “В развитом языке ... слово не только выделяет признак и не только обобщает вещь, относя её к определенной категории, оно

производит автоматическую и незаметную для человека работу по анализу предмета, передавая ему опыт поколений, который сложился в отношении этого предмета в истории общества” [11, с. 44].

Под символической функцией языковых единиц традиционно понимается их знаковая функция, т.е. способность языковых единиц быть представителем предметов объективной действительности. Применительно к ФЕ символическая функция может пониматься и более узко – как их способность именовать различные ритуальные, символические действия, совершавшиеся или совершаемые с помощью символических предметов, жестов, поз, служащих знаком какого-либо понятия, какой-либо идеи. Такая символическая функция присуща довольно многочисленному разряду ФЕ, преимущественно глагольных. Например, символическое значение слова *меч* (символ войны) сформировало символическое значение серии ФЕ: *поднять меч на кого-либо, опустить меч, перековать мечи на орала*. Символическое значение слова *лавр* (символ славы) легло в основу символического значения ФЕ *увенчать лаврами кого-либо, почивать на лаврах, мечтать о лаврах* и др. Ср. также значения идиом *устилать путь розами кому-нибудь, закрывать двери перед кем, показывать на дверь кому, ударить по рукам, падать на колени перед кем-либо, посыпать голову пеплом* и др. [15].

Как видно, символическое значение ФЕ связано с их внутренней формой; современные же регулярные значения единиц этого разряда, оторвавшись от этимологического значения, приобрели более абстрактный и широкий характер: *Добровольность решения бригады у меня почему-то вызывает сомнение, хотя допускаю, что все подняли руки* [Изв., 15 янв. 1986]. Это особенно заметно в тех случаях, когда внутренняя форма идиом обозначает такие ритуальные и символические действия, которые исчезли из современной жизни: *курить фимиам кому-либо* ‘льстить превозносить, восхвалять кого-либо’, *посыпать голову пеплом* ‘предаваться глубокой скорби’, *рвать на себе волосы* ‘приходить в отчаяние, сильно досадовать, горевать’, *бросать перчатку кому-либо* ‘вызывать на борьбу’ и др. (См. также [17; 5; 6, с. 160–166]). Такие ФЕ могут быть квалифицированы в качестве своеобразных иконических (т.е. образных) знаков, воспроизводящих предметы или явления в их конкретности или граничащих с художественными образами [10, с. 86–88; ср.: 13, с. 91–94].

И наконец, можно предложить толкование символической функции ФЕ как их способности быть индикатором элементов подсознательного. Образное значение ФЕ, формирующееся на основе различных типов переноса (метафоры, метонимии и др.), являясь средством выражения субъективности, индивидуальности, одновременно репрезентирует глубинные структуры психики говорящего. Символика подсознательного находит свое отражение в совокупной образной системе, актуализируемой в концептуальном содержании используемых в речи ФЕ. Такая трактовка символической функции ФЕ подводит нас к вопросу о роли языка в психоанализе [2, с. 115–128]. Этот аспект изучения фразеологического символизма может привести к интересным находкам, значимым для общего языкознания (проблема взаимосвязи языка и сознания-мышления), психолингвистики, социолингвистики, теории художественной

речи (проблема «образа автора» как повествователя, комментатора, персонажа), общей психологии, социалингвопсихологии, психологии творчества, учения о высшей нервной деятельности, психопатологии и др.

Прагматические функции ФЕ связаны с облигаторным прагматическим компонентом в их содержании: ФЕ не только обозначают и называют предметы действительности и понятия о них, но одновременно являются специальным языковым средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его. К прагматическим функциям можно отнести и такую функцию, как императивная. Это функция воздействия говорящего на слушающего (ср. понятие перлокутивного акта в теории речевых актов – воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата и проявляется в изменении его состояния или поведения). Императивная функция, понимаемая нами как функция воздействия на слушающего через разум, связана с функцией эмоционального воздействия и, следовательно, также присуща ФЕ.

Фатическая – контактоустанавливающая, социативная – функция, приводящая в соприкосновение не практические интересы, а внутренние миры людей, может реализоваться у ФЕ, например, в условиях начальных аккордов общения незнакомых, малознакомых или хорошо знакомых людей, иногда с установкой говорящего на игровой момент – проведение своего рода социально-лингвистического эксперимента. Употребленные в качестве своеобразного теста, ФЕ вызывают определенную реакцию слушающего (нулевая реакция тоже значима), характеризующую его в социально-личностном аспекте (уровень образования, знаний в какой-либо области, степень эрудиции, склонности и интересы и т.п.), и тем самым информируют говорящего о степени его близости к слушающему, об иерархии их социальных рангов. Такой (не всегда осознанный) речевой эксперимент может иметь следствием установление взаимопонимания между коммуникантами и стимулировать их контакты или, наоборот, может сигнализировать о необходимости прекращения дальнейших контактов.

Фактическая функция свойственна различным разрядам ФЕ в разной степени. Наиболее ярко она проявляется у ФЕ, маркированных в стилистическом отношении, – книжных и просторечных. Простейшие случаи реализации фатической функции – это использование в речи устойчивых формул речевого этикета (нас интересуют лишь формулы идиоматического характера). В зависимости от речевых условий – контакт со знакомым или незнакомым человеком – в современном русском языке используются различные формулы речевого этикета. Обращения к знакомому, с которым у говорящего дружеские, непринужденные отношения: *Кого я вижу! Где ты пропадал? Какими судьбами! Сколько лет, сколько зим!* и др. Обращения к незнакомым с целью привлечь их внимание: *Будьте добры... Будьте любезны... Скажите, пожалуйста... Не будете ли вы так любезны (сказать)...* и др. [I; 20; 21]. Значение таких речевых клише на первый взгляд представляется суммой

значений составляющих их слов. В действительности же их комплексное фразеологическое значение является более широким и абстрактным по сравнению со значением их свободного субстрата. Использование в речи таких клише регламентируется так называемыми прагматическими правилами – условиями актуализации, зависящими от социального статуса коммуникантов, их социальных отношений, от ситуации общения и типа коммуникативного акта [7]. Восклицая *Кого я вижу!*, говорящий не имеет в виду сообщить кому-либо, кого именно он увидел. Спрашивая при встрече *Где ты пропадаешь?*, говорящий не интересуется местом “пропадания” собеседника, тем более что последний никуда, как правило, не пропал, а просто давно не встречался говорящему. Прагматическое значение этих речевых формул иное: «Я рад видеть тебя, мы находимся в дружеских, непринужденных отношениях, давно не виделись, давай поговорим и т.п.». Идиоматичность значения этикетных речевых формул часто связана с ситуативно-контекстуальным эллипсисом: *Сколько зим, сколько лет (я тебя не видел)! Какими судьбами (ты здесь оказался)?* и др.

Эстетическая (гедонистическая) функция, тесно связанная с функцией экспрессивного выражения, понимается нами как использование ФЕ с целью возбуждать у участников коммуникативного акта чувство удовольствия, эстетического наслаждения, вызванное образностью ФЕ, обладающих живой или обновленной (структурно-семантической трансформацией) внутренней формой, способной генерировать вокруг ФЕ образно-ассоциативные поля. Использование ФЕ в эстетической функции отражает эмоциональное состояние и творческие потенции говорящего, гибкость и остроту его ума, которые проявляются в речевом мастерстве. Эти качества говорящего лежат в основе его комбинаторно-речевой деятельности: они детерминируют отбор говорящим из номинативно-экспрессивного инвентаря именно этой, а не другой единицы, определяют необычные **сцепления единиц, их преобразования** и т.п. **Языковая игра** – преобразование, разложение формы языковых единиц, метафорическое использование первичных номинаций, узуальных ФЕ – не есть только показатель особенностей характера человека, но является одной из форм реализации эстетических и творческих потенций говорящего [9, с. 173–174]. “В уме нечутком не место шуткам” [Вильям Шекспир]. Убедительной иллюстрацией к сказанному являются юмористические миниатюры популярного эстрадного артиста Вадима Тонкова (Вероника Маврикиевна), названные им “Интервью с животным миром”, в которых “препарирована” внешняя и внутренняя формы ФЕ *сосать лапу, медведь не ухо наступил, белая ворона*: – *Как вы считаете, – спросили Медведя, – что главное в вашей жизни? – Главное, – отвечал Медведь, – иметь лапу. – А как вы относитесь к музыке? – снова опросили его. – Позвольте я вам на ухо ... скажу, – вкрадчиво попросил козослапый. Вороне задали вопрос: – Каковы ваши намерения по отношению к Белой Вороне? – Очернить её, – коротко ответила Ворона* [ЛГ, 28 авг. 1985].

В связи с вышесказанным представляет большой интерес художественное свидетельство советского писателя С.П. Зальгина, творчество которого отличается глубоким психологизмом: “*Вообще Строковский, общаясь с людьми,*

как будто только и делает, что испытывает их на сообразительность, на остроумие ... А вот головоломки на юмор и другие качества ума он ей (Ирине Викторовне Мансуровой, главной героине романа “Южноамериканский вариант”. – А.Э.) задавал, потом поглядывал: как-то онаотреагирует, поймет – не поймет? Она понимала, ей было даже интересно, она знала, что у неё в это время краснеют щеки и вся она становится интереснее” [8, с.95-96].

Эстетическая функция ФЕ наиболее ярко проявляется в художественной речи, являющейся феноменальной творческой лабораторией, в которой под рукой художника слова языковые единицы “преобразуются и преображаются, получая дополнительные характеристики, обнаруживают “приращение смысла”, расширение связей и взаимодействий, выступая в художественной речи как качественно новые единицы, реализуя свои эстетические (курсив наш. – А.Э.) потенции выразительности” [16, с. 60]. Эстетические функции ФЕ проявляются, в частности, в эффекте фразеологической «иррадиации» – их способности генерировать в тексте систему ассоциативных образов, которые выражаются с помощью различных изобразительно-выразительных средств – тропов и стилистических фигур (авторских сравнений, метафоры, синекдохи, литоты, гиперболы, аллегии и др.). Взаимодействуя с ними, “поддерживая” их, ФЕ способствуют созданию целостного художественно-эстетического эффекта. В качестве примера такого образно насыщенного художественного текста можно привести стихотворение М.Ю. Лермонтова “Чаша жизни”, как форму вербальной актуализации ассоциативно-смыслового поля идиомы *пить (испить) чашу чего-либо*: *Мы пьём из чаши бытия / С открытыми очами, / Златые омочив края / Своими же слезами / ... /Тогда мы видим, что пуста / Была златая чаша, / Что в ней напиток был – мечта / И что она – не наша!* Как видно из текста, ФЕ *пить (испить) чашу* генерирует цепь образов-ассоциаций: *чаша бытия, пустая чаша, напиток в чаше* и др.

Эффект фразеологической иррадиации проявляется в условиях развёрнутой метафоры: сквозной образ, выраженный с помощью узуальной или окказиональной ФЕ, получает в тексте (художественном или публицистическом) дальнейшее развёртывание, что находит свое выражение в использовании лексико-фразеологических средств, образующих открытую систему. Пример развёрнутой метафоры из публицистического текста, генерированной ФЕ *карающая десница* и реализованной в рамках одного высказывания: *Размахнувшись изо всех сил, карающая десница опускается на головы виновных, настолько ослабев, что сил этих хватает лишь для того, чтобы погрозить им пальцем* [Изв., 25 янв. 1986].

Образ, отражённый в ФЕ, может выполнять архитектурную функцию, скрепляя художественно-эстетический каркас целого произведения. Таким сквозным образом-метафорой, развёртывающимся в художественном пространстве всей повести В. Токаревой “Длинный день» [18], является авторская ФЕ *танк, усыпанный розами*, портретирующая внешний и социально-психологический облик главной героини повести – Вероники: *Внешне Вероника нежная женщина, похожая на “Весну” Боттичелли ... Если*

пойти от первого впечатления ко второму и углубиться в третье, то перед вами танк, усыпанный розами. Кажется, что это клумба, а если подойти поближе, то под хрупкой зеленью и розовостью проступает железная броня. Что очень важно, Вероника использовала свои гусеницы только в общественных интересах... Ни по чьим телам эти гусеницы не шли [с. 79]. За этими прозрачными глазами он услышал лягз гусениц [с. 82]. От Вероникиной танковости ничего не осталось. Она сама находилась под гусеницей [с. 86]. Когда зав заглянул в комнату, он ничего не понял. Вместо сложенной в плаче Вероники сидел маленький портативный танк ... Моторы, его были разогреты, жерло направлено на цель [с. 93]. Она уже была не танк, а боевая ракета с запрограммированным управлением. И свернуть её с курса могла только другая такая же ракета [с. 99].

Развёртывание метафоры как творческий приём актуализации ФЕ является ёмким смысловым и ярким изобразительно-выразительным средством, способным генерировать у коммуникантов – и у говорящего, и у слушающего – сильное эстетическое чувство.

Все охарактеризованные языковые функции – конститутивную, субфункции и эпифункции – фразеологизмы выполняют не изолированно, не в “чистом” виде, а, как правило, в комплексе, синкретично, в различных комбинациях с другими элементами текста. При этом в речевых актах, разных по коммуникативным интенциям говорящего и конситуации, на первый план могут выступать те или иные функции ФЕ.

Особенно тесно переплетены друг с другом прагматические функции ФЕ, как специфических единиц, обслуживающих прагматику языка. Функция экспрессивного выражения имеет следствием функцию воздействия на слушающего. Эмоциональное и интеллектуальное воздействие, однако, направлено не только на слушающего, но одновременно – по закону обратной связи – и на самого говорящего. Именно в акте коммуникации осуществляется саморегуляция речевого поведения говорящего, корректируется определенным образом структура его высказывания в целях достижения необходимого прагматического эффекта. Функция эмоционального воздействия, будучи обращенной и на самого говорящего, способна изменить его психическое состояние, определяющее реальное и потенциальное поведение личности. Это положение подтверждается известными фактами речевого “самогипноза” – способностью говорящего генерировать в себе определенное психическое состояние. Наиболее благоприятными условиями реализации такой способности говорящего являются интраперсональные речевые акты аффективного характера (речевая деятельность одного индивида, обращающегося к самому себе, отсутствующему оппоненту, богу, року, судьбе и т.д.) и практика сценического искусства, в том числе и художественное чтение. Последнее подтверждается многочисленными интроспекциями самих актеров и свидетельствами зрителей о поведении актеров, вошедших в образ всерьёз, а не имитирующих перевоплощение с помощью профессиональных приёмов. (*Когда строку диктует чувство, / Оно на сцену шлёт раба, / И тут кончается искусство / И дышит почва и судьба.* Б. Пастернак). Неслучайно

о говорящем, возбудившем в себе в процессе речевого акта определенное психическое состояние, говорят: *он вошел в роль*.

Выше мы говорили о языковых функциях, свойственных ФЕ как особым языковым знакам. При этом мы исходили из того, что они (особенно прагматические функции) выполняются ФЕ не «в одиночку», а при «поддержке» других элементов высказывания, во взаимодействии с ними. ФЕ как предикатные, признаковые единицы, являющиеся пропозитивными свёртками, не только формируют грамматическую структуру предложения, но и определяют лексико-семантическое заполнение его актантных (преимущественно субъектных и объектных) позиций. Способность ФЕ структурировать высказывание определяется как их фразеобразующие (текстообразующие) потенции (И.И. Чернышева, А.В. Кунин, Ю.Ю. Авалиани и др.). Эта функция ФЕ, являющаяся одновременно условием реализации и перечисленных выше языковых функций, может быть названа «строевой». Так, глагольные идиомы, актуализируясь в речи, заполняют облигаторно левую актантную позицию субъекта со значением лица, формируя двусоставные предложения: *Ослепительная секретарша, по сравнению с которой звёзды Голливуда мелко плавают, занята* [ЛГ, 13 нояб. 1985]; *Второй случай – когда сам человек из кожи вон лезет не за свое дело взяться* [ЛГ, 13 ноябрь 1985]; *Кое-где кадровый механизм налажен так, что даже когда пребывающий на орбите работник сам пожелает сойти с неё, то и тогда он встречает препятствия* [Изв., 1 дек. 1985].

Глагольные ФЕ, помимо обязательной для них субъектной валентности, могут обладать и одноместной или реже двухместной объектной валентностью, формируя при актуализации как двусоставные, так и односоставные предложения разного типа: *Знаете, в детстве время у большинства из нас течёт сквозь пальцы, оно не ограничено, его как бы не жаль* [ЛГ, 27 нояб. 1985]; *В способности ко лжи и кощунству на пятки ЦРУ наступает полиция американского города Филадельфия...* [ЛГ, 25 дек. 1985]; *Приезжайте к нам в Людиново и хватайте нас за руку...* [ЛГ, 25 дек. 1985]; *Да разве мы не знаем, как ярлык склочника вешают на принципиального, болеющего за дело человека* [Изв., 15 янв. 1986].

Свойственные им языковые функции ФЕ выполняют в качестве целостного языкового знака. Знаковое значение ФЕ, однако, мотивированно значением свободного словосочетания–прототипа ФЕ; значение же свободного словосочетания, как известно, формируется на основе значений составляющих его слов по законам семантической синтагматики. В связи с этим словные компоненты ФЕ можно рассматривать в качестве частичных знаков, функции которых проявляются в «стёртой форме». Свою номинативную функцию компоненты ФЕ выполняют не самостоятельно, но в составе целостной единицы, в качестве её элементов с синтагматически закрепленным (синсемантическим) лексическим значением, что, однако, не снимает задачи содержательного определения и описания особенности их соотношения с внеязыковой действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: (Пособие для студентов-иностранцев). – Изд. 3-е, испр. – Москва: Русский язык, 1983.
2. Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. – Москва: Прогресс, 1974.
3. *Верещанин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – Москва, 1982. – С. 89–98.
4. *Винокур Т.Г.* Стилиевой состав высказывания в отношении к говорящему и слушающему // Русский язык: функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – Москва, 1984. – С. 135–153.
5. *Гвоздарёв Ю.А.* Слова-символы в русской фразеологии // Проблемы лексики и фразеологии. – Ленинград, 1975. – С. 37–44.
6. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977.
7. *Добровольский Д.О.* Прагматические правила и фразеологическое значение // Проблемы прагмалингвистики. Сборник научных трудов / МПНИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 213. – Москва, 1983. – С. 3–11.
8. *Залыгин С.П.* Южноамериканский вариант. Роман, рассказы. – Москва: Современник, 1974.
9. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – Москва, 1983. – С. 172–210.
10. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – Москва: Изд-во МГУ, 1982.
11. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – Москва: Изд-во МГУ, 1979.
12. *Надирашвили Ш.* Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974.
13. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – Москва, 1979. – №1. – С. 91–102.
14. *Пазухин Р.В.* Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. – Москва, 1979. – № 6. – С. 42. –50.
15. *Попова З.Д.* Фразеология и символика вещей // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1979. – С. 3–8.
16. Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. Григорьева В.П. – Москва: Наука, 1973.
17. *Ройзензон Л.И., Абрамец И.В.* Совмещённая омонимия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. – Москва, 1969. – № 2 – С. 54–63.
18. *Токарева В.* Длинный день: Повесть // Новый мир. – Москва, 1986. – № 2. – С. 79–114.
19. *Уфимцева А.А.* Типы языковых знаков. – Москва: Наука, 1974.
20. *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. – Москва: Знание, 1982.
21. *Формановская Н.И.* Употребление русского речевого этикета. – Изд. 2. – Москва: Русский язык, 1984.
22. *Эмирова А.М.* К вопросу о номинативной сущности фразеологических (идиоматических) предикатов // Вопросы языкознания. – Москва, 1984. – № 6. – С. 114–118.

ТИП ЗНАЧЕНИЯ ИДИОМ И ИХ АДЕКВАТНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ В СЛОВАРЯХ

(Фразеологизм и его лексикографическая разработка / Материалы IV Международного симпозиума в рамках заседания Международной комиссии по проблемам славянской фразеологии при Международном комитете славистов. – Минск, 1987. – С. 133–137.)

Основная масса фразеологизмов (идиом) современного русского языка представлена единицами с признаковым (предикатным) типом значения. Предикатный характер значения идиом обусловлен тем, что их содержание формируется в недрах пропозитивного ядра предложения, представляющего собой субъектно-предикатные отношения, для удовлетворения определенных коммуникативно-прагматических потребностей, постоянно шлифуется под влиянием выполняемых ими коммуникативных функций и откладывается в их виртуальном содержании. Вычлененные из пропозиции и представленные в качестве виртуальных единиц, фразеологизмы не потеряли связи с другими категориями семантической структуры предложения: значения актантов (субъекта и объекта, реже – обстоятельства) включены в их содержание, которое представляет собой пропозитивные свёртки, легко развертывающиеся в речи в пропозитивное ядро высказывания, определяющее его актантную конфигурацию и внешнюю форму.

Предикатные идиомы реализуют свое признаковое значение в разных грамматических классах единиц по-разному. По соотносительности с традиционно вычленяемыми частеречными классами предикатные идиомы можно разделить на два разряда: глагольные (классические предикаты) со значением процессуальности (*плыть по течению, бить баклуши*) и именные, представленные такими группами, как субстантивно-предикативные (*мокрая курица, камень преткновения*), адъективно-предикативные (*семи пядей во лбу, молоко на губах не обсохло*), наречно-предикативные (*под рукой, кот наплакал*). Значения субъекта и объекта как бы включены в их содержание, которое в связи с этим характеризуется исследователями как “скрытая синтагма”. Если процедуры вычленения и семантизации глагольных фразеологических предикатов не вызывают у исследователей трудностей в связи с их известной формализацией (глагол в качестве грамматически и семантически стержневого компонента в составе идиомы и её словарной дефиниции), то грамматическая интерпретация остальных разрядов предикатных идиом и их семантизация в словарях представляют определенные трудности.

Особую трудность для составителей словарей разного типа, на наш взгляд, представляют так называемые субстантивные и адъективные идиомы с предикатным значением. Ср. дефиниции 1) субстантивных и 2) адъективных ФЕ: 1) *калиф на час* ‘человек, наделённый или завладевший властью на короткое время’; *стреляный воробей* ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’; *пробный камень* ‘то, что выявляет свойства, качества, сущность кого-либо или чего-либо’ и др.; 2) *остер на язык* ‘остроумен, язвитель’;

сбоку припёку ‘лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-либо или чему-либо’ и др. Ср. также два значения многозначной ФЕ *тяжёлая артиллерия*: 1) ‘неповоротливые, медлительные люди’, 2) то, что придерживается на самый крайний случай как самое надёжное, действенное средство для достижения чего-либо’. Как видно из примеров, непременным компонентом дефиниций субстантивных ФЕ являются лексемы *человек, то*, а дефиниции адъективных ФЕ строятся без включения таких лексем. Такая семантизация кажется на первый взгляд корректной: субстантивные ФЕ толкуются через субстантивные словосочетания, адъективные – через адъективные. Однако встречаются случаи, когда дефиниции ФЕ не проясняют их грамматического статуса. Ср. семантизацию адъективных ФЕ с помощью субстантивов: *не от мира сего* ‘отрешённый от реальной жизни, не приспособленный к жизни человек’; *бог не обидел* ‘(кто-либо) с избытком наделён теми или иными способностями, талантом’.

Частотность лексем *человек, то, тот* в составе таких дефиниций наталкивает на мысль об их изофункциональности, семантической однородности: лексема *человек* выполняет здесь не номинативную функцию, а дейктическую, как местоимения *то, тот*. Наше предположение неожиданно подтвердилось данными частотного словаря семантических множителей [1]: лексема *человек* включена в список нулевых множителей, как обладающая очень широкой семантикой, семантически пустая. Это дает основание полагать, что лексема *человек* в составе дефиниций рассмотренного типа является формальным показателем класса предметов, которым приписывается данный признак. Следовательно, субстантивные и адъективные ФЕ однотипны по характеру своей семантики: они обозначают признаки, качества и свойства предметов (в широком смысле), т.е. имеют предикатное значение. В словарях они должны получать однотипную семантическую интерпретацию. Учитывая традиции отечественной лексикографической практики, можно сохранять лексемы *человек, тот, то* в составе дефиниций. Дефиниции же, построенные без таких лексем, должны квалифицироваться как некорректные. Вставка компонента *человек*, как нам представляется, может обеспечить адекватность передачи значения адъективных ФЕ (и одновременно отвечать требованию унификации словарных дефиниций), так как словосочетания-дефиниции, как это явствует из контекстов употребления таких ФЕ, представляют собой субстантивированные образования. Ср.: *о двух головах* ‘неосмотрительно смелый, рискующий жизнью’ и ‘неосмотрительно смелый человек, рискующий жизнью’.

Представляется необходимым остановиться также на особом типе семантизации ФЕ в словарях, осуществляемой по формуле “о ком- или чём-либо”. Например: *темный лес* ‘полная неясность, неизвестность. О чем-либо неизвестном или непонятном’; *кровь за кровь* ‘убийство за убийство. О мести’; *бить через край* ‘бурно, с неистощимой силой проявляться. О чувствах, энергии и т.п.’; *с бору да с сосенки* ‘кого попало, откуда попало, без разбору. О случайном подборе, составе людей’; *кровь с молоком*: 1) здоровый

цветущий, с хорошим цветом лица, с румянцем. О человеке’, 2) ‘свежее, румяное. О лице’ и др. Как видно из приведённых примеров, это идиомы, имеющие разное категориальное (частеречное) значение и, тем не менее, семантизируемые однотипно – с предлогом *о*. Думается, последний фрагмент дефиниций (с предлогом *о*) является во многих случаях семантически избыточным. В любом случае дефиниции с компонентом “о чем-либо” следует, на наш взгляд, квалифицировать как некорректные, отдающие дань старым лексикографическим традициям.

К сожалению, такая формула семантизации ФЕ встречается и в серии словарей неологизмов, отражающих новообразования 60–70-х годов: *ведьмины колеса* ‘о полёгших, закрученных ветром или прибитых дождём колосовых’; *бери да клади* ‘о легкой, не связанной с умственными усилиями работе’ и др. Иллюстративный материал, приведённый в данных словарях, свидетельствует, однако, о том, что в первом случае перед нами субстантивная единица, во втором – адъективная.

Семантический диссонанс между содержанием ФЕ и их дефинициями в словарях особенно заметен при соположении единиц, входящих во фразеологическую парадигму одного и того же слова. Ср.: *малая родина* ‘место рождения, родной край’, но *малая земля* ‘о территории, где с особой силой проявился патриотизм советских людей’; *белый шовинизм* ‘враждебное отношение к цветным иммигрантам’, но *белая зависть* ‘о желании, не сопровождаемом досадой, злобой, обладать тем, что имеется у другого’; *белый панцирь* ‘об арктических льдах’; *белая жатва* ‘об уборке хлопка’ и др. Некорректность таких дефиниций легко выявляется в элементарном лингвистическом эксперименте: при попытке “имплантации” таких дефиниций в живую речевую ткань они “отторгаются”.

Попутно хочется обратить внимание на другие типы некорректных толкований ФЕ в названных выше словарях: иногда семантизация осуществляется по формуле, не соответствующей категориальной (частеречной) семантике ФЕ; в других случаях она обусловлена неверной реконструкцией инварианта ФЕ. Так, глагольная ФЕ *пахнуть нафталином* зафиксирована в словаре в одной из своих регулярных парадигматических форм – *пахнувший нафталином* и соответственно ошибочно семантизирована как адъективная единица – ‘давно всем известный’. Субстантивная ФЕ *направление главного удара* неверно толкуется как адвербиальная единица – ‘там, где решается что-либо’. Ошибка обусловлена тем, что предложно-падежная форма субстантива (а именно в такой форме встречается данный фразеологизм в иллюстрации) может выполнять в предложении две функции – именного сказуемого и обстоятельства. Ср.: – *Техника и люди, в руках которых она сосредоточена, находятся на направлении главного удара – такова стратегия жатвы. – Войска находились на направлении главного удара.*

Словарные дефиниции должны давать адекватную семантико-грамматическую характеристику ФЕ любого типа. Это одно из базовых

требований теории и практики лексикографии. Трудности, стоящие перед современной лексикографией и фразеологией, во многом обусловлены неразработанностью теоретических проблем семантики. Интерес к семантике языка сегодня не случаен, так как основное предназначение языка – его глобальная коммуникативная функция – есть передача, сообщение знаний, сведений, добытых коммуникантами в актах повседневной познавательной деятельности. Ментальная основа содержательной стороны языка сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Семантике стало тесно в рамках лингвистики, она осознается в качестве общенаучной проблемы, привлекающей внимание смежных наук – логики, психологии, семиотики, нейрофизиологии, философии и др. Думается, что адекватная семантическая характеристика ФЕ и, следовательно, их корректная лексикографическая презентация возможны лишь в рамках коммуникативной лингвистики, как интегральной науки, которую интересуют все звенья функционирующего языка, “языка в действии”, приводящего в связь объективную действительность и познающее её мышление-сознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов Ю.Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка. – Москва: Наука, 1980. – 207 с.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Монография (Ташкент: Фан, 1988)
(Воспроизведено с купюрами)

Аннотация

Монография посвящена анализу современной русской фразеологии в коммуникативно-прагматическом аспекте. Дана комплексная характеристика семантики фразеологических единиц: определена специфика фразеологического значения, в том числе его прагматического компонента, предложены новые аспекты анализа фразеологической семантики – ономаσιологический и идеографический и др.

Для научных работников, аспирантов, студентов-филологов и учителей русского языка средних школ.

Ответственный редактор – доктор филологических наук А.М. Бушуй.

Рецензенты: доктор философских наук К.Х. Ханазаров, кандидат филологических наук А.Г. Ломов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из главных тенденций развития языкознания сегодня – это детальная разработка «проблем человеческого фактора в речевой деятельности» [169, с. 11]. Основное предназначение языка – его глобальная коммуникативная функция – есть передача знаний, сведений, приобретенных людьми в актах повседневной познавательной деятельности, осуществляемая в процессах коммуникации. Исследование языка в аспекте выполнения им его основной – коммуникативной – функции раскрывает сущностные характеристики языка как специфически человеческого феномена. Всё в языковой системе, в том числе и на таком её участке, как фразеология (идиоматика), детерминировано основной функцией языка – быть средством формирования и выражения когнитивного и эмоционального содержания.

«Лингвистика, ориентирующаяся на теорию языка, прежде всего в коммуникативном аспекте – коммуникативная лингвистика, – при всей её неразработанности имеет то преимущество, что она не отдаляется от сущности языка путем конструирования тех или иных абстрактных, формальных закономерностей, не отражающих сложной природы языка, а ставит перед собой цель описать язык во всех его звеньях, однозначно выполняющих свои функции в процессе речевого общения» [87, с. 4]. Сегодня, в условиях

неработанности коммуникативной лингвистики как особого раздела науки о языке, возможны различные подходы к анализу языковых единиц в коммуникативном аспекте. Данная монография содержит один из возможных вариантов описания фразеологической семантики в указанном аспекте.

1. ИДИОМАТИКА КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Коммуникативная лингвистика – это комплексная, интегральная наука, стремящаяся дать адекватное описание всех аспектов функционирующего языка – его звуковой стороны, лексической и фразеологической систем и грамматического строя [84; 87]. Она представлена сегодня такими своими ипостасями – стыкующимися и частично накладывающимися друг на друга направлениями, как функциональная грамматика в различных её вариантах [125; 73; 23; 135], лингвистика текста [113; 116; 56], логический синтаксис, теория референции [7; 12; 117; 129], семиологическая грамматика [164–166; 168; 169], теория номинации и ономастиология [212; 213; 92; 175; 48], теория речевых актов, лингвистическая прагматика [82; 15; 25; 167; 11], психолингвистика, теория речевой деятельности [152; 136; 137; 111; 100; 101], теория коммуникации, или собственно коммуникативная лингвистика как интегральная наука [84; 85; 87; 47] и др. (см. также: [127; 128]).

Как видно из приведенной выше номенклатуры направлений коммуникативной лингвистики и выполненных в их русле работ, основное внимание исследователей привлекает грамматика языка. И это не случайно: в наибольшей степени коммуникативно релевантна именно грамматика, так как коммуникация осуществляется на уровне высказывания, дискурса.

Адекватное описание всех уровней языковой системы в коммуникативном аспекте – основная задача коммуникативной лингвистики – является одновременно и прагматическим описанием, так как говорящий, творящий текст субъект, передает слушающему свое восприятие и осознание мира – предметов, явлений, их свойств и отношений между ними, преследуя при этом цель достигнуть прогнозируемый им прагматический эффект – воздействовать на слушающего таким образом, чтобы вызвать с его стороны определенное речевое или неречевое действие. Таким образом, анализ языковых явлений в коммуникативном аспекте с полным основанием и вытекающей отсюда необходимостью может быть назван коммуникативно-прагматическим.

Все единицы системы языка создаются для выполнения языком его основной функции и потому несут на себе печать коммуникативной предназначенности. Оригинальная типология лексических значений, учитывающая зависимость номинации от занимаемого ею в структуре предложения синтаксического места (номинации экзистенциальные, идентифицирующие, предикатные и номинации-обращения), разработана в трудах Н.Д. Арутюновой [6; 7, с. 326–356; 8; 10]. Иной подход к анализу лексического значения в коммуникативном аспекте – на уровне сем, минимальных

составляющих семемы, предложен в книге И.А. Стернина [170]. Что касается русской фразеологии (идиоматики), то она не была до сих пор объектом специального глобального описания в коммуникативном аспекте. Выдвинутая в данной монографии тема диктуется логикой развития самой науки о языке, обратившейся сегодня к комплексному анализу языка как основного средства человеческого общения. Объектом анализа в данной работе является идиоматика современного русского языка, извлеченная из лексикографических и фразеографических источников разного назначения и типа, а также из текстов периодики последних лет. Под идиомами понимаются устойчивые по форме, воспроизводимые, экспрессивные сочетания слов, обладающие целостным, как правило, переносным значением (в семантической классификации В.В. Виноградова – это фразеологические сращения и фразеологические единства). Идиомы выполняют функции наименования и характеристики предметов и их признаков (действий, состояний, свойств, качеств), а также выражения человеческих эмоций и оценок. В предложении они являются его элементом, преимущественно предикатом, или же элементом, грамматически не связанным с другими членами предложения (модальные словосочетания, междометия). При таком узком объекте научного анализа – только фразеологические единицы идиоматического характера – обеспечивается гомогенность языкового материала, что, в свою очередь, предполагает более высокую степень адекватности его описания.

Изучение идиом в широкой парадигме коммуникативной лингвистики как единиц с ярко выраженной коммуникативно-прагматической предназначенностью позволит, как нам кажется, пролить свет на их онтологические свойства. Коммуникативный анализ идиом предполагает описание всех их «составляющих» – содержания, структуры и употребления в речи – в свете выполнения ими коммуникативной функции, понимаемой как интегральное целое: формирование и передача знаний о реальной действительности, коммуникативные интенции говорящего и прагматический эффект. В центре нашего внимания находятся проблемы семантики во всём их комплексе, так как именно через семантику раскрывается коммуникативная сущность языка. Функциональная характеристика идиом – их коммуникативное назначение – неразрывно связана с их содержательной характеристикой. Формальные же особенности идиом привлекаются к анализу преимущественно в тех случаях, когда они релевантны содержательно.

Коммуникативную лингвистику интересуют прежде всего те языковые единицы, в которых реализуется коммуникативный смысл. Такими единицами являются высказывания и совокупность высказываний, образующих дискурс – динамически развертывающийся контекст, реализующий коммуникативные намерения говорящего. Основу высказывания составляет пропозиция – смысловое ядро, представленное связью субъекта и предиката и отражающее отношения элементов реального мира. Идиоматика современного русского языка представлена преимущественно предикатными (признаковыми) единицами, обозначающими признаки (в широком смысле) предметов

объективной действительности. Семантическая категория признака в идиомах, относящихся к разным частеречным разрядам, реализуется по-разному: в глагольных идиомах – в виде процесса, действия, состояния предмета, в собственно адverbиальных – в виде признака действия, процесса или состояния, в предикативных – в виде признака и состояния предмета. В предложении такие идиомы выполняют преимущественно синтаксические функции глагольных сказуемых и предикативов (именных сказуемых).

Коммуникативный подход к описанию фразеологизмов требует учёта «интересов» обоих участников коммуникативного процесса – говорящего и слушающего. Следовательно, коммуникативный аспект семантического анализа фразеологии должен сочетать ономаσιологический анализ (от смысла к языковой форме – подход говорящего) с анализом семасиологическим (от формы к значению – подход слушающего). Номинативный³⁹ и прагматический аспекты семантического анализа ориентированы одновременно и на говорящего, и на слушающего. Говорящий в процессе речетворчества, создавая новые или, что гораздо чаще, воспроизводя уже известные фразеологические единицы, реализует с их помощью (в комплексе с другими элементами высказывания) свои коммуникативные интенции и выражает свои эмоции и оценки. Слушающий же, воспринимая эти языковые единицы, определенным образом реагирует на них – мыслительно, эмоционально или деятельностно, соотносит их с названными с помощью данных фразеологизмов или соотнесенными с ними предметами, осуществляя тем самым повторные («зеркальноотражённые») акты номинации тех же фрагментов внеязыковой действительности.

Ономаσιологический анализ семантики фразеологических единиц предполагает, таким образом, характеристику процессов первичного идиообразования, а также их воспроизведения (извлечения из памяти) в процессах повторяющихся коммуникативных актов. Извлечение из памяти диктует обращение к идеографической характеристике идиом: известно, что ассоциативно-смысловые и тематические поля (группы, разряды) языковых единиц, в том числе и фразеологических, являются основной формой «упаковки» и хранения в памяти знаний, сведений об объективном мире.

Описание фразеологии в коммуникативно-прагматическом аспекте должно учитывать не только функциональные характеристики фразеологических единиц – их функции в языке, роль и назначение в составе высказывания, но и их системные параметры – внутреннюю и внешнюю организации, синтагматические и парадигматические свойства и др. Системные свойства фразеологизмов и их коммуникативная роль в высказывании взаимно детерминированы. Все системные характеристики фразеологических единиц возникают и шлифуются в речи и, лишь пройдя через речевое,

³⁹ Номинативность в данной работе понимается максимально широко – как соотнесённость языкового знака с предметом (любым объектом познания) реального мира, которая осуществляется в актах коммуникации как говорящим, так и слушающим. «В процессе общения он (языковой знак. – А.Э.) выступает в качестве заместителя, представителя каких-либо объектов действительности не только для говорящего, но и для слушающего». [131, с. 67].

коммуникативное «горнило», откладываются в виртуальном содержании единиц. С другой стороны, функционирование фразеологизмов в речи определяется типом их системного значения, которое обуславливает характер «развёртывания» фразеологизма в речи, его актуализацию, сочетаемость с другими элементами высказывания. Следовательно, коммуникативной характеристике фразеологических единиц должна предшествовать их характеристика в системном аспекте.

2. СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Категориальная специфика фразеологического (идиоматического) значения может быть выявлена лишь при обращении к коммуникативному аспекту содержания фразеологических единиц, формирующегося под влиянием их роли в сообщении. Процессы коммуникации (сообщение информации) осуществляются на базе номинации (вычленения в актах познавательно-классификационной деятельности человека каких-либо предметов и явлений действительности и их название с помощью разного рода языковых средств) и одновременно с ней. Поэтому коммуникативный подход к анализу семантики есть по существу номинативно-коммуникативный подход, отражающий знания говорящего о реальной действительности и его интенции в их обращённости к собеседнику.

Номинативно-коммуникативная характеристика фразеологических единиц предполагает их анализ в семиологическом и собственно лингвистическом аспектах, которые находятся в отношениях тесной взаимосвязи. В практике научного анализа эти аспекты не удается чётко отграничить друг от друга, но, тем не менее, можно наметить круг вопросов, относящихся преимущественно к тому или иному аспекту исследования. Семиологический аспект анализа охватывает следующий круг вопросов: языковые функции фразеологических единиц; их содержательная структура в плане соотносённости концептуального ядра и коннотации; объект фразеологической номинации; репертуар участков реальной действительности, покрываемых идиомами; логико-психологические операции и процессы, лежащие в основе формирования фразеологических единиц и их воспроизводства в актах речетворчества, и др. Собственно лингвистический подход к фразеологической семантике связан с выявлением специфики фразеологического значения как особого типа языкового значения; определением вида фразеологической номинации в плане соотношения с объективной действительностью; выявлением типовых категориально-грамматических (частеречных) значений в классе идиом, типологии фразеологических предикатов и др. В дальнейшем мы остановимся на некоторых из перечисленных выше вопросов ⁴⁰ более подробно.

⁴⁰ Об объекте фразеологической номинации и о языковых функциях идиом см. наши работы [207, 210].

2.1 ЗНАКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДИОМ

Знаковое значение фразеологизма, его семиологическая ценность проявляются в нескольких планах: он обобщает результаты познавательной деятельности человека, дает наименование познанному предмету (в широком смысле), сообщает о нём и выражает отношение к нему говорящего.

В содержании фразеологизма как языкового знака следует различать следующие компоненты: содержание, свойственное данному фразеологизму, категориально-семантическое содержание, присущее семантическим категориям фразеологизмов (например, значения лица и предмета у субстантивных единиц, действия, состояния, процесса – у глагольных и т. п.), и грамматическое, свойственное самым крупным классам языковых единиц (частеречное значение) [179, с. 135; 182, с. 64 и след.].

Основу знакового значения идиом составляют сигнификативный, денотативный и коннотативный компоненты; оно осложнено при этом частеречным значением и содержанием семантических разрядов в пределах частеречного значения. Под денотатом мы понимаем класс объектов, выделенных на основе каких-либо признаков и соотносимых с языковым знаком; под сигнификатом – понятие об этом классе предметов; под референтом – объект, соотносимый с языковым знаком в его конкретном речевом употреблении.

Структура фразеологического значения во многом изоморфна структуре лексического значения [102, с. 111–124]. Различия касаются прежде всего типа когнитивного содержания, детерминированного типом предметов реальной действительности, а также соотношения содержательных компонентов, их значимости в структуре фразеологического значения. Ядро фразеологического значения образует когнитивное, логико-предметное (сигнификативно-денотативное) содержание. В системе языка, вне реализации в речи, на первый план выступает сигнификативный компонент фразеологического значения, который представляет собой абстрактное общее понятие [88, с. 11] – понятие о признаках, свойственных целым классам предметов: свойствах, качествах, состояниях предметов, действиях, ими совершаемых, отношениях между предметами и т. п. Сигнификат идиомы, как правило, не элементарен, не «аморфен», он состоит из минимальных смысловых компонентов – сем, которые могут быть разделены на дифференциальные и недифференциальные. Дифференциальные признаки сигнификата фразеологической единицы обеспечивают её вхождение в оппозиции с другими фразеологизмами (или лексемами) в пределах определённой семантической группы (поля) и в количественном отношении ограничены пределами этой группы. Совокупность дифференциальных сем образует структурированную часть сигнификата, которую называют десигнатом [164, с. 295–296]. Кроме дифференциальных сем, в сигнификате могут быть выделены также интегральные семы, которые представляют «индивидуальное» в сигнификате фразеологизма. Учитывая специфику сигнификата фразеологизма (выражение абстрактного общего понятия), можно допустить, что сигнификат фразеологического значения состоит преимущественно из дифференциальных сем. Адекватное

описание десигната должно осуществляться в дефинициях толковых словарей; интегральные же семы обычно не включаются в семантическое определение и могут быть интерпретированы в качестве потенциальных семантических множителей [51, с. 14] (в иной терминологии – в качестве свободного импликационала [112, с. 24–26]); они входят в пресуппозицию фразеологического значения.

В процессе актуализации (употребления в речевых актах) концептуальное ядро фразеологического значения предстает в качестве денотативного значения. Денотатами фразеологизмов могут быть действия, состояние предметов, признаки действия, свойства, признаки предметов, в том числе различные психические (мыслительные и эмоциональные) процессы и состояние человека.

Логико-предметное ядро фразеологического значения обуславливает системную значимость фразеологических единиц, которая представляет собой своеобразную транспозицию их системного значения на ось отбора (парадигматика) и ось комбинирования (синтагматика) [182, с. 65]. Семантические множители, образующие в своей совокупности десигнат и определяющие вхождение фразеологических единиц в разнообразные оппозиции в пределах одной семантической группы, обуславливают их валентность, реализующуюся в конкретной актантной рамке. При этом сочетаемостные потенции фразеологизмов связаны с десигнатом опосредованно – через грамматическое (частеречное) значение и содержание семантических категорий и субкатегорий [199, с. 63–67].

Частеречное значение фразеологизмов, являющееся «упаковочным материалом» денотативно-сигнификативного содержания, определяет характер их функционирования в высказывании, а также «поверхностную» структуру предложения. Лексико-семантическое наполнение актантных позиций фразеологического предиката во многом зависит от семантической категории и субкатегорий, воплощенных во фразеологической единице. Например, фразеологизм *карачун пришёл кому* выполняет функцию сказуемого в безличном предложении, субъект которого, выражаемый на «поверхностном» уровне формами дательного падежа единственного или множественного числа, прогнозируется в семантических категориях одушевленности и лица. Значения семантических категорий обуславливаются частеречными значениями, «отягощёнными» лексическими значениями компонентов свободных словосочетаний-прототипов (прежде всего их грамматически доминирующего компонента) в аспекте потенции их семантического развития, а также с учетом их ассоциативно-смысловых полей. Так, субстантивные компоненты сочетаний *вольный казак* ‘свободный, ни от кого не зависящий человек’, *кисейная барышня* ‘изнеженный, не приспособленный к жизни человек’ имплицитно семантический сдвиг в направлении расширения с сохранением той же категориально-семантической принадлежности: *лицо > лицо*. Словам с конкретным предметным значением в составе фразеологизмов может быть свойственна семантическая деривация типа *предмет > лицо*:

тертый калач ‘очень опытный человек, которого трудно провести’, *пугало гороховое* ‘пустой человек, служащий всеобщим посмешищем’. Для одушевленных существительных со значением не-лица (преимущественно наименований животных) наиболее типичен перенос значения на лицо: *драная кошка* ‘худая, изможденная женщина’, *мокрая курица* ‘безвольный, бесхарактерный человек; человек, имеющий жалкий вид’ и др.

Как видно из приведенных примеров, грамматические и категориально-семантические значения фразеологизмов во многом обусловлены семантическими потенциями грамматически стержневых слов в словосочетаниях-прототипах фразеологизмов. Эти слова в составе фразеологизмов развиваются, как правило, в свойственных им в свободном употреблении направлениях семантической деривации.

2.2. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ (КОННОТАТИВНЫЙ) КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Обязательным элементом значения фразеологической единицы, по мнению исследователей, является так называемая коннотация. Анализ работ в области семантики показал, что в термин «коннотация» вкладывается узкое и широкое содержание. Традиционно под коннотацией понимается «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [14, с. 203–204]. Узкое понимание коннотации встречается в работах И.А. Стернина [170, с. 40–78], А.М. Мелерович [104, с. 16–18] и др.

В последние годы в научных работах наблюдается более широкое понимание коннотации как ассоциативно-смысловых отношений слов в системе языка [194, с. 226; 52, с. 193], как ассоциативных связей слов, отображающих эмпирические знания о денотатах этих имён, а также возникающих в сознании говорящего под действием аналогии [171, с. 223 и след.; 172, с. 43–44]. В понятие коннотации включаются также разнообразные фоновые знания этнического и исторического характера, не затрагивающие сигнификативного значения языковых единиц, но маркирующие его в национально-культурном (лингвострановедческом) отношении [138, с. 151; 39, с. 110; 40, с. 15 и след.]. Вопросы создания теории коннотации, понимаемой как максимально глобальное описание употреблений говорящим слов в речи, подняты в работе В.И. Goverдовского [60]. В таком понимании теория коннотации фактически совпадает с прагматической лингвистикой, которая как составная часть коммуникативной лингвистики все еще находится в стадии становления и уточнения своего предмета [11; 13; 166; 25; 53; 86 и др.].

Коннотация как элемент языкового значения действительно связана с прагматической характеристикой языковых единиц. В системе языка имеются единицы, специализирующиеся на выполнении только прагматических

функций (междометия, эмоциональные и прескриптивные частицы, модальные слова и др.), и единицы, в содержании которых, наряду с сигнификативно-денотативным, наличествует в качестве обязательного и прагматический компонент. Идиомы – такой специфический разряд языковых единиц, которые способны отражать различные аспекты прагматики языка. Они представляют собой универсальные (и по широте охвата языковых категорий, отражающих различные аспекты коммуникации, и в качестве языковых универсалий) прагматические индикаторы, способные выражать эмоциональное состояние и квалификативно-оценочную деятельность говорящего, а также его коммуникативные интенции в их направленности на слушающего.

Способность фразеологических единиц выражать прагматику языка позволяет говорить о наличии в их содержании прагматического значения. В литературе вопроса существует несколько определений прагматического значения: как внеязыковой (поведенческой) реакции слушающего [4, с. 6–7]; как коммуникативного намерения говорящего, не вытекающего из сочетания значений употребляемых им слов [25, с. 340; 11, с. 356]; как содержания языковых единиц, связанного с выражением эмоций и разнообразных оценок говорящего, а также с воздействием на адресата [82, с. 89].

Прагматическое значение, по нашему мнению, это содержание языковых / речевых единиц (или часть этого содержания), которое характеризует говорящего по социально и психологически значимым параметрам его личности и ориентировано на реципиента. Прагматическое значение информирует слушающего об эмоциональном состоянии говорящего, его интеллектуальных потенциях, о принятых им как представителем определенной социальной группы оценках социальных моделей поведения, о его конкретных, в данном речевом акте, коммуникативных намерениях, проявляющихся в отношении к сообщаемому и в стремлении определенным образом воздействовать на эмоциональное состояние и поведение слушающего.

Определение прагматического значения как «значения говорящего», встречающееся в работах по лингвистической прагматике, является, на наш взгляд, неполным. Прагматическое значение всегда ориентировано на слушающего и предполагает адекватное истолкование им текста. Более того, ориентация на слушающего – на его социальное лицо, интеллектуальные возможности, степень знакомства с ситуацией общения и т. п. – предопределяет конкретные параметры порождаемого говорящим текста – отбор языковых средств и их сочетание друг с другом [11, с. 358]. Прагматическое значение, таким образом, можно квалифицировать как значение «говорящего – слушающего».

Прагматическое значение фразеологических единиц – это комплексная содержательная сущность, состоящая из следующих компонентов: экспрессивного, апеллятивного, фатического и эстетического. Экспрессивный компонент – та часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок говорящего (в лексике и фразеологии – так называемое эмотивное, эмоционально-оценочное значение, в грамматике – субъективно-

модальное). В словарях экспрессивный компонент содержания фразеологизмов отражается с помощью помет *шутл.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.* и др. Например, фразеологизмы *маменькин сынок*, *курам на смех* могут выражать презрительное отношение говорящего к предмету речи, которое порождается прозрачностью их внутренней формы. Такие единицы, как правило, находятся в рематической части высказывания и оформляются определенными суперсегментными фонетическими средствами – «презрительной» интонацией, эмфатическим ударением, реализуемым с помощью усиления отдельных звуков, удлинения согласных (*м-м-маменькин с-с-сынок*). Речь при этом может сопровождаться адекватными выражаемым эмоциям невербальными средствами – выражением глаз, мимикой, жестами, телодвижениями.

Экспрессивный компонент содержания реализуется совместно с апеллятивным. Апеллятивный компонент – та часть прагматического значения, которая связана с воздействием на реципиента – интеллектуальным, эмоциональным и, как следствие, поведенческим (в грамматике – так называемое императивное, побудительное, прескриптивное значение, в логике – эвокативное употребление языковых единиц). Воздействие на слушающего осуществляется, как правило, комплексно – с помощью лингвистических и паралингвистических средств. Так, знание говорящим и слушающим мотивирующего образа бегущего в панике зайца обуславливает отрицательную эмоциональную окраску фразеологической единицы *заячья душа*. Будучи использованной в речи, такая единица может вызвать у слушающего адекватную содержанию и условиям протекания речевого акта эмоциональную и поведенческую реакцию.

Фатический, т.е. контактный, контактоустанавливающий, компонент прагматического значения информирует коммуникантов об их социально-психологическом статусе и предопределяет установление или прекращение между ними контакта. Такая информация извлекается ими из стилистической окраски и генетической характеристики фразеологических единиц. Думается, что наиболее отчетливо она проявляется в содержании маргинальных функционально-стилистических пластов фразеологии – просторечной и книжной фразеологии, прежде всего – генетически восходящей к библейским и мифологическим текстам, литературно-художественным источникам. Фразеологические единицы данных пластов наиболее ярко маркированы в плане их преимущественного использования в речи представителей определенных социальных групп.

Эстетический компонент прагматического значения фразеологизмов – это та его часть, которая генерирует у коммуникантов чувство эстетического наслаждения, связанное со способностью говорящего отбирать из номинативно-экспрессивного инвентаря языка наиболее адекватные выражаемому смыслу, образные языковые единицы, творчески преобразовывать их, неординарно «сцеплять» друг с другом и со способностью слушающего по достоинству оценивать языковую компетенцию говорящего. Эстетический компонент языкового значения наиболее полно и ярко эксплицируется

в условиях языковой игры и в художественной, особенно поэтической, речи. Языковая игра – преобразование, разложение формы языковых единиц, метафорическое использование первичных номинаций, узуальных фразеологических единиц – является одной из форм реализации эстетических и – шире – творческих потенций говорящего [72, с. 173–174].

Все перечисленные компоненты прагматического значения взаимосвязаны, «переливаются» друг в друга. Так, экспрессивный компонент значения определяет «силу», степень проявления апеллятивного, а вместе они имплицитно эстетическое значение и др. Компоненты прагматического значения манифестируются в речи не изолированно, а комплексно – с помощью языковых средств разных уровней: фонетического облика единиц, в том числе звукописи, интонационного и ритмического рисунка текста, рифмы; словообразовательных средств – суффиксов с уменьшительно-ласкательными, уничижительно-пренебрежительными значениями; внутренней формы фразеологизмов, их ассоциативно-смыслового ореола; эмоциональной и стилистической окраски фразеологизмов в целом и их словных компонентов и др. Мы не заметили сколько-нибудь чёткой специализации перечисленных языковых средств в качестве экспонентов того или иного компонента прагматического значения идиом. Так, с помощью внутренней формы (и, следовательно, совокупного ассоциативного поля) фразеологизмов и их стилистической окраски могут симультанно выражаться все компоненты прагматического значения фразеологизмов – экспрессивный, апеллятивный, фатический и эстетический.

Таким образом, прагматическое значение является облигаторным компонентом содержания фразеологических единиц: они не только обозначают и называют предметы и их признаки⁴¹, но одновременно являются специальным прагматическим средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его, – в их направленности на реципиента.

Прагматика языка и прагматическая характеристика языковых сущностей, учитывающие человеческий фактор во всем объёме этого понятия, практически покрываются широким истолкованием коммуникации «как единой и глобальной функции языка» [86, с. 6]. Думается, однако, что круг проблем, интересующих коммуникативную лингвистику, шире проблематики лингвистической прагматики, поэтому последняя может быть обозначена как часть коммуникативной лингвистики.

Подводя итоги, можно предложить следующее определение фразеологического (идиоматического) значения: фразеологическое значение – это содержательная категория, выражающая понятие о классе предметов или признаков (в широком смысле), а также эмоциональные и интеллектуальные оценки говорящего в их направленности на слушающего. Фразеологическим единицам в высшей степени присуще то качество, которое Э. Бенвенистом

⁴¹ Основная масса идиом называет и характеризует не вещи, а свойства и отношения вещей [178; 208].

было названо «человек в языке» [18, с. 259–328], – субъективность в языке, его эгоцентрическая, антропоцентрическая ориентация, как проявление особой формы человеческой деятельности, направленной на познание и преобразование, совершенствование духовного мира человека и окружающей его объективной действительности.

3. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ (ЧАСТЕРЕЧНЫЕ) РАЗРЯДЫ ИДИОМ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Трудности, связанные с распределением слов по грамматическим классам, и, следовательно, общая неудовлетворенность модусом вивенди типологии частей речи русского языка в её нынешнем виде толкнули исследователей на поиски новых оснований классификации слов. Дихотомия языковых знаков – знаменательные и служебные, полнозначные и неполнозначные – в новейшем языкознании неоднократно подвергалась всестороннему пересмотру. Были введены некоторые дополнительные основания классификации, учитывающие особые знаковые свойства языковых единиц. Так, А.А. Уфимцева при классификации слов по семиологическим признакам предлагает учитывать следующие факторы: 1) наличие (отсутствие) и характер соотношенности денотативного и сигнификативного компонентов, составляющих основу знакового значения слова; 2) сферу языка, преимущественно обслуживаемую данными знаками (речемыслительную, коммуникативную, номинативную, прагматическую), и др. [180, с. 84; 182, с. 34]. Эта классификация дополняется другой, учитывающей обусловленность содержания языковых единиц их ролью в сообщении. Коммуникативный подход к анализу значения позволил выделить два типа языковых единиц – идентифицирующие и предикатные [6 – 8; 10], или, в иной терминологии, денотатные и сигнификатные имена [164; 166]. Идентифицирующие имена – это слова, для которых первична идентифицирующая функция, т.е. функция указания на предмет речи, номинативная. Они отражают и классифицируют то, что существует в мире, и представлены в основном конкретной лексикой (нарицательными именами) и названиями естественных объектов, а также дейктическими словами и именами собственными. Предикатные имена (семантические предикаты, признаковые, сигнификатные имена) – это слова, сообщающие о свойствах, действиях, состоянии и других признаках предметов объективной действительности, названных предиктируемыми именами. К предикатным именам относятся глаголы, прилагательные, наречия и существительные с качественным значением [7, с. 326–356; 8, с. 304–357; 166, с. 45–142; 73, с. 168–186]. В коллективной монографии «Семантические типы предикатов» [1982] термин «семантический предикат» употреблён для обозначения глаголов, а также различных образований с *быть* или его нулевой формой, которые могут выступать в функции сказуемого.

Трудности, связанные с частеречной классификацией фразеологии даже

идиоматического характера (как более гомогенной по характеру содержания), неизмеримо возрастают, так как исследователю здесь приходится иметь дело с несколькими образованиями со специфической семантикой и употреблением в речи. Распределение фразеологических единиц по грамматическим разрядам традиционно базируется, насколько это позволяет языковой материал, на частеречной классификации лексики. Исследователи обычно выделяют такие разряды фразеологических единиц, как глагольные (*упустить из виду, стереть с лица земли*), субстантивные (*игра слов, казанская сирота*), наречные (*хоть пруд пруди, очертя голову*), адъективные (*кожа да кости, нечист на руку*), междометные (*Вот тебе и на! Вот так фунт!*), модальные (*Что за вопрос? К слову сказать*) и союзные (*несмотря на то что, между тем как*) [191, с. 46–47; 108, с. 126–149; 188; 69]. Выделен особый разряд глагольно-пропозициональных фразеологизмов [108, с. 143–147]; языковые явления, представляющие собой «промежуточную категорию между словом и фразеологизмом», рассмотрены в работе Р.П. Рогожниковой [140]; отдельным частеречным разрядам фразеологии посвящены работы [76; 22; 64; 130] и др. Однако в литературе наблюдаются разногласия не только в системной характеристике частей речи во фразеологии (количество и номенклатура разрядов, их системность, т. е. свойственные им языковые категории, и др.), но и в классификации отдельных фразеологических единиц. Например, фразеологизм *рукой подать* квалифицируется А.И. Молотковым и В.П. и А.В. Жуковыми как адвербиальный со значением места, а А.М. Чепасовой – как атрибутивно-предикативный.

Отмеченные выше недостатки существующей частеречной рубрикации фразеологических единиц во многом обусловлены тем, что фразеология «подгоняется» под традиционную грамматическую классификацию, разработанную для слов, со всеми её замеченными исследователями недостатками и противоречиями. Думается, однако, что идиоматика, как специфический компонент языка, обслуживающий коммуникативно-прагматическую сферу человеческой деятельности, должна иметь иные основания классификации. Коммуникативно-прагматический аспект семантико-грамматического анализа фразеологических единиц должен исходить из учёта коммуникативных интенций говорящего (в их направленности на слушающего) – потребностей в обобщении опыта, номинации предметов реальной действительности, оценке, выражении эмоций и др., формирующих в конечном счете характер содержания идиом (характер отражения в них реальной действительности) и особенности их функционирования в речи, включая и их «строевые» функции в высказывании. Коммуникативная стратегия говорящего всегда определяется той объективной действительностью, в лоне которой протекают процессы коммуникации, и, следовательно, в актах коммуникации выражается отношение говорящего к действительности. Соотношение говорящего с реальным миром осуществляется в том, что говорящий сообщает нечто и / или выражает свое отношение к предмету речи. Отражение действительности в языке-речи всегда происходит в категориях модальности – объективной и субъективной. Объективная модальность – коммуникативные установки говорящего

(утверждение, вопрос, побуждение), отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности / ирреальности – реализуется в пропозиции высказывания, ядром которой выступает предикат. Широкий круг субъективно-модальных значений – экспрессивные, эмоционально-оценочные, уверенности / неуверенности, сомнения, интенсивности и другие – выражаются языковыми средствами различных уровней, среди которых особое положение занимают модальные и междометные единицы.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем выделить следующие грамматические разряды идиом: субстантивные идентифицирующие; предикатные (признаковые) в таких разновидностях, как глагольные, субстантивно-предикативные, адъективно-предикативные, наречно-предикативные и собственно наречные единицы; модальные и междометные идиомы. В идиоматике современного русского языка практически отсутствуют прономинальные единицы и идиомы, соотносительные с именами числительными.

3.1. СУБСТАНТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Осваивая объективную действительность, человек познает прежде всего вещи, их свойства и отношения. Категории вещей, свойств и отношений, не являясь онтологическими философскими категориями (такими категориями являются, как известно, материя и сознание), тем не менее имеют первостепенное значение для раскрытия структуры окружающего нас мира [178, с. 3]. Отражение объективной действительности всегда происходит в категориях языка. Части речи как предельно большие значимые категории языка отражают реальную действительность в присущих им обобщенных значениях. «Наиболее обобщенными значениями для частей речи являются значения предмета (субстанции) и признака – процессуального (представляемого как действие или состояние) и непроцессуального (представляемого как качество или свойство)» [144, I, с. 453].

Значение субстанции в идиоматике русского языка репрезентируется преимущественно идентифицирующими субстантивами. Идиомы с идентифицирующими значениями, описывая предмет по каким-то, чаще всего внешним, формальным признакам, тем самым соотносят высказывание с объективной действительностью, «привязывают» его к определенным предметам внешнего мира. Идентифицирующие идиомы являются, таким образом, номинативными знаками. В предложении они выполняют весь набор синтаксических функций, свойственных именам существительным: подлежащего (основная функция), дополнения, несогласованного определения и именного сказуемого (вторичные функции).

Идентифицирующие идиомы – это в основном названия естественных объектов и реалий повседневного быта, дескриптивные наименования предметов, групп людей и др. Исследователи отмечают среди них названия объектов флоры и фауны (*пастушья сумка, анютины глазки, львиный зев*), болезней (*антонов огонь, грудная жаба*), бытовых реалий (*гусиные лапки*

‘морщины’, *тихий час* ‘послеобеденный сон’, *летучая мышь* ‘вид фонаря’, *почтовый ящик* ‘учреждение, производство закрытого типа’) и др. Идиомы с идентифицирующим типом значения встречаются в русских народных говорах. Подробную тематическую характеристику таких единиц в русских говорах Сибири предложил А.И. Федоров: 1) названия деревьев, диких и комнатных растений (*адамова кость* ‘окаменелое дерево’, *барсова кожа* ‘растение семейства бурачниковых, медуница мягчайшая’); 2) названия болезней (*белая грыжа* ‘женская болезнь’, *смертна боль* ‘водянка’) и др. [183, с. 33–39; 186].

Разряд идиом с идентифицирующим значением активно пополняется в последнее время за счет парафраз, описывающих и называющих реалии общественной жизни. Здесь выделяются следующие группы фразеологизмов:

1. Парафразы с предметным значением, описывающие конкретные предметы по внешнему признаку.Descriptions учитывают преимущественно цвет, часто символический, свойственный идентифицируемому предмету⁴²: *белое золото* ‘бивни слона’, ‘хлопок’, *белая смерть*, *белый дьявол* ‘наркотики’, *белый тигр* ‘снежная лавина’, *голубое золото* ‘природный горючий газ’, *голубой корабль* ‘хлопкоуборочный комбайн’, *желтый кекс* ‘урановый концентрат’ и др.

2. Парафразы с собирательным значением лица, описывающие называемую социальную группу по внешнему признаку (деталь или цвет форменной или типичной одежды): *белые акулы* ‘служители здравоохранения в капиталистических странах’, *белые воротнички* ‘лица наёмного труда, занимающиеся умственной работой’, *синие воротнички* ‘лица наёмного труда, занимающиеся физической работой’, *голубые каски* ‘вооруженные силы Организации Объединённых Наций’ и др.

Остальные фразеологические единицы, традиционно квалифицируемые в литературе как субстантивные (*морской волк*, *вольная птица*, *краеугольный камень*, *цепная реакция* и др.), как правило, не обозначают предметов (станций) и, следовательно, к собственно субстантивным (идентифицирующим) отнесены быть не могут. Обладая грамматическим значением предметности, они называют не субстанции, а предметно представленные свойства, качества, состояния, действия, отношения [144, I, с. 453]. В реальной действительности с ними соотносятся не вещи, а признаки – свойства и отношения вещей. Первичной синтаксической функцией в предложении для них является функция предиката, остальные синтаксические функции – подлежащего, дополнения, несогласованного определения – являются для них вторичными, обусловленными грамматической метафоризацией.

3.2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРЕДИКАТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Основная масса идиом русского языка имеет признаковое (предикатное) значение. Это связано с тем, что их содержание формируется в высказывании в качестве его предикативного ядра (основного элемента пропозиции)

⁴² Примеры фразеологических единиц с толкованием значений взяты из словарей неологизмов: НС3–71, НС3–84, СМ–77, СМ–78, СМ–79, СМ–80.

для удовлетворения определенной коммуникативной и прагматической потребности, постоянно шлифуется под влиянием выполняемой ими коммуникативной роли и «откладывается» в их виртуальном содержании. Фразеологическое значение, таким образом, представляет собой конденсацию, свёртку семантической структуры предложения.

Многообразные отношения между предметами реального мира находят в языке соответствие в определенных синтаксических моделях. Картина мира, отражаемая в содержании текста, «не может объективироваться иначе, чем в синтаксических моделях, предназначенных языком для того или иного содержания» [73, с. 15]⁴³.

Центральной категорией семантической структуры предложения, формирующейся на основе взаимодействия синтаксических значений членов предложения и лексических значений слов, является (наряду с субъектом) предикативный признак, т. е. признак, выявляющийся в объективно-модальном плане – в комплексе значений времени и реальности / нереальности [144, II, с. 86, 124]. Тип предложения (синтаксическая модель), лежащий в основе его семантической структуры, обусловлен типом предиката, который в свою очередь соотносится с объективной действительностью, отражая ее так, как это доступно нашему языковому сознанию. В этих различиях структурных типов предложений и проявляется «план связи предложения с внеязыковым миром» [73, с. 24].

Предикатные идиомы по-разному реализуют свое признаковое значение в разных грамматических классах единиц. По соотнесенности с традиционно вычленимыми частеречными классами предикатные идиомы можно разделить на два разряда: глагольные со значением процессуальности (*плыть по течению, бить баклуши*) и именные, представленные такими группами, как субстантивно-предикативные (*мокрая курица, камень преткновеня*), адъективно-предикативные (*семи пядей во лбу, молоко на губах не обсохло, пороха не выдумает*) и наречно-предикативные (*кот наплакал, на носу*). Значения субъекта и объекта как бы включены в их содержание, которое в связи с этим может быть охарактеризовано как «скрытая синтагма». При этом если указание на объект в содержании фразеологических единиц проявляется факультативно, то ориентация на субъект, производитель действия или носитель состояния и свойства, обязательна. Так, глагольные единицы требуют заполнения субъектной позиции слева (кто-либо *бьет баклуши*), реже – объектной позиции справа (кто-либо *виляет хвостом* перед кем-либо, кто-либо *без ножа зарезал* кого-либо). Субстантивно- и адъективно-предикативные фразеологизмы актуализируются с субъектным актантом, который находится слева и выражается именем существительным или его субститутами в форме именительного или родительного падежей с предлогом или без него (кто-либо *божья коровка*, кто-либо *богом обижен*, у кого-либо *ветер в голове гуляет*, кого-либо *рукой не достать*); реже заполняется объектная позиция справа (*кто-либо правая рука* кого-либо).

⁴³ Ср.: «В конечном счёте все лингвисты ... исходят из признания того, что семантическая структура предложения ... изоморфна отражаемой им реальной ситуации» [139, с. 26].

Функциям указания на предмет (идентифицирующая функция) и выражения сообщаемого (предикация) в логике и актуальной грамматике соответствуют три пары соотносительных понятий: субъект и предикат, тема и рема, подлежащее и сказуемое. Это значит, что в типичных для них условиях функционирования идентифицирующие имена являются субъектом логического суждения, называют уже известный предмет (тема, данное – в аспекте актуального членения предложения) и выполняют функцию грамматического подлежащего. Соответственно, предикатные имена могут быть предикатами логического суждения, сообщают новую информацию (рема, новое) и употребляются в роли сказуемого [10, с. 162 и след.].

Признание того факта, что идентифицирующие имена и предикаты различаются содержательно, не означает, на наш взгляд, отрицания номинативной сущности предикатов, т. е. их способности соотноситься через концептуальное содержание с объективным миром, репрезентировать признаки предметов, называемых идентифицирующими именами. В этом вопросе, несмотря на категорическое заявление Ю.С. Степанова [165, с. 311–312], до последнего времени сосуществуют альтернативные мнения. Первая точка зрения, согласно которой предикаты не способны к номинации, референции, наиболее ортодоксально представлена в работах Н.Д. Арутюновой и Ю.С. Степанова. Альтернативного мнения придерживаются В.Г. Гак, Г.А. Золотова и др. Так, В.Г. Гак, признавая отношение «имя существительное – предмет» ядерным, основным типом номинации, считает, что «расширение понятия лингвистической номинации идёт как за счёт широкого понимания её содержательного аспекта, так и по линии более широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте» [52, с. 233]. Выражение в языке несубстанциональных элементов действительности: свойств, качеств, отношений, процессов, действий, состояний – с помощью прилагательных, наречий, глаголов, по мнению В.Г. Гака, тоже следует квалифицировать в качестве номинации [52, с. 233]⁴⁴.

Предикатный характер фразеологической семантики, следовательно, не исключает номинативной предназначенности идиом. В речевых актах они не только сообщают новую информацию о предмете речи (о его свойствах, качествах, действиях и других признаках), названном идентифицирующим именем, но одновременно являются и названиями сообщаемых признаков. Трудности, возникающие при определении номинативной сущности актуализируемых в речи фразеологических единиц, связаны прежде всего со

⁴⁴ Ср.: «Здесь нет возможности останавливаться более подробно на вопросе референции к непредметным сущностям – событиям (действиям, процессам, состояниям, свойствам, признакам), фактам и пропозициям. Исследование этих вопросов составляет одну из *перспектив* (курсив наш. – А.Э.) дальнейшего развития теории референции, которые ещё тяготеют к анализу собственных имён и определённых дескрипций и к спорам о роли их значения в осуществлении референции. Между тем упускается из виду, что основная масса референтных средств языка – дескрипции, относящиеся к неживой природе и артефактам, имена непредметных объектов из области онтологии и эпистемологии и все виды неопределённой референции – не может воспользоваться никакими механизмами, кроме семантического» [12, с. 37–38].

спецификой их денотатов: они называют не дискретные предметы реальной действительности, а их существенные признаки, их атрибуты, которые не существуют и, следовательно, не мыслятся вне этих предметов, «включены» в них, суть проявления их онтологических свойств.

В основной своей массе идиомы представляют такие признаковые имена, которые обозначают и характеризуют психические свойства человеческой личности (эмоции, чувства, интеллект), её моральные качества, дают её межличностную, социальную оценку. Эти характеристики человека не существуют в качестве отчуждённых от него признаков, не являются чем-то внешним по отношению к нему [67, с. 47]. Понимая психическую деятельность в качестве неотъемлемого параметра человеческой личности, в речи говорящие, тем не менее, склонны экстерииоризировать константы психики – «чувства, страсти, желания, волю, ум, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдания и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определенные, дружеские или враждебные отношения...» [7, с. 94]. Такая экстерииоризация компонентов психики происходит лишь на поверхностно-грамматическом уровне предложения (ср.: *У меня сердце кровью обливается. – Я переживаю, страдаю*). Она обусловлена сложностью, «ненаблюдаемостью» внутреннего мира, который именно в силу этого моделируется по образцу внешнего мира [7, с. 95].

Иллюзия неноминативности, неденотатности фразеологических единиц может создаваться и поддерживаться, таким образом, спецификой их денотатов: это классы не предметов, а признаков (свойств и отношений) предметов. Они существуют в объективной действительности не изолированно (хотя как объекты научного познания они могут «отчуждаться» от предметов), а в качестве своеобразных инкорпорации в «плоть» предметов, являясь их отличительными признаками [208].

Следовательно, фразеологические единицы с предикатным типом значения могут быть квалифицированы как бифункциональные знаки, осуществляющие и идентифицирующую, и предикатную функции. Эта функциональная двойственность фразеологических (идиоматических) знаков обнаруживается в том, что их знаковая форма представляет собой свёрнутую пропозицию, субъект которой включен в неё в качестве переменной.

3.2.1. К ТИПОЛОГИИ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДИКАТОВ

В отечественном языкознании последних лет наметился пристальный интерес к проблеме построения универсальной классификации предикатов, которая строится с учетом таксономии субъектов. Эта комплексная проблематика получила отражение в серии работ, опубликованных в «Известиях АН СССР» [83; 9; 165; 21, а также в монографиях [166; 73].

Семантика фразеологических единиц не была до сих пор предметом специального анализа в указанном аспекте. В данной работе поэтому мы не ставили перед собой цели создать законченную таксономию фразеологичес-

ких предикатов ⁴⁵, а лишь наметили первые шаги в выявлении их типов.

Многообразие форм и значений предикатов тесно связано с типами предложений. «Правомерность постановки вопроса о соотносительности типов предикатов и типов предложений сомнений теперь, очевидно, не вызывает», – отмечает Г.А. Золотова [73, с. 168], имея в виду «заслугу Грамматики-80, освятившей своим авторитетом признание необходимости семантического анализа синтаксических конструкций и разработавшей опыт такого анализа» [73, с. 16]. Обращение к категориям синтаксической семантики, думается, позволит уточнить содержательную характеристику фразеологических единиц. Основная масса фразеологизмов, как мы уже говорили, формируется в недрах пропозитивного ядра предложения, представляющего собой субъектно-предикатные отношения. Этим изначально детерминирован признаковый характер значения фразеологических единиц основных грамматических разрядов. Вычлененные из пропозиции и представленные в качестве виртуальных единиц, фразеологизмы не потеряли своей связи с другими категориями семантической структуры предложения: значения актантов (субъекта, объекта, реже – обстоятельства) включены в их содержание, которое представляет собой пропозитивные свёртки, легко развёртывающиеся в речи в пропозитивное ядро высказывания, определяющее его актантную конфигурацию.

Признак, выражаемый фразеологической единицей, конкретизируется в единицах разных семантико-грамматических разрядов по-разному: глагольные единицы обозначают действия и состояние предметов, субстантивные и адъективные – состояние, свойства и признаки предметов, адвербиальные – признаки действия, состояние предметов, количество (множественность) предметов, а также субъектное и бессубъектное состояния.

Типология фразеологических предикатов может базироваться на учёте разных их сторон – как собственно содержания в его соотнесённости с реальной действительностью, так и характера актуализации этого содержания, учитывающей актантную конфигурацию фразеологических единиц. Мы предлагаем следующие две классификации фразеологических предикатов, находящиеся в отношениях дополнительности.

А. Классификация, учитывающая собственно содержание идиом, отражающее ситуации объективной действительности, без обращения к их (идиом) категориально-грамматическому значению и лексико-грамматической форме, будет выглядеть следующим образом ⁴⁶:

1. Фразеологические единицы с типовым значением состояния. Этот разряд представлен преимущественно глагольными фразеологизмами,

⁴⁵ Такая таксономия, несмотря на коллективные усилия, не создана даже для лексики: в монографии «Семантические типы предикатов» предложено два варианта классификационной сетки лексических предикатов, которые, различаясь в частности, в основном дополняют друг друга. (Ср.: [26; 147].)

⁴⁶ В основу нашей классификации фразеологических предикатов положена классификация основных семантико-грамматических моделей предложений, разработанная Г.А. Золотовой [73, с.168–187].

характеризующими различные психические и физиологические состояния человека: *бить баклуши, браться за ум, впадать в ребячество, затянуть потуже ремень* и др. Реже встречаются адъективно- и наречно-предикативные идиомы, характеризующие те же состояния: *как в воду опущенный, ни жив ни мёртв, под градусом, под мухой, хоть бы хны, ни жарко ни холодно* – или описывающие физические параметры предметов: *рукой подать, на носу, один шаг до чего, не за горами*, и др. Предикаты состояния, в отличие от предикатов, характеризующих постоянные свойства предметов, описывают временный, преходящий признак, актуальный для данного отрезка времени, в котором протекает речевой акт.

2. Предикаты с типовым значением действия представлены глагольными единицами со значением физического воздействия, движения и т. п.: *вышибать душу, выводить в расход, давать сдачи; висеть на плечах, выкидывать кренделя, давать стрекача* и др. Такие предикаты также обозначают временный, случайный признак.

3. Фразеологизмы с типовым значением постоянного, вневременного свойства, качества предмета представлены субстантивными и адъективными единицами, характеризующими физические и психические качества человека: *коломенская верста, базарная баба, мокрая курица, гусь лапчатый, бесструнная балалайка; мухи не обидит, голова варит, семи пядей во лбу* и др.

4. Фразеологизмы с типовым значением квалификации представлены субстантивными и адъективными единицами, характеризующими и оценивающими социальный облик человека: *искатель приключений, соломенная вдова, седьмая вода на киселе, жеребьячья порода, богом обиженный, нечист на руку, собаку съел в чем-либо* и др. Квалификация лица представляет собой постоянный признак, мыслимый вне временных рамок.

5. Фразеологизмы с типовым значением квантификации предмета представлены наречными предикатами: *хоть пруд пруди, как собак нерезаных, вагон и маленькая тележка* и др. Количественный признак носит временный, преходящий характер.

6. Фразеологизмы с типовым значением непроцессуального признака действия или состояния (вторичные предикаты или предикаты предикатов). В зависимости от характера их содержания и отношения к основному предикату (сказуемому) вторичные предикаты можно разделить на две группы: а) обозначающие признаки, внутренне присущие предикатам – их носителям, б) обозначающие признаки, внешние по отношению к их носителям. Этот разряд предикатов представлен наречными фразеологизмами.

К первой группе относятся собственно характеризующие наречные фразеологизмы, обозначающие свойства, качества, способ действия, а также интенсивность проявления признака. Это традиционно выделяемые наречия образа действия и наречия степени. Наречные фразеологизмы образа действия, в свою очередь, делятся на подгруппы, выражающие частные виды общего значения качественности: способ протекания действия или состояния, являющийся их временным признаком (*с ходу, как пень, под шумок, с ветерком, как птица небесная, на птичьих правах, во все глаза* и др.), эмоциональную

характеристику действия или состояния (*от души, в сердцах, по душам, под горячую руку* и др.). К этой же группе наречных предикатов с качественно-характеризующим значением относятся наречия степени, обозначающие интенсивность проявления действия или состояния: *до чёртиков, до безумия, до глубины души, в доску, во всю Ивановскую, на полную катушку, по горло, как из ведра, как банный лист* и др.

Ко второй группе относятся наречные фразеологические единицы, обозначающие внешние по отношению к носителю признаки: место протекания действия или состояния (*в хвосте, в двух шагах, на местах*), время (*к шапочному разбору, во время оно, на каждом шагу*), совместность (*бок о бок, плечо к плечу, рука об руку*), причину (*из спортивного интереса, ни с того ни с сего*), цель (*ради красного словца, про чёрный день*).

Наречные фразеологические предикаты, обозначающие признак признака, выраженного именем прилагательным в полной или краткой форме, не характерны для идиоматики русского языка. Они обозначают преимущественно качественно-характеризующий признак постоянного или, реже, преходящего характера – интенсивность проявления признака: *как рак* (красный), *как мел* (белый), *как смерть* (бледный, бледен), *как две капли воды* (схож, похож), *как лунь* (седой) и др. Как видно из примеров, такие предикаты имеют специфичную внешнюю форму (сравнительного оборота) и обладают единичной сочетаемостью (ср. понятия лексических солидарностей Э. Косериу и фразеологической связанности лексического значения В.В. Виноградова).

Б. Другим основанием классификации фразеологических предикатов являются их связи с субъектом и объектом. Субъект и предикат семантически взаимосвязаны: значение предиката задается субъектом, и, наоборот, предикат имплицитно задает тип субъекта [208]. Облигаторная субъектная ориентация фразеологических предикатов проявляется и в тех случаях, когда они реализуются не в канонической – подлежащно-сказуемой – модели предложения.

Учитывая связь предиката с субъектом и объектом, а также тип субъекта и специфику выражения категорий субъекта и объекта в содержании предикатов, можно предложить второй вариант классификации фразеологических (идиоматических) предикатов:

1. Предикаты с субъектной ⁴⁷ локализацией – одновалентные номинации. Семантический субъект, включенный в содержание фразеологического предиката, репрезентируется в семантических категориях лица и предмета. Основная масса фразеологических предикатов ориентирована относительно лица. Это обусловлено спецификой значения идиом, как особых прагматических единиц, призванных выражать интеллектуальные и эмоционально-волевые побуждения говорящего в их направленности на возбуждение соответствующих психических сфер слушающего.

а) Предикаты, ориентированные на субъект-лицо, представлены глаголь-

⁴⁷ Ср. употребление терминологических атрибутов *субъектный, объектный, субъектно-объектный* в работах А.А. Уфимцевой [180, с. 114–143; 181, с. 6, 66–85].

ными фразеологическими единицами (*браться за ум, знать себе цену, бить тревогу, болтать языком, держать язык за зубами* и др.), а также частью субстантивных и адъективных единиц (*божья коровка, волк в овечьей шкуре, без царя в голове, не первой свежести* и др.). Субъект при таких предикатах обычно локализуется в позиции слева и выражается каноническими формами – именительным падежом единственного или множественного числа существительных или их заместителей (собственных имен, местоимений и др.). Примеры ⁴⁸: **Они сами себе не знают цены. Ты, братик, тоже держи язык за зубами. Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех ..., несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Он был остер на язык.**

Семантический субъект при таких предикатах может репрезентироваться и косвенными падежами существительных или их субститутов: *песок сыплется из кого, голова закружилась у кого, ветер в голове гуляет у кого, есть ещё порох в пороховницах у кого, ума палата у кого, нос не дорос у кого* и др. Примеры: **Из неё песок сыплется, а она пляшет. Голова закружилась у степнячки. А у молодого пестряка ума палата была.**

б) Предикаты, ориентированные на субъект-предмет (отвлечённый), относятся к разряду предикатных субстантивных фразеологических единиц. Субъект при них может быть манифестирован существительными со значением абстрактного предмета, явления: *ариаднина нить, бабьи сказки, буря в стакане воды, детский лепет, длинная (долгая) песня* и др. Примеры: – *А верно, что над пленными большевики издеваются?* – **Бабьи сказки! И противоречие Чацкого смешно, потому что оно – буря в стакане воды. И потому вся поэма – детский лепет.**

2. Фразеологические предикаты с субъектно-объектной локализацией – двухвалентные субъектно-объектные номинации. Семантический объект представлен преимущественно именами со значением лица, реже – предмета и выражается предложно-падежными формами, управляемыми идиоматическими предикатами. Актантная рамка таких единиц (в условиях нейтрального, неэмфатического контекста) имеет следующую структуру: в позиции слева – агенс, в позиции справа – пациенс. В этот разряд предикатов входят глагольные единицы (*перешагнуть через порог кого-чего, приложить руку к кому-чему, воротить нос от кого-чего, вилять хвостом перед кем, верёвки вить из кого и др.*), а также субстантивные и адъективные идиомы (*что заключительный аккорд чего, что альфа и омега чего, кто-что плоть от плоти кого-чего, кто на голову выше кого, кто на ножах с кем* и др.). Примеры: **Иначе он не перейдёт через порог этого дома! Нам тебя нельзя уважать, потому что мы у тебя в руках, ты из нас верёвки вьёшь. Тут начальник станции со мной на ножах, ворует, мерзавец, а я мешаю. Мы плоть от плоти славянофилов.**

В отличие от глагольных предикатов-лексем, в содержании которых может присутствовать в скрытой или явной форме указание на параметры речевого акта – коммуникантов, время, место и др. (ср.: [181, с. 60, 80–81]), в содержании глагольных идиоматических предикатов присутствует указание лишь на

⁴⁸ Иллюстративный материал взят из ФСРЯ.

коммуникантов. Предикаты, имеющие в своей актантной рамке указания на пространственные координаты речевого акта, в русской идиоматике представлены единичными случаями: *высунуть нос куда, откуда; запустить руку во что, куда; запустить глаза (глаzenаны) куда* и др.

Таким образом, мы наметили предварительную комплексную типологию фразеологических (идиоматических) предикатов, построенную на нескольких основаниях. Многомерность классификации идиоматических предикатов, базирующейся на гетерогенных основаниях, детерминирована сложностью семантической структуры фразеологических единиц, отражающей структуру внеязыковой ситуации и познающего ее мышления-сознания.

3.3. ПРОНОМИНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Фразеологические единицы, соотносительные с местоимениями, в идиоматике современного русского языка представлены небольшим числом единиц. Местоимения выполняют, как известно, не номинативную, а заместительную функцию: они замещают слова-названия, указывают на предметы, признаки (в широком смысле) и количество. Местоимения имеются во всех языках – являются языковыми универсалиями – и делятся на одни и те же разряды: личные, возвратные, указательные и др. Однако, несмотря на кажущуюся компактность этой группы языковых знаков, учёные отмечают их коммуникативную разнородность [18, с. 285]. Именно этим можно объяснить тот факт, что не все ученые выделяют местоимения в качестве отдельной части речи [197, с. 63–84; 162, с. 19–33].

В центре группы местоимений находятся личные местоимения *я – ты*, которые обслуживают прагматическую сферу языка. Их языковое назначение (resp. значение) состоит не в том, чтобы называть и характеризовать человека по каким-то отличительным признакам, а лишь в том, чтобы указывать на него как на производителя и получателя речи. *Я* – это любой говорящий в момент речи. В этом своем качестве человек не нуждается в каких-то определениях и конкретизациях. Всё вышесказанное объясняет в определенной мере факт отсутствия в русском языке идиом со значением личных местоимений. Единственное исключение – *аз (много)грешный* – можно квалифицировать как цитату, маркированную в речи социально и стилистически: эта идиома встречается преимущественно в речи интеллигентов; архаичность её составляющих и в целом «религиозная» коннотация находятся в противоречии с современным социальным статусом говорящего.

Местоименные существительные *ваш брат* ‘вы и вам подобные’, *наш брат* ‘мы и нам подобные’, *ваша сестра* ‘вы и вам подобные женщины; все вы, женщины’, *наша сестра* ‘мы и нам подобные женщины; все мы, женщины’ не являются прагматическими индексами как личные местоимения *я – ты*, т. е. не служат средством соотнесения речевых актов с говорящим. Основная их функция – дейктическая: они указывают на принадлежность говорящего и слушающего к определенной социальной группе, члены которой объединены общностью вида деятельности, профессии, возраста, пола и др. Использование

их в речи регламентировано так называемыми прагматическими правилами, которые можно рассматривать как вид пресуппозиции – фоновых знаний говорящего об условиях актуализации этих единиц, зависящих от социального статуса коммуникантов, от их языковой компетенции. Присущая данным фразеологическим единицам предельная абстрагированность значения «снимается» контекстом или ситуацией общения. Идиома *ваш брат*, например, относится к собеседнику, не маркированному по признаку пола: им может быть как мужчина, так и женщина. (*Вот вы журналистка. **Ваш брат** должен быть справедливым и непримиримым.* [Суров А. Далеко от Сталинграда]. Идиома *наш брат* используется в речи преимущественно мужчиной (*Нашего брата, старого холостяка, принято вышучивать ...*), хотя она может иметь и собирательное значение (*Я раб, внук крепостного. Прежде чем мы, чумазы, выйдем на настоящую дорогу, много **нашего брата** ляжет костью!*). Что касается идиом *ваша сестра* и *наша сестра*, то они, имея значение собирательности, соотносятся всегда с существами женского пола. При этом оборот *ваша сестра* может использоваться в речи говорящим – мужчиной или женщиной; единица же *наша сестра* имеет денотатом всегда женщин.

Местоимения остальных разрядов в идиоматике русского языка представлены преимущественно определительными местоимениями: *каждая (всякая) собака* ‘всякий, каждый, любой. О человеке’; *каждый (первый) встречный* ‘всякий, любой человек, кто угодно’; *всё про всё* ‘абсолютно всё’; *от мала до велика* ‘абсолютно все’ и др. Например: *Страна от мала до велика влюбилась в эту темноволосую, с каким-то детским, распахнутым взглядом женщину* [ЛГ, 12 февр. 1986]. Актуализация в речи таких фразеологизмов тоже может определяться прагматическими правилами, которые эксплицируются иногда в словарных дефинициях в виде помет-приложений «*о человеке*», «*о людях*».

3.4. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРАГМАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Кроме рассмотренных выше кардинальных семантико-грамматических разрядов идиом, обслуживающих сферу номинативно-классифицирующей деятельности человека, в идиоматике русского языка имеются единицы, обслуживающие преимущественно прагматику языка – сферу коммуникации, связанную с выражением отношения говорящего к используемым им знакам, т.е. к сообщаемому. В традиционной грамматике к этой сфере языка речи относят категорию модальности. Модальность – это содержательный признак высказывания, который с помощью языковых средств различных уровней выражает отношение говорящего к действительности и / или к сообщаемому. Категория модальности реализуется в двух типах значений: 1) объективно-модальные значения, передающие отношение сообщаемого к действительности, – это слитые воедино значения реальности / нереальности и значения времени, которые, как известно, обязательны для всех предложений-высказываний; 2) субъективно-модальные значения, передающие отношение говорящего к сообщению и выражаемые различными языковыми средствами и их комбинациями (специальными синтаксическими конструкциями, повто-

ром, словопорядком, модальными словами и частицами, вводными словами, словосочетаниями и предложениями, междометиями, интонацией и др.) [63, с. 611–614; 144, II, с. 214–236]. В вопросе о том, являются ли субъективно-модальные значения обязательным компонентом содержания предложения-высказывания, мнения ученых расходятся. Авторы Грамматики–70 утверждают, что «каждое высказывание, построенное на основе той или иной отвлеченной схемы предложения, обладает субъективно-модальным значением» [63, с. 545]. Альтернативное мнение выражено в Грамматике-80: «Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению» [144, II, с. 215]. Думается, это противоречие во многом объясняется неразработанностью проблемы, отсутствием общепринятой номенклатуры субъективно-модальных значений и средств их выражения в языке, а также переходным характером многих языковых явлений, их «текущестью», неопределенностью, способностью по-разному проявлять себя в процессе функционирования. При широком подходе к понятию «отношение говорящего к сообщаемому», вытекающем из логики этого понятия, любое отношение сообщаемого к действительности (т.е. значение объективной модальности как обязательного признака высказывания) уже включает в себя и отношение говорящего к сообщаемому (значение субъективной модальности), так как любое сообщение выражает определенные коммуникативно-прагматические интенции говорящего. В случае же отсутствия в высказывании каких-либо маркированных в субъективно-модальном отношении языковых средств субъективно-модальные значения обнаруживают себя на фоне конситуации – необходимого объясняющего контекста или совпадающей с ним по функции ситуации речи.

В данном разделе работы нас интересуют субъективно-модальные значения и их выражение с помощью разного типа фразеологических единиц. Это прежде всего идиомы, традиционно относимые к разрядам модальных и вводных словосочетаний, а также междометий. Общим признаком этих языковых знаков является их неспособность выполнять номинативную функцию: они выражают разнообразные эмоционально-волевые реакции и интеллектуальные оценки говорящего, но не называют их.

Ученые неоднократно отмечали трудности практического отграничения данных языковых единиц друг от друга, как обладающих синкретичным значением: во многих из них совмещаются разные грамматические значения. Например, оборот *в самом деле* квалифицируется в «Словаре сочетаний, эквивалентных слову» как наречная единица со значением ‘действительно, вправду’ [141, с. 42], а в работе В.В. Виноградова – в качестве модального словосочетания, выражающего логическую оценку достоверности утверждения [43, с. 578].

Фразеологические единицы, обслуживающие прагматику языка, можно представить как один разряд единиц: они обладают особым характером семантики, приспособленной для выражения субъективной модальности,

отличаются специфическими языковыми функциями (неноминативные единицы) и синтаксической ролью (не являясь отдельным членом предложения, они относятся к содержанию высказывания в целом или сами эквивалентны высказыванию). Однако, учитывая определенную гетерогенность и функциональную разнотипность этих единиц, а также традиции их дифференциации в отечественной науке, мы предлагаем разделить фразеологизмы с прагматическим значением (прагматизмы) на две группы: 1. модальные (в том числе и вводные) фразеологизмы и 2. междометия идиоматического характера.

3.4.1. МОДАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Модальные фразеологизмы – это устойчивые обороты, выражающие разнообразие отношения говорящего к сообщаемому: эмоциональную и интеллектуальную оценку сообщаемого; подчеркивание, выделение какой-то части сообщаемого; характеристику структуры сообщаемого – связей между элементами содержания; отношение к сообщаемому с точки зрения характера и способа его изложения и др.

По характеру выражаемого содержания (субъективно-модальных значений) модальные фразеологические словосочетания могут быть разделены на следующие группы:

а) Модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные и интеллектуальные оценки говорящего, в том числе достоверность / недостоверность сообщаемого: *грешным делом, неровён час, чего доброго, шутка сказать, в самом деле, что там говорить, в конце концов, чего лукавить* и др. Примеры: **В конце концов**, журнал наш не только здесь, но и там читают [ЛГ, 19 марта 1986]. **И, что там говорить**, когда речь идёт о работе за границей, эта проверка должна быть особенно тщательной [Изв., 10 апр. 1986]. **Чего лукавить**, этой атмосферой долгие годы дышала не только академия – многие подразделения республики [ЛГ, 2 апр. 1986].

б) Модальные фразеологизмы, служащие средством акцентирования, выделения сообщаемого, часто в сочетании с усилением и с апелляцией к слушающему: *надо сказать, если хотите, надо заметить, если уж на то пошло, во всяком случае, собственно говоря, представьте себе, не правда ли* и др. Примеры: **Если хотите**, Гагарин был, что называется, «себе на уме» [Изв., 5 апр. 1986]. **Собственно говоря**, подготовительная работа в этом направлении уже началась... [Изв., 19 апр. 1986]. **А если уж на то пошло**, там, на западе (знаю доподлинно), у недругов наших вызвало смятение ... именно то, что мы стали прямо говорить о собственных недостатках [ЛГ, 19 марта 1986].

в) Модальные фразеологические единицы, являющиеся маркерами структуры дискурса. Они выражают различные смысловые связи между элементами текста: сигнализируют о переходе к следующей (новой) теме, служат средством противопоставления отдельных частей текста, предваряют резюме, указывают на завершение дискурса и др.: *между тем, стало быть, таким образом, в конечном счёте, в конце концов, с одной стороны, с*

другой стороны и др. Примеры: *Определяющим является состояние нашего народного хозяйства ... Дело, в конечном счете, в труде каждого из нас. Одним словом, сильная, здоровая экономика обеспечивает успех и политике мира* [Изв., 9 апр. 1986]. *С одной стороны, стремительное развитие науки и техники открывает невиданные возможности овладения силами природы, улучшения условий жизни человечества. А с другой стороны, «просвещённый» XX век вошел в историю такими порождениями империализма, как самые кровопролитные войны, разгул милитаризма ...* [Изв., 26 апр. 1986] и др. Как видно из примеров, такие прагматизмы занимают в высказывании, как правило, инициальную позицию.

г) Модальные фразеологизмы, выражающие отношение к характеру и способу изложения, оформления сообщения: *так сказать, мягко говоря, что называется, как говорится* и др.: *Но существо у него ультравоинственное и ультрареакционное, это, так сказать, доктрина обратимости истории* [Изв., 23 февр. 1986]. *А ведь сухумские пляжи, мягко говоря, не очень-то благоустроены* [Изв., 19 апр. 1986] ... *Бюллетенями обзаведутся, справками о немощи – на козе, что называется, к ним не подъедешь* [Изв., 29 окт. 1985].

3.4.2. МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Междометия идиоматического характера также участвуют в выражении субъективно-модальных значений: они характеризуют эмоциональное и интеллектуальное отношение говорящего к сообщаемому, к собеседнику и речевой ситуации в целом, выражают волеизъявления говорящего, обслуживают сферу речевого этикета и др.

Мы уже говорили о трудностях, связанных с отграничением фразеологических прагматизмов друг от друга. Среди междометий тоже встречаются переходные случаи – между модальными словосочетаниями и междометиями, междометиями и категорией состояния и др. [43, с. 43, 586–588]. Участие идиом-междометий в синтаксической организации текста проявляется по-разному: основная их часть функционирует в качестве эквивалента предложения или его модального элемента [144, II, с. 735], при этом некоторые из них обнаруживают двойственную синтаксическую природу: в одних речевых условиях они выполняют функции модальных компонентов предложения, в других – функционально равны законченному высказыванию. Ср.: 1) *На кой черт ты лезешь сюда!* 2) – *Возьми, пригодится!* – *На кой черт!*

Междометные фразеологические единицы можно разделить на две группы: 1) выражающие эмоции и эмоциональные оценки говорящего и 2) обслуживающие сферу речевого этикета.

Междометия первой группы, как было отмечено [201; 203], выражают преимущественно отрицательные эмоции. При этом они, как правило, обладают диффузным значением – способны выражать несколько смежных и даже амбивалентных (противоположных) эмоций: *Вон как! Вот оно что! Поди ж ты! Вот так клюква! Вот так фунт! Вот тебе и на! Вот то-то и оно! Милое дело! Новое дело! Тьфу ты чёрт! Чёрт возьми! На кой чёрт!* и др. Выражая эмоциональную оценку содержания высказывания, некоторые из

междометных фразеологизмов одновременно могут служить прагматическими сигналами завершения дискурса: *Такие вот пироги! Вот тебе и (весь) сказ! Такое вот кино!* и др. Например: *А хочешь бросить меня, так и я не нуждаюсь. Вот тебе и сказ* [Толстой Л. *Власть тьмы*]. *Мой кинофестиваль, затянувшийся на год, завершён. Такое вот, как говорится, кино ...* [ЛГ, 19 сент. 1985].

Междометия второй группы, обслуживающие сферу речевого этикета⁴⁹, имеют ситуативно обусловленное значение. Их семантическая рубрикация основана на учете разнообразных ситуаций общения: приветствия, обращения к знакомым и незнакомым, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, проклятия, просьбы и др. [184; 185; 2; 145]. Круг формул речевого этикета довольно широк, мы отобрали для анализа междометия идиоматического характера.

а) Междометия, употребляющиеся в ситуации встречи – прощания: *Будьте добры (любезны)... Скажите, пожалуйста... С добрым утром! Честь имею* (устар.)! *Как дела? – Так себе. Как вам (тебе) сказать! Чем могу служить? Сколько зим, сколько лет! Всего доброго! Ступай себе с богом!* и др.

б) Междометия, выражающие согласие или несогласие: *так и быть, ни в коем случае, ни за какие коврижки, ничего подобного, что ты (вы)!* и др.

в) Междометия, являющиеся ответными репликами в ситуации извинения: *Ну что вы (ты)! Какие пустяки! Какая мелочь! Ничего страшного!* и др.

г) Междометия, обслуживающие сферы благодарности, пожеланий, в том числе и отрицательных (проклятий, заклинаний): *Час добрый! В добрый путь! За ваше здоровье! Ни пуха ни пера! Скатертью дорожка! Чтоб тебе (ему) пусто было! Чтоб тебе ни дна ни покрывки! Чтоб тебя чёрт побрал!* и др.

Проведённый анализ семантико-грамматических разрядов русских идиом обнаружил их качественное и количественное своеобразие по сравнению с системой частей речи в лексике. Вся идиоматика отчетливо делится на два класса единиц: идиомы предикатного (признакового) характера, реализующие объективно-модальное значение предложения совместно с разнообразными субъективно-модальными значениями, и идиомы с прагматическим значением, обслуживающие прагматику языка (в узком смысле) – сферу субъективно-модальных значений. Что касается группы фразеологических единиц с так называемым идентифицирующим значением, обслуживающих номинативно-классифицирующую деятельность человека, то они также сформировались в русле предикации, что наложило свой отпечаток на тип их значения – номинативно-характеризующий. Следовательно, все идиоматические единицы русского языка имеют ярко выраженную коммуникативно-прагматическую предназначенность.

С помощью основных грамматических разрядов идиом – глагольных и предикатных именных (субстантивных, адъективных, адвербиальных) – называются и одновременно характеризуются с позиций говорящего

⁴⁹ Данные языковые единицы квалифицируются в литературе неоднозначно: как слова-предложения, как высказывания, функционирующие в относительно независимой позиции, как междометия. Ср.: [63, с. 574–575; 144, I, с. 734; 43, с.593].

не предметы, а признаки (в широком смысле) предметов – их свойства, качества, действия, состояния, отношения, существующие в объективном мире не изолированно, а как неотъемлемые признаки, атрибуты этих предметов. Содержание таких фразеологических единиц в связи с вышесказанным правомерно квалифицировать как коммуникативно-прагматическое. Что касается собственно прагматических фразеологизмов (модальных и междометных), то они служат как бы добавочным средством выражения отношения говорящего к сообщаемому и через него – к действительности. Таким образом, вся идиоматика русского языка является специфическим средством выражения и воплощения категории модальности как универсальной и онтологической категории «языка в действии» – функционирующего языка.

4. ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ

Ономасиологический аспект анализа фразеологической семантики представляет «интересы» говорящего в актах вербальной коммуникации. Ономасиологию интересуют процессы формирования мыслительного содержания и его «отливки» в языковую форму. Будучи по конечным результатам семантическими, такие процессы по сути своей имеют логико-психологическую природу. Процессы первичного фразеобразования (образования фразеологических единиц) и воспроизведения в речи уже существующих в языке фразеологических единиц предполагают ментальные усилия, направленные на извлечение из памяти языковых единиц. По мнению ученых, основной формой «упаковки» и хранения языковых единиц в памяти являются семантические и тематические поля, т. е. совокупность единиц, «покрывающих» определённый участок внеязыковой действительности. Вышесказанным определяется необходимость комплексного анализа семантики фразеологических единиц в ономасиологическом и идеографическом аспектах.

Ономасиологический подход к изучению семантики фразеологических единиц покрывает широкую предметную область, которая может быть названа **фразеологической ономасиологией**. Эта область исследования охватывает следующие проблемы: процессы синхронического фразеобразования в семантическом и логико-психологическом аспектах; семантические основы фразеологической идиоматичности; воспроизводство в речи фразеологических единиц как ономасиологический акт и связанные с ним процессы трансформации семантики и формы фразеологизмов; объект фразеологической номинации [207] и др.

4.1. ПРОЦЕССЫ СИНХРОНИЧЕСКОГО ФРАЗЕОБРАЗОВАНИЯ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Центром речевой коммуникации признается говорящий – творящий текст человек. Языковая компетенция говорящего предполагает прежде

всего его способность создавать коммуникативные единицы разного объёма – высказывания-предложения и дискурсы. В процессе создания высказывания говорящий воспроизводит уже известные ему языковые единицы. Речепроизводство может сопровождаться необычным, переносным употреблением слов и свободных словосочетаний. Создание же абсолютно новых языковых единиц, по мнению исследователей, явление крайне редкое [103. с. 230].

При порождении речи у говорящего сначала формируется нерасчлененный смысл как представление ситуации, события в «лицах» – элементах объективной действительности, которые должны быть выражены в речи в их взаимосвязях. В семантике языка-речи такую внеязыковую ситуацию отражает пропозиция – семантическая структура, представляющая собой связь субъекта и предиката. Основная масса фразеологизмов-идиом формируется в недрах пропозиции в актах переносного употребления свободных словосочетаний – метафоризации и метонимизации.

Процессы фразеобразования могут быть рассмотрены как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Синхронический аспект фразеобразования связан с изучением семантических процессов, имеющих логико-психологическую природу: формирование идеального содержания, характерного именно для фразеологии, и его языковая объективация, которая реализуется как поиск адекватной для целей данного коммуникативного акта языковой формы, её «подгонка» к данному содержанию, сопровождающаяся различными структурно-семантическими трансформациями найденной языковой единицы.

Диахроническое фразеобразование рассматривает дальнейшую «жизнь» созданной в разовом коммуникативном акте языковой единицы: социальную актуальность отлившегося во фразеологической форме идеального содержания, имеющую следствием частотность, многообразие её употребления первоначально в узкой стилевой сфере, а затем – в смежных и даже маргинальных стилевых зонах. Узуальность, употребительность фразеологической единицы в многократных актах вербального общения предрасполагает к её различным семантическим модификациям (развитие значения, сопровождающееся его сужением, расширением, специализацией, формированием семантических вариантов и др.) и формальным трансформациям (усечение, расширение формы на основе контаминации, варьирования разного типа и др.). При этом изменение плана выражения языкового знака, как правило, сопровождается изменением и плана содержания, понимаемого широко, – концептуального значения, сочетаемостных потенциалов, ассоциативно-семантического ореола, стилистической окраски и др.

Диахронический аспект фразеобразования ярко демонстрирует системную обусловленность фразеологической единицы, показывает «давление» языковой системы по синтагматической (линейной) и парадигматической (вертикальной) осям, являющееся одним из главных внутренних регулирующих механизмов «жизнедеятельности» языка.

Оба аспекта фразеобразования не противостоят друг другу, а дополняют друг друга. Одноактным, разовым является не процесс образования фразеологической единицы, а ономасиологический акт, т.е. процесс «отливки» идеального содержания в языковую форму в актах речи. Фразеобразовательный же процесс, т.е. формирование воспроизводимого узуального устойчивого сочетания слов, предполагает определённое время «апробации» носителями языка нового словосочетания, в течение которого оно «притирается» к существующей фразеологической системе и приобретает – или не приобретает – свойственные фразеологизму категориальные признаки. Однако чаще всего эти два процесса – обобщение результатов познавательной деятельности в виде концепта и закрепление результатов познания в языковой форме – протекают симультанно, и, в случае их удачного «сцепления», языковой знак сразу же принимается узусом.

Ономасиологическую природу имеют синхроническое фразеобразование, а также воспроизведение, извлечение из памяти фразеологизмов в повторяющихся актах коммуникации (в синхронии). Акт воспроизведения фразеологизма, повторяя в определенной степени те ментальные процессы, которые имели место при первичной фразеологической объективации, может одновременно служить её познавательной моделью. Однако в отличие от фразеологической объективации воспроизведение в речи фразеологизмов носит преимущественно условнорефлекторный характер: «сцепление» мыслительного содержания и языковой формы в повторяющихся актах коммуникации доведено до речевого автоматизма.

Фразеологизация, понимаемая как диахронический процесс приобретения словесным комплексом устойчивости, целостности значения и узуальности, как длительный процесс его вхождения в лексико-фразеологическую систему языка (см. выше о «давлении» системы) и закрепления на осях синтагматики и парадигматики, относится к сфере интересов исторической фразеологии, а также исторической лексикологии и грамматики.

С точки зрения целей и задач данного исследования в этом разделе работы нас будут интересовать вопросы ономасиологической интерпретации фразеобразования и воспроизведения в речи готовых единиц, рассматриваемых в синхронии.

Характеристика процессов фразеобразования в ономасиологическом аспекте – выявление специфики обозначения объектов познания и выражения понятий фразеологическими средствами языка – необходимо предполагает анализ фразеологических единиц в логико-семантическом аспекте. Ономасиологический анализ фразеологического значения учитывает 1) взаимодействие значений компонентов свободного словосочетания – генетической основы фразеологизма и 2) соотношение значения свободного словосочетания и порождённой на его основе фразеологической единицы.

В научной литературе имеет хождение упрощённое понимание семантики свободного словосочетания как суммы значений его компонентов. Однако последние исследования в области семантики показывают несостоятельность подобного мнения. Семантическая сочетаемость слов сопровождается

различного рода изменениями их семантической структуры: возникновением новых сем, наложением, погашением сем и др. [49; 177]. Несомненно, такие семантические процессы есть отражение глубинных процессов взаимодействия понятий⁵⁰. Слово в составе словосочетания выражает понятие, а словосочетание в целом выражает отношение понятий, которое в таком же смысле выступает единым (но не одним) понятием, в каком словосочетание функционирует как единая группа. (См.: [177, с. 13].). Такое сложное понятие есть не сумма, а взаимодействие понятий, выражаемых словами в составе словосочетания⁵¹.

Содержание основной массы фразеологических единиц генетически восходит к наглядно-чувственному сопоставлению характеризуемых реалий с уже познанными предметами объективной действительности и их отношениями. Корни семантики фразеологических единиц следует искать в когнитивных процессах: в условиях непосредственного, эмоционально насыщенного речевого общения возникает необходимость оперативно и с минимальной затратой речевых усилий назвать какую-либо реалию и одновременно выразить свое отношение к ней. Именно в этих условиях говорящий обращается к хорошо познанным предметам и явлениям действительности и через их образы-представления называет и характеризует новое, непознанное. Этот наглядно-чувственный элемент сравнения ложится в основу значения фразеологической единицы и обуславливает особую эмоционально-экспрессивную окраску всей единицы. Семантика значительного числа идиом (кроме фразеологических срощений, как единиц со стёршейся внутренней формой) строится на взаимодействии чувственного и абстрактного; наглядно-чувственное представление, мотивирующее фразеологическое значение, может актуализироваться в актах коммуникации в качестве его пресуппозиции.

Общее фразеологическое значение формируется на основе различных типов переноса значения свободного словосочетания, которые представляют собой результат сложного движения, сталкивания и переплетения различных ассоциаций. Наиболее продуктивным способом переноса является, по нашим наблюдениям, метафорический перенос, который имеет разные основания: сходство формы, функций, сложных впечатлений, порождённых воздействием предметов на говорящего (иначе – структура оценки), и др. Основная масса фразеологизмов образуется на основе переноса по сходству структуры оценки: *каша во рту, мокрая курица, путеводная нить, брать за горло, выносить сор из избы, под занавес* и др. Метафора-гипербола (или литота) лежит в основе фразеологического значения таких сочетаний, как *до конца ногтей*,

⁵⁰ По мнению У. Вейнрейха, десигнат свободного словосочетания представляет собой либо логическое произведение («соединение») десигнатов его слов-компонентов, либо «вставление». Кроме того, он рекомендует учитывать эффекты, возникающие вследствие комбинирования физически «несовместимых» денотатов [38, с. 189 и след.].

⁵¹ В логике отмечается пять основных отношений между понятиями: равнозначность, внеположность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение [62, с. 54 и след.].

до мозга костей, в три ручья, по уши, с головы до ног, на носу, под боком и др. Особенностью значения таких фразеологизмов является трансформация элемента сравнения, которое имплицитно присутствует в их содержании, в элемент усиления, интенсивности признака.

Реже, по нашим наблюдениям, фразообразование осуществляется на основе метонимии. Здесь выделяется большая группа фразеологических единиц, называющих различные жесты, мимику, телодвижения, которые являются типичными формами проявлений определенных эмоциональных состояний или ритуальных действий: *скалить зубы, чесать затылок, скрежетать зубами, разевать рот, рвать на себе волосы, посыпать голову пеплом* и др. Семантическое обновление общего значения свободного словосочетания, приводящее к становлению фразеологической единицы, может базироваться на переплетении различных ассоциаций. Например, *без ума* (влюбиться) – метафора по сходству структуры оценки и вместе с тем гиперболизация признака; *дырявая голова* – синекдоха и метафора по сходству общего впечатления, производимого предметом на говорящего, и др.

Если «на входе» процесса фразообразования, как видно из примеров, мы имеем единое сложное понятие, то «на выходе» – тоже единое понятие, но более высокой степени абстракции и обобщения. Здесь имеет место сужение содержания понятия при расширении его объёма, что проявляется в практической приложимости фразеологической единицы к более широкому классу денотатов. Например: *плыть по течению* – ‘действовать, поступать так, как вынуждают обстоятельства’ (применительно ко всем сферам и видам человеческой деятельности); *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся чем-либо’ (независимо от его профессионального и / или социального положения) и др.

Образование фразеологических единиц на основе переносного употребления свободного словосочетания на логическом уровне может быть интерпретировано как абстракция отождествления, т.е. операция отвлечения от несходных, различающихся признаков предметов и одновременного выделения тождественных свойств. В результате такого отвлечения, которое лежит в основе процесса обобщения, образуется новое более общее понятие [61, с. 24 и след.]. Образованное таким путем понятие (выражаемое фразеологической единицей) находится с предыдущим понятием (выражаемым свободным словосочетанием) в отношениях взаимосвязи: здесь имеет место пересечение понятий.

Процессы синхронического фразообразования богато иллюстрируются языковым материалом, зафиксированным в словарях-справочниках, отражающих новообразования 60–70-х годов: НСЗ–71, НСЗ–84, СМ–77, СМ–78, СМ–79, СМ–80. Общее количество сверхсловных наименований в них достигает 1000 единиц, в том числе – около 300 идиом. Представленный в справочниках фразеологический материал позволяет судить об активных на современном этапе процессах идиообразования, о некоторых тенденциях в развитии семантической структуры слов-компонентов фразеологизмов, о фразообразовательных потенциях отдельных слов и др.

Основная масса идиом образована традиционным для русского фразообразования способом – на основе метафорического употребления свободных словосочетаний бытового или терминологического характера. Основанием метафорического переноса является, как правило, сходство общего впечатления, производимого воздействием предмета на говорящего. В количественном отношении преобладают глагольные фразеологизмы, на втором месте – субстантивные; количество адъективных и адвербиальных единиц незначительно.

В отдельных случаях семантизация фразеологических единиц, предлагаемая в указанных словарях, представляется нам некорректной: иногда она осуществляется по семантической формуле, не соотносительной с категориально-грамматической семантикой фразеологизма; в других случаях некорректность семантизации обусловлена неверной реконструкцией инварианта единицы и др. Так, глагольный фразеологизм *пахнуть нафталином* зафиксирован в словаре в одной из своих регулярных парадигматических форм – *пахнувший нафталином* – и соответственно ошибочно семантизирован как адъективная единица – ‘давно всем известный’ [СМ–79, с. 152]. Субстантивная фразеологическая единица *направление главного удара* неверно толкуется как адвербиальная – ‘там, где решается •что-л.’ [СМ–79, с. 151]. Некоторые фразеологизмы семантизируются по формуле «о чем-либо», которая не коррелирует с категориально-грамматическим статусом единицы и воспринимается как семантический диссонанс: *бери да клади* ‘о легкой, не связанной с умственными усилиями работе’ [СМ–78, с. 41]; *работать в один (на общий) котел* ‘о системе оплаты рабочего в соответствии с конечным общим результатом труда бригады, звена’ [СМ–78, с. 103]. Последняя единица к тому же зафиксирована в заголовке словарной статьи не в инвариантной форме: инвариантом ее является сочетание *в один (на общий) котел*. Лексема *работать* реализует в данном фразеологическом микроконтексте своё основное свободное значение и, следовательно, не является компонентом этого фразеологизма. Сказанное хорошо иллюстрируется приведёнными там же примерами. (См. также: [209, с. 83]).

Большая часть новых глагольных фразеологических единиц с метафорическим значением сформировалась на основе переноса по сходству общего впечатления, произведённого называемыми действиями и состояниями на говорящего: *мух ловить* ‘тратить время зря’ [СМ–79, с. 148], *пустить под откос* ‘вызвать провал чего-л.’ [СМ–79, с. 212], *брать метлу в руки* ‘выполнять конкретную работу по устранению недостатков’ [СМ–78, с. 41], *промывать мозги* ‘воздействовать на психику людей специальными медицинскими препаратами с целью идеологической обработки’ [СМ–77, с. 117], *довести до ума* ‘привести в удовлетворительное состояние’ [НСЗ–84, с. 741], *катить бочку на кого* ‘несправедливо обвинять кого-л., жаловаться’ [НСЗ–84, с. 103] и др.

Субстантивные фразеологические единицы также формируются преимущественно на основе метафорического переноса по сходству общего впечатления, произведённого данным предметом на говорящего: *звуковой*

барьер ‘сопротивление, преграда, помеха’ [СМ–78, с. 83]; *новое дыхание* ‘повышение активности, оживление’ [СМ–77, с. 49]; *мозговая атака* ‘целеустремленное, активное обдумывание, обсуждение какого-либо вопроса’ [СМ–78, с. 126]; *спасательный круг* ‘то, что служит средством спасения, помогает избавиться от чего-л.’ [СМ–79, с. 121]; *разведка боем* ‘попытка выяснить что-л. в результате непосредственных действий’ [НСЗ–84, с. 606] и др. См. также наречные и адективные фразеологизмы с метафорическим значением: *при любой погоде* ‘в любых условиях, всегда’ [СМ–77, с. 105]; *в упряжке* (работать) ‘совместно, в комплексе с чем-л.’ [СМ–78, с. 233]; *за кадром* ‘вне, за пределами непосредственного изображения в фильме’ [НСЗ–71, с. 197]; *на грани фола* ‘очень рискованно, подвергаясь опасности быть наказанным’ [СМ–79, с. 284]; *серийного производства* ‘такой, как все, стандартный’ [СМ–79, с. 238)]; *штучной работы* ‘непохожий на других, не такой, как все’ [СМ–79, с. 299]; *остановят только танки* кого-л. ‘упрямый, стремящийся выполнить намеченное’ [СМ–79, с. 263] и др.

Фразеологические единицы, сформированные на основе метонимического переноса значения свободных словосочетаний, в рецензируемых словарях, по нашим наблюдениям, не столь многочисленны. Основания метонимического переноса различны: а) связь между предметом (в широком смысле) и его обязательным или факультативным признаком: *от нуля до крыши* ‘от производства работ нулевого цикла до полного завершения строительства’ [СМ–79, с. 165]; *до ленточки* ‘до конца, до завершения строительства’ [СМ–78, с. 109]; *с колёс* ‘сразу после передвижения, перевозки, доставки’ [НСЗ–71, с. 226] и др.; б) связь между человеком и свойственной ему профессиональной формой, деталью одежды (разновидность синекдохи – перенос с части на целое): *кожаные куртки* ‘фашистствующая молодежь в Дании’ [СМ–78, с. 96]; *зелёные береты* ‘особые части и подразделения в вооружённых силах США – коммандос’ [НСЗ–84, с. 77]; *белые воротнички* ‘лица наемного труда, занимающиеся умственной работой’ [НСЗ–84, с. 140] и др.; в) причинно-следственные связи между денотатами: *бить сапоги* ‘усиленно заниматься маршировкой’ [СМ–79, с. 39]; *лапти сушить* ‘быть в простое, не работать’ [СМ–78, с. 107] и др.; г) связь между действием и его типичным проявлением: *дать на лапу* ‘дать взятку, приплатить’ [НСЗ–71, с. 252]; *наматывать на гусеницы* ‘работать какое-то время на гусеничном тракторе’ [СМ–80, с. 59] и др.

В отдельных случаях фразеологическое значение сформировалось на основе переплетения разных ассоциаций по сходству и по смежности. Так, реконструкция внутренней формы новообразования *мохнатая лапа* ‘тот, кто оказывает протекцию’ [СМ–80, с. 104] обнаруживает ментальные операции, протекавшие симультанно на негативно окрашенном эмоционально-оценочном фоне: слово *рука* в метонимически переносном значении ‘человек, который имеет власть, влияние, может оказать покровительство, содействие кому-л.’ [СРЯ, III, с. 737] «вызвало» на основе ассоциации по сходству слово *лапа*, в ассоциативном поле которого было «выловлено» слово *мохнатая*, эксплицитовавшее сему ‘высокая степень признака’.

Фразеологические заимствования-кальки обнаруживают те же логико-

семантические и психологические механизмы фразеобразования, которые в связи с этим могут быть квалифицированы в качестве языковых универсалий. Например, на базе ассоциаций по сходству сформировались значения фразеологических единиц *вставные челюсти* ‘дома массовой застройки в Англии’ [СМ–78, с. 244], *жирный кот* ‘в современной Америке – богач, обладающий многомиллионными капиталами’ [НСЗ–84, с. 215–216] и др. Ассоциациями по смежности порождены значения фразеологизмов *семейная корзина* ‘минимум продуктов питания, необходимых для содержания семьи (в Чили)’ [СМ–78, с. 101], *белые воротнички*, *синие воротнички*, *зелёные береты* (дефиниции см. выше) и др.

Представленная в словарях неологизмов окказиональная, индивидуально-авторская фразеология (она подается, как правило, в угловых скобках) является наиболее репрезентативной иллюстрацией тех глубинных логико-семантических процессов, на которых базируется синхроническое фразеобразование. Здесь наблюдаются те же тенденции, что были отмечены выше в сфере узуальной фразеологии. Основная масса фразеологических окказионализмов сформировалась в разовых ономаσιологических актах на основе ассоциаций по сходству и, следовательно, имеет метафорическое значение: *Что предприняли жители Дибривки для того, чтобы **вывести** родное село «на большак» ...?* [СМ–79, с. 40]; *Машины Павловского автобусного завода «**теряют в весе**». Для их изготовления всё больше применяется деталей не из металла, а из различных заменителей* [СМ–78, с. 47].

Метонимически переносные значения новых индивидуально-авторских фразеологизмов, основанные на ассоциациях по смежности, встречаются реже: *Сколько ещё бетона осталось, а он монтажников балует, **носит в левом кармане**. Насчет «балует» – это как посмотреть; а что касается «**левого кармана**», близости к сердцу, так это верно* [СМ–77, с. 67]. *Мы сейчас имеем такие автомобили, половина из которых постоянно вынуждена **стоять «под забором»**, т.е. ремонтироваться* [СМ–79, с. 86] и др. Комплексно-переносные значения, сформировавшиеся на основе ассоциаций по сходству и по смежности, имеют фразеологические окказионализмы *дырявая душа*, *вальс этикеток* и др.: *Попадались, конечно, и недобросовестные работники, руководители, которые «закисли», люди с «**дырявыми душами**»...* [СМ–78, с. 76]; *«**Вальс этикеток**» во Франции этим летом ускорил темп. В июле проездной билет в метро стал дороже на 20 процентов* [СМ–79, с. 45].

Как видно из приведённых выше примеров, образование идиом разных разрядов и групп – как исконно русских, так и заимствованных, как узуальных, так и окказиональных – обнаруживает характерные тенденции содержательного порядка: 1) основная масса фразеологизмов на сегодняшнем этапе развития русского языка формируется на основе ассоциаций по сходству (фразеологизмы с метафорическим значением), на втором месте находятся фразеологизмы с метонимическим значением; 2) в количественном отношении глагольные фразеологические единицы преобладают над единицами других семантико-грамматических разрядов. Представляется, что первая

тенденция иллюстрирует универсальные логико-семантические механизмы формирования идиом в синхронии – на базе ассоциаций по сходству и по смежности.

Содержательную информацию к размышлению относительно логико-психологических и семантических механизмов порождения в речи фразеологических единиц дают последние открытия в области нормальной физиологии и патологии мозга. В этой связи особый интерес представляют исследования, связанные с образной памятью и с функциональной асимметрией мозга [74; 59; 37].

В современной физиологии существуют две гипотезы формирования образной памяти. Согласно первой, в процессе эволюции у живых существ вырабатываются два разных механизма памяти – психонервная деятельность, позволяющая действовать в мгновенно изменяющихся условиях, которая направляется образами, и условный рефлекс, имеющий повторяемость основу [Бериташвили И.С., Хананашвили М.М.]. Согласно второй гипотезе, образная память также имеет в своей основе условнорефлекторный механизм, но разового становления, скорректированный доминантной установкой в условиях эмоционального напряжения, стресса [149].

По мнению учёных, житейские, практические знания хранятся в памяти человека в виде образных фрагментов пережитого прошлого [80, с. 4–5]⁵². Именно представления житейского характера образуют внутреннюю форму основной массы исконно русских идиом: *выносить сор из избы, мокрая курица, стреляный воробей, как кошка с собакой, до последней нитки* (промокнуть), *рожки да ножки, кожа да кости* и др.

Согласно теории функциональной асимметрии человеческого мозга, распределение функций между полушариями мозга осуществляется следующим образом: правое полушарие ведаёт образным мышлением, образными представлениями, связанными с распознаванием сложных зрительных образов, левое отвечает за логическое мышление и речь. Одно из самых удивительных последних открытий в нейрофизиологии – это установление эмоциональной специализации мозга: поражение правого полушария вызывает неадекватные эмоциональные реакции больного не только на свое состояние, но и на эмоциональное состояние собеседника [59, с. 234–235].

Есть основания предполагать, что образованием идиом ведаёт правое, «образное» полушарие мозга [74], которое составляет говорящему образы-представления, накопленные им в процессах практической и познавательной деятельности. Воспроизведение в памяти представлений происходит, по всей вероятности, преимущественно в условиях эмоционального дискомфорта. Последнее косвенно подкрепляется полученными нами данными о количественном преобладании фразеологизмов с отрицательной коннотацией над фразеологизмами с положительной эмоциональной окраской

⁵² См. понятие о фрейме – структуре данных для представления стереотипной ситуации – как способе обработки, систематизации и хранения «знаний о мире» [105; 71; 1; 20].

(в соотношении 3:1). Актуализированные таким образом представления передаются в левое полушарие мозга, которое «облекает» их в вербальную форму⁵³.

В работах психиатров встречаются интересные свидетельства, касающиеся изменения речи людей в состоянии высокого эмоционального напряжения, вызванного характером труда (например, операторы), либо связанного с природными и социальными катаклизмами. Так, отмечены рост частоты встречаемости в тексте устойчивых словосочетаний, эмоциональных слов, увеличение доли синтагматических ассоциаций и др. [158; 159]. Думается, эти свидетельства, а также результаты исследования феномена образной памяти проливают дополнительный свет на логико-психологические механизмы порождения и употребления в речи фразеологизмов, как эмоционально насыщенных, экспрессивных единиц, обладающих высокой степенью суггестивности, аккумулирующих ресурсы образной памяти, призванной управлять психонервной деятельностью человека.

Думается, вышесказанное позволяет более аргументированно квалифицировать фразеологические единицы (идиомы) в качестве содержательных логико-языковых универсалий.

4.2. ВОСПРОИЗВОДСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ КАК ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АКТ

На ранних этапах развития отечественной фразеологии, когда в дискуссиях рождались и апробировались основные понятия фразеологии, дискутировался также вопрос о дифференциальных признаках фразеологической единицы, в числе которых на первое место выдвигался признак воспроизводимости. Воспроизводимость понималась и по традиции понимается по сей день как способность фразеологизмов извлекаться из памяти в готовом виде, а не создаваться в процессе речетворчества. Предлагая свое понимание категории фразеологической воспроизводимости как воссоздаваемости готовых единиц, Л.И. Ройзензон резко критиковал тех учёных, которые отстаивали иную – психологическую или психолингвистическую – природу категории воспроизводимости [142, с. 103–104].

Думается, что сегодня уже невозможно адекватно интерпретировать категорию воспроизводимости, оставаясь на почве только лингвистики. Процессы воспроизведения готовой фразеологической единицы, т.е. ментальные процессы, связанные с воспоминанием уже известной единицы, необходимо рассматривать в широком коммуникативном контексте – как ономасиологические акты, имеющие логико-психологические основания, а именно – как формирование идеального содержания, сопровождающееся поиском узуально закрепленной за ним языковой формы и завершающееся «сцеплением» этого содержания с искомой формой.

Сочувственно цитируя высказывание психолога о том, что «слова не хранятся в памяти как слова, но как комплексы признаков» и что, «когда

⁵³ Специализацию полушарий мозга не следует переоценивать. Правое полушарие, по мнению специалистов, имеет зачаточные языковые способности [59, с. 233].

слова используются, они не репродуцируются, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков», Е.С. Кубрякова относит эти положения прежде всего к производным словам [93, с. 44]. Думается, что способность реконструироваться в процессе актуализации из составляющих признаков свойственна не только производным словам, но и непроизводным, а также фразеологическим единицам. Фразеологизмы, как несколькословные комплексы, «крупногабаритные агрегаты», требуют больших ментальных усилий для их извлечения из памяти. Воспроизведение фразеологических единиц в речи может базироваться на разных ментальных операциях – собственно воспроизведении и припоминании. Собственно воспроизведение – это воссоздание в памяти материала без опоры на восприятие. Такое воспроизведение является базой основной массы актуализаций фразеологизмов – извлечения их из памяти и включения в речь. Ментальный феномен, обозначаемый с помощью фразеологизмов *вертеться в голове*, *вертеться на языке (на кончике языка)*, относящийся к лексическим и фразеологическим единицам, представляет другую психическую операцию – припоминание, т. е. такое воспроизведение, при котором в данный момент нет возможности вспомнить нужное, но есть уверенность, что оно запомнено [126, с. 228]. Припоминание требует волевого усилия и обращения к ассоциированию.

В процессах и собственно вспоминания, и припоминания лексических и фразеологических единиц на «поверхности» памяти как бы проступают их отдельные признаки – структурные (характерные звуки и звуковые сцепления, формообразовательная, словообразовательная или синтаксическая модель и др.) и содержательные (отдельные семы, ассоциативное поле языковой единицы и др.). При этом ментальные усилия обращены как на поиск уже знакомой формы, так и на воспроизведение содержания единицы. Ищущая мысль обращается прежде всего к понятийным или тематическим полям, как одной из форм хранения в памяти знаний: говорящий «перебирает» эквиваленты искомой языковой единицы или её лексические солидарности (по Э. Косериу). Одновременно идут поиски в области формы. Все ментальные процессы осуществляются в целом на широкой ассоциативной платформе. Таким образом, психические процессы воспроизведения в памяти и актуализации в речи нужной в конкретной коммуникативной ситуации языковой единицы оперируют на уровне языковой системы на материале совокупного ассоциативно-смыслового ореола искомой единицы.

Именно так понимаемая воспроизводимость фразеологической единицы, как её реконструкция по некоторым формальным и содержательным признакам, лежит в основе разных типов структурно-семантических преобразований фразеологизмов, осуществляемых в актах речетворчества. Вариантность является таким признаком фразеологических единиц, который не исключает, а наоборот, подкрепляет их категориальный признак – устойчивость. «Подлинная сущность устойчивых словесных комплексов фразеологического типа обнаруживается в вариативности их конститuentов в тексте» [190, с. 186]. См. также [95; 96; 66].

Процессы актуализации фразеологизмов сопровождаются «подгонкой» их семантики и структуры к содержанию и форме контекстно и ситуативно обусловленного высказывания. Прагматический «произвол» говорящего может обнаружить себя и при сохранении внешней формы фразеологизмов, и особенно при её разрушении. Простейший случай «произвола» говорящего имеет место при использовании готового фразеологизма в нетипичных для него контекстуальных условиях. Изменение характера фразеологического окружения (семантического и грамматического) может сопровождаться расширением, дальнейшим абстрагированием значения фразеологизма и, в конечном счёте, формированием его нового семантического варианта. Переносное использование фразеологического значения, как правило, детерминировано ассоциациями по сходству: *Фонари явно с чужого плеча, не вяжутся они со старым, милым Арбатом* [ЛГ, 1 янв. 1986]. *Вот они пусть бы и отвечали читателям: почему мы спохватываемся иногда лишь «после третьих петухов»...* [ЛГ, 19 марта 1986].

Лексическое варьирование фразеологической единицы, основанное на субституции одного из компонентов тематически или по смыслу близким словом, осуществляется говорящим как сознательно, под «давлением» коммуникативной ситуации, так и неосознанно, автоматически – на базе ассоциаций по сходству или по смежности. Ср.: *держат камень за пазухой – держать войны за пазухой, без лишнего слов – без длинных слов, глас вопиющего в пустыне – вопль вопиющего в пустыне* и др.: *Я понимаю, что эти разговоры порою напоминают вопль вопиющего в пустыне* [ЛГ, 7 марта 1984].

Логико-ассоциативные операции лежат в основе формирования таких фразеологических вариантов, когда лексический субститут извлекается из дефиниции и «перебрасывается» в состав данного фразеологизма (проявление ассоциации по связи). Такая ментально-языковая операция осуществляется, как правило, неосознанно. Например, на основе переносно-метафорического употребления спортивного термина *второе дыхание* в 60-е годы образовалась соответствующая по форме фразеологическая единица со значением ‘новые силы, прилив энергии, бодрости после периода усталости, апатии, неудач’ [НСЗ–71, с. 166]. А СМ–77 зафиксировал единицу *новое дыхание* со значением ‘повышение активности, оживление’ [СМ–77, с. 49], которую можно рассматривать как производную от первой, образованную в результате замещения слова *второе* словом *новое*, извлеченным из дефиниции производящей единицы – *второе дыхание*.

Яркой иллюстрацией глубинных ментально-ассоциативных процессов являются многочисленные примеры фразеологических контаминаций, основная масса которых формируется произвольно, без сознательной коммуникативной установки говорящего на определенный прагматический результат. Простейший случай контаминации – соположение двух фразеологизмов, имеющих общий компонент и часто смежных или близких по значению: *резнуть по сердцу + нож в сердце = резнуть по сердцу ножом, бросать упрёк + бросать слова на ветер = бросать упрёки на ветер, брать с бою + брать на абордаж = брать с бою на абордаж* и др. Контаминация

может сопровождаться выкидкой одного или нескольких компонентов из состава сопрягающихся фразеологических единиц: *божий свет + коптит небо = коптить божий свет, совать палки в колеса + последняя спица в колеснице = совать палки в колесницу* и др.

Контаминация фразеологических единиц может иметь результатом не только лексическую дизрезу, но одновременно и приращение нового компонента, относящегося к ассоциативно-смысловому или тематическому полю фразеологизма в целом или его отдельного компонента. Например, очень сложны внешняя и внутренняя формы авторских фразеологизмов *прятать голову в кусты* и *страусовы кусты*, которые образованы на основе сравнения как *страус, который прячет голову в песок* и узуальных фразеологических единиц *смотреть в кусты*, ‘стремиться увильнуть от дела, от ответственности’ [187, с. 439] и *в кусты* ‘подальше от ответственности, от непосредственного участия в деле (уходить, прятаться и т. п.)’ [187, с. 219]. Ср.: ... *Их же оппоненты, твердящие о «порче нравов», могут и впрямь показаться страусами, прячущими голову в песок* [ЛГ, 29 янв. 1986]. *Те или иные хотя и не видят этой сложности, спрятать от нее голову в кусты* [ЛГ, 7 марта 1986]. ... *Но от сложности жизни и от сложности духовных проблем нам всё равно никуда не деться, даже с помощью бегства и страусовых кустов* [ЛГ, 7 марта 1986].

Особый интерес для теории первичного и вторичного фразеобразования представляют такие трансформации фразеологизмов в речи, в результате которых формируются соотносительные по значению, отчасти совпадающие по форме, но различающиеся в грамматическом отношении (по соотносительности с частями речи) фразеологические единицы узуального характера. Основная часть таких единиц пополняет собой разряд предикативов. Предикативные фразеологизмы образуются на основе глагольных в результате усечения глагольного компонента: *садиться на любимого конька – любимый конек, разводиться турусы на колёсах – турусы на колёсах, играть на руку – на руку, дать путёвку в жизнь – путёвка в жизнь, прижать к ногтю – к ногтю, строить на песке – на песке* и др. Предложно-именной оборот, принимая на себя функцию предикации, тем самым получает иное грамматическое значение. В этом случае, надо полагать, образуются самостоятельные фразеологические единицы. Критерием их особого статуса является не только их семантическое обновление, но и иной грамматический статус, иная синтаксическая специализация.

Приведённый выше фразеологический материал, иллюстрирующий разные типы и способы структурно-семантических трансформаций идиом в актах речепроизводства, показывает тесную связь процессов первичного и вторичного идиообразования, общность логико-психологических и семантических механизмов порождения и актуализации фразеологических единиц.

В данном разделе работы намечен тот круг вопросов, который представляет особый аспект анализа семантики фразеологизмов – фразеологическую ономастиологию. Сделана попытка рассмотреть вопросы синхронического

фразеобразования и актуализации в речи идиом не только в парадигме лингвистических категорий, но и с привлечением некоторых понятий логики и психологии.

5. ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕОГРАФИИ

При порождении новых фразеологических единиц или воспроизведении, актуализации уже готовых единиц творящий текст человек обращается к тематическим, семантическим и – шире – ассоциативным полям и именно так – путем «перебора» эквивалентов – ищет нужную в данной коммуникативно-речевой ситуации языковую единицу. Понятийные и ассоциативные поля являются той когнитивной «упаковкой», в которой систематизируются и хранятся знания говорящего о внешнем мире, накопленные им в процессах практической и познавательно-классифицирующей деятельности.

5.1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕОГРАФИЯ: ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

Проблемы системной организации единиц разных уровней и языка в целом находятся сегодня в центре внимания исследователей. Помимо традиционно выделяемых системных (парадигматических) отношений: синонимии, антонимии, полисемии, омонимии, паронимии – внимание исследователей в последние годы все чаще привлекают такие системные явления, как тематические, семантические поля, разряды, эпидигматические группы. Предложен новый системный параметр языка – ассоциативно-деривационные отношения. Деривационные в широком смысле отношения образуют, по мнению Д.Н. Шмелева, третий – «глубинный» – системный параметр значения в дополнение к «вертикальному», парадигматическому, и «горизонтальному», синтагматическому, параметрам⁵⁴.

Специфика семантического пространства определенного языка проявляется в особом членении объективной действительности на предметные области с помощью различных (по содержанию, структуре и системному рангу) языковых единиц. Количество и номенклатура таких областей в разных языках могут различаться, но выделяется основной фонд таких областей – универсальные сферы опыта и знаний, свойственные всем или большинству языков. Перечень таких сфер дан в известной схеме понятийного членения универсума Р. Халлига и В. фон Вартбурга⁵⁵.

Сегодняшний этап развития идеографии, когда на повестке дня стоит вопрос о создании тезауруса современного русского языка [77; 78; 3]⁵⁶,

⁵⁴ Эпидигматическая группа – это совокупность ЛСВ одного слова [65, с. 119]. Существует и более широкое понимание термина: эпидигматические отношения – это связь слова с другими словами по линии ассоциативно-смысловых, словообразовательных и фонетических сближений [193, с. 191–198; 194, с. 225–227].

⁵⁵ Анализ схем идеографической стратификации лексики, лёгших в основу наиболее известных идеографических словарей, дан в [77, с. 246–259]. Критическую оценку схемы Халлига – Вартбурга см. в [19].

⁵⁶ Уже создан первый вариант такого словаря [146].

потребовал от исследователей более критической оценки существующих синоптических схем и построенных на их основе идеографических словарей. В нынешних условиях неразработанности целостной общенаучной картины мира авторы коллективной монографии «Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ» предложили оригинальную схему основных компонентов знания об окружающем нас мире, которая может лечь в основу синоптической схемы русского тезауруса [3, с. 40–50].

Каждая предметная область покрывается специфическим набором языковых средств разных типов номинации: лексической (прямой и косвенной), фразеологической, предикатной (пропозитивной) или их различными комбинациями. Известно, что лексика покрывает практически все пространство знаний о мире, а фразеология (идиоматика) – преимущественно сферы психических проявлений человека (эмоциональные состояния и реакции, мышление-сознание и др.), межличностных отношений и социально-этических оценок. При этом размеры и конфигурация «ячеек» лексической и фразеологической номинативных «сетей», как правило, различны, что обуславливает нахождение лексики и фразеологии в отношении номинативной дополнителности. Изучением семантического картирования языка занимается так называемая полевая лингвистика [198; 77].

Наиболее полно в идеографическом аспекте описана на сегодня лексика современного русского языка [77, с. 35–57]. Что касается фразеологии, то ей «повезло» в этом отношении гораздо меньше. Фразеологический материал русского языка до недавнего времени анализировался, как правило, совместно с лексикой, в том числе и в сопоставительном плане [32; 33; 35; 36; 173; 143 и др.]. Фразеологические единицы, как единицы со сложной, кумулятивной семантикой, obligatorно «отягощённой» прагматическими интенциями говорящего, действительно, труднее, чем слова, поддаются идеографическому описанию. Несмотря на эти трудности, обусловленные различием (в плане содержания и в плане формы) лексических и фразеологических единиц, а также спецификой (количественной и качественной) лексической и фразеологической систем [199], фразеология и, в частности идиоматика, по нашему глубокому убеждению, должна стать объектом отдельного идеографического описания, что позволит разработать теоретические основы фразеологического идеографического словаря. Наше мнение подтверждается и результатами исследований последних лет, в которых фразеология современного русского языка представлена в качестве объекта самостоятельного идеографического исследования [201; 204; 205; 107; 183; 75; 81; 132; 196], в том числе и в сопоставительном аспекте [133; 138; 64; 91; 155–157; 153; 154; 16; 17; 5]. Появились и первые фразеологические словари идеографического типа [СРФИ–76, СРФИ–78, 214] (см.: [202]). Разработаны принципы составления двуязычного фразеологического словаря идеографического типа для студентов национальной (узбекской) высшей школы [211] ⁵⁷.

⁵⁷ См. оригинальный подход к идеографической классификации русской фразеологии в лингвострановедческих разысканиях последних лет [40–42].

Семантическое пространство современной русской фразеологии представляет самодостаточную ценность: в силу кумулятивного характера фразеологической семантики оно отражает те коллективные знания о предметах окружающей нас действительности и их интеллектуально-эмоциональные оценки, детерминированные социальной практикой людей, которые не всегда могут быть адекватно переданы лексическими средствами. Особый интерес в идеографическом плане, как нам кажется, представляют те участки действительности, которые, будучи уже покрыты лексикой, вторично покрываются фразеологией. Такое «двойное покрытие» может быть показателем особой значимости этих участков в жизнедеятельности отдельного человека (в его биологической и социальной ипостасях) или социума (социальной группы, этноса или человеческой популяции в целом).

Таким образом, фразеологическая идеография может быть определена как стыковой участок современного языкознания (идеография + фразеология + фразеография), предметом которого является изучение фразеологической «картины мира» – отражения во фразеологической семантике сущностей реального мира, а также разработка теории составления фразеологических словарей идеографического типа, в том числе типологии таких словарей с учетом их назначения (тезаурус, учебный) и адресата (для изучающих русский язык в качестве родного или неродного языка). Объект фразеологической идеографии – это системно организованные регулярные значения фразеологических единиц.

Задачи, стоящие перед фразеологической идеографией, вытекают из специфики её предмета: создать объективную «карту» семантического пространства фразеологии, разработать теоретические основы фразеологического идеографического словаря и, в конечном итоге, реализовать их в практике словаростроения. Для решения этих задач требуются коллективные усилия учёных, вооружённых последними достижениями компьютерной техники.

5.2. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ИДИОМ

На современном этапе изучения и систематизации русской фразеологии и состояния академической и учебной фразеографии представляется целесообразным ставить перед собой не программу-максимум – глобальный охват и описание всех фразеосемантических групп, а – программу-минимум: вычленение (как индуктивно, эмпирически, так и дедуктивно) из фразеологического континуума наиболее «ярких», бросающихся в глаза понятийно-семантических областей, их инвентаризация и характеристика их внутренней структуры (ядро и периферия, отношения между ядерными и маргинальными зонами, валентная характеристика элементов, их экспрессивно-стилистическая коннотация и др.).

Ниже мы предлагаем два варианта идеографической стратификации русской идиоматики – в пределах одного семантико-грамматического (частеречного) разряда и на всем массиве идиоматики. Первая классификация построена индуктивным путем – на основе анализа языковых данных, вторая –

дедуктивно-индуктивно: на основе результатов первой классификации были выбраны и заданы «сверху» два семантических поля – фразеология, отражающая сферу человеческих эмоций, и фразеология, характеризующая познавательную деятельность человека, которые далее структурировались эмпирически, с учетом самого языкового материала.

Формирование семантических групп проводилось на основе семантических компонентов, вычленяемых из словарных дефиниций: на первом шаге учитывались категориальные значения, свойственные частеречным разрядам (субстанция, признак), на втором – семантические признаки, свойственные классам объектов (например, значения лица, не-лица, конкретного предмета, абстрактного предмета, покрываемые значением субстанции; ср. понятие архисемы: [51], на следующем – дифференциальные признаки, отличающие значение данной идиомы от значения смежных по группе единиц.

Исследователи фразеологии обратили внимание на избирательный – антропоцентрический – характер фразеологической семантики: фразеология покрывает преимущественно те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических свойств личности и т.д. Анализ основных семантико-грамматических разрядов идиоматики достаточно полно проявляет указанную ориентацию фразеологической семантики.

Субстантивные идиомы имеют в основе своего значения понятие субстанции или предметно представленного признака. Категория предметности репрезентируется в идиоматических субстантивах двумя субкатегориями – лица и предмета. Основная масса субстантивных единиц со значением лица называет и характеризует социальный облик человека. При этом выделяются семантические группы, характеризующие:

1) социальное происхождение: *голубая кровь* ‘человек дворянского, аристократического происхождения’, *белая кость* ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России’, *черная кость* ‘человек незнатного происхождения в дореволюционной России’, *жеребьячьа порода* ‘презрительное прозвище попов’ и др.;

2) семейное положение и родственные отношения: *соломенный вдовец* ‘мужчина, временно оставшийся без жены или не живущий с ней’, *старая дева*, *христова невеста* ‘немолодая женщина, не бывшая замужем’, *плоть и кровь*(I) ⁵⁸ ‘родной ребенок’, *седьмая вода на киселе* ‘очень дальний родственник’ и др.;

3) социальное положение человека и его оценку, основанную на социально значимых качествах: *большая рука* ‘человек влиятельный, всемогущий’, *важная птица*, *птица высокого полета* ‘человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием’ и др. Антонимичное значение имеет ряд

⁵⁸ Цифры в скобках указывают на соответствующий семантический вариант многозначной фразеологической единицы, зафиксированной в ФСРЯ.

идеографических синонимов: *ноль без палочки, птица низкого полета, мелкая сошка, последняя спица в колеснице* и др. К этой же группе примыкают идиомы с пейоративной семантикой: *канцелярская крыса, чернильная душа, дутый пузырь, мыльный пузырь, калиф на час, шишка на ровном месте, отставной козы барабанищик, ворона в павлиньих перьях, стреляная птица, травленный волк, тёртый калач* и др.;

4) черты характера человека, преимущественно отрицательные: хитрость, лицемерие – *гусь лапчатый, продувная бестия, волк в овечьей шкуре*; робость, застенчивость – *заячья душа, божья коровка, красная девица*; бесшабашность – *буйная голова, забубённая голова, бедовая головушка* и др.;

5) умственные способности: позитивные – *светлая голова, ходячая энциклопедия, ходячий университет*; негативные – *дурья голова, олух царя небесного, дубина стоеросовая, голова садовая, дырявая голова, мешок с соломой* и др.;

6) внешние, физические качества и состояния человека: *коломенская верста, каланча пожарная, глухая тетеря, сонная тетеря, драная кошка, слепая курица* и др.

Большая группа фразеологических единиц со значением лица не дифференцирована по признаку пола: *заячья душа, бесструнная балалайка, базарная баба, ненасытная утроба, святая простота, заблудшая овца, козёл отпущения, отрезанный ломоть, абсолютный ноль, горе луковое, белая ворона, плоть и кровь* и др. Значение пола конкретизируется в речи сочетаемостными характеристиками данных единиц, а также широким контекстом.

Значение лица женского и мужского пола может быть выражено лексически и морфологически – лексическим значением и системой флексий субстантивного компонента. Ср.: фразеологизмы со значением женского пола: *ваша сестра, маменькина дочка, подруга жизни, соломенная вдова, раба божья, Христова невеста* и др.; фразеологизмы со значением мужского пола: *раб божий, наш брат, маменькин сынок, заплочных дел мастер, шут гороховый* и др. Гиперонимическими номинациями по отношению к приведённым выше группам единиц со значением женского и мужского пола являются соответственно фразеологические единицы *слабый пол* и *сильный пол*, фразеологическое значение которых мотивировано ассоциативно-смысловым ореолом адъективных компонентов – *слабый* и *сильный*. В отдельных случаях значение лица манифестируется словообразовательным значением имени существительного, репрезентированным «гендерным» формантом: *иска^тель приключений – искательница приключений, соломенный вдовец – соломенная вдова* и др.

Несколько фразеологических единиц имеют значение собирательности: *сильный пол, слабый пол, ваш брат, ваша сестра, панургово стадо, злые языки, тяжёлая артиллерия* (1) и др.

Идиомы со значением предмета гораздо труднее поддаются семантической рубрикации. Довольно отчетливо выделяются две неравнообъемные группы – единицы с абстрактным и конкретным значениями. Фразеологические единицы первой группы выражают абстрактные понятия, связанные с

онтологическими философскими категориями движения, времени и др. Так, абстрактное значение начала какого-либо процесса выражают фразеологизмы *первая ласточка* ‘самые первые признаки появления, наступления чего-либо’, *первое слово* (1) ‘самое начало, исходное (в деле, работе и т. п.)’, *путёвка в жизнь* ‘то, что открывает дорогу кому-либо или чему-либо’ и др. Различные временные отрезки обозначают фразеологизмы *вчерашний день*, *завтрашний день*, *чёрный день*, *второе пришествие* ‘отдалённое будущее’, *морковкино заговенье* ‘время, которое никогда не наступит, неопределенное время’. См. также: *золотая свадьба*, *бриллиантовая свадьба*, *медовый месяц* и др. Основу, суть какого-либо явления называют фразеологизмы *хлеб насущный* (2) ‘самое важное, существенное’, *краеугольный камень* ‘основа, важнейшая, существенная часть, главная идея’, *золотой фонд* ‘самое лучшее, основное в чем-либо’, *первое слово* (2) ‘самое главное, существенное’ и др.

Часть идиом с абстрактным значением называют и характеризуют различные непредметные, психические сущности: эмоции и чувства (*скрежет зубовой, искра божья* (2), *мировая скорбь*), волевые качества личности (*присутствие духа, аннибалова клятва*), мыслительные операции (*колумбово яйцо, заколдованный круг*), индивидуальные особенности, содержание и форму речи (*дар слова, живое слово, крепкое слово, красное слово, бабьи сказки, плетение словес, тары-бары растабары*) и др. «В остатке» – группа идиом с абстрактным значением, которая не поддается дальнейшей семантической рубрикации: *мамаево нашествие, избивание младенцев, колосс на глиняных ногах, камень преткновения, красивый жест, скачка с препятствиями, китайская стена, история с географией, золотая середина, фиговый листок* и др.

Идиоматические субстантивы со значением конкретного предмета немногочисленны и представляют собой наименования помещений, учреждений (*желтый дом, значное место*), явлений природы (*белые мухи*) и др.

Анализ субстантивных фразеологизмов в номинативном аспекте показал, что их семантика по сравнению с лексикой носит более узкий, избирательный характер. Думается, это обусловлено прежде всего характеристичностью, оценочностью семантики идиом, особым набором присущих им языковых функций – номинативной (называния, обозначения) и прагматических (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия).

В подклассе фразеологических субстантивов отсутствуют группы имен, называющих вещества, животных, единично представлены наименования конкретных предметов. Абстрактные имена отражают не все семиологические подтипы, отмеченные в научной литературе (ср.: [180, с. 100–114]). В целом семантика субстантивных идиом максимально ориентирована на человека во всех его ипостасях и проявлениях.

5.3. ФРАЗЕОЛОГИЯ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ

Общий семантический признак рассматриваемой группы идиом имеет экстралингвистическую природу: все они обозначают и выражают различные человеческие эмоции. Для такой группы языковых единиц

предлагается наименование «функциональное поле» [198, с. 28]: для них характерна общая функция в том смысле, что они используются для обозначения одного фрагмента действительности. В основу предлагаемой группировки идиом по отдельным положительным и отрицательным эмоциям положена разработанная в психологии рубрикация эмоций (моральные, интеллектуальные и эстетические чувства) и эмоциональных состояний (настроения, аффекты и др.) [192; 99; 126]. Формирование семантических полей проводилось на основе архисемы, которая вычленялась из словарной дефиниции; при этом учитывалось содержание лишь концептуального ядра фразеологизма. Например, оборот *открывать Америку* сопровождается в словаре эмоциональной пометой *ирон.*, однако толкование значения 'говорить, объявлять о том, что всем и давно известно' не связано с выражением эмоций. Архисема данной единицы выражена глаголом *говорить*, в связи с чем ее следует квалифицировать в качестве элемента поля глаголов речи (ср.: [СРФИ-76, с. 42; 214, с. 39]).

В связи с тем, что в психологии нет и не может быть точного «каталога» чувств и эмоций, так как их нюансы и вариации бесконечны, в одно семантическое поле включаются единицы, которые обозначают несколько смежных эмоций, находящихся в градуальных отношениях, т. е. выражающих разную степень интенсивности одного чувства (например: поле испуга, страха, ужаса; поле недоумения, удивления).

В структурном отношении поле состоит обычно из ядра (иногда – нескольких ядерных групп) – как правило, это синонимичные единицы с общим категориально-грамматическим значением – и периферии, представленной единицами иного семантико-грамматического статуса и / или иным объёмом значения.

Инвариантная семантика части идиом, выражающих эмоции, представляет собой синтез, нерасчлененный комплекс компонентов, обозначающих несколько эмоций. При реализации их в речи происходит актуализация одного или нескольких смысловых компонентов, смежных по значению. Например, фразеологизм *едят тебя (его, вас) мухи* толкуется в словаре как 'шутливо-бранное выражение досады, возмущения, негодования или удивления, восхищения, восторга'. В отдельном контексте могут актуализироваться смежные компоненты 'возмущение', 'негодование' или 'восхищение', 'восторг'. Синкретичными являются также значения единиц *невзвидеть света* 'остро ощутить боль, гнев, страх и т. п.', *глаза на лоб лезут у кого* 'кто-либо приходит в состояние крайнего удивления, недоумения; испытывает сильную боль, испуг'. При рубрикации фразеологического материала такие единицы должны быть элементами разных полей и групп. К разным же группам будут отнесены разные семантические варианты одного фразеологизма.

В группе фразеологизмов с синкретичным значением выделяются единицы, выражающие амбивалентные эмоции. Это своеобразное семантическое явление можно назвать синкретичной энантиосемией в отличие от обычной энантиосемии – явления полярности значений в системе многозначной языковой единицы. Ср.: *Черт возьми!* – выражение возмущения, негодования,

восхищения. *Мать честная!* – выражение избытка чувств, изумления, испуга, радости. *Бог (боже) ты мой!* – выражение удивления, восторга, негодования. *Хрен в пятку кому* – выражение удивления, восхищения, восторга, возмущения, негодования и др.

Особняком – как бы располагаясь над остальными семантическими группами и частично покрывая их – находится группа фразеологических единиц, обозначающих высшую степень проявления эмоций. Часть из них обозначает высокую степень интенсивности любых чувств и эмоций – как положительных, так и отрицательных (их характер определяется контекстом): *дух захватывает* ‘тяжело, трудно дышать от избытка чувств, сильных переживаний’, *бросает в жар* ‘кто-либо в сильном волнении, в крайне возбужденном состоянии’, *перевернуть (всю) душу* ‘очень глубоко волновать, потрясать’, *брать за душу* ‘сильно, глубоко волновать, тревожить, вызывать шемящую тоску, боль или радость, умиление и т. п.’ и др. Остальные фразеологизмы обозначают высшую степень проявления таких отрицательных эмоций, как страх, испуг (*душа уходит в пятки, кровь стынет, волосы становятся дыбом*), раздражение, испугление, гнев (*лезть на стену, вне себя, вожжа под хвост попала, кровь бросилась в голову, с безумных глаз*) и др.

Анализ языкового материала позволил выделить следующие фразеосемантические поля: выражающие отрицательные эмоции – возмущения, гнева; тревоги, горя; страха, ужаса; отчаяния; смущения, стыда; выражающие положительные эмоции – удивления; радости; восторга, восхищения; любви; успокоения.

Основная масса идиом выражает и называет различные отрицательные эмоции (наши материалы дают соотношение 3:1). Самое большое в количественном отношении поле представлено идиомами, обозначающими и выражающими чувства недовольства, возмущения, гнева, злости (около 50 единиц). Дальнейшая дифференциация этих эмоций затруднена в силу синкретичности значения идиом, выражающих разную степень интенсивности одного и того же чувства⁵⁹. Ср.: *Чтоб пусто было (ему, вам)!* – выражение досады, недовольства, злости.

В анализируемом поле выделяются два ядра: 1) междометные единицы, выражающие раздражение, возмущение, негодование, злобу, и 2) глагольные, обозначающие те же эмоции. Междометные идиомы (21 единица) представляют собой в основном законченные предложения, индифферентные в структурно-грамматическом отношении к окружающему контексту: *Ёлки-палки! Фу-ты ну-ты! Бог мой! Хрен в пятку! Скажи(те) пожалуйста! Что за чёрт! Тьфу ты пропасть! Чёрт возьми!* и др. Некоторые из них, сохраняя свой категориальный статус, семантически связываются с широким контекстом с помощью соответствующих ситуации местоимений: *Дуй его (ее, вас, их) горой! Чтоб ему (ей, им) пусто было! Чтоб тебе (ему, ей) повылазило!* и др.

Вторую ядерную группу составляют 18 глагольных единиц, основная часть

⁵⁹ Эта нерасчленённость эмоций находит своё выражение и в словарных дефинициях слов, являющихся названиями полей, которые (дефиниции) оформляются *idem per idem*: *возмущение* – ‘сильный гнев, негодование’; *негодование* – ‘возмущение, крайнее недовольство’; *гнев* – ‘чувство возмущения, негодования’. [СРЯ].

которых характеризует эмоциональное состояние агенса – носителя признака (некаузативные глагольные единицы): *рвать и метать, метать громы и молнии, метать перуны, лезть на стенку, лезть в бутылку, срывать сердце на ком, невзвидеть света, метать икру, выходить из себя* и др. В основном это стилистические и идеографические синонимы; ср.: *метать перуны* (книжн.) ‘гневаться, сердиться на кого-либо’ и *метать икру* (груб.-прост.) ‘поднимать шум, возмущаться, обычно по пустякам’ и др. Остальные фразеологические единицы этой группы имеют каузативное значение – обозначают действия субъекта, направленные на то, чтобы вызвать соответствующее эмоциональное состояние у объекта действия: *играть на нервах кого-либо, действовать на нервы кому-либо, трепать нервы кому-либо, портить кровь кому-либо, сводить с ума кого-либо* и др. Вокруг охарактеризованных ядерных групп – междометных и глагольных – на периферии поля, находятся адвербиальные единицы: *под горячую руку, со скрежетом зубным, в сердцах, с сердцем, с безумных глаз* и др.

Аналогичным образом можно охарактеризовать остальные семантические группы идиом, связанных с выражением других эмоций: страха, ужаса; смущения, стыда; радости, восторга, восхищения и др. (См.: [133; 81; 143]). В результате такого анализа фразеология сферы эмоций предстанет в более «зримом» виде, как система взаимосвязанных семантических полей, групп – рядоположных, частично пересекающихся и накладывающихся друг на друга.

Анализ идиом, связанных с выражением и обозначением эмоций, показал, что в них нашли отражение не высшие социальные чувства, а преимущественно так называемые низшие эмоции в широком объеме градации их интенсивности. При этом обращает на себя внимание то, что во внутренней форме анализируемых фразеологических единиц отразились физиологические механизмы различных эмоций, а также их внешние (жестово-мимические, моторные и др.) проявления: *мурашки по коже поползли, кровь (краска) бросилась в лицо, ни кровинки на лице нет, сердце падает (обрывается), глаза на лоб лезут, глаза на мокром месте, в печёнках сидит, с лёгким сердцем* и др. С этим связана и частотность в составе таких идиом слов, называющих те органы или части тела, которые «ответственны» за определенные эмоции, – *сердце, голова, глаза, кровь, кожа, печень* и др.

Последние научные данные в области физиологии эмоций подтверждают положение о дифференциации физиологических сдвигов в организме человека, сопровождающих эмоции. Выявлено, что любая эмоциональная реакция организма характеризуется своим типом взаимодействия симпатических и парасимпатических влияний [149, с. 74]. Например, для грусти более характерны сдвиги сердечно-сосудистой системы, для веселья – изменения дыхания [149, с. 73] и т. д. Эти положения иллюстрируются с известными допущениями внутренней формой фразеологических единиц: *кровь кипит, кровь бросилась в голову* – повышение артериального давления, вызванное сильным возбуждением, волнением; *в жар бросает* – повышение температуры тела, связанное с крайне возбуждённым состоянием; *сердце разрывается*

(на части) – возрастание частоты сердечных сокращений в состоянии стресса и т.п. По мнению исследователей, лингвистический анализ языковых единиц, связанных со сферой человеческих эмоций, может позволить более точно определить шкалу психологических понятий, например понятие «эмоциональное состояние», отсутствующих в самой психологии [55].

5.4. ФРАЗЕОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

К фразеологии когнитивной сферы человека относятся идиомы, обозначающие и характеризующие различные познавательные процессы: ощущение, восприятие, память, воображение, мышление и речь⁶⁰. Данное семантическое поле включает в свой состав около 400 фразеологических единиц, которые относятся к разным семантико-грамматическим разрядам. В основу предлагаемой ниже рубрикации идиом положена классификация познавательных процессов личности, разработанная в психологии; учтены также результаты семантического анализа глаголов психической деятельности человека, изложенные в работах Л.М. Васильева [33; 35; 36].

Фразеология когнитивной сферы разделена на следующие группы: 1) фразеологические единицы, обозначающие различные ощущения; 2) фразеологизмы, характеризующие процессы восприятия; 3) фразеологизмы, обозначающие различные процессы памяти; 4) фразеологические единицы, характеризующие процесс воображения; 5) фразеологизмы, характеризующие мыслительную деятельность и умственные способности человека; 6) фразеологизмы, характеризующие речевую деятельность человека.

1. Ощущения часто сопровождаются эмоциями, совместно с которыми они составляют фундамент познавательной деятельности человека⁶¹, поэтому в содержании идиом, обозначающих различные внешние, внутренние и смешанного характера (внешне-внутренние) ощущения, может быть указание на определенную эмоцию. В этой группе выделяются идиомы, выражающие различные тактильные ощущения: холода, озноба – *цыганский пот* ‘озноб, дрожь от холода’, *зуб на зуб не попадает* ‘кто-либо дрожит от сильного холода или сильного страха’, *мурашки бегают по спине, мороз по коже дерёт* ‘ощущается озноб, вызываемый чувством сильного волнения’; физической боли – *невзвидеть света* ‘остро ощутить боль, гнев, страх (об очень сильной степени какого-либо ощущения)’, *глаза на лоб лезут* ‘кто-либо испытывает сильную боль, испуг и т. п.’ и др.

Различные внутренние (вибрационные, мышечно-суставные и статико-динамические) ощущения передаются следующими фразеологическими единицами: *голова кругом идёт, голова кружится* ‘кто-либо испытывает головокружение от усталости, переутомления’, *в глазах темнеет* ‘кому-

⁶⁰ См.: [204]. В работах [133, 153] фразеологизмы составляют лишь часть анализируемого материала в составе более крупных семантических разрядов – соответственно со значением психического состояния человека (в сопоставлении с украинским языком) и со значением качественной оценки лица.

⁶¹ «Эмоциональное восприятие окружающей среды на уровне человеческого сознания перерабатывается в понятийное восприятие, включается в речевое мышление и формируется соответственно в языковых знаках» [87, с. 14].

либо становится дурно, плохо, обычно от усталости, слабости, волнения', как *свинцом налита* 'об ощущении тяжести в голове, руках, ногах' и др. Внешние ощущения различного типа – зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные – характеризуются такими фразеологизмами, как *бросить взгляд* 'быстро посмотреть', *вскидывать глазами* 'устремлять взгляд снизу вверх', *резать глаза* 'производить неприятное зрительное впечатление', *ухо режет* 'производит резкое, неприятное впечатление на слух', *пальчики оближешь* 'очень вкусен, аппетитен, доставляет огромное удовольствие', *бросаться в нос* 'остро чувствоваться (о резком или неприятном запахе)' и др.

В семантико-грамматическом отношении основная часть рассмотренных фразеологических единиц относится к предикативным и глагольным единицам и построена по семантической модели «кто-либо испытывает какое-либо ощущение».

2. Фразеологические единицы, характеризующие различные восприятия, дают целостный образ предмета и отражают предмет в совокупности его свойств. Активизация восприятия связана с вниманием – сосредоточенностью и направленностью сознания на воспринимаемый предмет, поэтому в содержание основной массы фразеологизмов данной группы входит элемент, связанный с вниманием: восприятие характеризуется со стороны целенаправленности, полноты, осмысленности и др.

Ядром исследуемого поля являются фразеологические единицы, отражающие процессы зрительного восприятия. Целенаправленный процесс зрительного восприятия обозначается рядом синонимичных глагольных единиц со значением 'пристально, внимательно, неотрывно смотреть на кого-либо или на что-либо': *не отрывать глаз, не сводить глаз, вглядываться глазами, есть глазами, пялить глаза, задерживать взгляд* и др. К ним примыкают синонимичные предикативные фразеологизмы: *взгляд не отрывается, глаза не отрываются*. Антонимичное значение 'переставать видеть, зрительно воспринимать' имеют фразеологизмы *терять из вида, упускать из вида*.

На периферии данного семантического поля находятся единицы, отличающиеся от ядерных частеречной характеристикой, а также объёмом и оттенками значений. Кратковременность зрительного восприятия передается идиомами *краем глаза, хоть одним глазом* 'мельком, очень краткое время (видеть, посмотреть)', *одним глазом* 'между делом (наблюдать, присматривать)' и др.

Целенаправленный характер слухового восприятия отражен в глагольных фразеологизмах *прослушать уши* 'очень долго и напряженно вслушиваться', *приклонять ухо* 'внимательно слушать что-либо, прислушиваться к чему-либо', *превращаться в слух* 'внимательно слушать'. Отсутствие слухового восприятия передается фразеологизмами *пропускать мимо ушей* 'не обращать внимания, не реагировать на то, что сказано', *хлопать ушами* 'слушая что-либо, не воспринимать то, о чем говорят', *краем уха* 'невнимательно, урывками (слушать кого-либо)' и др.

При анализе материала данного поля обращают на себя внимание лексико-

семантические и структурно-грамматические параллели фразеологических единиц, выражающих зрительные и слуховые восприятия; ср.: *проглядеть глаза – прослушать уши, растерять глаза – растерять уши, хлопать глазами – хлопать ушами, краем глаза (видеть) – краем уха (слышать)* и др. Думается, здесь мы сталкиваемся со своеобразным проявлением закона аналогии одновременно на лексико-семантическом и грамматическом уровнях, обусловленной тесными связями между частями единой перцептивной системы человеческого организма.

Характерной лексической особенностью семантических полей восприятия и ощущения является наличие в составе значительной части фразеологических единиц соматизмов *глаз, ухо*, которые называют анализатор и, следовательно, сигнализируют о виде ощущения и восприятия.

3. Значительна по объему группа фразеологизмов, обозначающих и характеризующих различные процессы памяти. Как известно, ощущения и восприятия в той или иной степени сохраняются в памяти, запоминаются и при благоприятных условиях воспроизводятся. С памятью связаны все когнитивные процессы, все виды ментальной деятельности человека.

Процессы закрепления в памяти результатов чувственной и мыслительной познавательной деятельности человека, процессы запоминания, сохранения в памяти отражены в глагольных фразеологических единицах: *зарубить на носу, зарубить на стенке* ‘запомнить крепко-накрепко, навсегда’, *врезаться в память* ‘прочно; крепко запомниться’, *мотать на ус* ‘хорошенько запоминать что-либо’, *держат в мыслях, держат в уме* ‘постоянно помнить, думать о ком-либо или о чем-либо’. Те же процессы закрепления в памяти отражены во фразеологизмах, отличающихся от ядерной группы единиц грамматическим статусом и оттенками значения: *на свежую память, вечная память* и др.

Процессы забывания отражены в содержании глагольных фразеологизмов: *захлестнуло в памяти* ‘совсем забылось’, *вылетать из головы* ‘совершенно забываться’, *отдавать в архив* ‘предавать забвению’, *из ума вон, былём поросло* ‘совсем, навсегда забылось (забыто)’ и др.

В это же поле входит группа фразеологических единиц, отражающих процессы воспроизведения в памяти ранее усвоенного: *всплывать в памяти* ‘вспоминаться’, *по памяти* ‘не обращаясь к тексту, помня что-либо’, *вертеться в голове* ‘никак не вспоминаться’, *не в память* ‘никак не вспоминаться’, *дай бог памяти* ‘выражение желания, усилия вспомнить что-либо’ и др.

4. Фразеологизмы, относящиеся к полю воображения, характеризуют в основном пассивное воображение; это синонимичные глагольные идиомы со значением ‘предаваться несбыточным мечтам, бесплодным фантазиям’: *строить воздушные замки, витать в эмпиреях, витать в облаках*. Активное воображение обозначается идиомой *заглядывать вперед* ‘стараться представить себе будущее, задумываться о будущем’. От ядерных отличаются смысловыми нюансами фразеологизмы *смотреть сквозь розовые очки* ‘не замечать недостатков, идеализировать кого-либо’ и *делать трагедию* ‘представлять себе что-либо слишком мрачным, безысходным’.

5. Наиболее обширным по количеству входящих в него единиц является

семантическое поле, характеризующее мышление. Это объясняется, по-видимому, тем, что мышление является высшим познавательным процессом, которое базируется на ощущениях, восприятиях, памяти и, с другой стороны, тесно связано с воображением и речью.

Идиомы, входящие в данное поле, можно разделить на две группы.

1. Первую группу образуют идиомы, отражающие мышление как процесс. К ним относятся глагольные единицы, которые обозначают процесс мышления, направленного на объект (целенаправленное мышление), и отражают различные мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.).

Целенаправленное мышление характеризуется фразеологическими единицами *собираться с мыслями* 'сосредоточиваться на чем-либо, пытаясь обдумать, решить что-либо', *смотреть в корень* 'вникать в суть чего-либо, обращать внимание на самое главное', *углубляться в себя* 'предаваться глубоким размышлениям о чем-либо, не замечая окружающего'. Целенаправленное мышление называют также идиомы, которые содержат в своем значении оттенок оценочности: *мерить на один аршин* 'подходить к оценке различных людей, явлений одинаково, без учета индивидуальных особенностей', *мерить на аршин какой* 'судить, оценивать с какой-либо точки зрения', *смотреть другими глазами* 'с иной позиции оценивать кого-либо или что-либо', *смотреть правде в глаза* 'резво оценивать действительное положение вещей' и др.

Отдельно следует выделить группу идиом с каузативным значением, также характеризующих целенаправленные процессы мышления: *наставлять на ум* 'давая разумные советы, учить чему-нибудь хорошему, поучать', *наставлять на путь (истины)* 'воздействуя каким-либо образом, побуждать изменить поведение в хорошую сторону', *выбивать дурь из головы* 'строгими мерами воздействия образумливать кого-либо', *открывать глаза* 'выводить кого-либо из заблуждения' и др. К этой же группе примыкают антонимичные по значению идиомы с каузативным значением: *сбивать с толку*, *сбивать с пути*, *сбивать с панталыку*, *сбивать с пахвей* 'воздействуя каким-либо образом, приводить в заблуждение, запутывать'. Ср. также их залоговые корреляты: *сбиваться с толку*, *сбиваться с пути*, *сбиваться с панталыку*, *сбиваться с пахвей*.

Аналитико-синтетические мыслительные операции отражены в следующих идиомах: *перебирать в уме* 'вспоминая, обдумывать, представлять последовательно, одно за другим', *перебирать по нитке*, *разбирать по косточкам* 'очень подробно анализировать, осмысливать', *проводить грань* 'устанавливать какие-либо различия', *приводить к общему знаменателю*, *ставить на одну доску*, *стричь под одну гребёнку*, *подгонять под один колер* 'уничтожать различия, уравнивать в каком-либо отношении' и др. Активный волевой акт формирования в процессе мышления каких-либо намерений, решений и результаты такой мыслительной деятельности отражены в содержании таких идиом, как *собираться с духом*, *набираться духу*, *собираться с силами* 'перебарывая в себе страх, неуверенность, решаться на что-либо',

благую часть избирать ‘принимать наиболее выгодное для себя решение’, *разрубать гордиев узел* ‘разрешать сложный, запутанный вопрос’ и др.

2. Ко второй группе относятся фразеологические единицы, обозначающие ментальные свойства и состояния, обусловленные индивидуальными особенностями мышления. Эта группа довольно обширна по количеству и разнообразна по характеру семантики входящих в нее единиц. Здесь прежде всего выделяются две подгруппы единиц с антонимичными значениями – положительной и отрицательной характеристики умственных способностей человека. Первая подгруппа представлена небольшим числом именных предикатов: *светлая голова* ‘очень умный, ясно, логически мыслящий’, *ума палата, голова на плечах, голова варит* ‘кто-либо умен, сообразителен, догадлив’, *с головой, с царём в голове, семи пядей во лбу* ‘очень умный, мудрый, догадливый’, *головой выше, на голову выше* ‘намного умнее, опытнее, осведомленнее’ и др.

Гораздо шире по объему подгруппа синонимичных именных фразеологизмов, характеризующих умственные способности человека негативно. Значение ‘глупый, бестолковый, тупой, несообразительный человек’ выражается идиомами: *голова еловая, голова садовая, дурья голова, дырявая голова, мякинная голова, пустая голова, медный лоб, набитый дурак, мешок с соломой, олух царя небесного, богом обиженный, не все дома, пороха не выдумает, винтиков не хватает, без царя в голове* и др.

Следующую группу образуют идиомы, обозначающие и характеризующие различные интеллектуальные состояния (и здесь обращает на себя внимание преобладание идиом, характеризующих психическое состояние с негативной стороны). Утрата способности нормально мыслить, а также патологические психические состояния обозначаются синонимичными глагольными идиомами: *лишаться ума, сходить с ума, мешаться в уме, терять рассудок* ‘становиться сумасшедшим’, *впасть в детство, выживать из ума* ‘глупеть, терять рассудок от старости’, *ум за разум заходит* ‘теряется способность трезво, разумно рассуждать, действовать’, *голова пухнет* ‘утрачивается способность что-либо соображать от чрезмерной работы, забот, шума и т.п.’ и др. Нормальное умственное состояние характеризуется единицами *в своем уме, в полном рассудке*. К ним примыкают единицы *хвататься за ум, браться за ум, входить в разум* ‘становиться более разумным, образумливаться, становиться умнее’, *приходить в рассудок* ‘обретать возможность здраво рассуждать’ и др.

б. Процессы мышления протекают преимущественно в вербальной форме, а результаты познавательной деятельности закрепляются в вербальных знаках. Речь поэтому следует считать одним из компонентов когнитивной деятельности человека. Речевая деятельность человека может быть охарактеризована в различных аспектах: со стороны акустико-физиологической, индивидуальных особенностей говорящего, со стороны содержания речи, её эмоциональной окрашенности, причин, целей речетворчества и др. К когнитивной сфере имеют отношение некоторые из названных выше параметров речевой деятельности.

а) Индивидуальные особенности речи (устной и письменной) могут одновременно репрезентировать интеллектуальные возможности личности. Часть идиом характеризует речевые данные личности с положительной стороны: *владеть словом, владеть пером* ‘обладать способностью выразительно, красноречиво говорить, писать, уметь свободно излагать свои мысли’, *бойкое перо* ‘кто-либо с легкостью пишет, излагает письменно свои мысли’, *заливаться соловьем* ‘говорить красноречиво, с увлечением’, *дар слова* ‘способность говорить свободно, выразительно, красноречиво’, *боек на язык* ‘находчив в разговоре, красноречив’, *играть словами* ‘острить, каламбурить’, *острый язык* ‘кто-либо остроумен, язвителен’, *как по писаному* ‘бойко, гладко (говорить, рассказывать)’ и др. Отрицательные особенности речи передаются синонимичными глагольными идиомами: *жевать жвачку (мочалку), разводиться разводы, крутить шарманку* ‘долго, нудно, надоедливо, бестолково говорить (писать) одно и то же’. К ним по значению примыкают единицы (не мочь) *связать двух слов* ‘(не мочь) связно изложить свои мысли’, *язык заплетается* ‘кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо’, *плетение словес* ‘многословный, запутанный, вычурный стиль речи’ и др.

б) Часть идиом характеризует речь со стороны её содержания. Такие фразеологические единицы имеют косвенное отношение к характеристике интеллектуальных возможностей личности: они могут манифестировать особенности склада ума, тип мышления и – шире – индивидуально-типологические особенности личности. Ряд синонимичных глагольных единиц имеет значение ‘врать, говорить неправду, рассказывать небывлицы’: *кривить душой, заправлять арапа, лить пули, лить колокола, подпускать турусы на колесах (1), водить за нос, метать петли* и др. Значение ‘наговаривать, сплетничать, клеветать’ передают глагольные идиомы *вешать собак на кого, обливать грязью кого, перемывать косточки кому*. Значителен синонимический ряд единиц со значением ‘вести пустые разговоры, болтать’: *чесать язык, переливать из пустого в порожнее, чесать зубы, точить лясы (балясы), судить да рядить, разводиться антимионии (1), разводиться турусы на колесах (2), разводиться тары-бары растабары, бобы разводиться, городить околесицу, болтать языком, нести ахинею, нести околесицу* и др.

Следует еще раз обратить внимание на особенности лексического состава исследованных фразеологических единиц. Семантическая характеристика отдельных групп тесно связана с конституирующими идиомы лексическими элементами и во многом определяется ими: это в основном соматизмы, символизирующие тот или иной познавательный процесс. Так, элементами семантических полей ощущений и восприятий являются идиомы, которые имеют в своем составе компоненты *глаз, ухо*, обозначающие вид анализатора. Семантические поля памяти, мышления представлены фразеологизмами с компонентами *голова, мозг, ум, разум, мысль*; поле речи – фразеологическими единицами с элементами *рот, язык, горло, глотка, зубы, губы* и др.⁶²

⁶² О символической функции некоторых слов в составе фразеологических единиц см. [200, с. 3–42; 57, с. 160–165; 134].

Таковы наши наблюдения над семантической стратификацией идиом, характеризующих различные познавательные процессы. Общим признаком всех выделенных семантических групп является их отношение к когнитивной сфере, различия же между ними обусловлены различными проявлениями самой познавательной деятельности человека.

«Перекрёстный» анализ содержания фразеологии по семантико-грамматическим разрядам и по комплексным семантическим полям и группам может дать в распоряжение исследователя более полную и адекватную картину смыслового членения универсума фразеологическими средствами, поможет составить точную «карту» понятийного содержания фразеологии (идиоматики) в отличие от лексики, а также выявить те участки объективной действительности, которые покрываются только идиоматикой. Такой анализ может пролить свет и на логико-психологические основы процессов фразеобразования.

Результаты идеографического описания русской идиоматики, несомненно, представляют интерес для теории общей и русской фразеологии, а также могут быть использованы в практике преподавания фразеологии во всех звеньях (начальном, среднем, высшем) и во всех аудиториях (русской, национальной, иноязычной) современной школы.

Как видно из проведённого анализа, термин «поле» использовался непоследовательно, часто замещаясь эквивалентным в данном контексте термином «группа»: хотя полевой анализ, как представляется, позволяет более адекватно описать связь языка с действительностью, анализируемый материал не совсем чётко укладывается в рамки поля. Исследователи, работавшие в русле полевой лингвистики, неоднократно отмечали нечёткость, размытость границ языковых полей, их способность пересекаться со смежными семантическими областями, частично накладываться на них. Думается, невозможность строгого разделения семантического пространства языка на отдельные фрагменты, области, сферы, поля является объективной данностью, обусловленной семантической непрерывностью словаря, в том числе и идиоматики: слово или фразеологическая единица связаны многочисленными нитями со значимыми единицами своего или смежных уровней [77, с. 75–77]. Это многообразные системные связи – парадигматические (синонимия, антонимия, омонимия, паронимия, гиперо-гипонимия, эквонимия [112, с. 29] и др.), синтагматические (валентность – грамматическая и лексико-семантическая, лексические солидарности (по Э. Косериу), связанность значения) и эпидигматические (ассоциативные) в широком смысле.

Разнообразные семантические связи между языковыми единицами в конечном счёте отражают многообразие связей и отношений между предметами и явлениями объективного мира и познающего их сознания-мышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На материале современной русской идиоматики намечена и в первом приближении разработана новая интегральная предметная область научного анализа – коммуникативно-прагматическое освещение русской идиоматики. Для описания данной предметной области привлекались не только собственно лингвистические категории, но и понятия смежных наук – социолингвистики, психолингвистики, семиотики, логики, психологии, нейрофизиологии и др.

Выявлена специфика фразеологического значения, обусловленная особенностями коммуникативной предназначенности фразеологических единиц, предложена его нетривиальная структуризация; разработана нетрадиционная семантико-грамматическая (частеречная) классификация идиом, в рамках которой предложена комплексная типология фразеологических предикатов; намечены новые аспекты анализа фразеологической семантики – фразеологическая ономазиология и фразеологическая идеография и др. Некоторые традиционные для теории фразеологии вопросы были рассмотрены в новой концептуальной парадигме, в том числе и в парадигме категорий смежных областей научных знаний, что позволило более адекватно охарактеризовать отдельные языковые явления.

Анализ фразеологического материала в коммуникативно-прагматическом аспекте представляет, несомненно, большой интерес для типологической лингвистики, так как позволяет выявить типологические особенности русской идиоматики (специфическое и универсальное), которые особенно ярко обнаруживаются в сопоставительно-типологических штудиях. Результаты такого анализа имеют непосредственный выход в прикладное языкознание – в практику преподавания фразеологии в средней и высшей школе (как русской, так и иноязычной), в теорию и практику фразеографии, в том числе и учебной, в культуру речи, в теорию и практику перевода и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агрикола Э.* Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря // ВЯ. – Москва, 1984. – № 2. – С. 72–78.
2. *Акишина А.А., Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. – Изд. 3-е, испр. – Москва: Русский язык, 1983. – 181 с.
3. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. – Москва: Наука, 1982. – 96 с.
4. *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – Москва: Наука, 1967. – 251 с.
5. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Москва, 1984. – 16 с.
6. *Арутюнова Н.Д.* Коммуникативная функция и значение слова // НДВШ ФН. – 1973. – № 3. – С. 42–54.
7. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – Москва: Наука, 1976. – 384 с.
8. *Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст // Языковая номинация: (Виды наименований). – Москва, 1977. – С. 30–357.
9. *Арутюнова Н.Д.* Семантическая структура и функции субъекта // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Москва, 1979. – Т. 38. – № 4. – С. 323–334.

10. *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. – Москва, 1980. – С. 156–249.
11. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – Москва, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–366.
12. *Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции // *Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (Проблемы референции)*. – Вып. XIII. – Москва, 1982. – С. 5–40.
13. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // *Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика*. – Вып. XVI. – Москва, 1985. – С. 3–42.
14. *Ахманова О.С.* *Словарь лингвистических терминов*. – 2-е изд., стереот. – Москва: Сов. энци., 1969. – 607 с.
15. *Ахманова О.С., Магидова И.М.* Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // *ВЯ*. – Москва, 1978. – № 3. – С. 43–48.
16. *Байрамова Л.К.* Фразеология произведений В.И. Ленина и принципы её перевода: (по материалам переводов на татарский язык). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. – 104 с.
17. *Байрамова Л.К.* Фразеология в произведениях В.И. Ленина и принципы её перевода на татарский язык: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук – Москва, 1983. – 34 с.
18. *Бенвенист Эмль.* *Общая лингвистика* / Под ред. Степанова Ю. С. – Москва: Прогресс, 1974. – 447 с.
19. *Бертельс А.Е.* Разделы словаря, семантические поля и тематические группы слов // *ВЯ*. – Москва, 1982. – № 4. – С. 52–63.
20. *Богданов В.В.* Фреймы и фреймовые грамматики // *Функционально-семантические параметры слова и предложения*. – Барнаул, 1984. – С. 3–13.
21. *Богуславский И.М.* О понятии сферы действия предикатных слов // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – Москва, 1980. – Т. 39. – № 4. – С. 359–368.
22. *Бондаренко В.Т.* Предикативные фразеологические единицы с грамматическим значением состояния в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Калинин, 1975. – 23 с.
23. *Бондарко А.В.* *Функциональная грамматика*. – Ленинград: Наука, 1984. – 133 с.
24. *Бондарко А.В.* К теории функциональной грамматики // *Проблемы функциональной грамматики*. – Москва, 1985. – С. 16–29.
25. *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – Москва, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 333–342.
26. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. – Москва, 1982. – С. 7–85.
27. *Бурмистрович Ю.Я.* Образование фразеологизмов как ономаσιологический процесс, осуществляемый по модели (на материале субстантивных фразем русского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1982. – 22 с.
28. *Бушуй А.М.* *Лексикографическое описание фразеологии*. – Самарканд, 1982. – 114 с.
29. *Бушуй А.М., Салохиддинов Г.С.* Устойчивые словесные комплексы в русско-иноязычных словарях. – Самарканд, 1980. – 110 с.
30. *Быстрова Е.А.* Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе: Автореф. дис. ...д-ра пед. наук. – Москва, 1981. – 51 с.
31. *Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М.* *Учебный фразеологический словарь русского языка: Пособие для уч-ся национальных школ*. – Ленинград: Просвещение, 1984. – 70 с.
32. *Васильев Л.М.* Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения). Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Ленинград, 1971. – 38 с.
33. *Васильев Л.М.* Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // *Очерки по семантике русского глагола*. – Уфа, 1971. – С. 38–310.
34. *Васильев Л.М.* Значение и его отношение к действительности, системе языка и акту коммуникации // *Исследования по семантике: Лексическая и грамматическая семантика*. – Уфа, 1980. – С. 3–16.

35. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. – Москва: Высшая школа, 1981. – 184 с.
36. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. (Глаголы речи, звучания и поведения). – Уфа: Изд-во БГУ, 1981. – 71 с.
37. *Вейн А.* Мозг и творчество // Наука и жизнь. – Москва 1983. – № 4. – С. 115–121.
38. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике: (Языковые универсалии). – Вып. V. – Москва, 1970. – С. 163–249.
39. *Верецагин Е.М.* У истоков славянской терминологии: Ментализация как прием терминотворчества // ВЯ. – 1982. – № 6. – С. 105–114.
40. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.
41. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – Москва, 1982. – С. 89–98.
42. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Москва: Русский язык, 1983. – 269 с.
43. *Виноградов В.В.* Русский язык: (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – Москва: Выс. школа, 1972. – 614 с.
44. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. – Москва: Наука, 1980. – 238 с.
45. *Винокур Т.Г.* Стилиевой состав высказывания в отношении к говорящему // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – Москва, 1984. – С. 135–153.
46. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – Москва: Наука, 1985. – 228 с.
47. Всесоюзная конференция «Коммуникативные единицы языка» (12–13 дек. 1984): Тезисы докладов. – Москва, 1984. – 150 с.
48. *Габинская О.А.* Типология причин словотворчества. – Воронеж: Изд-во Воронежского, ун-та, 1981. – 153 с.
49. *Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тезисы докладов научной конференции. – Ч. 1. – Москва – 1971. – С. 95–98.
50. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – Москва, 1972. – С. 367–395.
51. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. – Москва: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
52. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: (Общие вопросы). – Москва, 1977. – С. 230–293.
53. *Гак В.Г.* Прагматика, узус и грамматика // ИЯШ. – Москва, 1982. – № 5. – С. 11–17.
54. *Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – Москва, 1985. – С. 5–15.
55. *Галунов В.И., Манеров В.Х., Устинович Е.А.* Возможность семантического анализа некоторых психических категорий. // Вопросы семантики. – Калининград, 1978. – С. 124–135.
56. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – Москва: Наука, 1981. – 138 с.
57. *Гвоздарёв Ю. А.* Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 184 с.
58. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразообразования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1978. – 35 с.
59. *Гейвинд Н.* Специализация человеческого мозга // Мозг. – Москва, 1982. – С. 219–240.
60. *Говердовский В.И.* О предпосылках создания коннотационного словаря // Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях. – Кишинев, 1982. – С. 211–214.
61. *Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образования понятий. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 351 с.

62. Горский Д.П. Логика. – Москва: Учпедгиз, 1963. – 159 с.
63. Грамматика современного русского литературного языка. – Москва: Наука, 1970. – 767 с.
64. Демьянович Н.И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках (сопоставительный анализ). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ленинград, 1980. – 26 с.
65. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – Москва: Русский язык, 1980. – 253 с.
66. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов, ун-та, 1979. – 192 с.
67. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – Москва: Прогресс, 1973. – 285 с.
68. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – Москва: Просвещение, 1978. – 160 с.
69. Жуков В.П., Жуков А.В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка: Учебное пособие к спецкурсу. – Ленинград, 1980. – 97 с.
70. Залыгин С. П. Южноамериканский вариант: Роман, рассказы. – Москва: Современник, 1974. – 415 с.
71. Звезгинцев В. А. Язык и знание // Вопросы философии. – Москва, 1982. – № 1. – С. 71–80.
72. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – Москва, 1983. – С. 172–210.
73. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва: Наука, 1982. – 368 с.
74. Иванов Вяч. Вс. Асимметрия мозга и знаковых систем. – Москва: Сов. радио, 1978.
75. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. – 110 с.
76. Ионова И.А. Фразеологические единицы с адъективным значением в современном русском языке. (К вопросу о соотносённости фразеологических единиц с частями речи). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 1975. – 23 с.
77. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – Москва: Наука, 1976. – 355 с.
78. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей: русского языка. – Москва: Наука, 1980. – 207 с.
79. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – Москва: Наука, 1981. – 366 с.
80. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // ВЯ. – Москва, 1984. – № 4. – С. 3–12.
81. Кашина И.В. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния лица в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 1981. – 24 с.
82. Киселёва Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
83. Колианский Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Москва, 1979. – Т. 38. – № 4. – С. 318–322.
84. Колианский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // ВЯ. – Москва, 1979. – № 6. – С. 51–62.
85. Колианский Г.В. Контекстная семантика. – Москва: Наука, 1980. – 149 с.
86. Колианский Г.В. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Москва, 1983. – Вып. 205. Лингвистика и методика в высшей школе. – С. 3–12.
87. Колианский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – Москва: Наука, 1984. – 175 с.

88. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. – Москва: Наука, 1971. – 656 с.
89. *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие для филологов. – Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1972. – 124 с.
90. *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1978. – 143 с.
91. *Кравцова С.И.* Фразеологические единицы со значением количества в русском языке (в сопоставлении с украинским). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1981. – 26 с.
92. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – Москва: Наука, 1978. – 115 с.
93. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности и словообразование как его важнейший компонент // Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках. (Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 164). – Москва, 1980. – С. 40–47.
94. *Кубрякова Е.С.* Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики // Коммуникативные единицы языка: Тезисы докладов всесоюзной конференции. – Москва, 1984. – С. 72–75.
95. *Кунин А.В.* Фразеологическая деривация в английском языке // Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках. (Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 164). – Москва, 1980. – С. 155–162.
96. *Кунин А.В.* Механизмы окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Москва, 1980. – Вып. 168. – С. 158–185.
97. *Кунин А.В.* О фразеологической номинации // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Москва, 1983. – Вып. 211. – С. 88–100.
98. *Ломов А.Г.* Проблемы фразеологической стилистики русского языка. Часть 1. – Самарканд, 1982. – 58 с.
99. *Лук А.Н.* Эмоции и чувства. – Москва: Знание, 1972. – 80 с.
100. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. – Москва: Изд-во МГУ, 1975. – 253 с.
101. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – Москва: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
102. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. – Москва: Выс. школа, 1975. – 327 с.
103. *Матезиус В.* О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – Москва, 1967. – С. 226–238.
104. *Мелерович А.М.* Проблемы семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учебное пособие по спецкурсу. – Ярославль, 1979. – 79 с.
105. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Перевод с англ. Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. – Москва: Энергия, 1979. – 151 с.
106. *Мозг /* Перевод с англ.; под ред. д-ра мед. наук П.В. Симонова. – Москва: Мир, 1982. – 279 с.
107. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – Москва: Выс. школа, 1980. – 207 с.
108. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. – Ленинград: Наука, 1977. – 284 с.
109. *Морковкин В.В.* Идеографические словари. – Москва: Изд-во МГУ, 1970. – 71 с.
110. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики. (Анализ слов со значением времени в русском языке). – Москва: Изд-во МГУ, 1977. – 166 с.
111. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Перевод с англ. – Москва: Прогресс, 1981. – 230 с.
112. *Никитин М.В.* Лексическое значение слова. (Структура и комбинаторика). – Москва: Выс. школа, 1983. – 127 с.
113. *Николаева Т.М.* Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – Москва, 1978. – С. 5–39.
114. *Николаева Т.М.* Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // ВЯ. – Москва, 1984. – № 3. – С. 111–119.

115. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. – Москва: Выс. школа, 1982. – 272 с.
116. Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – Москва: Прогресс, 1978. – 479 с.
117. Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика. (Проблемы референции). – Вып. XIII. – Москва: Радуга, 1982. – 432 с.
118. Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – Вып. XVI. – Москва: Прогресс, 1985. – 501 с.
119. Новое в русской лексике: Словарные материалы. – 77 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1980. – 176 с.
120. Новое в русской лексике: Словарные материалы. – 78 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1981. – 263 с.
121. Новое в русской лексике: Словарные материалы. – 79 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1982. – 320 с.
122. Новое в русской лексике: Словарные материалы. – 80 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1984. – 286 с.
123. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – Москва: Сов. энци., 1971. – 543 с.
124. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1984. – 805 с.
125. *Норман Б.Ю.* Синтаксис речевой деятельности. – Минск: Высшая школа, 1978. – 151 с.
126. Общая психология / Под ред. В.В. Богославского и др. – Москва: Просвещение, 1981. – 383 с.
127. *Павлѐнис Р.И.* Логико-методологические проблемы анализа языка: семантика и прагматика // Вопросы философии. – Москва, 1982. – № 11. – С. 82–91.
128. *Павлѐнис Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – Москва: Мысль, 1983. – 286 с.
129. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – Москва: Наука, 1985. – 271 с.
130. *Панасенко Е.Г.* Предикативные фразеологические сочетания в современном русском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1981. – 25 с.
131. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – Москва: Наука, 1982. – 357 с.
132. *Подюков И.А.* Экспрессивно-стилистическая характеристика диалектных фразеологических единиц (на материале говоров Северного Прикамья). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Ленинград, 1982. – 18 с.
133. *Покровская Э.Н.* Фразеологические единицы со значением психического состояния человека в русском языке (в сопоставлении с украинским). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Киев, 1977. – 21 с.
134. *Попова З.Д.* Фразеология и символика вещей // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1979. – С. 3–8.
135. Проблемы функциональной грамматики. – Москва: Наука, 1985. – 198 с.
136. Психолингвистика: Сб. статей / Сост. А.М. Шахнарович. – Москва: Прогресс, 1984. – 367 с.
137. Психолингвистические проблемы семантики. – Москва: Наука, 1983. – 285 с.
138. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – Москва: Высшая школа, 1980. – 141 с.
139. *Распопов И.П.* Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // ВЯ. – Москва, 1981. – № 4. – С. 24–34.
140. *Рогожникова Р.П.* Об эквивалентах слова в русском языке // ВЯ. – Москва, 1977. – № 5. – С. 110–116.
141. *Рогожникова Р.П.* Словарь сочетаний, эквивалентных слову. (Наречные, служебные, модальные единства). – Москва: Русский язык, 1983. – 144 с.

142. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1973. – 223 с.
143. *Ротова М.С.* Лексико-фразеологическое поле обозначений смеха и плача в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1985. – 21 с.
144. Русская грамматика: В 2 т. – Москва: Наука, 1980. – Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с; Т. II: Синтаксис. – 710 с.
145. Русский речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. – Изд. 3-е, испр. – Москва: Рус. язык, 1983. – 181 с.
146. Русский семантический словарь. (Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову). – Москва: Наука, 1983. – 566 с.
147. *Селиверстова О.Н., Ишевская Н.А.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – Москва, 1982. – С. 86–157.
148. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. – Москва: Наука, 1983. – 319 с.
149. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг: Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. – Москва: Наука, 1981. – 215 с.
150. Словарь русского языка: В 4 т. – Изд. 2, испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1981–1984.
151. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Москва – Ленинград, 1948. – 1965.
152. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – Москва: Наука, 1976. – 226 с.
153. *Солодуб Ю.П.* Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). – Москва: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина. – 1985. – 110 с.
154. *Солодуб Ю.П.* Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Москва, 1985. – 31 с.
155. *Солодухо Э.М.* Сопоставительно-исторический и синхронно-сопоставительный анализ интернациональных оппозиций типа слово – сверхсловный комплекс. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. – 47 с.
156. *Солодухо Э.М.* Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности. – Казань, 1982. – 40 с.
157. *Солодухо Э.М.* Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Ленинград, 1984. – 53 с.
158. *Стивак Д.Л.* Язык в условиях изменённых состояний сознания // ВЯ. – 1983. – № 5. – С. 43–49.
159. *Стивак Д.Л.* Лингвистика изменённых состояний сознания: проблемы и перспективы // ВЯ. – Москва, 1985. – № 1. – С. 50–57.
160. Справочник по русской фразеологии для иностранцев. (Выражение эмоций) / Сост. Р. И. Яранцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1976. – 91 с.
161. Справочник по русской фразеологии для иностранцев. (Свойства и качества характера человека) / Сост. Р.И. Яранцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – 64 с.
162. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1974. – 142 с.
163. *Степанов Г.В.* Тенденции развития советского языкознания // ИЯШ. – Москва, 1985. – № 3. – С. 11–13.
164. *Степанов Ю.С.* Номинация, семантика, семиология. (Виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация (Общие вопросы). – Москва, 1977. – С. 294–358.
165. *Степанов Ю.С.* К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Москва, 1980. – Т. 39. – № 4. – С. 311–323.

166. *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – Москва: Наука, 1981. – 360 с.
167. *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики: (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Москва, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.
168. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика. – Москва, 1983. – С. 5–36.
169. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – Москва: Наука, 1985. – 335 с.
170. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 171 с.
171. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – Москва: Наука, 1981. – 269 с.
172. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Москва, 1981. – 48 с.
173. *Тихонова М.Ю.* Лексико-фразеологическая микросистема «много» в современном русском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Самарканд, 1971. – 27 с.
174. *Торопцев И.С.* Очерк русской ономастиологии: (Возникновение знаменательных лексических единиц). Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Ленинград, 1970.
175. *Торопцев И.С.* Предмет, задачи, материал и методы ономастиологии // Проблемы ономастиологии. I. – Т. 21 (114). – Орёл, 1974. – С. 3–75.
176. *Торопцев И.С.* Словопроизводственная модель. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 148 с.
177. *Тулина Т.А.* Функциональная типология словосочетаний. – Киев – Одесса: Вища школа, 1976. – 176 с.
178. *Уёмов А.И.* Вещи, свойства и отношения. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
179. *Уфимцева А.А.* Понятие языкового знака // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – Москва, 1970. – С. 96–139.
180. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. – Москва: Наука, 1974. – 206 с.
181. *Уфимцева А.А.* Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва, 1977. – С. 5–85.
182. *Уфимцева А.А.* Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – Москва, 1980. – С. 5–80.
183. *Фёдоров А.И.* Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, 1980. – 191 с.
184. *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. – Москва: Знание, 1982. – 156 с.
185. *Формановская Н.И.* Употребление русского речевого этикета. – Изд. 2. – Москва: Русского язык, 1984. – 193 с.
186. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
187. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – Москва: Сов. энци., 1967. – 544 с.
188. *Чепасова А.М.* Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: Учебное пособие к спецкурсу. – Челябинск, 1983. – 93 с.
189. *Чернышёва И.И.* Актуальные проблемы фразеологии // ВЯ. – Москва, 1977. – № 5. – С. 34–42.
190. *Чернышёва И.И.* Фразеологизация как особая область вторичной номинации // Вопросы словообразования и фразеологизации в германских языках. (Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 164). – Москва, 1980. – С. 179–187.
191. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – Изд. 3, испр. и доп. – Москва: Выс. школа, 1985. – 160 с.
192. *Шингаров Г.Х.* Эмоции и чувства как форма отражения действительности. – Москва: Наука, 1971. – 223 с.
193. *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.

194. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – Москва: Просвещение, 1977. – 335 с.
195. Шмелёв Д.Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. – Москва, 1982. – С. 3–44.
196. Штефан Брицитте. Фразеологические единицы со значением «предельность» в современном русском языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1984. – 19 с.
197. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
198. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – Москва: Наука, 1974. – 255 с.
199. Эмирова А.М. О специфике синтагматических и парадигматических отношений во фразеологии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию, III. (Труды Сам.ГУ, нов. серия. – Вып. 208). – Самарканд, 1971. – С. 63–67.
200. Эмирова А.М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. (Опыт семантического анализа фразеологических единиц). – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1972. – 97 с.
201. Эмирова А.М. Структурные и семантические характеристики одного фразеологического поля // Вопросы фразеологии, XI. – Самарканд, 1977. – С. 11–15.
202. Эмирова А.М. К теории фразеографии. (Рец. на «Справочник по русской фразеологии для иностранцев». – Изд. МГУ / Сост. Р.И. Яранцевым) // Вопросы фразеологии, XI. – Самарканд, 1977. – С. 97–100.
203. Эмирова А.М. Структура и семантика фразеологического поля эмоций // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. – Самарканд, 1978. – С. 46–52.
204. Эмирова А.М. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности // Вопросы русской и славянской фразеологии. – Вып. XIII. – Самарканд, 1978. – С. 17–26.
205. Эмирова А.М. К теоретическим основам фразеологической идеографии // Вопросы фразеологии. – Вып. XIV. – Самарканд, 1979. – С. 50–61.
206. Эмирова А.М. Фразеология в поэтической речи // Вопросы фразеологической стилистики. – Самарканд, 1983. – С. 89–94.
207. Эмирова А.М. Теория номинации и фразеология. (К вопросу об объекте фразеологической номинации) // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Самарканд, 1983. – С. 11–17.
208. Эмирова А.М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических (идиоматических) предикатов // ВЯ. – Москва, 1984. – № 6. – С. 114–118.
209. Эмирова А.М. Рец.: Новое в русской лексике. Словарные материалы 77–79. (I – Москва, 1980. II – Москва, 1981. III – Москва, 1982.) // НДВИШ ФН. – Москва, 1984. – № 5. – С. 82–83.
210. Эмирова А.М. О языковых функциях фразеологических единиц (идиом) русского языка // Фразеология и контекст. – Самарканд, 1987. – С. 32–44.
211. Юлдашева Р.Ж. Принципы составления и пути использования учебного двуязычного фразеологического словаря идеографического характера. Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Москва, 1985. – 16 с.
212. Языковая номинация. (Общие вопросы). – Москва: Наука, 1977. – 260 с.
213. Языковая номинация. (Виды наименований). – Москва: Наука, 1977. – 360 с.
214. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – Москва: Русский язык, 1981. – 304 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЯ – журнал «Вопросы языкознания».
- Грамматика–70 – Грамматика современного русского литературного языка – Москва: Наука, 1970. – 767 с.
- Грамматика–80 – Русская грамматика: В 2 т. – Москва: Наука, 1980.

- ИЯШ – журнал «Иностранные языки в школе».
- НДВШ ФН – журнал «Филологические науки».
- НСЗ–71 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – Москва: Сов. энци., 1971. – 543 с.
- НСЗ–84 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1984. – 805 с.
- РЯНШ – журнал «Русский язык в национальной школе».
- РЯШ – журнал «Русский язык в школе».
- Сер. лит. и яз. – Серия литературы и языка.
- СМ–77 – Новое в русской лексике: Словарные материалы –77 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1980. – 176 с.
- СМ–78 – Новое в русской лексике: Словарные материалы –78 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1981. – 263 с.
- СМ–79 – Новое в русской лексике: Словарные материалы –79 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1982. – 320 с.
- СМ–80 – Новое в русской лексике: Словарные материалы –80 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1984. – 286 с.
- Сов. энци. – Советская энциклопедия.
- СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1981. – 1984.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Москва – Ленинград, 1948. – 1965.
- СРФИ –76 – Справочник по русской фразеологии для иностранцев: (Выражение эмоций) / Сост. Р.И. Яранцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1976. – 91 с.
- СРФИ –78 – Справочник по русской фразеологии для иностранцев: (Свойства и качества характера человека) / Сост. Р.И. Яранцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – 64 с.
- ФЕ – фразеологическая единица.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – Москва: Сов. энци., 1967. – 544 с.

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ: ТЕМАТИКА И СЕМАНТИКА

(Журнал “Русский язык в школе”. – Москва, 1990. – № 3. – С. 77–81)

Социальная обусловленность языка наиболее ярко проявляется в периоды социальных перемен, катаклизмов. Первые годы перестройки прошли под знаком радикальных экономических реформ, демократизации и гуманизации всех сфер жизни нашего общества. Освобождаясь от негативных явлений прошлого, создавая новые социальные реальности, мы продолжаем, во многом по инерции, пользоваться прежней фразеологией (в широком смысле). Однако в нашу речь все активнее входят новообразования, отражающие новые социальные явления и процессы. Перестройка всех сфер жизни – социально-экономической, политической и духовно-культурной – находит оперативное выражение в русском языке последних лет, прежде всего в лексике и фразеологии. Язык перестройки – это не только новые слова и словосочетания, в том числе и устойчивые, но и переосмысление уже существующих в языке единиц, которые часто получают другие эмоциональные и оценочные характеристики.

Принято считать, что наиболее оперативно откликается на социальные новации лексическая система. Однако языковая жизнь последних лет убедительно свидетельствует об активизации фразеобразовательных процессов [1], и это во многом обусловлено стремлением дифференцировать социальные явления, необходимостью выразить сложные понятия (ср.: *плюрализм – социалистический; подряд – коллективный, семейный, арендный; период – сталинский, застойный* и др.).

В данной статье делается попытка в первом приближении выявить и охарактеризовать в тематическом, семантическом и стилистическом отношениях фразеологические единицы разного типа, отражающие реалии нашего времени.

Собранный языковой материал довольно отчетливо распределяется на два тематических разряда – перестроечная и доперестроечная фразеология.

1. К первому разряду относятся обороты, называющие новые социальные явления, выражающие новые понятия и новую оценку старых реалий. Здесь можно выделить группу устойчивых словесных комплексов, обозначающих ключевые понятия перестройки: *человеческий фактор, застойные явления, правовое государство, социальная справедливость, реформа политической системы, социалистический плюрализм, ускорение социально-экономического развития, социалистическая кооперация* и др. Примеры: *Мы пришли к выводу, что без активизации человеческого фактора, то есть без учета разнообразных интересов людей, трудовых коллективов, общественных*

организаций, различных социальных групп, без привлечения их к активному творчеству немыслимо решить ни одной задачи, изменить обстановку в стране [Б.А. Грушин]. Нежелательные коллизии вызваны застойными явлениями ... от деформации в экономике до различных нарушений социальной справедливости [ЛГ. – 29 апр. 1988]. Ни в коем случае не отказываемся от социалистического плюрализма, именно социалистического, основывающегося на наших ценностях ... [Изв. – 10 янв. 1989].

Максимально обобщенный и абстрагированный характер значения таких устойчивых оборотов затрудняет их тематическую и семантическую дифференциацию, что обусловлено многоплановостью и неопределённостью самого содержания феномена, имя которому – перестройка. Как известно, идеология проявляется в различных формах общественного сознания: политической и правовой, философской и религиозной, нравственной и эстетической. Фразеологические новообразования с определенной долей условности можно распределить по соответствующим тематическим рубрикам. Новые социально-экономические явления обозначаются устойчивыми словосочетаниями *социалистическая кооперация, кооперативное движение, семейный подряд, арендный подряд, индивидуально-трудова деятельность* и др.; новые явления в области политики – *новое политическое мышление, народная дипломатия, механизм торможения (социально-экономического развития), прямой телефон* и др.; новации в области искусства – *книги из стола, лежать в столе (о книгах), лежать на полке (о кинофильмах), снять с полки* и др.

Примеры: *Словом, мы в советском руководстве пришли к выводу – и не устаем повторять его – о необходимости нового политического мышления* [М.С. Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – Москва, 1988]. *Образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития* [Там же]. *Кроме официальной дипломатии, есть и народная дипломатия* [ТВ]. *Как ни хороши “круглые столы” своими темами и “прямыми телефонами”, а все их упоминают крайне редко* [ЛГ. – 3 авг. 1988]. *Возьмите кооперативное движение, индивидуально-трудова деятельность – опять-таки мы этим не занимались* [Изв. – 13 янв. 1988]. *Другая причина для беспокойства заключается в том, что не за горами конец публикациям “книг из стола”* [Изв. – 6 дек. 1988]. *Сама Зинаида Михайловна уже перешла на другую работу, а фильм всё лежит на полке* [Изв. – 16 янв. 1989].

Сформировались и устойчивые обороты, дающие общую негативную оценку реальности прошлого: *административно-командная система, сталинский период, хрущёвский период, брежневский период, период застоя, закрытая зона, зона молчания, негативные явления* и др.: *Серьезно помешали этому культ личности, а также сложившаяся в 30-е годы командно-административная система управления* [Изв. – 19 авг. 1988]. *Многие приложили руку к тому, чтобы теоретически обосновать безусловное величие эпохи, которую мы сегодня деликатно именуем периодом застоя* [Изв. – 7 сент. 1988]. *Почему даже в период гласности у нас то тут, то там*

образуются зоны молчания? [ЛГ. – 4 мая 1988]. Осуществляется ряд весьма серьезных мероприятий экономического и политического порядка, которые, естественно, не предусмотрены конституцией, принятой... в условиях, которые ныне определяются как “застойный период” [Изв. – 16 марта 1988]. Долгое время сфера национальных отношений оставалась, по существу, закрытой зоной [Изв. – 23 апр. 1988].

Необходимость более глубокой критики проявлений эрозии революционных, социалистических ценностей, нравственной деградации (коррупции, взяточничества, приписок и т.п.) вызвала к жизни такие оценочные обороты, как *двойная мораль, двойной счёт, телефонное право, пересаживать из кресла в кресло, хлопковые дела, теневая экономика* и др.: *Платим за рецидивы феодально-байского произвола, за протекционизм, коррупцию и взяточничество, за растление души двойной моралью* [ЛГ. – 27 апр. 1988]. *Двойной счёт был тогда нормой: одна правда для узкого круга, для широкого – совершенно другая* [ЛГ. – 18 мая 1988]. *Согласитесь, только они, пожалуй, способны по-настоящему противостоять “телефонному праву”* [Изв. – 16 янв. 1988]. *В худшем случае его могли переместить по горизонтали, пересадив из одного руководящего кресла в другое с тем же окладом и теми же привилегиями* [Изв. – 13 янв. 1988]. *Застойное время рождало не только “теневую экономику”, но и “теневую администрацию”* [Изв. – 16 янв. 1988].

Особый интерес представляет процесс идеологизации значений устойчивых словесных комплексов, нейтральных в идеологическом отношении, которые в современной публицистике приобретают новый смысл. Таковы обороты *называть вещи своими именами, слова расходятся с делами, разрыв между словом и делом, развязать руки, расчищать завалы, открывать двери, ветры надежды, белые пятна истории* и др.: *Для того чтобы безответственность ушла в прошлое, надо взять за правило называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту* [Изв. – 26 февр. 1986]. *И становится очень горько, когда у партийных органов слова расходятся с делами* [ЛГ. – 2 февр. 1988]. *Главным препятствием на пути формирования социалистического общественного сознания лежит преодоление в нашей духовной жизни разрыва между словом и делом* [Изв. – 23 июня 1988]. *Да, теперь руки развязаны. Но что руки? Была бы голова* [ЛГ. – 13 апр. 1988]. *В процессе самооздоровления пришлось поменять две трети всей номенклатуры руководящих работников, расчищать завалы.* [Изв. – 22 апр. 1988]. *А тем временем Никита Хрущев принялся разбирать сталинские культовые завалы* [ЛГ. – 20 апр. 1988]. *Доклад о 70-летию Октября открыл много дверей и ворот ...* [Изв. – 13 янв. 1988]. *Ветры “холодной войны” сменяются ветрами надежды* [Изв. – 23 мая 1988]. *Кстати, всегда удивлялся, почему речь идет о “белых пятнах” истории. Уместнее другое определение – черные ...* [Изв. – 21 дек. 1988].

Образными знаками перестройки становятся слова и выражения из политических докладов М.С. Горбачева, из книг, кинофильмов, спектаклей, посвящённых актуальным социальным проблемам: *больше социализма; дорога, ведущая к храму; дети Арбата; белые одежды; больше света; дальше, дальше, дальше* и др.: *У нас родилась великолепная, по-моему, очень*

гибкая, чёткая формула “больше социализма” [Изв. – 13 янв. 1988]. Отсюда основной лозунг перестройки – “больше социализма” [ЛГ. – 11 мая 1988].

2. Доперестроечную фразеологию можно условно разделить на группы: 1) газетные штампы, клише; 2) устойчивые обороты разного типа.

Первую подгруппу образуют частотные речевые формулы, которые в условиях социальных извращений и коррозии нравственности превращались в асемантические штампы: *горячо поддерживаем и одобряем, принято единогласно, с чувством глубокого удовлетворения, в обстановке высокого патриотического и трудового подъёма, восторженно приветствовать, наряду с отдельными недостатками, руководящие указания, ценные указания, вопрос согласован наверху* и др. В публицистике последнего времени такие ритуальные формулы используются как экспрессивные средства сатиры и гротеска: *Аккуратно удалите прогорклые штампы типа: “с чувством глубокого удовлетворения”, “грандиозные успехи”, “недоперевыполнение плана”, “наряду с отдельными недостатками”, “кое-кто на местах ещё не понимает” ...* [ЛГ. – 26 окт. 1988]. *Тут и газетный штамп, и демагогия: “В обстановке высокого патриотического подъёма...”, “Вся страна приветствует...”, а страна ещё и газету не получала* [ЛГ. – 6 апр. 1988]. *Этот страх трансформировался в “единодушную поддержку”, “законную гордость”, “единогласное избрание”, “достойную отповедь клеветникам”, “чувство глубокого удовлетворения” ...* [ЛГ. – 16 нояб. 1988]. *Это ведь она, теневая администрация, родила пресловутое – “есть мнение”. “Есть мнение” – заворачивало, выбивало аргументы, стирало собственные мнения. Чьё “есть мнение”? Это-то как раз и было под строгим табу* [Изв. – 16 янв. 1988]. *На головы посмеших обнародовать “отдельные мелкие недостатки” обрушивается жёсткий отрезвляющий град “руководящих указаний” со стороны первого секретаря обкома* [Моск. правда. – 15 мая 1988].

Некоторые из подобных штампов в результате намеренной лексикализации превратились в универбы с яркой сатирической окраской: *одобряем и поддерживаем > одобрямс, будет сделано > бусде(лано)*.

Ко второй подгруппе можно отнести устойчивые словосочетания, называющие и оценивающие социальные явления недавнего прошлого:

а) социальные типы того времени: *номенклатурный работник, авторитетный товарищ, свой человек, нужный человек, человек свиты, мохнатая лапа* и др. Примеры: *Со вздохом вспоминаю райкомовские пленумы, на которых вот так же стоял вопрос о пребывании на руководящих постах “авторитетных товарищей”* [Моск. правда. – 15 мая 1988]. *Однако Минвуз и тут встал на защиту, похоже, своего человека* [Изв. – 31 авг. 1988]. *И что греха таить – ещё живут такие “люди свиты”, которые споспешествовали Сталину в создании культа* [ЛГ. – 4 мая 1988]. *Так называемая “мохнатая рука”, которая решает судьбу человека, исходя из своих «мохнатых» интересов ...* [Изв. – 3 апр. 1988];

б) мораль и обычаи бюрократов и обывателей, руководствовавшихся стереотипами массового сознания: *вызывать на ковер, снимать стружку, тянуть наверх, держать в кулаке, закручивать гайки, перекрывать кислород,*

организовать звонок, быть на плаву, выходить на нужного человека, оглядываться на процент, находить красивую цифру и др.: Следователь замолтан ... с него “стружку снимает” начальство [Изв. – 28 янв. 1988]. Несомненно, здесь сказывается выработанная за многие годы у значительной части наших кадров привычка – все “держат в кулаке”, быть во всех делах высшей инстанцией [Изв. – 19 февр. 1988]. Особый язык, изошрённый и уродливый, выдумали чиновники. Это от них пошли фразы: “Позвоню по своим каналам”, “Налажу связь”, “Вызову на ковер” и “Перекрою кислород” [ЛГ. – 27 апр. 1988]. В управленческом лексиконе есть даже специальное понятие – “выйти на нужного человека” [Изв. – 14 апр. 1988]. Десятилетиями приучались “не высовываться”. До сих пор с трибуны говорим одно, в кулуарах – другое [Изв. – 28 июня 1988]. Кто не помнит, как перед пленумом парткома или совещанием раздавались призывы: “Найди красивую цифру!” В поте лица искали, подправляли низкие показатели [Е.А. Ножкин];

в) максимы бюрократов и взяточников, в которых выражены их ценностные ориентиры: *Всякая инициатива наказуема. Хочешь жить – умей вертеться* и др.: С каким бы вопросом ни обращался работник, с любой инициативой, он обязательно наткнется на лес препятствий, выстроенных приказами, инструкциями, традициями. Отсюда и родилась горькая шутка: *всякая инициатива наказуема* [ЛГ. – 20 апр. 1988]. На смену прежним критериям как-то ползуче, вегетативно, от одного к другому, распространялись иные, взятые из кодекса «бобровых воротников»: “Если ты от Иван Иваныча – проходи, дорогой!”, “Чёрный автомобиль – не роскошь, а средство продвижения”, “Локти – не опираться, локти даны толкаться”, “Если влип, дай на лапу”, “Пойманный не вор, если поделиться”... [Там же].

Идеологическое значение фразеологии периода перестройки выражается различными языковыми средствами: логико-понятийным содержанием оборота в целом (*правовое государство, социалистическая кооперация, командно-административная система*), коннотацией, продуцируемой также внутренней формой (образом-представлением, лежащим в основе значения) таких единиц (*расчищать завалы*).

Устойчивые словесные комплексы образуются традиционными для русского фразообразования способами: путем лексикализации словосочетаний, обозначающих актуальные социальные понятия и в силу этого часто используемых в речи (*человеческий фактор, правовое государство*), метафоризации свободных словосочетаний или их отдельных компонентов (*первая оттепель, запретная зона, открывать двери*), метонимизации свободных словосочетаний (*пересаживать из кресла в кресло, вызывать на ковер, лежать на полке*). В отдельных случаях значение фразеологизмов формируется на основе переплетения разных ассоциации – по сходству и по смежности. Например, реконструкция внутренней формы новообразования *мохнатая лапа* в значении ‘тот, кто оказывает протекцию’, обнаруживает два ментальных процесса, протекающих одновременно на негативно окрашенном эмоционально-оценочном фоне: слово *рука* в метонимически переносном значении ‘человек, который имеет власть, может оказать покровительство, содействие кому-либо’, ‘вызва-

ло” на основе ассоциаций по сходству слово *лапа*, в ассоциативном поле которого было найдено слово *мохнатая*, углубившее значение ‘высшая степень признака’ [2, с. 42–53].

Новые фразеологические единицы ярко демонстрируют процессы поиска адекватной языковой формы для сложившихся социальных понятий, процессы приспособления таких единиц, их “притирки” к языковой системе. Эти процессы обнаруживают себя в образовании синонимичных оборотов: *период застоя – эпоха застоя – застойный период*; *запретная зона – закрытая зона – закрытая тема – зона молчания*; *кресло пошатнулось – кресло ускользает*; *двойной счет – двойная арифметика – двойная бухгалтерия* и др. Эффект новизны таких образований на начальных этапах их формирования и функционирования в речи ощущается говорящими и выражается с помощью различных модальных средств (как *говорят, что называется* и др.) и / или кавычек: *Лучшие годы выпали на тяжкий, полный абсурда период, как теперь говорят, застоя* [ЛГ. – 1 мая 1988]. *В этих условиях пыльным цветом расцвела “двойная бухгалтерия”*: официально человек олицетворял одно, а в личной жизни – совсем другое [Изв. – 23 июня 1988].

Дальнейшую судьбу новых фразеологических единиц и их формальных «разночтений» прогнозировать пока рано: часть из них может со временем исчезнуть из языка-речи, часть – специализироваться в смысловом или экспрессивно-стилистическом отношении. О полном принятии новообразований системой языка и узусом могут свидетельствовать и редкие пока случаи их переносного, фигурального употребления: *А поэт гнул свое, писал то, что требовала совесть. Нет для настоящего художника “периода застоя”, но длится он и поныне для тех, от кого зависит выход поэта к читателю* [ЛГ. – 3 авг. 1988].

Не все устойчивые словесные комплексы можно считать удачными по форме и содержанию. Так, словосочетание *человеческий фактор*, выражающее одно из ключевых понятий перестройки и имеющее комплексное значение ‘человек как личность, как решающая сила социального прогресса’, имеет неадекватную этому содержанию форму. Здесь нарушен закон понятийной сочетаемости слов: абстрактное понятие, выражаемое словом *фактор*, не коррелирует с понятием, выражаемым словом *человеческий*: “Сегодня мы, как по мановению волшебной палочки, заговорили о “человеческом факторе”. Это словосочетание пока еще соединяет естественное с неестественным. Оно, по-моему, обозначает нечто ещё не совсем продуманное, не проявленное во времени, окончательно не сформулированное в обществе. До конца века остается около двенадцати лет. Жду, вскорости возникнет человеческое понимание человека – не “фактора”, не “резерва” и не “ресурса”, а того солнца, вокруг которого должны вращаться политика, экономика и всё прочее” (Л. Васильева).

Сложные понятия, выражаемые фразеологическими единицами, формируются преимущественно на основе эмоционально окрашенного образа-представления. Скрытый смысл, продуцируемый переносным употреблением словосочетания в целом или его отдельного компонента, эмоциональные и оце-

ночные компоненты в значении фразеологизмов, образы-ассоциации, вызываемые ими, «улавливаются» как на сознательном, так и на бессознательном уровнях человеческого мышления, формируя особое психическое состояние слушающего (читающего) и обеспечивая тем самым достижение говорящим (пишущим) нужного эффекта: убедить слушающего (читающего), побудить его к определённым действиям и поступкам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Костомаров В.Г.* Перестройка и русский язык // Русская речь. – Москва, 1987. – № 6.
2. *Эмирова А.М.* Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – С. 42–53.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

(Лексикология и фразеология: новый взгляд: Фразеология / Тезисы 2-й всесоюзной конференции. – Москва, 1990. – С. 88–90.)

Возникновение и развитие новых научных направлений, как известно, редко осуществляется путем революционных скачков. Генеральным путем эволюции научного познания является постепенное накопление фактов, развитие теории вширь и вглубь, что сопровождается постоянным, непрерывным перераспределением предметных областей, их пересечением и наложением.

Сегодняшний этап в развитии языкознания характеризуется пристальным интересом к функциональной стороне языка – «языку в действии». Центром, субъектом функционирующего языка (образно выражаясь, солнцем языкового космоса) является думающий, чувствующий, говорящий и понимающий (интерпретирующий текст) человек. Интерес к человеку, познающему мир и определенным образом (речевым или собственно прагматическим, деятельностным) реагирующему на него, привёл в последнее десятилетие к консолидации научных усилий ученых, работающих не только в смежных, но подчас и в несопрягающихся областях знаний. Так, недавно заявлено о формировании когнитивной науки, или *когнитологии*, – комплексной науки о познавательной-мыслительной деятельности человека, о различных процессах усвоения, накопления и использования человеком знаний об окружающем мире, изучаемых лингвистикой, семиотикой, логикой, психологией, философией, информатикой и др.

Лингвистика, ориентированная на исследование системы языка в коммуникативном аспекте, – коммуникативная лингвистика – находится сегодня в стадии формирования, уточнения своей предметной области. Основное внимание исследователей, работающих в русле коммуникативной лингвистики, привлекает преимущественно грамматика языка. И это не случайно, т.к. в наибольшей степени коммуникативно релевантна именно

грамматика (коммуникация осуществляется на уровне высказывания, дискурса). Изучение фразеологии в коммуникативном аспекте – недостающее и потому необходимое сегодня звено коммуникативной лингвистики.

Новый аспект анализа (и соответственно новая предметная область) может быть назван коммуникативной (или функциональной) фразеологией. Коммуникативную фразеологию интересует «человек во фразеологии». В каких коммуникативных условиях и для чего человек использует фразеологические единицы? (Иначе: какие языковые функции выполняют фразеологизмы?). Как происходит формирование мыслительного содержания, характерного именно для фразеологии? Последний вопрос расчленяется на два вопроса: как происходит формирование абсолютно новых фразеологических единиц и как происходит вспоминание (репродукция) уже готовых единиц? Какова специфика фразеологического значения с учётом коммуникативных функций фразеологизмов и логических процессов, лежащих в основе их формирования? Как фразеологизмы включаются говорящим в речь? Как они воспринимаются и интерпретируются слушающим? Как фразеологические единицы соотносятся с объективным миром, т.е. каков объект фразеологической номинации?

Как видно из перечня вопросов, формирование предметной области коммуникативной фразеологии необходимо предполагает обращение не только к собственно лингвистическим категориям, но и к понятиям смежных областей знаний – логики, психологии, социолингвистики, семиотики и др.

Предметная область коммуникативной фразеологии может быть представлена следующими проблемами: 1) специфика фразеологического значения и его структуризация, корреспондирующая с выполняемыми фразеологизмами языковыми функциями; 2) фразеологическая ономазиология (собственно лингвистические и логико-психологические механизмы фразеобразования и воспроизводства в речи готовых единиц, сопровождаемых различного рода трансформациями их формы и содержания); 3) фразеологическая идеография (членение объективной действительности с помощью фразеологических единиц, отражаемое во фразеосемантических полях); 4) функционально-семантические классы фразеологических единиц в коммуникативном аспекте и др. [1].

Анализ фразеологии в коммуникативном аспекте, опирающийся на основные положения психологии порождения и восприятия речи, имеет непосредственный выход в прикладную лингвистику, прежде всего – в практику преподавания фразеологии в русской и нерусской школе, в теорию и практику фразеологии, в культуру речи.

Проблема человеческого фактора, *gesp.* языковой личности [2] в речевой деятельности и в языковой системе – основная проблема коммуникативной лингвистики, в том числе коммуникативной фразеологии, – убедительно сопрягается сегодня с ведущей ролью человека в процессах перестройки социально-экономической и политической жизни нашего общества. И это сопряжение не случайно: оно свидетельствует о том, что коммуникативная лингвистика, необходимой составной частью которой должна стать коммуникативная фразеология, удачно вписывается в новую социально-культурную парадигму, формирующуюся сегодня в нашем обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент, 1988. – 92 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва, 1987. – 263 с.

КРИМСЬКОТАТАРСЬКА МОВА: ПРОБЛЕМИ ІСНУВАННЯ І РОЗВИТКУ

(Журнал “Мовознавство”. – Київ, 1993. – № 2. – С. 38–43.)

Відомі соціальні фактори – депортація кримських татар, відсутність шкіл з татарською мовою навчання у місцях заслання, негласна заборона наукового осмислення кримськотатарської мови – завдали непоправної шкоди самій мові і науці про неї. Кримськотатарська мова практично не вивчена і не описана в категоріях сучасної наукової концепції, існують лише поодинокі праці або згадки (А.Ю. Кримський, О.М. Самойлович, Б.В. Чобанзаде, Г. Дёрфер, Е.В. Севортьян, М.О. Баскаков, А.Н. Кононов, А.М. Меметов, Е.С. Акмоллаєв, С.Р. Ізідінова та ін.), присвячені окремим проблемам кримськотатарської мови. Ось чому виникла настійна потреба в науковому осмисленні, по-перше, системно-структурних особливостей кримськотатарської мови, по-друге, її соціолінгвістичного статусу, по-третє, в розробці прикладних аспектів кримськотатарського мовознавства.

Перший напрям – системно-структурні особливості мови (власне лінгвістичний аспект) – повинен бути спрямований на дослідження з застосуванням сучасного концептуально-термінологічного апарату всіх рівнів мовної системи: фонемного складу, морфеміки, словникового складу, граматичної будови.

Досі відсутні точні дані про кількість і якість фонем кримськотатарської мови. Звичайно називають 8 голосних і 25 приголосних фонем, у тому числі 2 фонемі <ц>, <щ>, що відсутні в кримськотатарській мові і зустрічаються лише в російських та інтернаціональних запозиченнях. Тим часом не відзначається наявність м'яких приголосних <к'> – *кяр* ‘вигода’, <л'> – *селям* ‘привіт’, <т'> – *тюз* ‘рівний’ та ін.; не виявлені різновиди фонем, фонетичні явища, характерні для кримськотатарської мови. Не розроблена типологія складів, не описані особливості інтонаційної системи мови та ін.

У галузі лексикології вимагають дослідження такі лексичні категорії, як полісемія, синонімія, антонімія, паронімія та ін. Не вивчені величезні шари слів, у яких, мов у дзеркалі, відбився повсякденний побут народу, і тих, що вийшли з активного вжитку майже на очах нинішнього покоління. Відторгнення від історичної батьківщини і через це від традиційних форм життєдіяльності (відгінного тваринництва, тютюнництва, садівництва тощо) призвело до „вимивання” з активного словникового складу носіїв мови найменувань традиційних ремесел (*кьалайджы*, *тютюнджи*, *деметчи*), домашнього начиння (*сагьан*, *гугум*), знярядь сільськогосподарської праці (*чана*, *лескер*), що не мали застосування на нових місцях.

Нерозроблені також такі розділи лексикології, як ономастика, неологія,

фразеологія, не існує таких розділів науки про мову, як стилістика, діалектологія, культура мови і мовлення та ін. Відомо, що фразеологія – найхарактерніша, найсокровенніша частина будь-якої мови. Не знати фразеології – не володіти, не знати мови. Ономастика – це не лише чиста теорія, яка цікавить тільки вчених. Її практичні результати потрібні сьогодні в кожній татарській родині. Яке ваше ім'я, яке ім'я дати вашій дитині? Людям завжди цікаво знати, що означають імена. Треба повернути народу благозвучні й позитивні за змістом імена предків, тобто потрібні словники імен. Татарам неоднаково, де вони живуть: у *Білогорську* чи *Карасубазарі*, *Василівці* чи *Ай-Василе*, *Планерському* чи *Коктебелі* (нещодавно Планерському повернули колишнє найменування – *Коктебель*, але не з огляду на татар, а як данину поваги до відомого поета Максиміліана Волошина). Крим переобтяжений знеособленими найменуваннями типу *Первомайське*, *Привітне*, *Ленінське*, *Ароматне* або *Грушівка*, *Ізюмівка* тощо. Питомі найменування максимально насичені у змістовому й асоціативному відношенні: в них історія народу, його звичаї, його вогнища, останки предків. Вони в легендах і піснях народу. Слово вчених повинно бути вирішальним у справі відновлення колишньої топоніміки. В 1991 р. у Криму відбулася загальна наукова конференція з ономастики, яка в своїй резолюції відзначила необхідність відновлення історичної топоніміки Криму.

Практично не вивчені територіальні діалекти і говори кримськотатарської мови. Вони сьогодні перебувають під загрозою зникнення. Депортація, яка зірвала людей з традиційних місць поселення, зруйнувала характерні лексичні, фонетичні і граматичні особливості говірок. Некомпактне, випадкове розселення татар у місцях заслання (селяни одного села потрапляли в різні регіони) в умовах іномовного оточення – російського, узбецького, таджицького, марійського та ін., тенденція до збільшення кількості змішаних шлюбів (між носіями різних мов і різних діалектів самої кримськотатарської мови) спричинили інтенсивне змішування територіальних діалектів і говорів кримськотатарської мови. Сьогоднішня репатріація тільки поглиблює ці процеси, оскільки люди, що повертаються на свою історичну батьківщину, не мають можливості оселитися в колишніх місцях. Елемент випадковості розселення кримських татар, що повернулися, сьогодні такий же високий, як і під час заслання. За цих умов перед ученими стоять невідкладні завдання: поки живі представники старшого покоління – діалектоносії, зібрати серед них різноманітні усні тексти, обробити й описати цей мовний матеріал, укласти діалектні словники. Завтра буде пізно! Для збирання цього матеріалу конче необхідна сучасна портативна апаратура для запису. Потрібні гроші для її придбання. Вчені розуміють, що за сучасних умов першочергове завдання – це житло, але науку не можна відкладати на завтра, бо майбутнє народу залежить від його наукового, ширше – культурного потенціалу. Годі говорити й про лексикографію: немає ні тлумачного, ні етимологічного, фразеологічного, ономастичного й інших подібних словників.

Предметом особливого вивчення має стати кримськотатарська літературна

мова. Функціонально-стилістична система її неповноцінна: з відомих соціально-політичних причин стилі кримськотатарської, як-от науковий, офіційно-діловий, розмовний, ораторський та ін., не одержали розвитку. (Усна форма спілкування здійснюється переважно на говірковому рівні). Літературна мова, особливо її газетно-публіцистичний варіант, постійно зазнає дуже сильного впливу російської мови в галузі лексики, фразеології і граматики. Зростає кількість не завжди необхідних і виправданих запозичень – суспільно-політичних термінів і номенклатури різних галузей знання і виробництва, особливо при наявності їхніх кримськотатарських еквівалентів. Пор. *конституция – эсас кьанун, республика – джумхуриет, гражданин – ветандаш, проблема – меселе, революция – инкьыляп, звено – болюм, орден – нишан* та ін. Тексти рясніють кальками, лексичними і фразеологічними, що штучно подовжують слова і порушують властиві татарській мові закони дистрибуції звуків: *идеаллаштырув – идеализация, кьоркьубильмезлик – бесстрашие, демократиялаштырув – демократизация, кьветлендириллов – усиление* та ін., або пор. фразеологічні кальки: *белые пятна – акь лекелер, не стоит и гроша – кьыймети бир капик биле олмамакъ, быть в центре внимания – дикькьат меркезинде олмакъ* та ін. Захоплення фразеологічним калькуванням замість пошуків кримськотатарських аналогів та еквівалентів призводить до появи мовних покручів, яким не властива прагматична сила співвідносних з ними російських ідіом.

Треба визнати, що літературна мова сьогодні активно поповнюється діалектними одиницями. Це об'єктивний процес, і ставати йому на перешкоді, тобто триматися пуристичних позицій, тільки на шкоду мові. В умовах активного змішування кримськотатарських діалектів і говорів, що відбувалося в місцях заслання і спостерігається зараз у Криму, слід толерантніше ставитися до процесів, що відбуваються в літературній мові, й оперативно вивчати їх.

Усі ці проблеми і співвідносні їм категорії кримськотатарської мови можуть вивчатися в двох аспектах: у синхронії і діахронії. Отже, доведеться виконати величезну наукову роботу, що не під силу окремим ученим, потрібні зусилля багатьох наукових колективів. На нашу думку, така програма могла б виявитися частиною наукової програми одного з можливих підрозділів відкритого недавно Кримського відділення АН України – наукового інституту мови і літератури.

Соціолінгвістичний аспект вивчення кримськотатарської мови полягає у визначенні соціальних функцій мови і перспектив розширення їх діапазону: необхідно виявити тип кримськотатарсько-російської двомовності і накреслити шляхи її гармонізації; схарактеризувати явища інтерференції на всіх рівнях системи мови, зумовлені її взаємодією з іншими мовами народів нашої країни – російською, узбецькою, українською та ін.

Ще донедавна вважалося в офіційній ідеології, що національне питання у нас розв'язане цілком і остаточно і що міжмовні стосунки слід характеризувати як гармонійну двомовність. Такі нав'язані згори настанови не сприяли глибокому вивченню мовної ситуації у різних регіонах країни. Вчені досить часто обмежувались порожніми деклараціями, підкріпленими статистичними

даними про зростання кількості людей, що вільно володіють російською мовою як „другою рідною”. Часто спостерігалася чистісінька фальсифікація, коли бажане видавалося за дійсне.

Взаємозв'язки між мовами в різних регіонах світу і в різних соціально-політичних умовах можуть реалізуватися в різних формах. У зарубіжній соціолінгвістиці розрізняють три види двомовності: 1) рівнофункціональна (усі мови на території країни мають однаковий статус і можуть використовуватися мовцями в усіх функціях); нефункціональна (мови мають однаковий статус, але функціонують на різних територіях і тому не „суперничають” одна з одною); різнофункціональна двомовність, коли мови, що функціонують на одній території, мають різний „набір” соціальних функцій. Перші два типи двомовності не викликають соціального напруження, третій – джерело взаємної недовіри. Різнофункціональна двомовність спричиняє поступове скорочення кількості носіїв тих мов, що мають звужені функції.

Кримськотатарсько-російська двомовність, безперечно, – двомовність третього типу; кримськотатарська мова використовується тільки в побуті, художній літературі, публіцистиці. Говорити про її функціонування в галузі народної освіти, а тим більше в галузі науки, передчасно. Такий статус мови є наслідком майже піввікової дискримінаційної політики, яка проводилася щодо кримських татар. Уже не одне покоління погано, недосконало володіє рідною мовою. Причиною цього були різні фактори, що діяли окремо і в поєднанні: дисперсне розселення в місцях заслання, відсутність навчання рідної мови в школі, іномовне оточення, зростання кількості мішаних шлюбів, в яких спілкування здійснювалося і здійснюється російською мовою, відірваність від культурних джерел свого народу тощо. На сьогодні немає достовірних даних ні про загальну кількість кримських татар у нашій країні, ні про кількість людей, які визнають рідною кримськотатарську мову. Як відомо, останній перепис населення не відбивав таких даних через те, що кримські татари фіксувалися в загальній графі – татари.

Гармонійна двомовність може бути забезпечена лише на основі вільного володіння рідною мовою і – паралельно з цим – на основі розширення її соціальних функцій. Як ми розуміємо, в Криму сьогодні таких умов для кримськотатарської мови ще не існує, хоча деякі зрушення в цьому напрямі вже помітні. Надання кримськотатарській мові, поряд з російською та українською, статусу державної мови, що знайшло відбиття в недавно прийнятій Конституції Республіки Крим, все ще залишається красивою декларацією, не забезпеченою реальними умовами її функціонування.

Обидва напрями – лінгвістичний і соціолінгвістичний – тісно пов'язані з прикладними аспектами кримськотатарського мовознавства. Перед ученими стоїть завдання насамперед розробити концепцію освіти кримських татар в умовах відродження етносу і його культури, переведення письма на латинізовану основу.

Послідовне переведення кримськотатарського письма з арабської основи на латинську (1929 р.), а згодом на кирилицю (1938 р.) багато в

чому мотивувалося необхідністю адекватного відбиття на письмі звукового (фонемного) складу мови. Однак основним рушієм попередніх реформ були соціально-політичні фактори. Озираючись назад, у кінець 30-х років, сьогодні можна відкрито говорити про те, що поспіх у переведенні письма тюркомовних та інших малих народів з латинки на кирилицю (нові алфавіти були розроблені і втілені в практику протягом трьох років – 1938–1940) диктувався геополітичними планами тоталітарного режиму, одержимого ідеєю нівелювання національних культур та їх якнайшвидшого злиття в єдину комуністичну культуру.

Що ж сьогодні спонукає деякі тюркомовні народи колишнього СРСР перейти на латинізований алфавіт? Декларується звичайно одна причина – недосконалість існуючих графічних систем, заснованих на кирилиці, їх нездатність адекватно передати специфіку фонемного складу тюркських та інших (наприклад, чеченської) мов. Це факт загальновідомий, і проблема в цьому плані не раз обговорювалася вченими⁶³. В цьому розумінні реформа письма, безперечно, є насамперед величезної важливості науковою проблемою. Слід визнати, однак, що це й визначна політична акція. (Проте так було завжди: згадати хоча б реформу Петра I, реформу російської графіки 1918 р.). Можна допустити навіть, що сьогодні це своєрідна реакція відторгнення від тоталітарного режиму, репрезентантом якого так довго виступала, на жаль, кирилиця. Це не означає зовсім відчуження від великої російської культури, в середовищі якої вихована значна частина татарської інтелігенції.

Політична ситуація сьогодні наче підганяє вчених у питанні переведення кримськотатарського письма на латинську основу. І слід скористатися цими умовами, щоб удосконалити кримськотатарський алфавіт. Однак треба пам'ятати, що поспішати тут не можна, щоб не повторити помилок, допущених при переході на кирилицю. Доречно згадати про Перший тюркологічний з'їзд у Баку в 1926 р., на якому було вирішене питання про перехід на латинізований алфавіт усіх тюркомовних народів. Тоді було створено єдиний координаційний центр, в якому працювали визначні спеціалісти з мов народів СРСР. Був розроблений зведений латинізований алфавіт для всіх тюркських мов. У ньому було 39 знаків, з яких кожна тюркська мова повинна була відібрати одні й ті самі знаки для позначення спільних звуків і додаткові знаки – для специфічних звуків, характерних для окремої мови. Як бачимо, при переході на латинку було дотримано наукового підходу – адекватного відбиття фонемного складу мови у графічній системі і позначення однакових фонем у різних мовах однаковими знаками. На жаль, наступна реформа – перехід на кирилицю, що проводилася поспіхом й ізольовано в кожній республіці, не врахувала позитивного досвіду попередньої реформи, що привело до різкого збільшення загальної кількості знаків у зведеному кириличному алфавіті (74 знаки замість 39), внаслідок чого виник різнобій у позначенні ідентичних звуків у різних мовах. Наприклад,

⁶³ *Баскаков Н.А.* О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских народов СССР // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских народов СССР. – Москва, 1972. – С. 5–28.

одні й ті самі звуки в кримськотатарській та узбецькій мовах позначаються різними знаками: відповідно къ – қ, гъ – ғ та ін.

Отже, сьогодні першим кроком у проведенні нової реформи письма повинно бути створення єдиного координаційного центру, членами якого мають бути відомі спеціалісти-фонологи, а також спеціалісти в галузі комп'ютерної інженерії. Концепція переведення письма на латинізований алфавіт повинна ґрунтуватися на таких головних принципах: 1) адекватне відбиття фонемного складу мови; 2) однозначенна відповідність між однаковими фонемами в різних мовах та їх літерними позначеннями; 3) орієнтація на можливості комп'ютерної техніки, якій належить майбутнє у видавничій справі. Щодо зведеного, уніфікованого алфавіту можна скористатися, як стартовим банком даних, уніфікованим латинізованим алфавітом (39 знаків), розробленим наприкінці 20-х років. Слід узяти до уваги і рекомендації двох міжнародних конференцій, проведених у Туреччині в листопаді 1991 р. (Стамбул) і в травні 1992 р. (Анкара). Запропонований зведений алфавіт для всіх тюркських мов складається з 34 знаків: крім 29 літер турецького алфавіту, запропоновано 5 знаків для специфічних фонем інших тюркських мов: х, ђ, қ, w, ґ (һ). Ці ж проблеми обговорювалися на Міжнародному тюркологічному симпозиумі в Казані 9–14 червня 1992 р.

17–20 червня 1992 р. в Сімферополі за ініціативою кримськотатарського Меджлісу та Інституту сходознавства АН України відбулася міжнародна конференція, присвячена проблемам переходу кримськотатарського письма на латинізовану основу. На конференції виступили з доповідями вчені з різних регіонів СНД і зарубіжних країн (Польщі, Угорщини, Туреччини, Норвегії, Англії). Була створена орфографічна комісія, яка зайнялася розробкою нового алфавіту. Комісія вже представила прийнятний варіант алфавіту з 31 знака. Зрозуміло, що новий алфавіт не буде відразу запроваджено в практику. Найближчим часом необхідно провести наукову експертизу нового алфавіту у міжнародному координаційному центрі, для того щоб запобігти графічному різнобою у передачі однакових звуків у різних тюркських мовах. Слід також підготувати поліграфічну базу, перекваліфікувати велику армію викладачів кримськотатарської мови, створити нові навчальні посібники для середньої і вищої шкіл.

На закінчення слід особливо підкреслити, що розв'язання всіх цих завдань вимагає створення необхідних консолідуючих наукових структур типу наукових інститутів мови і літератури, особливого підрозділу в Кримському відділенні АН України певних структур, а також достатнього фінансування. Розв'язання цих проблем тісно пов'язане і з об'єднанням зусиль усіх кримськотатарських учених.

КРИМСЬКОТАТАРСЬКА МОВА: СУЧАСНІ ПРОБЛЕМИ ФУНКЦІОНУВАННЯ

(Журнал “Мовознавство”. – Київ, 1994. – № 6. – С. 60–63.)

Поява на лінгвістичній карті України в останні роки нового компонента – кримськотатарської мови – пов'язана з поверненням на батьківщину кримських татар, основна маса яких (близько 70%) жила в Узбекистані. Майже піввікова дискримінаційна політика, яка проводилася тоталітарним режимом щодо кримських татар, завдала величезної шкоди кримськотатарській мові. Насамперед це відбилося на соціальному статусі мови. Як відомо, до депортації кримськотатарська мова використовувалася не лише в побуті, а й у школі – початковій, середній і вищій, на радіо, в діловодстві, юриспруденції, науці, публіцистиці та в художній літературі. В умовах вигнання мова виконувала тільки одну функцію – засобу спілкування в сім'ї – у формі давніх кримськотатарських діалектів і говорів.

Як відомо, виживання й наступний розвиток мови забезпечуються її використанням передусім у трьох сферах: у побуті, навчанні та в громадському житті. В умовах вигнання тільки в 1965 р. учні 3–10 класів із кримських татар одержали можливість вивчати рідну мову 2 години на тиждень. У 1986–1987 навчальному році, наприклад, у 40 школах Узбекистану рідної мови навчалось близько 5 тис. учнів кримськотатарської національності. Викладання здійснювали 45 учителів, з них лише половина були спеціалістами, які закінчили відділення кримськотатарської мови і літератури Ташкентського педагогічного інституту ім. Нізамі.

В умовах вигнання активно і цілеспрямовано формувалася кримськотатарсько-російська двомовність. Офіційна ідеологія розглядала ці процеси тільки в позитивному плані, як торжество ленінської національної політики, в руслі якої всі національні мови в СРСР нібито гармонійно розвивалися й збагачувалися. У зарубіжній соціолінгвістиці, однак, було давно розроблено типологію двомовності, якою наші вчені ніколи не користувалися стосовно до мовної ситуації в СРСР: рівнофункціональна, нефункціональна і різнофункціональна двомовність⁶⁴. Кримськотатарсько-російська двомовність, безумовно, належить до третього типу. За свідченням учених, саме різнофункціональна двомовність є постійним джерелом соціальної напруженості. Кримськотатарська мова використовується сьогодні переважно у побуті, набагато менше – в публіцистиці й художній літературі⁶⁵. Говорити

⁶⁴ *Русановский В.М.* О состоянии и перспективах развития языкознания и подготовки научных кадров на Украине: Доклад на совещании руководителей специализированных советов по языкознанию // Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. – Москва, 1990. – № 5. – С. 25.

⁶⁵ У доповіді норвезького вченого Альфа Граннеса, присвяченій переведенню кримськотатарського письма на латинську основу (17–20 червня 1992 р., м. Сімферополь), було зроблено досить інформативний кількісний і якісний аналіз бібліографії радянської художньої літератури кримськотатарською мовою, виданої у 1958–1991 рр. Наведені дослідником статистичні дані красномовно свідчать про дискримінаційну політику тоталітарного режиму щодо кримських татар у видавничій сфері. (Граннес А.

про її функціонування в галузі народної освіти і науки ще рано.

Такий неповноцінний соціальний статус кримськотатарської мови мав негативні наслідки у двох напрямках: 1) відбулися серйозні руйнівні процеси в самій системі кримськотатарської мови і 2) перестало розвиватися кримськотатарське мовознавство через те, що було заборонено наукове дослідження кримськотатарської мови.

Шкода, заподіяна кримськотатарській мові, найпомітніша у сфері лексики як наймобільнішої ділянки мовної системи, що оперативно реагує на новації в соціальній сфері. Тут відбувалися два різноспрямованих процеси, однаково руйнівних для мови: 1) „вимивалися” з активного словника носіїв мови слова на позначення офіційно-ділових, суспільно-політичних та наукових понять (*васийлик* – ‘опікунство’, *векялет* – ‘повноваження’, *тасфіе* – ‘ліквідація’, *мукъавеле* – ‘договір’ та ін.), а також групи слів, пов’язаних із традиційними формами життєдіяльності кримських татар (тютюнництвом, виноградарством, підгінним тваринництвом та ін.: *демет* – ‘зв’язка, пучок’, *деметлемек* – ‘складати тютюнове листя купками’, *тютюнджи* – ‘тютюновод’, *лескер* – ‘особливий вид лопати’, *чапа* – ‘мотика’ та ін.); 2) максимально активізувався приплив росізмів і – через посередництво російської мови – інтернаціональних слів, які витісняли питомо тюркські й арабсько-іранські елементи (пор. *рес-публика* – за наявності *джумхуриет*, *проблема* – *меселе*, *революция* – *инкъильяп*, *орден* – *нишан* та ін.). Слід відзначити, однак, що останнім часом у мові преси спостерігаються процеси, які являють собою несміливі спроби перешкодити припливу русизмів у кримськотатарську мову: вводяться у вжиток застарілі слова кримськотатарської мови або спільнотюркські корені, частіше виконується калькування як спосіб запозичення. Пор. послідовне заміщення у публіцистичних текстах власне запозичень (*Верховный Совет*, *Совет Министров*, *Министрлер Совети*) напівкальками (*Юкъары Совети*) і повними кальками (*Юкъары Шурасы*, *Назирлер Шурасы*).

Набагато більшої шкоди мові завдають „вкраплення”, тобто російські слова, словосполучення і цілі речення, які вводяться в усне мовлення без потреби, за наявності кримськотатарських еквівалентів: *Сен почему-то догъру саймадынъ. Мени позорлашма. Менде бугунъ день рождения оладжакъ. Вообщето говоря, о бугунъ келе* (молодіжна лексика); *Не къадар адам вар, эписи беклейлер, все. Тысячи людей тюркского мира... Бутюн дюнъядан тюркleri пригласим оттуда... Бу неме акъкъында, об отношении Крыма к Украине* (мовлення татарина середнього віку з вищою гуманітарною освітою).

Поряд із самостійними словами в татарське мовлення дуже часто вставляються і різні службові слова: *Даже радио «Свобода» ону деди. Докладым язълмыш, но мен ону окъумайджам. А Чобан-заде онда иштиракъ этерди. И бугунъ биз ону халк меркези япмакъ керекмиз. Но бугунъ координационный советин азалары ёкъ эди. Мен айтайым да, чтобы сиз бильсениз. Сиз анъладыниз, что о дува гечмез. Только мен ону истейим та*

Опыт библиографии советской художественной литературы на крымскотатарском языке с первых изданий в ссылке до конца советского периода (1957–1991). – Норвегия-Берген, 1994. – 27 с.).

ін. Російські вставні слова і словосполучення також досить часто вводяться в кримськотатарське мовлення. *Короче, мен разы дегилим. Так, мен бойле япаджам. Значит, группалара распределять этерим. Понимаете, контроль керек. Вообще-то, айтмайлар, чунки эки-уч бинь надо платить* та ін.

Постійні переключення з татарської мови на російську і навпаки досить характерні для усного мовлення не лише молоді, а й представників середнього і навіть старшого покоління. Зібраний мовний матеріал поки що не дозволяє зробити якихось обґрунтованих, конкретних висновків щодо причин описаного вище феномена. Можна припустити, що вкраплення російських елементів – як самостійних, так і службових – зумовлені насамперед бідністю татарського лексикону мовця, його обмеженим словниковим запасом, більшими експресивними можливостями російських одиниць порівняно з еквівалентними за значенням і функціям кримськотатарськими. У деяких випадках може діяти й універсальний закон економії мовленнєвих зусиль, особливо в галузі службових слів і синтаксису: російські одиниці можуть бути коротшими, ніж такі самі татарські (проте може бути і навпаки), пор. рос. *а, но* – тат. *амма, лякин* та ін.

Щодо кримськотатарської мови як об'єкта наукового дослідження можна з упевненістю стверджувати, що вона досліджена досить фрагментарно. Найвні праці присвячені частковим проблемам кримськотатарської мови (А.М. Меметов, Е.С. Акмоллаєв, С.Р. Ізідінова), інші стали бібліографічною рідкістю (А.Н. Самойлович, А. Іслямов, Е. Куртмоллаєв) або недоступні читачеві через графічне оформлення (Б.В. Чобанзаде, А.Ю. Кримський та ін.).

Чекають свого дослідження – із застосуванням сучасного концептуально-термінологічного апарата – такі галузі кримськотатарського мовознавства, як фонологія, фонетика, граматики, лексикологія, фразеологія, лексикографія та ін. в їх синхронічному і діахронічному аспектах. Попереду велика наукова робота, яка не під силу вченим-одинакам; потрібні зусилля цілих колективів, наприклад, НДІ кримськотатарської мови і літератури, який, незважаючи на відповідну постанову НАН України, досі не сформований.

Могутнім фактором розвитку мови і науки про неї є, як відомо, письмо (графіка). Кримськотатарське письмо протягом останніх 60 років реформувалося двічі: у 1929 р. арабське письмо було замінено латинським, а останнє в 1938 р. – кириличним. Відомо також, що ці реформи були викликані не стільки науковими міркуваннями (адекватне відображення фонемного складу в графіці), скільки геополітичними планами тоталітарного режиму з його ідеєю нівелювання національних культур та їх скорішого злиття в єдину комуністичну культуру.

У червні 1992 р. в Сімферополі за ініціативою Меджлісу кримськотатарського народу та Інституту сходознавства НАН України було проведено міжнародну наукову конференцію, присвячену проблемі переведення кримськотатарського письма на латинку. Орфографічною комісією, до складу якої входили вчені з України, Польщі, Угорщини, Турції та ін., було розроблено і прийнято новий алфавіт, здатний, на думку вчених, адекватніше передати специфіку фоноло-

гічної системи кримськотатарської мови. Очевидно, що сьогодні, коли відбувається відродження кримськотатарської культури, зокрема й народної освіти, потрібні негайні реформи письма.

Мовна політика завжди була важливою частиною національної політики в будь-якій багатонаціональній державі. Для налагодження співробітництва між народами, що живуть у Криму, слід розробити методи і форми мовної політики в Криму. Мовне будівництво може здійснюватися двома шляхами: в руслі мовного законодавства і через діяльність різних громадських і приватних організацій. Кримськотатарська мова більш ніж будь-яка інша в колишньому СРСР має потребу в захисті, оскільки вона зазнала найтривалішої дискримінації. Записане в шостій статті Конституції Республіки Крим положення про надання кримськотатарській мові поряд з українською та російською статусу державної залишається голою декларацією, яка не підкріплена реальними умовами функціонування цієї мови. Постає необхідність видання системи указів, які б реалізували цю статтю Конституції і сприяли розширенню соціальних функцій кримськотатарської мови. Йдеться, зокрема, про виділення в шкільній програмі обґрунтованого з науково-методичної точки зору максимуму годин на вивчення кримськотатарської мови і літератури; про обов'язкове відкриття шкіл з кримськотатарською мовою навчання у місцях компактного проживання татар; про використання кримськотатарської мови в судах, нотаріатах, відділеннях міліції, що є можливим за умови оволодіння співробітниками цих установ кримськотатарською мовою; про збільшення ефірного часу для передач кримськотатарською мовою на радіо й телебаченні та ін. При виконавчих органах слід створити спеціальні комісії із захисту кримськотатарської мови, які повинні займатися реальною роботою в цьому напрямі.

Розгляд проблеми функціонування і розвитку мови, крім суто лінгвістичного й соціологічного, вимагає врахування також психологічного фактора. Введення у повсякденне життя кримчан кримськотатарської мови у вигляді „наочної агітації” – вивісок, оголошень тощо – може за дуже короткий час створити в Криму позитивний щодо кримських татар психологічний простір, який сприятиме стабілізації міжнародної обстановки в регіоні. В свідомості кримчан, у яких десятиліттями виховувалось вороже ставлення до кримських татар, створюватиметься нова психологічна настанова, спрямована на коректну поведінку щодо корінних жителів півострова. Слід також створити умови найбільшого сприяння, зокрема й фінансового, роботі театрів, музеїв, приватних шкіл тощо.

Мовне законодавство має здійснюватися вищим органом влади, у данному випадку – Верховною Радою Криму. А які закони на користь міноритарної кримськотатарської мови може приймати Верховна Рада, у складі якої досі не було кримських татар? За результатами виборів у Верховну Раду Криму, що відбулися 27 березня і 10 квітня цього року, з 94 депутатів лише 14 є кримськими татарами. Чи зможуть вони добитися розв'язання кола питань, пов'язаних із відновленням прав кримських татар, у тому числі і в сфері мовного будівництва, покаже час.

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Проблемы возрождения и развития школ с обучением на государственных языках Крыма: Тезисы республиканской конференции. Симферополь, 21–22 янв. 1995. – Симферополь, 1995. – С. 12–13.)

Термин “языковая компетенция” используется в современной науке (психолингвистике) в разных значениях: как знания человека о языке (знание языковых единиц разных уровней, правил их изменения, сочетания друг с другом и др.) и как владение языком (использование этих знаний в процессах общения). Последнее поэтому часто называют также коммуникативной компетенцией.

Языковая, или коммуникативная, компетенция человека характеризуется через смежные понятия – языкового сознания и языковой личности, которые в свою очередь трактуются в науке неоднозначно. В данной статье эти термины используются в следующих значениях: языковое сознание – это способность человека формировать, хранить и перерабатывать языковые знаки в соответствии с выражаемыми ими значениями, правилами их изменения и сочетания друг с другом в предложении [4, с. 49]; языковая личность – это человек, обладающий способностями к речевой деятельности, т.е. способный производить речь, воспринимать и понимать ее. Языковая личность и, следовательно, её коммуникативная компетенция могут быть охарактеризованы в различных параметрах и аспектах, из которых наиболее явными, так сказать, “поверхностными”, являются порождение речи (говорение, письмо), восприятие речи (аудирование, т.е. восприятие на слух) и чтение. Последние две способности человека (аудирование и чтение) базируются на ментальных процессах интерпретации, понимании звуковых и графических языковых сигналов, воспринимаемых слуховыми и зрительными рецепторами.

Языковая компетенция крымских татар имеет следующую параметризацию (параметры языковой компетенции ниже располагаются в порядке убывания количества носителей языка, обладающих указанными параметрами): понимание речи, воспринимаемой на слух; говорение; понимание речи, воспринимаемой в письменной форме; чтение и письмо⁶⁶. Несмотря на различие говоров и наречий, которыми крымские татары пользуются в быту (это различные варианты кыпчакских и огузских языков), они понимают речь друг друга, так как опираются как на активный, так и на пассивный словарные запасы. Однако продуцирование речи (говорение) требует от них активного владения словарным составом и грамматикой, что в условиях русского языкового окружения, школьного и вузовского образования на русском языке, а также в практике общения в смешанных семьях не культивировалось. Что же касается

⁶⁶ В связи с отсутствием каких-либо статистических данных, иллюстрирующий данные явления, автор здесь и далее опирается на собственный языковой и жизненный опыт, на свои наблюдения и обобщения.

восприятия письменной речи, чтения и письма, то эти способности представителей новых поколений крымских татар, родившихся в условиях ссылки, вообще не развивались.

Известно, что в течение почти полувека советский тоталитарный режим проводил по отношению к крымским татарам политику насильственной русификации. Все социальные функции крымскотатарского языка, кроме одной (средство общения в семье) были отсечены актом депортации: отсутствовали школы с крымскотатарским языком обучения, не было передач на радио и телевидении, не издавались газеты и журналы и др. В таких дискриминационных условиях целенаправленно формировалось двуязычие, основными компонентами которого были крымскотатарский и русский языки, реже – крымскотатарский и узбекский, крымскотатарский и таджикский и др. По данным социологического измерения (опроса), проведенного в августе – сентябре 1997 г. в рамках проекта Центра технического сотрудничества Международной организации по миграции (ЦТС МОМ), крымские татары в домашних условиях используют русский язык так же часто, как и родной (соответственно 33% и 39,2% респондентов); на узбекском языке в семье говорят лишь 3% респондентов. Однако в общественных местах, на работе и в учебных заведениях на русском языке общаются 64,7%, на крымскотатарском 6,4% респондентов [3, с. 94].

В связи с социологическими измерениями, в том числе и с социолингвистическими опросами, встает вопрос о сущности феномена, называемого “родной язык”. Респонденты затрудняются ответить на вопрос: Какой язык Вы считаете родным? Можно встретить ответ: Родным языком не владею. В социолингвистике и психолингвистике советского периода было распространено такое определение: родной язык – это язык, на котором человек мыслит. Эта дефиниция обслуживала во многом коммунистическую идеологию, которая процессы русификации малых народов, утери ими национальной самобытности преподносила в качестве высочайшего достижения пресловутой “ленинской национальной политики”. Вспомним в этой связи идиологему “советский народ”, которой в пропагандистских целях активно пользовались советские политологи и обществоведы.

Следует признать, что в социо- и психолингвистике сегодня отсутствуют чёткие, непротиворечивые определения понятия “родной язык”. Учёные предпочитают говорить о “первом языке” (Я1), “втором языке” (Я2), “языке повседневного общения” (ЯПО) и др. Это объясняется чрезвычайной сложностью самих социально-языковых реалий. Известно, что “хронологически” второй язык может вытеснить первый и стать языком повседневного общения или сосуществовать с ним, выполняя те же функции, т.е. стать как бы вторым родным языком. По мнению ученых, наиболее корректной сегодня представляется следующая формула: родной язык – это язык матери, язык своей национальности либо иной язык, определяемый в качестве такового самим человеком [2].

По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1) симметричные билингвы, в одинаковой мере

свободно пользующиеся во всех общественных сферах родным и русским языками; 2) асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3) асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориального диалекта) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и 3-я группы ограничены в количественном отношении. В 1-ю группу входят преподаватели-филологи, писатели, журналисты; в 3-ю – люди пожилого возраста с низким уровнем образования. Наиболее многочисленна 2-я группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: 1) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); 2) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русских школах (говорят только на родном языке).

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. Речь говорящих изобилует лексическими и фразеологическими “вкраплениями” и разного рода кальками (словообразовательными, синтаксическими, фразеологическими) из русского языка. В данном случае речь идет не о безэквивалентной лексике типа *телефон, такси, диссертация* и т.п., а о единицах, имеющих понятийные эквиваленты в крымскотатарском языке: *революция – инкъильяп, рюмка – къаде, кружка – меширебе* и др. Особенно часто вставляются в крымскотатарскую речь служебные и модальные слова и словосочетания русского языка: *а, но, ну, даже, разве, короче, по-моему, вообще, потому что, чтобы* и др. Примеры: *Только мен онъы кормедим. Но бугунь кимсе кельмедим. Даже керек олса да бармам. А средствосы ёкъ эди. Мен айтарым да, чтобы сиз бильсенъиз. Давайте, кадрлары изучить зтейик. Ну, не япмалы. Сиз анладынгъыз, что о керек шей дегиль.* Очень часто используются разного рода кальки, т.е. буквальные переводы русских слов и оборотов на крымскотатарский язык: *эписинден биринджи (прежде всего), кунь тертиби (новостка дня), иш адамлары (деловые люди), тегерек стол, тегерек маса (круглый стол), большевиклернинъ къанлы къыйма машинасы (кровавая мясорубка большевиков), кениш къуланмакъ (широко пользоваться), сьджакъ къаршыламакъ (горячо встретить)* и др. (Примеры взяты из речи представителей 1-й и 2-й социальных групп.)

Каковы же пути и способы возрождения крымскотатарского языка и, следовательно, достижения крымскими татарами полной языковой компетенции, т.е. овладения родным языком на всех уровнях его использования (говорения, понимания, чтения и письма)?

1. Расширение сети детских дошкольных учреждений и школ с родным языком обучения. Здесь возможны варианты: обучение и воспитание на родном языке во всех звеньях школы; обучение на родном языке лишь в начальной школе, а в последующих классах – на русском или украинском языках и др. Первый вариант обучения сегодня не может быть реализован в связи с отсутствием преподавательских кадров и учебно-методической литературы по всем учебным дисциплинам, кроме крымскотатарского языка и литературы.

2. Преподавание крымскотатарского языка, как языка коренного народа Крыма, в качестве обязательного учебного предмета во всех школах Крыма, независимо от языка обучения и воспитания. (Так было в Крыму до депортации крымских татар.)

3. Расширение издательской базы на крымскотатарском языке. Издание большого количества не только учебной, но и качественной художественной литературы, в том числе и переводной, для детей и юношества.

4. Создание перманентной языковой среды за счет увеличения эфирного времени на радио и телевидении, что предполагает сплошную электрификацию и радиофикацию мест компактного проживания крымских татар.

5. Увеличение числа газет и журналов, издаваемых на крымскотатарском языке, и публикация в них, из номера в номер, русско-крымскотатарских мини-словарей и всякого рода занимательного материала (загадок, кроссвордов, чайнвордов и т.п.).

Думается, ряд этот можно продолжить.

Я с оптимизмом смотрю в будущее. Через одно-два поколения (40–50 лет) крымскотатарский язык займёт свое законное место в многоцветье языков Крыма, как язык коренного народа. Основанием для такого оптимизма является практика крымскотатарского языкового строительства, которая наблюдается в Крыму в последнее десятилетие: создана и активно работает ассоциация преподавателей крымскотатарского языка и литературы “Маарифчи”; проводятся научно-практические конференции, круглые столы и методические семинары, посвящённые проблемам возрождения крымскотатарского языка, оптимизации его преподавания в средней и высшей школе; открываются новые школы и классы с крымскотатарским языком обучения и воспитания; в Министерстве образования АРК появилась новая структурная единица – управление образования на крымскотатарском языке и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – Москва: Изд-во РГТУ, 1999. – 382 с.
2. *Регушевський С.* До розуміння поняття “рідна мова” // Проблеми языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Сб. докладов международной научно-практической конференции. – Киев: УНВЦ “Рідна мова”. – 1999. – С. 10–13.
3. Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан. – Сентябрь 1998. – Киев, 1998. – 100 с.
4. Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 30 мая–2 июня 1988). – Москва, 1988.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК: ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНОЦИДА

(Крымські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримсько-татарського народу). Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994). – Київ, 1995. – С. 50–53.).

Почти полувековая дискриминационная политика, проводившаяся по отношению к крымским татарам, нанесла огромный ущерб крымскотатарскому языку. Это сказалось прежде всего на его социальном статусе: резко и насильственно были отсечены все социальные функции языка. Известно, что до депортации крымскотатарский язык использовался не только в быту, но и в начальной, средней и высшей школе, в делопроизводстве, юриспруденции, на радио, в науке, публицистике и художественной литературе. В условиях же ссылки язык выполнял лишь одну функцию – средства общения в семье в форме крымских территориальных говоров и наречий.

Известно, что язык отмирает, если он перестает быть средством общения в семье. Но, выполняя только эту функцию, он не только не развивается, но и беднеет, вырождается. Из него выпадают, за невостребованностью в процессах общения, целые пласты слов и специфические грамматические конструкции, свойственные книжной речи. Витальность и дальнейшее развитие языка обеспечиваются его использованием прежде всего в трех сферах: в быту, в преподавании и в общественной жизни. В условиях ссылки только в 1965 г. учащиеся 3–10 классов из крымских татар получили возможность изучать родной язык два часа в неделю (факультативно). В 1986–1987 учебном году в 40 школах Узбекистана родному языку обучалось около 5 тысяч учащихся крымскотатарской национальности. Преподавание велось силами 45 учителей, из которых лишь половина была специалистами, окончившими отделение крымскотатарской филологии Ташкентского педагогического института имени Низами.

В условиях ссылки активно и целенаправленно формировалось крымскотатарско-русское двуязычие. Официальная идеология трактовала эти процессы только в положительном ключе как иллюстрацию торжества ленинской национальной политики, в русле которой все национальные языки в СССР якобы гармонично развивались и обогащались. В зарубежной социолингвистике, однако, давно была разработана типология двуязычия, которой советские учёные никогда не пользовались применительно к языковой ситуации в СССР: равнофункциональное, нефункциональное и разнофункциональное двуязычие. Крымскотатарско-русский билингвизм относится к третьему типу – разнофункциональному. По свидетельству учёных, именно такое двуязычие является постоянным источником социального напряжения. Крымскотатарский язык используется сегодня преимущественно в быту, в гораздо меньшей степени – в публицистике и художественной литературе. Говорить о его полноценном функционировании в сфере народного образования и науки еще рано.

Такой ущербный социальный статус крымскотатарского языка имел отрицательные последствия по двум направлениям: 1) произошли серьезные разрушения в самой его системе, 2) перестало развиваться крымскотатарское языкознание, так как был наложен запрет на научное осмысление языка.

Ущерб, нанесенный системе крымскотатарского языка, особенно заметен в сфере лексики, как таком участке языковой системы, который наиболее мобильно, оперативно реагирует на новации в социальной сфере. Здесь протекали два процесса, одинаково разрушительных для языка: 1) “вымывались” из активного словаря носителей языка большие пласты слов, выражавших официально-деловые и научные понятия, а также группы слов, связанные с традиционными формами жизнедеятельности крымских татар – табаководством, отгонным животноводством, виноградарством и т.д. (*демет, деметчи, тютюнджи, ашлама, лескер, чапа* и др.); 2) максимально активизировался приток русских и, через посредство русского языка, интернациональных слов, которые вытесняли исконно тюркские и арабско-иранские элементы. (Ср.: *джумхуриет – республика, меселе – проблема, инкыляп – революция, нишан – орден* и др.)

Значительный урон языку наносят вкрапления, т.е. русские слова, словосочетания и целые предложения, которые включаются в устную речь без надобности при наличии крымскотатарских эквивалентов: *Сен почему-то догъру саймадынъ. Мени позорлашма. Менде бугун день рождения оладжакъ* и др. Русские вкрапления встречаются не только в речи молодых людей, но и представителей среднего и даже старшего поколений.

Что касается крымскотатарского языка как объекта научного изучения, то здесь со всей определенностью можно сказать, что он исследован весьма фрагментарно. Имеющиеся научные работы посвящены частным проблемам крымскотатарского языка (Меметов А.М., Акмоллаев Э.С., Изидинова С.Р.), иные стали библиографической редкостью (Самойлович А.Е., Ислямов А., Куртмоллаев Э.) или недоступны читателю по причине графического оформления (Крымский А.Е., Чобанзаде Б.В. и др.).

Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как фонология, фонетика, грамматика, лексикология, фразеология, лексикография и др. в синхроническом и диахроническом аспектах. Предстоит огромная научная работа, которая не под силу ученым-одиночкам; нужны усилия целого коллектива, например, НИИ крымскотатарского языка и литературы.

Мощным фактором развития языка и науки о нём является, как известно, письмо (графика). Крымскотатарское письмо в течение последних 70 лет реформировалось трижды: в 1929 г. арабское письмо было заменено латинским, а последнее в 1938 г. – кириллицей. Известно также, что эти реформы диктовались не столько научными соображениями (адекватное отражение фонемного состава языка в графике), сколько геополитическими планами советского тоталитарного режима, одержимого идеей нивелирования национальных культур и их скорейшего слияния в единую коммунистическую культуру.

17–20 июня 1992 г. в Симферополе по инициативе Меджлиса крымскотатарского народа и Института востоковедения АН Украины была проведена международная научная конференция, посвящённая проблеме перевода крымскотатарского письма на латиницу. Орфографической комиссией, в состав которой входили ученые из Крыма, Польши, Венгрии, Турции и др., был разработан и принят новый алфавит, способный, по единодушному мнению учёных, более адекватно передать специфику фонологической системы крымскотатарского языка. Думается, что сегодняшние условия – условия возрождения крымскотатарской культуры, в том числе и народного образования, требуют незамедлительной реформы письма. Крымскотатарская научно-педагогическая общественность ждёт принятия соответствующего решения правительствами Украины и Крыма.

Языковая политика всегда была важнейшей частью национальной политики в любом многонациональном государстве. Если мы хотим наладить сотрудничество между народами, населяющими Крым, пора переходить к реальному языковому обустройству – разработать новую концепцию, методы и формы языковой политики в Крыму. Языковое обустройство может быть проведено в жизнь двумя путями: 1) в русле языкового законодательства и 2) через деятельность различных общественных и частных организаций.

Крымскотатарский язык более чем какой-либо другой в бывшем СССР нуждается в защите, потому что он дольше других функционировал в дискриминационных условиях. Записанное в ст. 6 Конституции Автономной Республики Крым положение о придании крымскотатарскому языку, наряду с русским и украинским, статуса государственного остается голой декларацией, не подкреплённой сегодня реальными условиями его функционирования. Назрела необходимость издать систему указов, реализующих эту статью Конституции и способствующих расширению социальных функций крымскотатарского языка: о выделении в школьной программе обособванного с научно-методической точки зрения максимума часов на изучение крымскотатарского языка и литературы; об обязательном открытии школ с крымскотатарским языком обучения в местах компактного проживания татар; об обязательном анкетировании выпускаемой продукции на всех государственных языках Крыма, в том числе и на крымскотатарском; об использовании крымскотатарского языка в судах, нотариатах, отделениях милиции, что может быть обеспечено при владении им отдельными сотрудниками этих учреждений; указ об увеличении эфирного времени для передач на крымскотатарском языке на радио и телевидении (сегодня это время составляет на радио около шести часов, на телевидении около двух часов в неделю). При исполнительных органах власти следует создать специальные комиссии по защите крымскотатарского языка, которые должны заниматься реальной работой в данном направлении. Проблемы функционирования и развития языка нельзя рассматривать лишь в рамках лингвистики и социологии. Язык не только социальное явление, но и самый мощный психологический феномен. Введение в повседневную жизнь жителей полуострова крымскотатарского языка в форме вывесок, объявлений, рекламных щитов и

пр. может в очень короткий срок создать в Крыму благоприятное в отношении крымских татар психологическое пространство, которое будет способствовать стабилизации межнационального согласия в регионе.

Психология постсоветского человека, к сожалению, всё еще остается ущербной: он продолжает смотреть “наверх” и руководствоваться в своем поведении указаниями “сверху”. В окружении же крымскотатарских текстов у обывателя, даже настроенного против крымских татар (официальная идеология десятилетиями формировала в сознании крымчан “образ врага” – крымского татарина), будет складываться новая психологическая установка, направленная на корректное поведение по отношению к крымским татарам. Следует также создать условия наибольшего благопритствования, в том числе и финансового, для деятельности таких крымскотатарских учреждений, как театры, музеи, частные школы и т.п.

Языковое законодательство должно осуществляться высшим органом власти, в нашем случае – Верховным Советом Крыма. А какие законы в пользу миноритарного крымскотатарского языка может принимать Верховный Совет, в составе которого до сих пор не было крымских татар? По результатам выборов в Верховный Совет Крыма, которые состоялись 27 марта и 10 апреля 1994 г., из 94 депутатов (всего должно быть 98) лишь 14 являются крымскими татарами. Удастся ли им добиться решения круга вопросов, связанных с восстановлением прав крымских татар, в том числе и в сфере языкового обустройства, покажет время.

Решение вопросов языкового строительства в Крыму является прерогативой специальной комиссии Верховного Совета, а также Комитета по делам национальностей при правительстве Крыма, который должен продумывать пути и механизмы воплощения в жизнь принятых Верховным Советом языковых законов.

Языковая политика в любой стране всегда требовала и требует больших материальных затрат: на подготовку учителей, переводчиков, на дублирование текстов и др. Но эти затраты, как показывает практика языкового строительства в многонациональных государствах мира, всегда с лихвой компенсируются. Положительный эффект обустройства крымскотатарского языка может обнаружить себя по следующим направлениям: 1) в историко-культурном отношении – сохранит для всего человечества крымскотатарский язык и связанную с ним оригинальную многовековую культуру; 2) в социально-психологическом отношении – крымские татары обретут чувство национального достоинства, а в случае с репрессированным народом это – очень важный момент; 3) в социально-политическом плане – будет способствовать стабилизации гражданского согласия в Крыму и в конечном счете – экономическому процветанию Крыма.

«СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ»: КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЁВА

(Журнал “Брега Тавриды”. – Симферополь, 1995. – № 4–5. – С. 213–215.)

Русские писатели, даже подолгу жившие в Крыму (А.П. Чехов, М.А. Волошин и др.), никогда не избирали крымских татар в качестве основных героев своих творений. В лучшем случае для них это был любопытный этнографический материал. И это понятно и объяснимо одним словом – Восток: иной быт, иной менталитет, иная культура.

На первый взгляд, это характерно и для творчества И.С. Шмелёва, жившего в Крыму очень короткое время – с 1918 по 1922 гг. Для писателя это были трагические годы: здесь, почти на его глазах, красные расстреляли его единственного сына, офицера Добровольческой армии, отказавшегося уехать на чужбину с врангелевцами. Это были трагические годы для всего Крыма: большевистский террор, торжество хама, «бациллы человечей», по определению старого доктора Михаила Васильича, главного героя романа-эпопеи И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых». И был страшный голод 1921 года.

«Солнце мёртвых» – многоплановая сквозная метафора: это холодное солнце Крыма 1921 года, отражающееся в мёртвых глазах замученных в большевистских застенках-подвалах и не греющее живых, доживающих свои последние дни. Оно мертво для всех: и для людей, и для животных, и для растений. Оно равно мертво освещает два мира – русский и татарский, которые, пересекаясь, не сливаются на житейском уровне. Оба мира – русский и татарский – равно трагичны: и там и тут голод, и там и тут – смерть от рук большевиков.

Татарский Крым нашёл отражение в тематическом поле «крымские татары», ядром которого выступают субстантивные номинации словного и сверхсловного типа, пронизывающие, «прошивающие» всю художественную ткань романа: *татары, татарин, татарка, татарчата, татары-проводники, старый татарин, старая татарка, пожилой татарин, богатый татарин, меднорожий татарин, маленький татарин, чумовой татарин, вежливые татары, муэдзин, чабан* и др. Остальные элементы тематического поля можно расположить вокруг ядра в виде концентрических кругов.

Круг первый составляет именная парадигма с определением *татарский*: *татарская земля, татарский двор, татарский дом, татарские кони, татарские постолы, «татарская ямка»* (по-видимому, микротопоним), *татарская груша, татарский виноградник* и др. Назначение этой парадигмы – подчеркнуть чуждость (но не враждебность!), граничащую с экзотичностью, этого – *татарского* – мира повествующему и медитирующему автору. Апогеем темы чуждости татарского мира автору является рефрен «*Чужая земля, татарская*», звучащий в заключительной главе эпопеи (с. 241).

В круге втором тематического поля «крымские татары» находятся субстантивные имена специфически татарских или общетюркских реалий: *кутюк, катык, бекмес, буздурхан, чебурек, кизил, айва, персик, аул, мечеть*,

минарет, кошара, ослик, зурна, джил-хабэ, чадра, звон бахчисарайский и др. Каждая из этих номинаций обладает мощной пресуппозицией – способностью продуцировать широкие фоновые знания о крымскотатарском мире. Так, *куток* – это пень, колода. *Катык* – кислое молоко особого приготовления. *Бекмес* – уваренный фруктовый сок, патока. *Буздуриан* – крымский сорт груши с медовыми желтыми плодами. *Джил-хабэ* – это название дождливого месяца ноября, «*когда белки уходят в норы*» (с. 210). Слово сочетание «*звон бахчисарайский*» воссоздает образы фазтонов «*в пунцовом плисе с белыми балдахинами, вздувающимися на быстром ходу ..., с конями в шерстяных розанах ..., управляемых татарами-проводниками с нафабранными усами, со стеклом за лаковым голенищем, с запахом чеснока и перца*» (с. 24). В таких фазтонах до революции катались приезжие господа.

В круге третьем – величественная крымская природа: горные хребты, скалы, ущелья, реки. Это *Яйла* с её ароматными пышными лугами. Вот – «*мохнатая шапка лесного Бабугана. Утрами золотится он; обычно – дремуче-чёрен. Видны на нём щетины лесов сосновых, когда солнце плавится и дрожит за ними. Оттуда приходит дождь. Солнце туда уходит*» (с. 13). «*А вот скоро ветры сорвутся с Чатырдага, налягут на Палат-Гору снеговые тучи, от чёрного Бабугана натянет ливни ...*» (с. 31). «*Когда Чатырдаг дышит, все ветры кричат – готовься! Татары это давно знают. И не боятся*» (с. 178). «*Демерджи зарозовела, замеднела... плавится, потухает. А вот уже и синеть стала. Заходит солнце за Бабуган, горит щетина лесов сосновых. Погасла. Похмурился Бабуган, глядит сурово...*» (с. 93). Все это – немые, безмолвные свидетели вершащейся трагедии. Вот «*крепостная стена-отвес, голая Куш-Кая, плакат горный. Утром – розовый, к ночи – синий. Всё вбирает в себя, всё видит. Чертит на нём неведомая рука ...*» (с. 13). «*А голая стена Куш-Кай – всё та же, всё та же летопись: пишет по ней неведомая рука. Всё вбирает в себя, всё видит*» (с. 131).

На периферии поля «крымские татары» находятся экзотизмы – слова из крымскотатарского языка, встречающиеся в речи татар и русских: *якиш, шайтан, селям алекюм* и др. Сюда же можно отнести и искажённые формы русских слов в речи татар: «*Це-це-це... Кемал-Паши! Крым идёт... пыламот стрылял, балишивит тикал! Хлэб будыт, чурэк-чебурэк... барашка будыт... Балишой чилавэк Кемал-Паши!*» (с. 23). «*Тыква кушал. Вот... Пропал на горах два мешка мука. Плоха*» (с. 203). «*Ией!.. бери коня. Купай... Ко-зйя-ией! коня бери... Клеба давай... Карей... все памирай... Пажалюста... Клеба давай... мала-мала!*» (с. 231).

Действительно, в начале века татары в массе своей не владели русским языком. Искажения слов и словоформ в татарской речи во многом обусловлены спецификой фонетической и грамматической систем русского и крымскотатарского языков. Можно сказать, что автору удалось в целом адекватно передать русскую речь татар. Так, письменная фиксация русизмов в татарской речи отражает такой фонетический закон русского языка, как редукция безударных гласных: *плоха* (плохо), *карей* (скорей), *памирай*

(помирать) и др. Верно передана и форма *карей* (вместо *скорей*): опущен инициальный согласный, так как в тюркских языках действует фонетический закон, согласно которому в абсолютном начале слова не может быть стыка согласных. При заимствовании или использовании иноязычных слов, имеющих в абсолютном начале несколько согласных звуков, татарин (как и любой тюркоязычный говорящий) мог отбросить один из согласных (закон выкидки) или вставить между ними какой-либо гласный звук (закон вставки), например, сказать *сыкарей*.

Однако в графической передаче искажённой русской речи имеются и неточности. Так, трудно согласиться с формами *клеба* (не соблюдены законы эпентезы или дизерезы), *козяй* (не соблюден закон редукции гласных), *пажалюста* (в крымскотатарском языке имеется корреляция фонемы <л> по твердости-мягкости, поэтому замена [л] твердого на [л'] мягкий здесь необусловленна) и др. Вообще неадекватная передача устной речи аборигенов характерна для творчества многих русских писателей. По-видимому, это художественная универсалия, обусловленная системными различиями контактирующих языков.

Воспринимая татарский мир несколько отстранённо и остранным, автор, тем не менее, описывает его в положительном ключе. Татары доверчивы, добры и милосердны: делятся едой, дают в долг. У вдовы сапожника Прокофия, Тани, грабители отняли вино, которое она несла в степь на обмен. А дома – голодные дети. «*Спасибо, татаре в долг опять вина дали*» (с. 188), – говорит она. Вот голодные дети Глазковых повстречались с татарскими парнями-чабанами. «*Вежливые татары, – говорит старшая девочка. – Достыта накормили... Так они нас жалели! И с собой дали, несём мамаше. Велели и ещё приходите. Хлопцы очень хорошие .. А татары вежливые. Если бы замуж взял... пошла бы!* – бойко сказала она, развязно хлопая по земле ладошкой. – *Что ж, что чужая вера!*» (с. 135–136).

Татары благородны, верны слову. Когда большевики арестовали группу бежавших в лес – «*их было семеро... татары больше*» (с. 104), – те затеяли побег. Жребий выпал татарину, и он принял мученическую смерть ради спасения своих товарищей – русских, татар и чеченцев.

Сцена ночного прихода старого татарина к умирающему от голода автору – с подарком от старого Гафара, корзиной с едой, – является апофеозом единого Бога, общего и для русских, и для татар (глава «Жива душа!»). В эмоциональном плане – это наиболее сильные страницы эпопеи, которые невозможно читать без волнения и слез: «*Я беру его за мокрые плечи и пожимаю. Ушли слова. Они не нужны, слова. Дикарь, татарин? Велик Аллах! Жива человеческая душа! жива!!*

– *Скажи Гафару...старому Гафару... Скажи, Абайдулин... старому татарину Гафару... Аллах!*

– *Аллах!.. – говорит в огонь сумрачное коричневое лицо. – У тебя Аллах свой... у нас Аллах мой... Всё – Аллах!*

Теперь ничего не страшно. Теперь их (большевиков – А.Э.) нет. Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из тёмного угла смотрит, из маленьких

глаз татарина. Татарин привел Е з о! Это Он велит дождю сеять, огню – гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети! ... Ты все можешь! Не уходи от нас, Господи, останься. В дожде и в ночи пришел Ты с татаринoм, по грязи...Пребуди с нами до солнца!» (с. 212–213).

На этом высоком – не житейском, а божественно-духовном – уровне оба мира, русский и крымскотатарский, наконец сливаются воедино. И это залог того, что после тёмной ночи взойдет – для всех – СОЛНЦЕ ЖИВЫХ.

Сегодня в Крыму тоже трудные времена. И хочется надеяться, что все мы – и татары, и русские, и украинцы, и все другие жители Крыма – будем помнить уроки трагического прошлого, будем терпимы друг к другу, потому что над всеми нами единый Бог – Человек во всей красоте и мощи своей духовности.

Это завет Ивана Сергеевича Шмелева.

ЛИТЕРАТУРА:

И.С. Шмелев. Солнце мертвых // С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг. – Книга первая. Москва: Водолей, 1992. – С. 9–247.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

(на материале языковой ситуации в Крыму)

(Гражданское общество и социальные права / Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, 5–11 октября 1997). – В 2-х книгах. – Книга 2. – Симферополь, 1997. – С. 42–46.)

Языковые права должны занять особое место в номенклатуре социальных прав, предоставляемых индивидууму в гражданском обществе. Языковые права предполагают свободу выбора человеком определенного языка, право на его изучение и использование в личной и общественной жизни.

Комплекс языковых прав имеет как личностный, индивидуальный, так и социальный, культурно-исторический, аспекты. На личностном уровне – это право человека на добровольное причисление себя к определенному языковому коллективу, право на получение образования на данном языке, право на полноценное овладение другими языками социума. На культурно-историческом уровне – это право этноса на сохранение и развитие своего языка и, следовательно, своей культуры [1].

Ущемление языковых прав воспринимается людьми особенно болезненно, так как затрагивает психологические основы национальной самоидентификации личности. Более того, языковые факторы часто являются той почвой, на которой возникают межэтнические конфликты.

Языковая ситуация в постсоветской Украине является сегодня достаточно сложной. Тому причиной не только деструкция пресловутой “ленинской национальной политики”, но и активизирующиеся в последние годы процессы становления новой украинской государственности. Что касается Крыма, то языковая ситуация здесь ещё более сложна и даже взрывоопасна. И это связано не столько с репатриацией крымских татар, которая за последние 8 лет

кардинально изменила лингвистическую карту Крыма и Украины, но, главным образом, с непродуманной языковой политикой в украинском государстве. Взвешенная языковая политика в многонациональном государстве должна строиться с учётом объективного анализа языковой ситуации в отдельных, особенно маркированных в социально-политическом отношении, регионах. Таким особым регионом в Украине является Крым с его преобладающим русскоязычным населением, с одной стороны, и возвращающимися на родину крымскими татарами – с другой. Автор неоднократно затрагивал эти вопросы в своих научных публикациях. В частности, в конце 1993г. по заказу Крымского отделения НАН Украины им был разработан антикризисный проект по данной проблематике.

Языковую ситуацию целесообразно представить в трех аспектах: количественном, качественном и оценочном. Ниже дается краткое описание языковой ситуации в Крыму.

В количественном аспекте языковая ситуация в Крыму многокомпонентна: функционируют несколько десятков языков, доминирующими из которых являются русский, украинский и крымскотатарский. Их демографическая мощность (количество говорящих) не соотносится однозначно с национальной принадлежностью говорящих. По данным Управления миграции при Совете Министров АРК на сентябрь 1995 г. в Крыму проживали 1804951 русских, 700611 украинцев, 220110 крымских татар, 16132 белорусов, 563 караимов, 310 крымчаков и др. Коммуникативная мощность этих языков (количество обслуживаемых ими социальных сфер) так же различна. Русский язык выполняет весь набор социальных функций: используется в семье, на производстве, в науке, средствах массовой информации и др. Украинский язык, несмотря на усилия государства, направленные на расширение его функционального пространства, используется в Крыму с известными ограничениями. В наиболее трудном положении находится крымскотатарский язык, так как он около полувека подвергался лингвоциду (языковым репрессиям). Демографическая мощность его не изучена.

В качественном отношении языковая ситуация в Крыму может быть охарактеризована как гетерогенная (функционирующие языки различны по происхождению) и гетероморфная (языки различны по типу, грамматическому строю). Такая ситуация может скрывать в себе конфликтогенные факторы.

В плане коммуникативной пригодности, эстетичности и культурной престижности три доминирующих в Крыму языка оцениваются говорящими “изнутри” (оценка родного языка) и “извне” (оценка чужого языка) по-разному. Украинский язык в качестве государственного воспринимается большей частью русскоязычного населения как “чужой”, навязываемый. К сожалению, негативная оценка украинского языка со стороны носителей русского языка во многом обусловлена некорректной языковой политикой украинских властей. Известно, например, что в Кабинете Министров Украины сегодня в рассмотрении находится проект закона “О развитии и применении языков в Украине” № 1240 от 2 июля 1997 г., который в случае его принятия, по

мнению депутата Верховной Рады В. Алексеева, будет способствовать росту социальной напряженности в Украине.

Как показывает социальная практика, в Украине сегодня отсутствует концепция корректной языковой политики. Ведь “Закон о языках в Украинской ССР” от 28 октября 1989 г. был принят тогда, когда ещё не существовало Автономной Республики Крым, а крымские татары в массе своей проживали в местах ссылки. Все три доминирующих в Крыму языка сегодня нуждаются в защите, однако мотивы в каждом случае различны.

Языковое обустройство Крыма должно проводиться двумя путями: в русле языкового законодательства и через деятельность различных государственных, общественных и частных организаций. Прежде всего следует определить социально-правовой статус русского и крымскотатарского языков. Обратимся к ст. 10 Конституции Украины, принятой 28 июня 1996 г.: “Ст. 10. Государственным языком в Украине является украинский язык. Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины.

В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств в Украине. Государство способствует изучению языков международного общения. Применение языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом”.

Социальный статус крымскотатарского языка ясен: он является языком национального меньшинства. Однако здесь не мешает вспомнить, что до депортации крымских татар (1944) он имел статус государственного языка, что нашло отражение и в ст. 6 Конституции АРК, изъятой из текста при его обсуждении в Верховной Раде Украины. Что касается русского языка, то приведённый выше текст ст. 10 Конституции не проясняет его социально-правового статуса.

Следует обратить внимание на постановление ВС АРК “О проектах законов Украины о языках в Украине, внесённых на рассмотрение Верховной Рады Украины” № 1261-1 от 23 июля 1997 г. В постановлении содержится просьба к Верховной Раде Украины утвердить ст. 6 Конституции АРК в следующей редакции: “Официальным языком и языком делопроизводства в Автономной Республике Крым является русский язык. Государственными языками в Автономной Республике Крым являются крымскотатарский, русский и украинский языки”. Более того, в разделе 2 данного постановления предлагается народным депутатам Украины от Крыма оформить законодательную инициативу по внесению в Конституцию Украины нормы о придании русскому языку статуса второго государственного языка в Украине.

В связи с содержанием данного постановления ВС АРК возникает необходимость дать четкую дефиницию понятий “государственный язык” и “официальный язык”: “Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Официальный язык – язык государственного управления,

законодательства, судопроизводства” [2]. Исходя из приведённых выше дефиниций, государственным языком в Крыму следует признать украинский, а русскому и крымскотатарскому языкам придать статус официальных языков. В этом случае можно избежать противоречия между ст. 10 Конституции Украины и ст. 6 Конституции АРК.

Именно такой – официальный – статус русского языка утверждается в проекте постановления “О функционировании русского языка на территории АРК”, внесённом группой депутатов (Клычников В.Н. и др.), а также в проекте постановления правовой службы секретариата ВС АРК “Об использовании русского и других национальных языков в АРК”, предложенных для обсуждения в сентябре 1997 г. Однако почему-то такой же статус “забыли” придать крымскотатарскому языку.

Практический аспект языкового строительства в Крыму предполагает проведение конкретной работы в рамках культурных центров и обществ. Применительно к крымскотатарскому языку это означает также принятие ряда указов, обеспечивающих создание условий для его оптимального функционирования и развития: об обязательном открытии школ с крымскотатарским языком обучения в местах компактного проживания крымских татар; об обязательном изучении детьми крымских татар родного языка в полном объеме; об увеличении эфирного времени на радио и телевидении и др. Успешное обустройство крымскотатарского языка имеет и побочный положительный эффект: оно является прецедентным и особо значимым для крымских караимов, язык которых находится на грани аннигиляции. Свои надежды на возрождение родного языка они напрямую связывают с судьбой близкородственного крымскотатарского языка: “Крымские караимы там, где это возможно, намерены отдавать своих детей в классы с углубленным изучением крымскотатарского языка с последующей адаптацией к крымскокараимскому языку” [3].

Языковые права человека должны дополняться его языковыми обязанностями. Содержание последнего понятия в трудах по социолингвистике до сих пор четко не сформулировано. По мнению исследователей, индивидуальными и коллективными языковыми обязанностями носителей мажоритарных языков является овладение миноритарными языками и их использование при общении с представителями миноритарных этносов. В свою очередь, языковой обязанностью представителей миноритарного этноса является овладение мажоритарным языком во всех его коммуникативных вариантах. Эти обязанности должны выполняться при содействии как семьи, так и школы [1, с. 15 и след.].

Соблюдение языковых прав и обязанностей должно гарантироваться законом и обеспечиваться разумной языковой политикой. Языковая политика в многонациональной Украине является важнейшей составляющей внутренней государственной политики и в значительной степени определяет “лицо” Украины в глазах мировой демократической общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. – Москва: ИНПО, 1996. – С. 14.
2. Нерознак В.П. Языковая реформа (1990–1995) // Вестник РАН. – Москва, 1996, т. 66, №1. – С. 3–7.
3. Л. Ефетова-Габай, Ю. Полканов. Пусть звучит родная речь // Голос Крыма. – № 36. – Симферополь, 12 сент. 1997.

ЧАСТИ РЕЧИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

(Принципы и методы функционально-семантического описания языка: итоги, направления, перспективы / Материалы конференции. Симферополь, 9–12 сент. 1997. – Москва – Симферополь, 1997. – С. 342–344.)

Вопрос о частях речи в русском языкознании был и остается одним из сложных и по сей день однозначно не решенных вопросов. Трудности, связанные с частеречной рубрикацией фразеологии даже идиоматического характера, как более гомогенной по характеру содержания и логико-семантическим механизмам формирования, неизмеримо возрастают, так как исследователю приходится иметь дело со сверхсловными образованиями со специфической семантикой и употреблением. Распределение фразеологизмов по семантико-грамматическим разрядам (субстантивные, глагольные, адъективные, наречные и др.) традиционно базируется на частеречной классификации слов. Разногласия связаны не только с вопросом о системности частей речи во фразеологии (количество и номенклатура разрядов, свойственные им языковые категории), но и с характеристикой конкретных фразеологических единиц.

Сегодня следует признать, что традиционная классификация частей речи на материале фразеологии «не работает»: она не способна корректно и непротиворечиво верифицировать такой языковой материал. Частеречная классификация фразеологии в традиционном её виде должна быть признана мифом. Фразеологическую семантику сегодня следует рассматривать в иной научной парадигме. Такой парадигмой является коммуникативная (функциональная) лингвистика. Коммуникативно-прагматический подход к фразеологии учитывает коммуникативные интенции говорящего – потребности в обобщении опыта, номинации предметов реальной действительности, оценке, выражении эмоций и др., формирующие в конечном счете характер содержания идиом и особенности их использования в речи. Коммуникативная предназначенность идиом и их семантический статус взаимно детерминированы.

Коммуникативный подход к семантике позволяет выделить следующие функционально-семантические разряды фразеологических единиц: идентифицирующие, предикатные (признаковые) и собственно прагматические. Фразеологизмы с идентифицирующим значением – это субстантивные единицы, называющие предметы реального мира по характерному для них признаку. Это преимущественно номинации объектов флоры и фауны (*львиный зев*, *летучая мышь*), бытовых реалий (*конский хвост* ‘прическа’), социальных групп

и явлений (*голубые каски, белая смерть*) и др. Называя предмет по какому-нибудь, часто не существенному признаку, такие фразеологизмы соотносят высказывание с реальным миром, осуществляют референцию – «привязывают» их к определенным предметам. Идентификация предметов осуществляется также с помощью местоименных фразем, которые выполняют в речи дейктическую функцию: *аз многогрешный, ваш брат, наша сестра* и др.

Основная масса идиом имеет признаковое значение: они обозначают и характеризуют, оценивают признаки предметов – их свойства, качества, действия, состояния, количество и др.: *седьмая вода на киселе, семи пядей во лбу, белая ворона, кот наплакал, задавать стрекача, выкидывать кренделя* и др. Среди признаковых идиом можно выделить следующие типы: со значением состояния (*затягивать потуже ремень, ни жарко ни холодно, как в воду опущенный*), со значением действия (*смазывать пятки салом, вышибать душу*), со значением постоянного признака, физического или психического (*коломенская верста, гусь лапчатый, голова варит, мухи не обидит*) и др.

К фразеологическим единицам с собственно прагматическим значением можно отнести модальные и междометные единицы. Модальные фразеологизмы, в свою очередь, могут быть разделены на следующие группы: а) выражающие эмоциональные и интеллектуальные оценки говорящего (*чего доброго, я не знаю, не ровён час, что там говорить*), б) служащие средством выделения сообщаемого (*собственно говоря, не правда ли, если хотите*), являющиеся маркерами структуры дискурса (*с одной стороны, между тем, в конечном счёте*), в) выражающие отношения к характеру изложения (*как говорится, так сказать*). Междометные фразеологизмы делятся на две группы: а) выражающие эмоции говорящего (*Поди ж ты! Тьфу ты черт! Чёрт поberi! Вот оно что!*), б) обслуживающие сферу речевого этикета (*Сколько зим сколько лет! Будьте добры! Скатертью дорожка! Так и быть! Ничего подобного! Ничего страшного! Какие пустяки! Ни пуха ни пера! За ваше здоровье!*).

Предложенная выше функционально-семантическая классификация фразеологизмов, учитывающая их коммуникативное предназначение, имеет и прикладное значение: она может быть использована в практике фразеологии. Каждый функциональный тип фразеологизмов должен иметь в словарях свой набор лексикографических параметров. Предложенная классификация отвечает потребностям новых методов обучения языку с позиции говорящего – от содержания к форме.

КРЫМ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА НЕКИПЕЛОВА

(Журнал “Брега Тавриды”. – Симферополь, 1997. – № 6. – С. 363–370.)

Виктор Некипелов. Это имя мало кому знакомо в Крыму. А между тем его творчество, прежде всего крымский цикл его стихов, имеет самое непосредственное отношение к общекрымской духовной культуре.

Родился В. Некипелов в 1928 г. в Харбине. Скончался во Франции 1-го

июля 1989 года. Между этими двумя датами – многотрудная, полная страданий жизнь диссидента, отбывшего два срока в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа за литературную и правозащитную деятельность.

В Крыму он бывал неоднократно. Здесь родилась и выросла его будущая жена – Комарова Нина Михайловна. С 1965 по 1972 годы отпускное время они проводили в пос. Восход, где жили мать и брат Н. Комаровой. Ликующая крымская природа, с одной стороны, и черная акция депортации, которая свершилась в лоне этого великолепия и продолжала активно иррадиировать в 60–70-х годах, не могли не задеть ранимого сердца поэта. Поэзия – всегда там, где боль. Так родились стихи, которые условно можно объединить в крымский цикл: «Эвкалипты в Крыму», «Крымский акростих», «Морская прогулка», «Маленький маяк», «Чуфут-Кале», «Гурзуф», «Баллада об отчем доме». Ассоциативно-тематически к ним примыкает стихотворение «Я ушёл за китом голубым».

Первые четыре стихотворения можно было бы отнести к пейзажной лирике. В них чувственный, эмоциональный мир лирического героя коррелирует с окружающей природой:

*Словно призрачный парус над морем полощется
Или тёплое облако, сползшее с гор, –
Нам навстречу взбежит легкокрылая рощица
По кремнистой тропинке на мыс Монтодор ...*
(Эвкалипты в Крыму).

*Сквозь толщу подводную чьи-то
Бегущие, зыбкие лики.
И соль оседает, как иней,
На гривы, на губы, на сети.
И схвачено спазмою горло
От запаха ветра и йода ...*

(Морская прогулка)

*Не женой вспоминаю, ещё не женой...
И опять пробегаю по тропкам крутым.
На волне ты была самой гибкой волной,
А в вечерней листве светлячком голубым...*
(Крымский акростих)

*... Там остро пахло хвоей и тимьяном,
Звенела ночь валторнами цикад.
Внизу, под флёром легкого тумана,
Стучало море – глухо, наугад.*

(Маленький маяк)

Однако это не буколическая идиллия – в каждом стихотворении слышна трагическая тема, связанная с личной судьбой поэта. Тема эта звучит то глухо, сублимировано, то громко и открыто:

*...Я вот тоже бреду то горой, то болотиной –
На немилую почву заброшенный куст.*

*И давно бы пора уж назвать её родиной,
Да никак не разжечь неуступчивых уст.*

(Эвкалипты в Крыму)

*... Мы должны были жить среди этих долин,
А зачем-то вдруг выбрали север больной.*

(Крымский акростих)

*... А там, где сливаются тверди, –
Мощёная солнцем дорога
К чертогу ликующей смерти,
Известной под именем Бога.*

(Морская прогулка)

Стихотворение «Маленький маяк», посвящённое Ялте, ялтинскому маяку, к которому «какие-то крылатые созданные... летели роём призрачным», заключается развёрнутым сравнением трагического звучания, потому что голос поэта доносится из тюрьмы:

*Вот так и я сегодня – из темницы,
Сквозь толщу стен, сквозь беспросветный мрак,
Готов лететь большой ночью птицей
К тебе, мой дальний, маленький маяк!*

В стихотворении «Чуфут-Кале» автор касается трагической темы – судьбы караимов:

*Унылый край. Холодные руины
За мёртвой аркой крепостных ворот.
Чуфут-Кале... Здесь жили караимы –
Еще один исчезнувший народ.*

Обратим внимание на то, что здесь автор пользуется приёмом отождествления: он называет себя последним караимом, ищущим ответы на сущностные вопросы бытия. Этот прием использован им и в стихотворении «Баллада от отчем доме» (См. ниже):

*... Но дотемна – последний караим –
Я все ищу ответа и опоры
В бездонной безответности руин.
Я не о том, что так легко сломались,
Я не о том, что без борьбы ушли,
Все думаю, за что они цеплялись?
Какую землю бросить не могли?
Как жить в таком забытом Богом месте?..*

Последняя строфа этого стихотворения очень многослойна по содержанию. В ней выражена мысль о неразрывной связи поколений, опирающейся на историческую память народа, и угадывается намек на возможное его возрождение:

*Но, видно, есть неведомые силы,
Связующие мёртвых и живых,
Ведь чем трудней кайлить в земле могилы,
Тем тягостней – однажды бросить их...*

Особое место в крымском цикле Виктора Некипелова занимают стихотворения «Гурзуф» и «Баллада об отчем доме». Трагическая тема в них звучит набатно. И отражает она не личную трагедию поэта, а трагедию целого народа – крымских татар. Наряду с известными стихами Бориса Чичибабина, эти произведения Виктора Некипелова – самое сильное поэтическое свидетельство в защиту униженного и оскорблённого народа, обречённого тоталитарным режимом на физическую и духовную аннигиляцию. Два сборника стихов В. Некипелова, в которых напечатаны названные выше стихотворения, были изданы за границей уже после кончины поэта. В мои руки они попали в прошлом году: один был прислан известным правозащитником Генрихом Алтуняном, который отбывал срок в одном лагере с В. Некипеловым, другой – женой поэта из Франции. Эти книги пока недоступны широкому читателю, и потому тексты этих стихов приводятся ниже полностью.

Гурзуф

*Гурзуфа улочки кривые...
Опять в нездешнее влюблён,
Я их читаю, ветровые,
Как письма иных времен.*

*От минарета к минарету,
От чайханы до чайханы, –
Я вновь блуждаю до рассвета
В молочном зареве луны.*

*И сердце верит неустанно,
Что через несколько шагов
Вдруг различу в тени платана
Бараньи шапки стариков...*

*Услышу скрип тяжёлой двери
И различу издалека
Лукавый взор татарской пери
Из-под душистого платка.*

*А через звёздную протоку,
Как в запрокинутый кувшин,
О чём-то тайном крикнет Богу
С полночной башины муэдзин...*

*Но – словно масляной водою,
Ночь наполняет до краёв
Велеречивой немотою
Пустые амфоры домов.*

*Каким-то странным, медным светом
И тихой болью залит мир...*

*Как будто я с чужим поэтом
Брожу среди его могил.*

*Он не корит, не попрекает,
Но – не забыть, не превозмочь, –
В усталой памяти всплывает
Та обездоленная ночь,*

*Когда трусливо и послушно
Орда опричная, как скот,
Вдруг растолкала по теплушкам
Его талантливый народ.*

*И бедняков, и бонз высоких,
И виноделов, и купцов,
И седовласых, и безногих,
И звездочётов, и слепцов...*

*И – в темноту, на прозябанье,
По дальним высылкам, в снега...
Мое преступное молчанье
Простишь ли мне, Гурзуф-Ага?*

*Теснятся мысли вереницей
Измятых чувств, бессильных слов...
Гурзуф молчит. Гурзуфу снится
День Возвращения Мастеров!*

*Рассветный бриз листву колышет,
И в тишине, над головой,
На глинобитной плоской крыше –
Свистит татарский домовый...*

Баллада об отчем доме

*Я – крымский татарин. Я сын этих солнечных гор,
К которым сегодня прокрался украдкой, как вор.*

*Брюзгливый чиновник, потупивши рыбы глаза,
Мне выдал прописку... на двадцать четыре часа.*

*Поклон Аю-Дагу и сизой, туманной Яйле!
Как долго я не был на горестной отчей земле!
Вот дом глинобитный, в котором родился и жил.
Ах, как он разросся, посаженный дедом инжир!*

*А наш виноградник и крошечный каменный сад,
Как прежде, наполнены праздничным звоном цикад.*

*Тверды и упруги, темны от дождей и росы,
Как дедовы руки – бугристые мышцы лозы.*

*Мускат созревает! Да мне урожай не снимать.
Крадусь по задворкам отцовского дома, как тать.*

*Вот белый колодезь и тоненький, певчий родник...
В саду копошится какой-то лихой отставник.*

*Он погреб копает (а может быть, новый сортир?).
Ах, что он наделал – он камень в углу своротил!*

*Плиту вековую под старой щелястой айвой,
Где все мои предки лежат – на восток головой!*

*Он думает – козьи, и давит их заступом в прах –
Священные кости... Прости нечестивца, Аллах!*

*Как долго и трудно мы смотрим друг другу в глаза.
Он кличет кого-то, спуская гривастого пса.*

*Не надо, полковник! Я фруктов твоих не возьму.
Хозяйствуй покуда в моем глинобитном доме.*

*Я завтра уеду обратно в далёкий Чимкент.
Я только смотритель, хранитель отцовских легенд.*

*Непрошенный призрак, случайная тень на стене,
Хоть горестный пепел стучится и тлеет во мне.*

*Я – совесть, и смута, и чей-то дремучий позор.
Я – крымский татарин, я сын этих солнечных гор...*

Эти стихи были опубликованы в № 34 газеты «Къырым» от 26 августа 1995 года. В редакционном предисловии было сказано, что они приписываются двум авторам – Виктору Некипелову и Ленуру Ибраимову. В первом своем отклике на эту публикацию я сразу же заявила, что эти стихи написаны не татариним. В стихотворении «Гурзуф» сторонний (со стороны) взгляд не только чувствуется – он открыто декларируется в тексте:

*Как будто я с **чужим** поэтом
Брожу среди его могил.
Он не корит, не попрекает...
... Орда опричная, – как скот,
Вдруг растолкала по теплушкам
Его талантливый народ...*

Сомнения относительно авторства могут возникнуть лишь по поводу «Баллады об отчем доме»: ведь лирический герой заявляет: *Я – крымский татарин, я сын этих солнечных гор*. Здесь уместно вспомнить о приёме отождествления, который уже был использован поэтом в стихотворении «Чуфут-Кале» (см. выше.) Кроме того, внимательный взгляд позволяет обнаружить в тексте «инородные» – не татарские – вкрапления, которые связаны и с реалиями самой жизни, и с фактами языка. Например: татары

никогда не хоронили умерших в своем саду или дворе (см. строки 19–21).

Далее я предложила редакции свои услуги – попытаться установить автора стихов на основе текстового анализа имеющегося у меня материала: двух названных стихотворений В. Некипелова (85 строк) и 14 стихотворений Л. Ибраимова (460 строк). Л. Ибраимов, в отличие от В. Некипелова, не был профессиональным поэтом. Стихи его были продиктованы болью сердца крымского татарина. Они никогда не печатались. Стихи В. Некипелова датированы 1968 годом, Л. Ибраимова – не датированы вообще, но в его текстах имеются данные, позволяющие определить время их написания – 1967–1968 годы. Это же подтверждают люди, встречавшиеся с ним в те годы. Как известно, тогда подобного рода стихи (в частности, и Б. Чичибабина) ходили по рукам, как правило, в анонимных списках. И это понятно: за написание таких стихов грозила тюрьма.

Атрибуция текста (установление авторства) предполагает исследование наиболее характерных, сущностных особенностей поэтики: жанра, композиции, строфики, рифмовки, тематики, системы образов и др. Наблюдения над композицией, строфикой и метрикой сравниваемых текстов дали следующие результаты. «Баллада об отчем доме» состоит из 16 парных стихов со смежной рифмой, обрамлённых одинаковой рифмовкой: аа бб гг дд ... аа. В целом это тщательно продуманная и искусно исполненная форма. «Гурзуф», написанный четырехстопным ямбом, состоит из 13 катренов (четверостиший) с перекрестной рифмой: аб аб; вг вг; де де... Тексты Л. Ибраимова однотипны: они представляют собой сочетание разного количества катренов с перекрестной рифмой: аб, аб; вг вг... Десять из четырнадцати его стихов написаны пятистопным ямбом.

Словарный состав текстов (для сравнения выбраны только имена существительные с номинативным значением) можно распределить по двум группам: образы одушевленные и неодушевленные предметы. В текстах В. Некипелова представлены следующие номинативные ряды: образы одушевленные – *крымский татарин, чиновник, полковник–отставник, старики, пери, Аллах, муэдзин, поэт, орда, (его) народ, бедняки, бонзы, виноделы, мастера, домовый* и др.; неодушевленные предметы – *горы, Аю-Даг, Яйла, дом, инжир, виноградник, сад, колодезь, родник, айва, минарет, платан* и др.

В текстах Л. Ибраимова – одушевленные предметы (люди): *татарин, (мой) народ, предки, Ленин, Ильич, Потёмкин, Миних, люди, украинец, росс, грек, еврей, старожилы, палач, антрополог, социолог* и др. Неодушевленные предметы: *кладбища, аулы, деревни, Перекоп, море, небо, лес, степь, Хан-джами, ножны, штык, инжир, хурма, апельсин* и др. Бросается в глаза пристрастие Л. Ибраимова к политической лексике и фразеологии и идеологическим штампам: *декрет, шовинизм, ленинизм, резервация, палач, белые негры, нацистские громилы, в бой за власть Советов, провокаторы-чуды, душители свободы, козни; союз, рожденный в октябре*, и др.

Думается, что даже простой перечень номинаций достаточно ярко иллюстрирует различие словесной ткани сравниваемых текстов. Пристальный

взгляд исследователя замечает различия и в более глубинном слое – на уровне использованных в текстах изобразительно-выразительных средств. В небольшом по объему совокупном тексте В. Некипелова встречаются разнообразие, оригинальные тропы: сравнения (*как тать, как дедовы руки*), метафоры (*мышцы лозы, амфоры домов*), эпитеты (*рыбы глаза, тихая боль*), аллегория (*я – позор, я – совесть*), олицетворения (*Гурзуф молчит, Гурзуф-ага*) и др. В стихах Л. Ибрагимова тропов меньше и по номенклатуре, и по количеству, хотя совокупный текст более чем в пять раз превышает текст В. Некипелова: сравнения (*как ломоть хлеба, как бочонок без дна, как сердце в груди, как снег*), эпитеты (*глухие беззакония, волшебный край, девственная природа, величавые горы*), олицетворения (*шовинизм смеется, история не молчит, простор благословляет*) и др.

Имеется еще один существенный параметр, по которому следует сравнивать эти тексты: их соответствие нормам русского литературного языка. В стихах В. Некипелова отсутствуют речевые ошибки. В стихах Л. Ибраимова нередки нарушения норм словоупотребления, грамматических и орфоэпических. Можно допустить, что эти ошибки вкрались в тексты в результате их переписывания и распространения не очень грамотными людьми. Снять это допущение можно лишь в том случае, если иметь возможность ознакомиться с оригиналами текстов, написанными рукой Л. Ибраимова. К сожалению, они мне недоступны.

Конечно, мне, как крымской татарке, любящей свою родину, свой многострадальный народ, хотелось бы, чтобы такие прекрасные стихи были написаны крымским татаринном. Но, как учёный, я привыкла верить только фактам. Тем более, что бездоказательные сомнения в авторстве В. Некипелова оборачиваются неблагодарностью к нему. А он любил Крым! Он сочувствовал крымским татарам! Он страдал за нас и вместе с нами! Такие стихи пишутся кровью сердца. И его сердце, как пепел Клааса, всегда будет стучать в этих замечательных строках.

Сегодня я держу в руках новые аргументы, подтверждающие авторство В. Некипелова: это письма его вдовы Н.М. Комаровой и присланные ею черновики этих стихов с авторскими правками. Вот свидетельства Н.М. Комаровой: *«Как-то никогда не приходила мысль, что однажды нужно будет доказывать Витино авторство»* (Из письма от 9 октября 1996). *«Была ли я свидетелем написания этих двух стихотворений? Да! И этих, и всех других, написанных с 1965 года. Да, я была постоянным свидетелем, и собеседником, и слушателем и иногда дерзала быть критиком и с чем-то не оглашаться – конечно, написанного на воле»* (Из письма от 1 ноября 1996). *«Я – совесть, и смута, и чей-то дремучий позор» – это и признание русского поэта в невольном соучастии в преступлении хотя бы тем, что родился русским. Отталкивание от этого соучастия, видение себя в другом и другого в себе, боль, стыд, понимание безумия человеческой разобщенности, протест против тупого, дурного, бессмысленного однообразия из века в век человеческих трагедий...»* (Там же).

Н.М. Комаровой написаны воспоминания – «Книга любви и гнева», которая включает в себя богатейший материал о жизненном и творческом пути В. Некипелова – в контексте политических событий и духовных исканий 60–80-х годов. Для будущего исследователя творчества В. Некипелова эта книга – бесценный источник.

Стихи В. Некипелова были написаны на родине. После вынужденной эмиграции в 1987 году он уже ничего не писал: постоянный психологический прессинг и тяжёлые условия жизни в лагерях подорвали его здоровье. Однако всё написанное им, за исключением сборника стихов «Между Марсом и Венерой», было издано за рубежом. И оттуда пришло к нам сегодня. Творчество В. Некипелова находится в пограничье – между русской отечественной литературой и литературой русского зарубежья. В любом случае, это наше общее духовное состояние, особенно значимое для сегодняшнего Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Некипелов В.* Стихи. – Париж: La Presse Libre, 1991. – 223 с.
Некипелов В. Стихи. Избранное. – Бостон: Мемориал, 1992. – 107 с.
Комарова Н. Книга любви и гнева. – Париж, 1994. – 453 с.
Эмирова А. Я – крымская татарка (Размышления по поводу публикации стихов В. Некипелова) // Газета «Къырым», № 33. – Симферополь, 2 сент. 1995. – С. 1.
Эмирова А. Результаты моих наблюдений // Газета «Къырым», № 9. – Симферополь 24 февр. 1996. – С. 3.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

(Геополитика славянства / III Крымские международные чтения Н.Я. Данилевского. Материалы. – Симферополь, 1998. – С. 22–25.)

Нормальное функционирование многонационального государства, каковым является Украина, обеспечивается разработкой корректной национальной политики, важной частью которой считается политика языковая. Предварительным и необходимым условием для этого является всесторонний анализ языковой ситуации в исследуемом регионе.

Языковая ситуация в сегодняшнем Крыму чрезвычайно сложна. Она может быть охарактеризована по следующим признакам: количественному, качественному и оценочному.

1) В количественном отношении языковая ситуация в Крыму поликомпонентна: здесь реально функционирует несколько десятков языков, из них доминирующими являются русский, украинский и крымскотатарский. Эти языки обладают разной демографической и коммуникативной мощностью. Демографическая мощность (количество говорящих на каждом языке) не соотносится однозначно с национальной принадлежностью говорящих. Известно, что определенная часть украинцев, крымских татар, евреев, немцев, караимов, крымчаков и др. не владеет соответствующими языками и общается только на русском.

Коммуникативная мощность (количество выполняемых социальных функций) этих языков также различна. Наиболее широк спектр социальных функций у русского языка. Украинский язык, несмотря на усилия государства, направленные на расширение его функционального пространства (за счет сужения такого пространства русского языка), пока используется в Крыму с известными ограничениями в таких социальных сферах, как семья, официальное делопроизводство, средства массовой информации, народное образование; издаются две газеты, открыто около 30 классов с украинским языком обучения (таких школ пока нет) и др.

В наиболее трудном положении находится крымскотатарский язык, что обусловлено трагической судьбой народа. Депортация и полувековая ссылка нанесли огромный ущерб этому языку [1]. Демографическая мощность его не определена, однако известно, что часть крымских татар не владеют родным языком. Коммуникативная мощность крымскотатарского языка также весьма ограничена: он используется в средствах массовой информации (издаются 3 газеты и 4 журнала, эфирное время на телевидении и радио равно соответственно 2 и 6 часам в неделю), в сфере народного образования (открыты 4 школы и около 50 классов с крымскотатарским языком обучения).

2) В качественном отношении языковая ситуация в Крыму может быть охарактеризована как гетероморфная (функционируют разные по типу, т.е. грамматическому строю, языки: флективные, агглютинативные, флективно-аналитические и др.) и гетерогенная (языки крымских народов различны по происхождению: славянские, германские, тюркские и др.). Украинский язык большинством населения полуострова воспринимается как «чужой», навязанный со стороны. Все эти факторы способствуют осложнению языковой и этнополитической ситуации в Крыму.

3) Оценочные признаки языковой ситуации в Крыму определяются как внешняя (отношение к языку другого народа) и внутренняя (отношение говорящих к своему языку) оценка языков, функционирующих на территории Крымского полуострова. Каждый из языков оценивается по-разному. Никаких объективных данных, подтверждённых результатами социологических опросов, относительно коммуникативной пригодности, эстетической и культурной престижности того или иного языка сегодня не имеется. Можно говорить только о том, что бросается в глаза. Известно, например, что русские низко оценивают эстетичную и культурную престижность украинского и крымскотатарского языков. Сами крымские татары неоднозначно относятся к своему языку в плане его коммуникативной пригодности и культурной значимости. Весь этот комплекс проблем нуждается сегодня в тщательном и объективном исследовании: без всестороннего описания языковой ситуации невозможно разработать оптимальную языковую политику в Крыму. Языковое обустройство нашего региона может быть проведено двумя путями: а) в русле языкового законодательства; б) через деятельность различных общественных и частных организаций

Как известно, ст. 6 Конституции Автономной Республики Крым (1992 г.)

декларировала государственный статус трех доминирующих в Крыму языков: украинского, русского и крымскотатарского. Однако эта декларация не была подкреплена реальными условиями их функционирования. Более того, в 1996 г. в процессе обсуждения Конституции АРК Верховным Советом Украины эта статья была изъята.

Сегодня в Крыму сложилась такая ситуация, когда все названные языки нуждаются в защите. Однако крымскотатарский язык более, чем украинский и русский, нуждается в патронаже, потому что он дольше других функционировал в дискриминационных условиях. Прежде всего следует отразить в Конституции АРК новый статус крымскотатарского языка – как одного из государственных языков. Далее – принять ряд постановлений и указов, способствующих имплементации (практической реализации) данного статуса, например: об обязательном открытии школ с крымскотатарским языком обучения в местах компактного проживания татар; об обязательном этикетировании производимой в Крыму продукции на государственных языках; об использовании крымскотатарского языка в судах, нотариатах, отделениях милиции, что может быть обеспечено при владении отдельными сотрудниками этих учреждений крымскотатарским языком; об увеличении эфирного времени для передач на государственных языках на радио и телевидении и др. При исполнительных органах власти следует создать специальные комиссии по защите крымскотатарского языка, которые должны заниматься реальной работой в данном направлении.

В русле второго направления языкового строительства в Крыму – деятельность различных общественных и частных организаций – следует создать условия наибольшего благоприятствования для деятельности таких учреждений, как театры, музеи, частные школы и др. Практический аспект языковой политики предполагает также поощрение индивидуальных и групповых занятий по изучению истории и культуры народов, населяющих Крым, в рамках культурных центров и обществ, школьных и вузовских кружков и семинаров; проведение фестивалей и конкурсов, посвящённых изучению национальных языков и культур, и т.п.

Языковая политика в любой стране всегда требовала и требует больших материальных затрат: на подготовку учителей, переводчиков, на дублирование текстов и др. Но эти затраты, как показывает практика языкового обустройства в многонациональных государствах мира, всегда компенсируется с лихвой. Положительный эффект обустройства крымскотатарского языка может обнаружить себя по нескольким направлениям: 1) в историко-культурном отношении – сохранит для всего человечества крымскотатарский язык и связанную с ним уникальную культуру; 2) в социально-психологическом отношении – крымские татары обретут утраченное чувство национального достоинства (а в случае с депортированным народом это – архиважный момент!).

Разумное решение проблем языкового строительства в Крыму – требование времени. Взвешенная, научно обоснованная языковая политика – прежде всего в отношении миноритарных языков – может явиться мощным

социально-политическим фактором, стабилизирующим межэтническое согласие в республике и, в конечном счете, способствующим её экономическому процветанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эмирова А.М.* Крымскотатарский язык: последствия геноцида // *Історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу)*. – Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13-14 травня 1994 р.). – Київ, 1995. – С. 50–53.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(Журнал “Культура народов” Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.)

Возрождение и развитие крымскотатарского языка предполагает создание словарей разного типа – как общих, так и специальных, как одноязычных, так и дву- и многоязычных. Практическая лексикография (словарное дело), как известно, выполняет очень много функций. Словари обеспечивают обучение языку, родному и неродному, осуществляют кодификацию (описание и систематизацию) норм литературного языка, а также способствуют межъязыковому общению. Только на базе представительных словарей, отражающих все параметры языковой системы, возможно объективное научное описание и изучение какого-либо языка.

Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние частного языкознания. Применительно к крымскотатарскому языку это означает, что существующие сегодня словари очень ярко иллюстрируют бедственное состояние крымскотатарского языкознания.

Известно, что почти пятидесятилетняя ссылка крымских татар нанесла огромный ущерб не только крымскотатарскому языку, но и науке о нём. Сегодня отсутствует общая теория описания всех уровней крымскотатарского языка. Имеющиеся работы посвящены частным проблемам (работы А. Меметова, Э. Акмоллаева, С. Изидиновой и др.), иные стали библиографической редкостью (А.Н. Самойловича, А. Ислямова, Э. Куртмоллаева) или недоступны читателю по причине графического оформления (Б. Чобанзаде, А.Е. Крымского). Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как фонетика, фонология, грамматика, лексикология, фразеология, лексикография и др.

В данной работе сделана попытка охарактеризовать современное состояние крымскотатарской лексикографии и наметить возможные пути её развития. Эта цель предполагает типологизацию существующих словарей, т.е. их соотнесение с современной типологией словарей, что позволит выявить лакуны в крымскотатарской лексикографии и наметить наиболее актуальные направления развития словарного дела.

Как известно, различают словари энциклопедические и филологические. Энциклопедии – это словари понятий, в которых даются сведения о предметах и явлениях действительности. С точки зрения охвата материала энциклопедические словари бывают общими (дают систематизированный свод знаний из различных сфер жизни общества) и специальными, отраслевыми. В филологических (лингвистических) словарях даются сведения о различных языковых единицах и их использовании в речи.

В крымскотатарской лексикографии имеется первый опыт создания общего энциклопедического словаря: Крымскотатарская энциклопедия. – В 2-х томах. – Т. I. – Симферополь: Ватан, 1993. Т. II. – Симферополь, 1995. – 835 с. Автор-составитель – профессор Рефик Музафаров. Следует отдать должное патриотическому порыву и отваге составителя словаря, взявшегося в полном одиночестве выполнить столь ответственную работу. Однако словарь имеет много недостатков: отсутствует целостная концепция словаря; не продуман словник (в нем имеются избыточные элементы, не коррелирующие с типом словаря; с другой стороны, некоторые значимые концептуальные сферы вообще не нашли отражения в словаре); содержание словарных статей не всегда полно и, главное, точно; имеются бросающиеся в глаза изъяны формального характера (пропущены страницы, отсутствуют «входы» в словарь – тематический и алфавитный указатели в конце словаря); встречаются разного рода грамматические и стилистические ошибки и др.

По моему глубокому убеждению, энциклопедический словарь, представляющий «лицо» крымскотатарского народа перед мировой общественностью, не может составляться по единоличному произволу, даже благородному и патриотическому, как в данном случае, – здесь должен работать коллектив компетентных в разных социальных сферах авторов.

Что касается филологических словарей, то здесь больше лакун, чем достижений. Отсутствует толковый словарь крымскотатарского языка. Составление такого словаря числилось в планах работы существовавшего до войны научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Возможно, материалы к словарю хранятся в каких-либо архивах. Сегодня ощущается острая нужда в разного типа толковых словарях – полном, т. н. академическом, среднем и учебном.

Большая часть имеющихся словарей – это русско-крымскотатарские, в том числе и терминологические словари. Из довоенных изданий следует назвать следующие: Заатов О. Полный русско-татарский словарь. – Симферополь, 1908; Жирицкий Л.В., Ислямов А.И., Баккал А.И., Куркчи Я.С. Русча-татарджа лугъат. Башлангыч мектеп ичюн (Русско-татарский словарь. Для начальной школы). – Симферополь, 1940. – 136 с; Михайлов П.М. Русско-татарский терминологический словарь по литературе и литературоведению. – Симферополь, 1936; Борковский В.И., Ислямов А.И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери (Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию). – Симферополь, 1941. – 58 с.

К названным выше терминологическим словарям примыкают словари по разным дисциплинам: Русча-татарджа терминлер джыйынтыгы:

1. математика, 2. физика, 3. химия, 4. география, 5. геология, 6. биология, 7. ботаника, 8. зоология, 9. инсаннынъ анатомия ве физиологиясы. – Акъмесджит, 1934. (В 1991–1994 гг. эти словари были переизданы в Симферополе при финансовой поддержке Госкомнаца Крыма.) Двухязычные мини-словари были помещены в качестве приложения к руководству по обучению крымскотатарскому языку: татарско-русский словарь – около 500 слов (См. А. Одабаш, И.С. Кая. Руководство для обучения крымскотатарскому языку. – Симферополь: Крымиздат, 1924); татарско-русский словарь – около 1000 слов (И.С. Кая. Руководство для обучения крымскотатарскому языку по новому алфавиту. – Симферополь, 1928) и русско-татарский словарь – около 500 слов (там же).

Из довоенных словарей следует назвать также орфографический словарь: Баккал А.И., Ислямов А.И., Куртмоллаев Э.А., Муллина Р.М. Къырымтатар тилининъ орфография лугъаты. – Симферополь. – 1 изд. – 1939, 2 изд. – 1941. Этот словарь лёг в основу нескольких словарей, изданных в последние годы (см. ниже).

Издания последних десяти лет представлены следующими типами словарей:

1) Два переводных словаря с левой крымскотатарской частью: Асанов Ш.А., Гаркавец А.Н., Усеинов С.М. Кърымтатарджа-русча лугъат. – Киев: Радянська школа, 1988. – 240 с. В словнике словаря более 7 000 слов, адресат – учащиеся средней школы. Усеинов С.М. Крымскотатарско-русский словарь. – Тернополь: СМН ВП «Диалог», 1994. – 398 с. В словаре свыше 12000 слов, адресат – максимально широкий.

2) Два переводных словаря с левой русской частью: Усеинов С., Миреев В. Русско-крымскотатарский словарь. – Симферополь: Таврия, 1992. – 83 с. Словарь включает около 7000 слов и адресован широкому кругу читателей. Абдуллаев Э., Умеров М. Русско-крымскотатарский учебный словарь. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1994. – 384 с. Словарь содержит более 5000 слов современного русского языка и их эквиваленты в крымскотатарском языке.

3) Меметовым А. изданы два орфографических словаря: для начальной школы – «Имля лугъаты» (1–3 сыныф талебелери ичюн). – Акъмесджит: Анаюрт, 1993. – 72 с. (4500 слов); для средней школы – «Имля лугъаты». – Акъмесджит: Крымучпедгиз, 1994. – 175 с. (14500 слов). Оба словаря составлены, по свидетельству автора, на основе названного выше орфографического словаря Баккал А.И. и др., изданного в 1939 и 1941 гг.

4) Два словарика личных имен крымских татар: Озенбашлы Э. Кърымтатар адлары (Крымскотатарские имена). – Симферополь: Таврия, 1992. – 49 с. (около 1000 личных имён с этимологическими справками и отдельный краткий перечень, без комментариев, фамилий и прозвищ); Кайбуллаев Ш.Э. Крымскотатарские имена. Происхождение и значение. – Симферополь, 1994. – 82 с. (около 1200 имён).

5) В последние годы изданы три разговорника: Меметов А. Русско-крымскотатарский разговорник. – Симферополь: Таврия, 1990. – 112 с;

Велиев А. Русча-кърымтатарджа сёйлешув китаби. – Ташкент, 1991. – 105 с; Велиев А. Говорим по-крымскотатарски. Русско-украинско-крымскотатарский разговорник. – Киев: Головна Спеціалізована редакція літератури національних меншин, 1995. – 256 с.

6) Среди изданий последних лет особняком стоит словарь Исмаила Асаногълу Керима, в котором под одной обложкой помещены фактически два разных словаря: «Эски эдебиятымызда къуллангъан базы сёзлернинъ изаатлары» (Словарь затруднительных слов крымскотатарского письменного языка конца XIX – начала XX ввек.) и «Техаллюслер лугъаты» (Опыт словаря псевдонимов крымскотатарских писателей и журналистов. Послереволюционный период). – Симферополь: Крымучпедгиз, 1997. – 56 с. В первом толкуются значения устаревших и заимствованных из восточных языков слов, встречающихся в крымскотатарских текстах XIX и начала XX ввек. Данный словарь можно считать первым в крымскотатарской лексикографии опытом составления исторического словаря. Его же можно назвать словарём архаизмов. Несмотря на небольшой объём, ценность словаря несомненна: он является своеобразным ключом, открывающим двери в крымскотатарскую дореволюционную и послереволюционную литературу.

7) Фразеологические словари. Известно, что фразеология является самой сокровенной частью любого национального языка: в ней отражаются характерные особенности языка, в том числе устаревшие языковые категории, а также «картина мира» народа – его история, повседневный быт, религия, суеверия, психический склад и др. Более 20 лет назад был издан словарь крымскотатарских пословиц и поговорок: Къайда бирлик – анда тирилик. Кърымтатар аталар сёзлери. Тертип этиджи Р. Фазыл. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1971. Это тематический словарь, в котором пословицы и поговорки объединены в тематические рубрики: слово и язык, труд и безделье и др.

Особого внимания заслуживает фразеологический словарь У. Куркчи, фрагменты из которого под названием «Сёз бирикмелери» печатались в течение нескольких лет на страницах журнала «Йылдыз» (начиная с N 1 за 1987 г.). Словарь до сих пор существует в машинописной форме: это 10 папок текста, более 2000 страниц, около 5000 фразеологических единиц. Научное рвение У. Куркчи, работавшего над словарём в течение нескольких десятилетий, может быть сравнимо с подвигом В. Даля, отдавшего всю жизнь составлению словаря живого великорусского языка.

В 1997 г. автор словаря скончался, так и не успев вернуться на родину. И меня, как фразеолога, очень беспокоит судьба рукописи, которая нуждается в тщательном редактировании с учётом достижений современной фразеологии (теории и практики составления фразеологических словарей) и скорейшем издании. Фразеологический словарь У. Куркчи – это бесценное достояние крымскотатарской культуры.

Как видно из краткого обзора современной крымскотатарской лексикографии, отсутствуют многие специальные лингвистические словари: толковый, этимологический, исторический, словообразовательный, морфемный,

сочетаемости, синонимический, антонимический, омонимический, фразеологический, диалектный, семантический, словари языка писателей, обратный, частотный и др. Очень необходимы сегодня, особенно в связи с переходом на новый алфавит, ортологические словари: полный орфографический (правильного написания), орфоэпический (правильного произношения), словарь грамматических трудностей и др. В нынешних условиях можно только мечтать о словарях новейшего типа – коммуникативно-ориентированных, учитывающих интересы как говорящего, так и слушающего. (См.: Словарь-справочник по русскому языку / Под ред. А.Н. Тихонова. – Москва: Цитадель, 1996. – 704 с. В нем дана информация о слове по семи параметрам: правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов.)

Общая оценка крымскотатарской лексикографии неоднозначна. Радуясь тому, что в последнее десятилетие начали выходить в свет некоторые типы словарей, мы не должны закрывать глаза на их недостатки. А они таковы: субъективны (необоснованны) критерии формирования словников в количественном и качественном аспектах (почему именно 5 или 7 тыс. слов и почему именно эти, а не другие, более частотные слова и т. п.); некоторые из словарей не имеют чёткого адресата; не разработана система стилевых и эмоционально-экспрессивных помет: отсутствует грамматическая характеристика единиц; незначительна глубина семантизации слов (отражены не все семантические варианты многозначного слова); имеются ошибки в семантической структуре многозначного слова; не продумана структура словарной статьи и др. Сегодня мы уже не можем издавать такие словари – нам нужны добротные справочники, построенные по последнему слову теории и практики мировой лексикографии.

Словарное дело нельзя отдавать на откуп всем желающим. Должна существовать какая-то научная структура (словарная лаборатория, словарный сектор при академии наук и т. п.), состоящая из специалистов. Такая структура должна готовить необходимые лексикографические справочники, а также проводить экспертизу подготовленных автономными авторами словарей, начиная с их концепции, принципов формирования словников и пр. и кончая последним – перед рекомендацией к изданию – рецензированием. Эта же структура должна определять актуальные и перспективные направления словарного дела.

Приоритетным направлением крымскотатарской лексикографии сегодня является составление и издание полных орфографических и толковых словарей. Сложность этой задачи особенно возрастает в связи с необходимостью перевода крымскотатарского письма на новый латинский алфавит. С конца 1997 г. начала работать специальная Республиканская межведомственная комиссия по координации и контролю за осуществлением перевода письменности крымскотатарского языка на латинскую графику. В рамках этой комиссии начала работу творческая группа по разработке нового орфографического словаря крымскотатарского языка.

Словари разного типа, прежде всего орфографический и толковый, остро

необходимы сегодня возрождающемуся крымскотатарскому народному образованию. Без фундаментальных словарей разного типа невозможно также адекватное описание всей системы крымскотатарского языка – его фонологических, лексических и грамматических категорий. Специальные переводные словари, в том числе и разговорники (в нашем случае – русско- и украинско-крымскотатарские и наоборот) будут способствовать гармонизации межнациональных отношений в Крыму.

И, наконец, развитие крымскотатарской лексикографии и в целом крымскотатарского языка и языкознания может иметь и побочный, но весьма значимый для полиэтничного Крыма социальный эффект: коренные народы Крыма – караимы и крымчаки – свои надежды на возрождение караимского и крымчакского языков связывают с развитием крымскотатарского языка.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

(Журнал “Культура народов Причерноморья”. – Симферополь,
1999. – № 6. – С. 265–267.)

Литературный язык как базовая лингвокультурологическая категория является могучим инструментом, регулирующим процессы развития общества в экономическом и духовном аспектах. Литературный язык – один из показателей высокого уровня культуры народа, говорящего на этом языке.

Письменно-литературная форма крымскотатарского языка существовала уже в XV в. Сохранились образцы деловых бумаг того времени (ханские ярлыки, купчие, уставы цехов ремесленников), эпитафии, научные тексты и др. Дошли до наших дней также прекрасные образцы средневековой дворцовой лирики, творения поэтов Ашика Умера, Джанмухаммеда (XVII в.) и др. Старокрымский литературный язык находился под сильным влиянием общетюркского литературного языка той эпохи, в котором использовалось большое количество арабско-персидских лексико-фразеологических и грамматических категорий и форм. Поэтика этих текстов, далеких от живых народных языков, была очень разнородной.

Письменная форма крымскотатарского литературного языка более позднего времени – конца XIX–начала XX вв. – также не отличалась однородностью: некоторые тексты были ориентированы на турецкий литературный язык того времени, другие же были исполнены на разных территориальных диалектах. Как известно, в конце 20-х годов нашего века крымскотатарской общественностью было принято решение о переориентации литературного языка на *орта ёлакь* (букв., средняя полоса) – говоры и наречия средней полосы Крыма. Северная граница среднего диалекта проходила по линии Евпатория – Буюк-Онлар – Феодосия – Керчь, южная – от Байдар до Феодосии. По мнению акад. А.Е. Крымского, в *орта ёлакь* преобладал не степной, а южнобережный,

то есть огузский элемент [1]. Предполагалось, что дальнейшее развитие литературного языка будет происходить при разумном сочетании наиболее значимых в коммуникативном отношении элементов из всех диалектов.

Процессы становления и развития крымскотатарского литературного языка были прерваны войной (1941–1945 гг.) и тотальной депортацией крымских татар. В условиях почти полувековой ссылки нормы литературного языка не разрабатывались и не кодифицировались. Более того, в эти годы активизировались процессы деструкции языка: из него исчезли – за ненадобностью в процессах общения – большие разряды книжной лексики и фразеологии. Правила орфографии, отражённые в словарях последнего десятилетия, были составлены на базе довоенных орфографических словарей.

В каком состоянии находится сегодня крымскотатарский литературный язык? Можег ли он выполнять весь спектр социальных функций? В частности, может ли он обеспечить нужды развивающегося образовательного процесса в средней и высшей школе? Способен ли он выполнять функции языка СМИ и науки? На эти вопросы сегодня трудно дать положительный ответ. Годы ссылки нанесли огромный ущерб всем формам и вариантам крымскотатарского языка. Функционально-стилистическая система его ущербна: не развиты научный, официально-деловой, литературно-разговорный и др. функциональные стили. Подтверждением тому служат, в частности, критические замечания в адрес опубликованных в последние годы учебных пособий и официальных документов.

Устное общение крымских татар осуществляется преимущественно на территориальных говорах и наречиях. Литературный язык, особенно его газетно-публицистический вариант, испытывает на себе сильное влияние русского языка – в области лексики, фразеологии и синтаксиса. Растёт в языке число не всегда оправданных, особенно при наличии собственных средств, заимствований. Ср.: *терраса – аят, коридор – кьалдырма, форточка – авалькь, краска – боя, вилка – сенек, санчкьы, носки – чорап, ручка – кьалем, сервис – савут такьымы* и др.

Бросается в глаза обилие в письменной и устной речи калек из русского языка – лексических, фразеологических и даже синтаксических: *гражданство – гражданлыкь, провести вечер – акьшам отькермек, коренной народ – тамыр миллет, родной дом – догьмуш эв, брать эстафетную палочку из рук – эстафета таягьыны кьолундан алмакь, работать над собой – озь устуне чалышмакь, желать крепкого здоровья – кьави сагьлам тилемек* и др. Эти примеры говорят о бедности словарного запаса говорящих. Скудность лексикона вынуждает их также постоянно вставлять в свою речь русские слова и словосочетания, результатом чего является мешанина, комизма которой говорящие часто не осознают: *Значит, группаларгьа распределять этерим. Так что, не япайым. Суалине бир анекдот сэйлейим. Оларгьа профессионализм этишмей. Только мен оны истемейим.*

Следует отметить также, что в последнее время, в связи с интенсификацией личностных и групповых контактов с турками, а также расширяющейся

практикой преподавания турецкого языка в школах Крыма, в крымскотатарский язык стали проникать турецкие элементы. Это преимущественно общественно-политическая терминология и бытовая лексика. Таким способом крымскотатарский язык в определенной степени пополняется недостающими (или забытыми) лексико-фразеологическими единицами.

Основным источником пополнения словарного состава литературного языка могут и должны стать крымскотатарские территориальные диалекты. В условиях смешения говоров и наречий, которое происходило в местах ссылки и происходит сейчас в Крыму в связи с дисперсным расселением возвращающихся на родину носителей разных диалектов, следует более толерантно относиться к процессам, происходящим в литературном языке, и оперативно изучать их.

Назрела острая необходимость кодифицировать все нормы литературного языка – сформулировать их и зафиксировать в словарях и учебных пособиях. Орфографические нормы, как говорилось выше, применительно к кириллице описаны, однако в связи с предстоящим переходом на латиницу их необходимо пересмотреть в плане оптимизации. Что касается остальных типов норм – словоупотребления, грамматических и орфоэпических, то они нуждаются в неотложной кодификации.

Нормы словоупотребления предполагают использование в речи слов в присущих им значениях и типовой сочетаемости. И здесь почти все говорящие на крымскотатарском языке сталкиваются с проблемой отсутствия в их лексиконе слов, выражающих необходимые понятия (см. приведенные выше примеры) или неверной семантизацией известных слов. Нарушение норм употребления слов часто происходит на основе паронимической аттракции – использования слов, близких по звучанию, но разных по значению: *туташмакъ* ‘воспламениться’ вместо *тутушмакъ* ‘схватиться’; *иджат* ‘необходимость’ вместо *иджат* ‘изобретение’ и др. Соблюдению норм словоупотребления могли бы способствовать качественные толковые, синонимические, омонимические и паронимические словари, которые до сих пор не созданы.

Наиболее остро стоит вопрос о разработке орфоэпических норм – правил литературного произношения слов и их форм. Известно, что кириллица не отражает адекватно качества некоторых фонем крымскотатарского языка. Так, гласные фонемы <ö> и <ü> в начальных слогах передаются на письме соответственно с помощью букв О и У в сочетании с буквами Е, Ё и Ю в следующих за ними слогах: *комюр* [kömür], *озен* [özen], *оглюк* [öglük], *ютю* [ütü], *умют* [ümüt]. В других позициях переднерядность этих фонем обозначается с помощью буквы Ь (мягкий знак в кириллице), которая ставится после следующей согласной буквы: *козь* [köz], *учь* [üç], *орьнек* [örnek] и др. Во всех этих случаях следует произносить не [o] и [u], а более передние [ö] и [ü], но под влиянием диалектного произношения эти звуки продвинулись назад. Сказанное не означает «отуречивания» крымскотатарского языка, как считают далёкие от филологии люди: такие фонемы есть в крымскотатарском языке,

о чём свидетельствуют учебные пособия для школ и вузов. Как видно из приведённых выше примеров, существующие сегодня правила орфографии и орфоэпии нуждаются в корректировании и унификации, что легче обеспечить при переходе на латиницу.

Именно неспособность кириллицы адекватно передавать специфику фонемного состава крымскотатарского языка стала одной из причин, потребовавших реформы крымскотатарского письма – перевода его на латинскую графику. Известно, что эта проблема обсуждалась на международной научной конференции (17–20 июня 1992 г., Симферополь). Новый алфавит был разработан уже в сентябре того же года. Однако в течение последующих лет эта проблема не решалась. И только 9 апреля 1997 г. Верховная Рада Автономной Республики Крым приняла постановление «Об алфавите крымскотатарского языка». В декабре того же года решением Совета Министров АРК была создана специальная межведомственная комиссия по координации процессов перевода крымскотатарского письма на латинскую графику, в русле которой с января 1998 г. начала работать творческая группа по разработке новых правил орфографии и составлению орфографического словаря на латинице. Однако рабочая группа просуществовала до мая того же года, а потом тихо и незаметно распалась в связи с кадровыми изменениями в Совете Министров. Министерство образования АРК тоже потеряло интерес к данному проекту.

В ноябре 1998 г. в Совете Министров АРК прошло совещание под руководством С.К. Велижанского, на котором рассматривался вопрос о новом крымскотатарском алфавите. Было принято решение создать экспертную группу по изучению проблемы, а Министерству финансов – выделить для этого средства. Прошло ещё полгода, а воз и ныне там. Более всего удивляет тот факт, что никто из учёных, занимавшихся этой проблемой, до сих пор не привлечён к данной работе. А ведь кроме чисто практических мероприятий (составление инструкций и рекомендаций Министерства образования), предстоит очень сложная и ответственная научная работа: следует разработать правила транслитерации с кириллицы на латиницу, уточнить и дополнить правила орфографии и пунктуации с учётом новых условий функционирования крымскотатарского языка, кодифицировать нормы словоупотребления, грамматические и орфоэпические и всё это отразить в новых ортологических словарях. Это очень трудоёмкая работа, требующая глубоких научных знаний. Такая работа не может выполняться на общественных началах; в этом уже имели возможность убедиться все члены названной выше творческой группы по составлению новых правил орфографии. Эта работа должна оплачиваться из тех средств, которые должно выделить Министерство финансов АРК.

Прошло уже 7 лет после проведения международной конференции 1992 г. и исполнилось 2 года после легитимации нового алфавита Верховной Радой АРК. Именно в эти годы шло интенсивное становление системы среднего и высшего образования на крымскотатарском языке: был сформирован факультет крымскотатарского языка и литературы в Крымском государственном индустриально-педагогическом институте, открыты школы и классы с

крымскотатарским языком обучения, изданы словари и учебные пособия и т.п. С переходом на новую графику их придётся транслитерировать и переиздавать, а это дополнительные расходы и фактор дестабилизации учебного процесса.

Обозначенный выше комплекс лингвокультурных проблем не может быть решён усилиями ученых-одиночек. Необходим координационный научный центр. Таким центром может и должен стать научно-исследовательский институт крымскотатарского языка и литературы. Такой НИИ был открыт в Симферополе еще в 1925 г.; в нем вплоть до начала войны проводилась интенсивная научная работа: собирался и обрабатывался диалектный и фольклорный материал, составлялись разного типа словари крымскотатарского языка и др.

Сегодня как никогда остро стоит вопрос о воссоздании такого НИИ. Он мог бы стать центром координации научной работы по многим направлениям и школой подготовки молодых научных кадров. Не секрет, что филологов с учёными степенями и званиями среди крымских татар всего несколько человек, что, несомненно, сдерживает процессы изучения языка, литературы и фольклора.

Единый крымскотатарский литературный язык, сформированный на базе среднего диалекта с включением наиболее коммуникативно значимых элементов из других наречий и говоров, будет способствовать унификации и, следовательно, оптимизации процессов обучения родному языку, более тесной консолидации двух ветвей, из которых исторически сформировался этнос, – так называемых татов и ногаев, – и тем самым укреплению социальных позиций крымскотатарского народа и его успешной интеграции в украинское сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кримський А.Е.* Неодинакові групи татарських наречів у Криму – на надбережному й гірському півдні та на степовій півночі. Стан дослідів над ними // *Кримський А.Е.* Тюрки, їх мови та літератури. 1. Тюркські мови. – Вип. 2. – Київ, 1930. – С. 147–151.

2. *Куркчи У.* Фикир инджилери. – Ташкент: Ёафур Ёулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1986. – 88 с.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ОНОМАСТИКОН КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

(Мир языка. Материалы конференции, посвящённой памяти проф. М.М. Копыленко. – Алматы: КазГУМОиМЯ, 1999. – С. 299–305.)

Полувековой лингвоцид (репрессивные меры по отношению к языку) нанёс языку крымских татар огромный ущерб. Распалась его стилистическая система (перестали функционировать такие функциональные стили, как научный, официально-деловой, публицистический и др.), сократился словарный состав, с одной стороны, вследствие исчезновения из активного употребле-

ния в речи больших пластов лексики, связанных с традиционными формами жизнедеятельности народа (табаководством, промышленным садоводством, отгонным животноводством и др.), с другой, – активного вытеснения исконно тюркских слов заимствованиями из русского языка (ср.: *чанакъ – тарелка, къаде – рюмка, къалем – ручка, оджакъ – печка* и др.). Всесторонняя деформация крымскотатарского языка была вызвана социально-политическими условиями того времени: отсутствовали школы с родным языком обучения, не издавались газеты, журналы, художественная литература, был наложен запрет на научное осмысление крымскотатарского языка и др.

Сегодня делаются первые шаги в возрождении крымскотатарского языка и связанной с ним культуры. Предстоит изучить все участки языка (звуковой строй, грамматику, лексико-фразеологический состав) в системно-структурном аспекте, пользуясь современным инструментарием – концептуально-терминологическим аппаратом урвневой и полевой лингвистики. Параллельно необходимо анализировать языковой материал с позиций лингвокультурологии и этнолингвистики, изучающих взаимодействие языка и этнической культуры, языковую «картину мира» народа – носителя языка, его менталитет, особенности быта, психологии и др. Представляется, что на нынешнем этапе возрождения и научного описания крымскотатарского языка этнолингвистический и лингвокультурологический подходы являются наиболее актуальными и значимыми.

Первым шагом на этом пути является характеристика таких лексических и фразеологических категорий, в которых отражается этноязыковая «картина мира». Предметом научного анализа в этот аспект могут быть семантические и тематические поля, обозначающие и характеризующие предметы повседневного быта (домашнюю утварь, мебель, одежду), орудия труда, объекты фауны и флоры и др. Особое внимание этнолингвистики привлекает онимия того или иного языка – совокупность характерных для него онимов – слов и словосочетаний, которые служат для называния и выделения именуемого объекта среди других объектов, для его индивидуализации и идентификации [5, с. 95]. Собственное имя (СИ) как особый лингвокультурный феномен – это, с одной стороны, языковой знак, отражающий особенности языковой системы, свойственные языку категории, с другой, – специфический лингвокультурный знак, в котором, как в зеркале, отражены быт, суеверия, религия, история и система нравственных ценностей народа – носителя данного языка. СИ географического объекта – ярлык, маркирующий регион (исторический и / или современный) формирования и обитания этноса; СИ человека – пароль, атрибутирующий принадлежность индивида к тому или иному этносу.

Ономастическая лексика крымскотатарского языка до сих пор не была объектом специального изучения. Ниже делается попытка наметить тот круг вопросов, которые встают при изучении собственного имени в этнокультурном (шире – лингвокультурном) аспекте. Материалом исследования послужили онимы, извлечённые из романа классика крымскотатарской литературы Дженгиза Дагджи «Олар да инсан эди» («Они тоже были людьми») [1].

Ономастикон романа представлен 145 единицами разного типа: антропонимами (73), топонимами (62), мифонимами (6) и зоонимами (4).

Антропонимы – собственные имена людей – делятся на две группы: СИ крымских татар (41) и СИ представителей других этносов – русских, евреев, армян и др. (32). Первую группу образуют имена реальных исторических деятелей (*Алим Айдамакъ, Исмаил Гаспралы, Джафер Сейдамет, Челебиджихан*) и персонажей романа, мужчин и женщин (*Алим, Асан, Бекир; Эса, Айше* и др.). В структурно-грамматическом отношении это одиночные (однокомпонентные) или бинарные имена (личное имя в сочетании с патронимом – фамилией или прозвищем отца). Бинарные имена встречаются преимущественно у представителей мужского пола: *Абдильвейс Мезин, Асан Балтаджи, Амет Къырыкъ, Асан Къарамырза, Вели Къуришун, Джемиль Софу, Осман Пармакъсыз, Усеин Кашка* и др. Бинарная форма – наиболее характерная модель имени собственного в крымскотатарском языке.

В лингвогенетическом аспекте СИ людей представлены преимущественно заимствованиями из арабского языка: *Бекир* ‘изучающий, постигающий’; *Асан* ‘добрый, хороший’; *Амет (Ахмет)* ‘восхваляемый’; *Вели* ‘друг, близкий (Аллаху)’; *Джемиль* ‘красивый, добрый’; *Музаффер* ‘победитель, победоносный’; *Эмине* ‘находящаяся в безопасности’; *Хатидже* ‘недоношенная, викидыш’ и др. Реже встречаются имена, образованные на основе персидских апеллятивов: *Шабан* ‘родившийся в месяце шабан’; *Ремзи* ‘символический, знаковый’; *Ниязи(й)* ‘милость’ и др. Однако и эти имена, по мнению учёных, восходят к арабскому языку.

По мотиву наречения среди личных имён можно выделить следующие группы: а) дескриптивы – имена, характеризующие новорождённого по обстоятельствам и условиям рождения, по его индивидуальным физическим особенностям: *Зейнеб* – араб. ‘полная’; *Реджеп* – араб. ‘рождённый в месяце раджаб’; *Айше* – араб. ‘живучая’; *Исмаил* – араб. < др.-евр. Измаил ‘бог слышит’; *Сабри* – араб. ‘терпеливый’; *Селим* – араб. ‘невредимый, здоровый’; б) дезидеративы – имена-пожелания: *Музаффер* – араб. ‘победитель’; *Алим* – араб. ‘знающий, осведомлённый’; *Асан* – араб. ‘добрый, хороший’, *Энвер* – араб. ‘лучезарный’.

При наречении новорождённого крымские татары исходили не только из этимологии имени, но и из семейных традиций: называли ребёнка в честь родственников, часто – умерших, или известных и влиятельных людей. Например, имя *Алим* могло быть дано ребёнку в честь народного героя Алима Айдамака.

Особый интерес представляет этимология патронимов: это могут быть родовые и сословные имена (*Къарамырза* < мырза, мурза; *Софу* < араб. набожный, праведный; суфий); названия семейного ремесла, профессии (*Балтаджи* < балта ‘топор’; *Зембильджи* < зембиль ‘корзина’); физические характеристики человека (*Пармакъсыз* – букв. ‘без пальца, без пальцев’; *Къырыкъ* – ‘сломаный’) и др. Как видно из примеров, патронимы могут нести ценную историческую информацию о сословной стратификации общества, о традиционных ремёслах и видах социальной деятельности людей.

Ср. в современном крымскотатарском языке фамилии, обозначающие род деятельности предков: *Каймакан* < араб. ‘руководитель вилайета, воинский начальник’; *Сохта, Сокъта* < перс. ‘учащийся медресе’; *Чилингир* – ‘слесарь’; *Курчки* < кюрк ‘мех’; *Къалайджы* < къалай ‘олово, полуда’; *Топчу* < топ ‘пушка’, ‘мяч’; *Чапчакчи* < чапчак ‘бочонок’ и др. Такие патронимы обладают мощной presupпозицией – фоновой информацией, позволяющей реконструировать предшествующие периоды жизни крымскотатарского общества.

Преобладание арабских элементов в антропонимике романа (и в совокупном крымскотатарском именнике) объясняется известными историческими событиями – исламизацией Крымского полуострова в средние века. Как известно, ислам оказал решающее влияние на формирование и развитие лингвокультурной ситуации в Крыму.

Топонимия романа представлена 62 СИ, разными по происхождению, грамматической структуре и типологии обозначаемых географических объектов.

По происхождению это корни тюркские (*Къызылташ, Багъчасарай, Къарасубазар, Дегирменкой, Сувукъсуб, Байдар*) и греческие (*Алушта, Гурзуф* и др.). По величине и значимости обозначаемого объекта выделяются макро- и микропонимы. Макропонимы – это СИ крупных объектов земной поверхности: *Къырым, Къарадениз, Къарасубазар* и др. Микропонимы – СИ малых природных физико-географических объектов (рек, родников, холмов, оврагов, сёл), а также объектов, созданных человеком (хозяйственных угодий, мостов, колодцев, источников-чешме и др.), – представляют сегодня особый интерес и для науки, и для возвращающихся на родину крымских татар. Вот микропонимия села Къызылташ (Краснокаменка), извлечённая из текста романа Дженгиза Дагджи, которую сегодня вряд ли знает молодое поколение: названия окрестных скал (*Топкъая* < топ ‘мяч’ + къая ‘скала’; *Къушкъая* < къуш ‘птица’ + къая; *Чаталкъая* < чатал ‘сук, рогулька’ + къая); названия водных объектов (*Сувукъсуб* < сувукъ ‘холодная’ + суб ‘вода’; *Топузлы чешме* < топузлы ‘с кисточкой’ + чешме ‘источник’); имена холмов (*Мемшининъ байыры* < Мемши – мужское имя + байыр ‘холм, горка’); оврагов (*Мемшининъ дереси* < Мемши + дере ‘овраг’) и др.

Попытки осмыслить названия некоторых географических объектов Крыма породили легенды. Одна из них связана со скалой *Келинкъая (Гелинкхая) (келин* ‘невеста’ + къая), которая возвышается над Къызылташем. На вертикальной плоской стороне скалы, обращённой к морю, можно разглядеть контур фигурки девушки в татарской национальной одежде. В романе приводится легенда: давным-давно в деревне Дегирменкой жила прекрасная девушка, которая полюбила бедного пастуха из села Къызылташ. Но отец девушки решил выдать её за богача. Когда невесту везли к жениху, дорогу перегородили парни, требуя выкуп за невесту. Среди них девушка увидела своего возлюбленного и в отчаянии бросилась в пропасть, но не разбилась, а повисла, зацепившись свадебным покрывалом за камень. В легенде отразились старые нравы и обычаи крымских татар. Обычай преграждать путь свадебной процессии и требовать выкуп за невесту сохранился до сего дня.

С видами географических объектов соотносится типология топонимов: оронимы – названия любого элемента рельефа земной поверхности (*Романкџои, Топкџая*), ойконимы – СИ любого типа поселений (*Акџмесджит, Кеџе, Дерекџой*), гидронимы – наименования любого водного объекта (*Кџџарадениз, Сувукџсув, Топузлы чеџше*) и др.

В структурно-грамматическом отношении выделяются однословные (чаще – макротопонимы) и бинарные (преимущественно – микротопонимы) номинации. В качестве топооснов часто используются апеллятивы, отражающие характерные природные особенности объектов: *кџая* ‘скала’, *таџи* ‘камень’, *байыр* ‘гора, холм’, *даџъ* ‘гора’, *кџыр* ‘возвышенность, равнина’, *дере* ‘овраг’, *сув* ‘вода, речка’ и др.

Как видно из приведџнных примеров, в крымскотатарской топонимии, в частности, на материале романа Дженгиза Даџджи, преобладают СИ, восходящие к тюркским апеллятивам, что обусловлено содержанием произведений: события, описанные в романе, происходили в довоенном Крыму. Автор использовал местные макро- и микротопонимы, многие из которых исчезли с карты Крыма в связи с депортацией крымских татар. Сегодня назрела необходимость восстановить старую топонимию Крыма, и текст романа может служить для этого важным источником.

Мифономы – СИ вымышленных объектов, в том числе мифических и сказочных персонаџей, божеств, пророков и т.п. В романе встретились два мифоантропонима – Насреддин одџа и Чорабатыр. Насреддин одџа – мудрец и остролов, персонаџ общетюркского фольклора. Чорабатыр (богатырь Чора) – персонаџ общетюркского героического эпоса, основная тема которого – борьба за свободу и независимость народа. Анекдоты про Насреддина одџа и эпос «Чорабатыр» – широко известные крымскотатарские культурные феномены.

Теонимы (разновидность мифонимов) *Танџры, Алла(х), Рабби, Азрети Муса* употребляются в составе формул речевого этикета – пожеланий, заверений, проклятий, которые произносят персонаџи романа. *Танџры (Тенџри)* – «неперсонифицированное мужское божественное начало, распоряжающееся судьбами человека, народа и государства [3, с. 523]. Оно возникло, по мнению учџных, в дотюркскую и домусульманскую эпоху. В современном крымскотатарском языке теоним употребляется в составе обрядовых текстов и некоторых формул речевого этикета. *Алла(х)* – в мусульманской мифологии единый бог, который считается идентичным богу иудеев и христиан. По Корану, Аллах всемоџущ, всесущ, всеобъемлющ, вечен и единосущ [3, с. 36]. Имя Аллаха входит в состав стяжџнного междометия *Валлайи (Валлахы)!* ‘Клянусь Аллахом!’. *Рабби* (< араб. ‘господь, бог’) используется часто в форме *раббим* ‘мой бог’ в составе междометных клятв, заверений, просьб. Азрети Муса – пророк Муса – соответствует библейскому Моисею. Он творит чудеса в доказательство существования Аллаха и во славу его. *Танџры, Алла, Рабби* – культурные концепты, играющие важную роль в «картине мира» и в жизни мусульман.

В ономастическом пространстве романа Дженгиза Дагджи встретились четыре зоонима – СИ домашних животных: *Маджик* – кличка коровы, *Акътан* и *Чалдюльбер* – клички лошадей, *Урумчык* – кличка собаки. Они несут в себе лингвистическую и экстралингвистическую информацию и созданы по словообразовательным моделям крымскотатарского языка (суффиксация, основосложение) на базе тюркских языковых элементов. Внутренняя форма их прозрачна, за исключением онима *Маджик* (возможно, звукоподражание): *Акътан* < *акь* ‘белый’ + *тан* ‘пятка’; *Чалдюльбер* < *чал* ‘седой’ + *дюльбер* ‘красавец, красивый’; *Урумчык* < *урум* ‘грек’ + суффикс *-чык* с уменьшительно-ласкательным значением. Объектами зоонимов в романе выступают типичные для крымскотатарской сельской семьи животные: корова, лошадь, собака. Овцы и козы обычно содержались в больших стадах на яйлах (высокогорных пастбищах) и потому не имели собственных имён.

Ономастическое пространство романа Дженгиза Дагджи «Олар да инсан эди» является тем объективным зеркалом, в котором отразились крымскотатарские лингвокультурные концепты и феномены: категории языка, природно-географические условия, в которых протекала повседневная жизнь крымских татар, их обычаи, суеверия, фольклор, религиозные догматы, система моральных ценностей. Онимия является также важным компонентом поэтики художественного текста: помимо номинативной функции (воссоздания местного, национального колорита), онимы выполняют изобразительно-выразительные, эстетические и эзотерические функции. Но это уже предмет отдельного научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дагджи, Дженгиз*. Олар да инсан эди. Роман // Ыылдыз. – Симферополь, 1992. – № 5, 6; 1993. – № 1–6; 1994. – № 2 – 6.
2. Имя нарицательное и собственное. – Москва, 1978.
3. Мифологический словарь. – Москва, 1990.
4. *Никонов В.А.* Имя и общество. – Москва, 1974.
5. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – Москва, 1978.
6. *Суперанская А.В.* Структура имени собственного (Фонология и морфология). – Москва, 1969.
7. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – Москва, 1973.
8. *Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исакова Х.Ф.* Топонимия Крыма. – Ч. 1. Введение в топонимию Крыма. – Москва, 1995.

Б. ЧИЧИБАБИН И В. НЕКИПЕЛОВ: ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

(Журнал “Брега Тавриды”. – Симферополь, 2000. – № 2–3. – С. 227–232.)

В послевоенный Крым приезжали миллионы людей, в том числе сотни писателей, из разных регионов Советского Союза. Они отдыхали в ведомственных санаториях и домах творчества. И, конечно, многие из них знали о трагедии крымских татар. Они слышали и сами произносили

эти нерусские имена – Коктебель, Карадаг, Учан-Су, Демерджи и др. Они видели остроконечные минареты ханского дворца в Бахчисарае, ходили по узким улочкам Алушты и Гурзуфа, вдоль которых стояли вросшие в землю домики, крытые красной черепицей. Наконец, они осознавали этот парадокс – Крым без татар, но молчали. Почему? Причины известны и понятны: одни были убеждёнными функционерами и апологетами тоталитарного режима, другие – боялись его, третьи – и таких было большинство – относились к отряду равнодушных, с молчаливого согласия которых творятся преступления.

И только единицы поднимали голос в защиту несправедливо репрессированного народа. Я хочу назвать их несколько устаревшим, но семантически ёмким и торжественным словом – печальники. Печальник – это тот, кто скорбит за других, страдает из-за чьих-то печалей, горестей. Печальник – это тот, кто печётся, заботится о ком- или чём-либо. По закону семантического, эмоционального и стилистического согласования слово *печальник* коррелирует со словом *сан* в его первом значении – «звание, связанное с почётным положением». К сану печальников татарского Крыма можно причислить небольшой ряд видных общественных деятелей (академика А.Д. Сахарова, генерала П. Григоренко), в том числе таких писателей, как Борис Чичибабин и Виктор Некипелов.

«Как непристойно Крыму без татар», – написал Б. Чичибабин. В 1987 г., после 20-летнего отлучения поэта от литературы, в журнале «Новый мир» собирались опубликовать подборку его стихов. В ответ на просьбу И. Роднянской заменить эту строку на более нейтральную, Б. Чичибабин написал: «Без татар Крым – это не Крым, ненастоящий Крым, не тот Крым, который видел, и который описал, и в какой на всю жизнь влюбился Пушкин, который видели и любили Толстой и Чехов, Ахматова и Цветаева, Паустовский, Пришвин, Сергеев-Ценский, это какой-то искусственный, экзотический, специально для курортников и туристов придуманный и сделанный заповедник... Они (татары) были народом, пустившим корни в эту землю, обжившим ее, одухотворившим ее названиями гор, посёлков, мифологией, памятью, верой, мечтой, они стали и были душой Крыма. И когда эту душу искусственно, насильственно изъяли из тела, и тело осталось без живой души, но с какой-то тенью её, с каким-то кровотокающим следом её, с памятью о ней, – татар нет, а татарские названия остались, это не только трагично, грустно, страшно, но в этом есть что-то неподлинное, притворяющееся, неестественное, стыдное, непристойное».

О творчестве Виктора Некипелова я докладывала на VI Крымских международных Шмелёвских чтениях. Знакомясь с творчеством Б. Чичибабина, обратила внимание на тематическую и пафосную перекличку некоторых произведений этих поэтов, что и вынесено в подзаголовок данной статьи.

Б. Чичибабин и В. Некипелов не были знакомы, но они относились к одному поколению (Б. Чичибабин: 1923–1994, В. Некипелов: 1928–1989), и потому в их жизни и творчестве есть переклички и совпадения: оба сидели в лагерях (Б. Чичибабин – в 1946–1951, В. Некипелов – в 1973–1975, 1979–1987); оба с конца 60-х годов часто бывали в Крыму.

При всем различии их поэтики поражает тематическая близость некоторых «крымских» стихотворений, а также совпадение их пафосного вектора. Проведу только две параллели.

1. В стихотворении «Крымские прогулки» Б. Чичибабина (1961) лирическим героем является сам автор, и авторская позиция выражена прямо, в лоб:

... Улочками кривыми / в горы дышал и лез. / Думал о Крыме: чей ты, / кровью чужой разбавленный? / Чьи у тебя мечети, / прозвища и развалины?

Далее тема развивается крещендо: *Люди на пляже, я – с пляжа, / там, у лесов и скал, / «Где же татары?» – спрашивал, / все я татар искал. / Шел, где паслись отары, / жёлтую пыль топтал, / «Где ж вы? – кричал, – татары?» / Нет никаких татар... Стало их горе солоно. / Брали их целыми сёлами, / сколько в вагон поместится. / Шёл эшелон по месяцу... / Родина оптом, так сказать, / отнята и подарена, – / и на земле татарской / ни одного татарина.*

Эта же тема развивается в цикле «Судакские элегии» (1974, 1982):

Алчак-Кая, Солхат, Бахчисарай... / Я понял там, чем стал Господень рай / после изгнания Евы и Адама.

И далее – уже цитированное выше: *Как непристойно Крыму без татар. // Пашлычных углей лакомый угар, / заросших кладбищ надписи резные, / облезлый ослик, движущий арбу, / верблюжесть гор с кустами на горбу, / и все вокруг – такая не Россия.*

Эта же тема «непристойности Крыма без татар» развита в двух стихотворениях В. Некипелова – «Гурзуф» (1968) и «Баллада об отчем доме» (1968). В первом лирический герой-автор тоже ходит по дорогам Крыма, и ему тоже везде чудятся татары: *От минарета к минарету, / От чайханы до чайханы, / Я вновь блуждаю до рассвета / В молочном зареве луны. / И сердце верит неустанно, / Что через несколько шагов / Вдруг различу в тени платана / Бараньи шапки стариков... / Услышу скрип тяжёлой двери / И различу издаലെка / Лукавый взор татарской пери / Из-под душистого платка ... Каким-то странным, медным светом / И тихой болью залит мир ... / Как будто я с чужим поэтом / Брожу среди его могил ...*

И далее – почти дословная переключка с приведёнными выше строками Б. Чичибабина: *Он не корит, не попрекает, / Но – не забыть, не превозмочь – / В усталой памяти всплывает / Та обездоленная ночь – / Когда трусливо и послушно / Орада опричная, – как скот, – / Вдруг растолкала по теплушкам / Его талантливый народ... Поэт ощущает свою личную вину в трагедии крымскотатарского народа: *Мое преступное молчанье / Простишь ли мне, Гурзуф-Ага?* И далее – поэтическое пророчество поэта, ставшее реальностью только в последние годы: *Гурзуф молчит. Гурзуфу снится / День Возвращения Мастеров.* (Все три слова – с заглавной буквы.)*

В «Балладе об отчем доме», тематически примыкающей к стихотворению «Гурзуф», В. Некипелов использует необычный прием – отождествления автора с лирическим героем-татаринном, без разрешения приехавшим на родину: *Я – крымский татарин. / Я сын этих солнечных гор, / К которым сегодня прокрался украдкой, как вор. / ... Поклон Аю-Дагу и сизой, туманной Яйле! / Как долго я не был на горестной отчей земле. / Вот дом глинобитный,*

в котором родился и жил. / Ах, как он разросся, посаженный дедом инжир!

Последняя строка, повторяя первую, усиливает и закрепляет трагический пафос стиха: *Я – совесть, и смута, и чей-то дремучий позор. / Я -- крымский татарин, я сын этих солнечных гор.*

Именно этот прием отождествления автора с лирическим героем дал основание некоторым крымским татарам считать, что данное стихотворение написано крымскотатарским поэтом Ленуром Ибраимовым, жившим в те годы в Симферополе. В упомянутой выше моей работе о творчестве В. Некипелова был проведен сопоставительный анализ текстов обоих поэтов по таким параметрам, как специфика словоупотребления, система образных средств, нормативность и др. Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что стихи «Гурзуф» и «Баллада об отчем доме» написаны не Ленуром Ибраимовым, а Виктором Некипеловым. Решающим аргументом здесь явились присланные мне из Парижа вдовой В. Некипелова, Н.М. Комаровой, черновики второго стихотворения с авторскими правками и её личное свидетельство: «...*Как-то никогда не приходила мысль, что однажды нужно будет доказывать Витино авторство... Была ли я свидетелем написания этих двух стихотворений? Да! И этих двух, и всех других, написанных с 1965 года*». (Из писем к автору данной статьи.)

2. Юг, Крым, море явились той ассоциативной базой, на которой сложились ещё два стихотворения: у Б. Чичибабина – «Дельфинья элегия» (1984), у В. Некипелова – «Я ушел за китом голубым» (без даты, приблизительно конец 70-х – начало 80-х годов). В них – личностное, философское осмысление Бытия, Жизни и Смерти. Содержательная параллель поддерживается и общим образом – кита-великана Моби Дика.

На этом, однако, сходство ассоциативного ряда кончается. Более того, с каждой строкой обоих стихотворений всё рельефнее проступает аксиологический контраст: поэты по-разному оценивают окружающий мир и своё место в нём. Б. Чичибабин сравнивает себя с подопытным дельфином: *...Я чувствую себя дельфином / на карадагской биостанции.* Ему здесь, в этом замкнутом и душном мире, одиноко и безысходно: *Я разлучен с родимой бездной, / мне всё враждебно и непрочно, / и надо мной не свод небесный. / а потолок цементно-блочный ... И вот – в пяти шагах от моря, / от неба синего и рая / я с неразумия и с горя / никак не сдохну, умирая.*

Современники и друзья поэта отмечали, что в его стихах того времени всё чаще стали прорываться ноты усталости от самого себя, возникала даже досель не свойственная ему внутренняя расслабленность. «Ибо по своему природному складу Чичибабин не мог довольствоваться только общением с Космосом, Вечностью, Историей. Всю полноту бытия он ощущал, когда жил в измерении современной народной, национальной жизни, мыслил и чувствовал в масштабах своей эпохи». Трагическая тема была всё же не сиюминутным явлением, а перманентным мотивом жизни и творчества поэта. Вот так заканчивается последнее стихотворение Б. Чичибабина: *Не мои – ни пространство, ни время, / ни с обугленной вестью тетрадь. / Не под силу мне бренности время, / но от бесов грешно умирать. / Быть не может земля без*

пророка. / Дай же сил мне, – кого-то молю, – / чтоб не смог я покинуть до срока/ обречённую землю мою.

Трагическое восприятие жизни было характерно и для творчества В. Некипелова. Оно во многом питалось трагическими фактами его судьбы:

... *Былых стихов о синей птице / Я не пишу давным-давно. / Слова надежды и бессилья! / Три главных темы, три пути. / Лишь три: Тюрма, Любовь, Россия / Живут теперь в моей груди.* Однако в конце жизни он смог преодолеть личную трагедию. Обращаясь к жене, он говорит: *Кто-то будет судить и судачить злорадно, / Кто-то станет болтать, что я призрак и дым. / Ты ответишь им: нет, он вернется обратно, / Он ушел за китом голубым.*

Вырвавшись из тисков грядущего небытия, поэт провозглашает принцип трагического оптимизма: *Проживи свою жизнь без стенок и боли, / Жди меня – как всегда, вспоминай молодым. / Клетки нет. Смерти нет. Есть бескрайняя воля, / Я ушел за китом голубым*

В данной работе сделана попытка постановки проблемы, которая обозначена – «Печальники крымских татар». Хотелось бы выстроить более длинный ряд «печальников» и выявить их «лиц необщее выражение».

ОБРАЗНЫЙ МИР В. НАБОКОВА

(Крымский Набоковский научный сборник. – Вып. 1–2. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – С. 46–55.)

Набоков – по преимуществу художник формы, писательского приема. По свидетельству В. Ходасевича, «его произведения населены множеством приёмов, которые, точно эльфы и гномы, сную между персонажами, производят огромную работу: пилят, режут, приколачивают, малюют ... Они строят мир произведения и сами оказываются его неустранимо важными персонажами» [1].

Одним из действенных художественных приемов в романе В. Набокова «Другие берега» [2] являются разного рода сравнительные конструкции. «Сную» между писателем и читателем, сравнения воссоздают «картину мира» писателя, его менталитет – мир мыслей и чувств, сформированный его индивидуальным жизненным опытом.

Остановимся кратко на грамматических особенностях сравнений у В. Набокова. По характеру грамматической формы сравнения можно разделить на две группы – эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные сравнения – это обороты, вводимые в текст с помощью различных сравнительных союзов (*как, как будто, словно, будто бы* и др.), а также с помощью слов-сопроводителей, выражающих идею сходства, идентификации (*похожий, подобный, напоминает, кажется* и др.). Эксплицитные сравнения могут быть двучленными (союз + имя: *как цветок, как идол*) и многочленными (союз + имя с согласованным или несогласованным определением: *как зубная щетка, как удар по арфе*). К последнему типу можно отнести и сравнительные предложения, построенные по различным моделям. Например: *Чтобы правильно расставить во времени*

некоторые мои ранние воспоминания, мне приходится равняться по кометам и затмениям, как делает историк, датирующий обрывки саг [2, с. 23]. Что относилось к хозяйству, занимало мою мать столь же мало, как если бы она жила в гостинице [2, с. 33].

Имплицитные (бессоюзные) сравнения представлены в основном метафорическими эпитетами: *свинцовое небо, ассирийский профиль, йодистый блеск глаз, каракулевые тучки, перламутровое небо, лошадиная челюсть, осиная талия, стеклянный взгляд, эльфовое лицо, морские глаза, струящиеся стихи* и др. Эпитеты-сравнения могут быть выражены сложными прилагательными: *волоокая Луиза, наукообразная тень, яйцеподобные камни, дымчато-бисерные камни, гранатово-красное яйцо* и др. К имплицитным сравнениям можно отнести и субстантивные метафоры (*кашица соцветий, личико цветка, серые глаза* стальных часиков), в том числе родительный и творительный падежи в сравнениях (*барышня с глазами газели, шотландец с лицом цвета сырой ветчины, сползал змеей, наматывался кольцами* и др.). Встретилось уникальное – метаметафорическое – сравнение, построенное на изящном сочетании олицетворения (солнце *натягивает*) и метафоры (*ажурный чулок аллеи*): *Сад в бело-розово-фиолетовом цвету, солнце натягивает на руку ажурный чулок аллеи* [2, с. 62].

Анализ грамматической формы сравнений обнаружил умение В. Набокова виртуозно пользоваться разнообразными грамматическими средствами, способными выражать идею сходства, подобия. Однако самым значимым аспектом анализа сравнений как специфических средств поэтики В. Набокова, позволяющих проникнуть в его «картину мира», оказываются их семантико-стилистические характеристики.

В тексте романа встретилось всего несколько узуальных сравнений: (*белый*) *как мел*, (*чёрный*) *как смоль*, (*лес*) *как темная стена*, *осиная талия*, *свинцовое небо* и др. Основная масса сравнений В. Набокова – окказиональные образования. Авторские сравнения – это тонкий психологический инструмент, который позволяет «заглянуть» в глубины сознания, предсознания (и даже подсознания) и «увидеть» самые первые, самые ранние «слепки» с окружающего ребёнка мира, воспринимаемого его дологическим – сенсомоторным – сознанием-мышлением. Основания сравнений, т.е. образы-представления, с которыми сравниваются предметы, черпаются говорящим, как правило, из его личного жизненного опыта. Для В. Набокова – это мир его счастливого детства и отрочества, утерянный им после эмиграции из революционной России, – «потерянный рай». Сам выбор оснований сравнения отражает – в опосредованной форме – отношение говорящего к предмету мысли и речи. Набоковские образные, в том числе и с помощью сравнений, описания русских пейзажей, русских людей, дореволюционного столичного и провинциального быта проникнуты ностальгической любовью к России.

Основаниями сравнений у В. Набокова чаще всего выступают образы и реалии повседневной жизни, детские впечатления и восприятия окружающего мира, которые он пронес через всю жизнь: (*стёклышки*) *похожие на леденцы*, (*гривка пони*) *как зубная щетка*, (*солнце*) *как апельсин-королек*, (*мячи*

белые) как тальк, (отличаются) как горький шоколад от молочного, (шмель отскакивает) как шар на резинке, (тугой) как барабанная шкура, (прекрасный) как пергамент на свет, (поднимается) как воздушный шар, (садик) как бесцветный геометрический рисунок или крестословица и др.

Внутренней формой сравнений выступают также объекты природы: (кираса отца) как солнце, (парасоль матери) как дневная луна, (вода бежала) как в горном ущелье, (постель холодна) как глетчер, незыблемой скалой (кажется) и др. К этой же группе можно отнести сравнения с объектами фауны и флоры: (брат) подобный совенку, (шляпа) похожая на лебедя, (рука лежала) как отливом оставленная маленькая морская звезда, жёлтыми волчьими глазами (кажутся огни), (подломлены) как край гриба, (огонь лампы) как ирис и др. Частое обращение В. Набокова к сравнениям, выраженным наименованиями объектов русской природы, названиями русских растений и животных, выражает в опосредованной форме горячую любовь автора к потерянной родине. Всего дважды встретились сравнения, выраженные нерусскими реалиями: (зубы) как у молодой акулы, (барышня) с глазами газели.

Особое место среди сравнений, обращенных к миру природы, занимают сравнения, построенные на синестезии, – восприятию объектов одновременно несколькими органами чувств. В. Набоков сам признавался, что он «наделён в редкой мере так называемым *auditin coloree* – цветным слухом» [2, с. 27]. Эта способность В. Набокова была связана с восприятием прежде всего звуков речи, которые для него имели постоянные цветовые, реже тактильные параметры. Так, в желтую группу звуков он объединял оранжевое Ё, охряное Е, золотистое У, светло-палевое И; в красную группу входили вишнево-кирпичное К, розовато-фиолетовое М, розовато-телесное В, палевое Д. Звук А был густым, чёрно-бурым, Я – тёмно-коричневым, отполированным, Ю – латуневым, Ш – пушисто-сизым, Г – крепким, каучуковым, Т – пастельным, а Ч – клистирным. Такая уникальная способность В. Набокова к синестетическому восприятию мира рисует его как синтетического художника, как Мастера, воспринимающего и изображающего мир объёмно, во всем его «многоголосии». (Ср. искания в области цветомузыки М.К. Чюрлёниса и А.Н. Скрябина.)

Использование в тексте романа сравнений с категориями и феноменами художественной литературы представляет нам В. Набокова как блестящего знатока и ценителя не только русской, но и зарубежной литературы: *Очень узкие дорожки, усыпанные гравием..., и всё встречающиеся друг с дружкой, как персонажи в комедии* [2, с. 147]. *Он долго блуждал, как некий Лир* [2, с. 39]. *Встречают меня, словно я бодлеровский Дон-Жуан* [2, с. 53]. *Namчается местами какая-то гоголевская красочность* [2, с. 1007]. *Было поставлено дочери одно условие, которая та приняла с кроткой твердостью андерсеновской русалочки* [2, с. 107]. *He успел выйти из воинственно-романтической майнридовской грёзы* [2, с. 107]. *Водились замечательные виды северных бабочек да всякая аксаково-тургенево-толстовская дичь* [2, с. 45].

Личностный мир автора, однако, может ярче раскрываться через уникальные образы, почерпнутые из индивидуального жизненного опыта. Например:

Пропала и его армия: провалилось всё, провалилось, как провалились сквозь слюду ледка мои заводные паровозы, когда, помнится, я пробовал пускать их через замерзшие лужи в саду висбаденского отеля зимой 1904-1905 года [2, с. 24]. Беспомощное хлопанье его крыльев, скользкий шум его тела о борт, колыханье и чмоканье шлюпки ... – всё это показалось мне насыщенным странной значительностью, как бывает во сне, когда видишь, что кто-то прижимает перст к губам, а затем указывает в сторону, но не успеваешь досмотреть и в ужасе просыпаешься [2, с. 70]. Тени лежали с непривычной стороны, получалась полная перестановка, не лишённая некоторого изящества, вроде того, как отражается в зеркале у парикмахера отрезок панели с бесконечными прохожими, уходящими в отвлечённый мир, который вдруг перестаёт быть забавным и обдаёт душу волною ужаса [2, с. 143].

Как видно из двух последних примеров, содержание развернутых, многоступенчатых сравнений «балансирует» на грани реального и ирреального, за которой – необъяснимый ужас. Следующее сравнение полностью построено на ирреальном допущении: *Умник, пройдя через этот адский лабиринт, становился мудрецом и только тогда добирался до простого ключа задачи, вроде того как если бы кто искал кратчайший путь из Петербурга в Нью-Йорк и был шутником послан туда через Канзас, Калифорнию, Азию, Северную Африку и Азорские острова [2, с. 141].* Кроме декларированного в самом начале сравнительной конструкции нонсенса («вроде того как если бы...»), в самом сравнении смещён вектор: начальной точкой должен быть Нью-Йорк, конечной – Петербург. Думается, это не случайная ошибка, а намеренный алогизм, подкрепляющий ирреальное.

Сравнения (как правило, развернутые, многоступенчатые) отражают – явно или опосредованно – интерес автора к трансцендентальному миру, находящемуся за пределами личного опыта: *И откуда ни возьмись, она вдруг появляется, словно вырастая из золотистой земли [2, с. 112]. И в сумеречном оцепенении его кабинета молодые мои чувства подвергались – не знаю, как выразиться, – телеологическому, что ли, «целобусловленному» воздействию, как будто собравшиеся в полутьме знакомые предметы сознательно и дальновидно стремились создать тот определенный образ, который у меня теперь запечатлён в мозгу [2, с. 55]. Детская коляска была пуста, как будто «при обращении времени в мнимую величину минувшего», как удачно выразился мой молодой читатель [2, с. 19]. Увидев ... расплывчатое, ускользающее нечто в синем оттенке радужной оболочки глаза, удержавшей как будто тени, впитанные в древних баснословных лесах, где было больше птиц, чем тигров, больше плодов, чем шилов [2, с. 144]. Проезжие мужики глядят с почтительным удивлением на резвость господ, точно так же, как глядели на волан или серсо в восемнадцатом веке [2, с. 32].*

Таким образом, анализ внутренней формы сравнений – объектов (реальных и ирреальных), с которыми коррелирует предмет сравнения, – позволяет исследователю выйти на внутренний мир автора, особенности его психики, обусловленные его индивидуальным жизненным опытом.

Стилистический анализ сравнительных конструкций также выводит исследователя на авторское «Я» Набокова, обнаруживает особенности его поэтики, ярче и убедительнее очерчивает художественное пространство произведения. Репертуар стилистических функций сравнений в романе довольно широк: они выполняют номинативные, экспрессивные, эмотивные и другие функции.

Основная масса окказиональных сравнений в романе служит средством номинации и адекватной характеристики признаков реалий, способствуя тем самым созданию конкретных образов. Одновременно они могут служить средством выражения авторских (или персонажей как ипостасей автора) эмоций, средством воздействия на читателя в прогнозируемом автором направлении. Чаще всего сравнения в номинативной функции называют и характеризуют форму предметов, внешний вид персонажей, цвет предметов, характер действия и др.

а) Характеристика формы предметов: *На личике каждого цветка было тёмное пятно, вроде кляксы усов* [2, с. 147]. *Рождественский доктор прикатывал на своих лёгоньких дрожках, запряжённых крутошеей цирковой понишкой с гривкой, как зубная щётка* [2, с. 66]. *Паркетная площадка второго этажа, как палуба, обрамляет пролёт с четырёх сторон* [2, с. 51]. *Мимолётом, благодаря свету провожающего нас фонаря, чудовищно преувеличенная тень – с муфтой и в шляпе, похожей на лебедя, – несётся в обгон по сугробу* [2, с. 59]. *Зубы у меня росли как попало, один даже добавочный шёл из середины нёба, как у молодой акулы* [2, с. 109]. *Я видел идеальную форму миниатюрных ногтей на младенческой руке, которую ты мне без слов показывала у себя на ладони, где она лежала, как отливом оставленная маленькая морская звезда* [2, с. 143].

б) Характеристика внешнего вида персонажей: *... обе в кушачках и объёмистых юбках ... , они очень напоминали те два пузатых электрических вагона, которые так однообразно и невозмутимо расходились посреди ледяной пустыни Невы* [2, с. 67]. *Когда, бывало, ты поднимала его, напитанного теплой кашницей и важного, как идол ...* [2, с. 147]. *... Она была уродлива и очень толста, фигурой походя на снежную бабу* [2, с. 67]. *Морщины на суровом лбу, густые мужские брови над серыми – цвета её же стальных часиков – глазами за стеклами пенсне в чёрной оправе* [2, с. 59]. *В её светло-зеленоватых глазах располагались по кругу рыжие крапинки, словно переправляющаяся вплавь часть веснушек, которыми было усыпано её несколько зёффовое, изящное, курносенькое лицо* [2, с. 85].

в) Наименование цвета предметов: *Образ был подчеркнута ярко, как на коммерческой картинке, приложенной к полезной забаве* [2, с. 72]. *Красное, как апельсин-королек, солнце низко висело в замёрзшем сизом небе* [2, с. 49]. *Нашел знакомых галок, а в дымчато-бисерной траве – первые крокусы, словно крашенные посредством пасхальной химии* [2, с. 133].

г) Характеристика движения предметов: *Влетевший имел, как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно*

в окно [2, с. 49]. ...*И ведёт новый жёлтый мяч, и вот с пушечной силой бьёт по моему голу* [2, с. 131]. *Из сточной трубы ... суетливо и неугомно бежала вода, как в горном ущелье* [2, с. 116]. *И пока, как бельё, полоскалось это море в синьке ...* [2, с. 118].

В сравнительных конструкциях могут симультанно реализоваться несколько номинативных подфункций. Так, в предложении «*А за полями поднимался, как тёмная стена, лес*» [2, с. 78] сравнение характеризует одновременно форму и цвет предмета. В предложении «*Пляж трепетал, как цветник*» [2, с. 84] сравнение служит средством характеристики и движения, и цвета предмета.

Выполняя номинативную функцию, сравнения могут одновременно реализовывать и другие функции – экспрессивную и / или эмотивную. Экспрессивная функция – это функция придания речи особой выразительности, образности, а также выделения, акцентирования каких-либо признаков предмета с целью воздействия на читателя. Например: *Расходящиеся аллеи Леннотра и его цветники остались позади, как поезда, переведённые на запасной путь* [2, с. 148]. *Из другого фонарного окна я заглядывался на обильное падение освещённого снега, и тогда мой стеклянный выступ начинал подниматься, как воздушный шар* [2, с. 55]. *Однажды я даже нашел в чаще стенное зеркало, несколько обезображенное, но еще бодрое, прислонённое к стволу и как бы даже пьяное от смеси солнца и зелени, пива и шартреза* [2, с. 146].

Сравнения, используемые в такой функции, могут характеризовать психические качества личности (автора или персонажа) – его воображение, интеллект, память, наклонности и др. Например: *В туманном моем мозгу, как в магическом кристалле, силуэты дуэлянтов сходились в роцах старинных помещений, на Волковом поле, за Чёрной Речкой на белом снегу* [2, с. 105]. *Вижу, как на картине, его небольшую, тонкую, аккуратную фигуру* [2, с. 42]. *Всё это показалось мне насыщенным странной значительностью, как бывает во сне, когда видишь, что кто-то прижимает перст к губам, а затем указывает в сторону, но не успеваешь досмотреть и в ужасе просыпаешься* [2, с. 70].

Эмотивная функция – это способность сравнений выражать эмоциональное состояние автора, давать эмоционально-оценочную характеристику персонажа и эмоционально воздействовать на читателя в нужном для писателя направлении: *Из всех щелей дуло, постель была как глетчер, в кувшине за ночь набирался лед* [2, с. 127]. *Брат в совершенном молчании всё сваливался со своего неудобного коня, и, как в страшной сказке, лунный свет пресекался чёрными тенями придорожных гигантов-деревьев»* [2, с. 62].

Чаще всего, однако, сравнения симультанно актуализируют в тексте все потенциально свойственные им стилистические функции – номинативные, экспрессивные, эмотивные и др., что придает им большую прагматическую силу – способность максимально воздействовать на ум и чувства читателя. Так, в следующих примерах можно обнаружить комплексное функционирование сравнительных конструкций в качестве:

а) номинативных и экспрессивных средств: *Изредка дверь ожидальный отворяется с дрожью и воем в тон стуже, оттуда вырывается светлый пар, почти столь же густой, как тот, который валит из трубы шумно ухающего паровоза* [2, с. 59]. *Начиналось приятное гудение за бумагой, тугой, как барабанная шкура, и прекрасной, как пергамент на свет* [2, с. 130]. *Пляж трепетал, как цветник ...* [2, с. 84];

б) экспрессивных и эмотивных средств: *При созвучии трёх цифр, крепкая, облая, одобно-блестящая кавалергардская кираса, обхватывавшая грудь и спину отца, взошла, как солнце, и слева, как дневная луна, повис парасоль матери* [2, с. 21]. *Я мастерил и лакировал мёртвые русские стихи, которые выросли и отвердевали, как блестящие опухоли, вокруг какого-нибудь словесного образа* [2, с. 130].

Использование сравнений в комплексе их стилистических функций – как средств номинации, экспрессии, эмотивности – придает им мощную прагматическую силу: они способны эффективно воздействовать на психические (ментально-эмоциональные) сферы читателя в направлении, прогнозируемом писателем.

Сравнения являются одним из наиболее излюбленных художественных приемов писателя. Анализ языкового материала показал, что в романе «Другие берега» широко используются сравнительные конструкции разных структурно-грамматических, семантических и стилистических типов. Сравнения как бы снуют между персонажами, между писателем и читателем, они «пилят, режут, приколачивают, малюют» – выражают мысли, чувства и оценки писателя и продуцируют прогнозируемые им ментальные и эмоциональные состояния читателя. Воссоздавая картины мира детства и отрочества писателя, мира дореволюционной России, сравнения, в сочетании с другими средствами поэтики, передают ностальгическую любовь В. Набокова к потерянной родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: *Ерофеев В.* Русская проза В. Набокова // Набоков В. Собр. соч. в 4 т. – Т. I. – Москва: Правда, 1990. – С. 6.
2. *Набоков В. В.* Другие берега. – Москва: Книжная палата, 1989. – 288 с.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(Журнал “Східний світ”. – Киев, 2002. – № 1. – С. 74–79.)

Депортация и почти полувековая ссылка нанесли огромный ущерб культуре крымскотатарского народа, в частности языку и художественной литературе. В условиях ссылки крымскотатарский язык перестал выполнять все свои социальные функции, кроме одной – «семейного» языка, вследствие чего распалась стилистическая система языка. Из словарного состава исчезли – за

невыстребованностью в новых условиях проживания – огромные пласты слов, связанных с традиционными для крымских татар формами жизнедеятельности: табаководством, отгонным животноводством, промышленным садоводством, виноградарством и др.

В течение ряда лет художественная литература на крымскотатарском языке не печаталась. Начало регулярных изданий можно отнести к 1970 году, однако количество книг, изданных за годы ссылки, и их совокупный тираж равняются примерно годовой книжной продукции и годовому тиражу довоенного времени [8, с. 4].

При отсутствии школьного и вузовского образования на крымскотатарском языке не развивалась и наука о слове – филология.

В каком же состоянии находятся сегодня крымскотатарское языкознание и литературоведение?

К р ы м с к о т а т а р с к о е я з ы к о з н а н и е .

Крымскотатарский язык давно привлёк к себе внимание тюркологов (В.А. Радлов, А.Н. Самойлович, А.Е. Крымский, Э.В. Севортыян, Н.А. Баскаков и др.). В 80-х годах XX в. стали появляться научные работы, посвящённые отдельным проблемам крымскотатарского языка (С.Р. Изидинова, А.М. Меметов, Э.С. Акмоллаев, А.Н. Гаркавец и др.). Однако сегодня рано говорить о том, что крымскотатарское языкознание сформировалось как целостная непротиворечивая наука. Имеются лишь отдельные работы, посвящённые исследованию частных языковых проблем. В области лексикологии, например, рассмотрены проблемы происхождения лексики и основные тематические поля [18;19], однако до сих пор не изучены такие лексические категории, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, гиперо-гипонимия, семантические поля и др. Не описана крымскотатарская фразеология и свойственные ей категории [31; 36]. Отсутствуют работы в области фонологии: не определены разновидности (варианты и вариации) фонем и соответственно количество гласных и согласных фонем, не описаны их дифференциальные признаки и др.

Фактически не исследована и звуковая сторона крымскотатарского языка: не определён характер словесного ударения (динамическое, долготное, тоновое или комбинированное?); не исследованы типы слогов и не разработана их комплексная типология; не выявлены характерные для крымскотатарского языка типы интонационных конструкций; не описаны на репрезентативном речевом материале такие фонетические явления, как редукция, аккомодация, ассимиляция, диссимиляция и др.

Фонемный состав и звуковой строй языка сегодня невозможно изучать и адекватно описывать без использования специальной записывающей и анализирующей аппаратуры. Эти задачи могут быть выполнены лишь в лабораторных условиях. Такой лаборатории в Крыму нет.

Самым значимым в коммуникативном аспекте участком языковой системы является грамматика. Морфология, словообразование и синтаксис крымскотатарского языка описаны лишь в прикладных целях – применительно к нуждам школьного и частично вузовского образования [4; 17]. Отсутствуют монографии теоретического характера.

Выше речь шла об изучении языковых явлений в синхронии, т.е. современного состояния языка новейшего периода. Предшествующие же этапы развития языка (старокрымскотатарский язык XIII – XIX вв.) фактически не изучены. Можно назвать лишь краткий фонетический и лексический комментарий изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым «Материалов для истории Крымского ханства», выполненный А.Н. Самойловичем [21, с. 188–195].

Крымскотатарский язык нового времени – 1-ой половины XX в. – описан весьма фрагментарно [20; 12; 24 и др.]. Принимая во внимание уровень развития лингвистической мысли того периода, работы названных ученых нуждаются сегодня в переиздании с научными комментариями в системе координат лингвистики последнего времени.

Как было отмечено выше, основные участки крымскотатарского языка – звуковой строй, грамматика, словарный и фразеологический составы, семантика – не описаны в полном объеме даже в рамках системно-структурной лингвистики, которая в последние два десятилетия стала постепенно уступать свои позиции новой научной парадигме – коммуникативной лингвистике в её различных ипостасях (лингвистическая прагматика, психолингвистика, когнитивная лингвистика и др.). Об исследовании крымскотатарского языка в рамках новой научной парадигмы говорить ещё рано.

Развитие любого языка обусловлено потребностями общества. Процессы взаимодействия языка и общества протекают во многом стихийно. Ядерные участки языка – система фонем, грамматика, основной словарный фонд – развиваются по имманентным, присущим самому языку, законам. Однако в языковой системе имеются и такие периферийные участки, в которых допускается сознательное воздействие общества.

Сегодня, после длительной вынужденной паузы в развитии крымскотатарского языка и науки о нем, вызванной известными социальными катаклизмами XX в., история предоставляет ученым возможность оптимизировать развитие языка, воздействуя на его периферийные участки. К ним относятся: 1) терминология, 2) графика и 3) нормативно-стилевая система (в аспекте кодификации норм литературного языка).

1) Лингвистическая терминология – обязательный концептуально-языковой инструментарий, способствующий адекватному описанию всех уровней языковой системы и оптимизации процессов изучения и преподавания языка. Наличие или отсутствие терминологии – объективный показатель уровня развития соответствующей науки.

В довоенном Крыму была издана серия небольших русско-крымскотатарских переводных терминологических словарей (без дефиниций и иллюстративного материала) по таким учебным дисциплинам, как языкознание, литературоведение, математика, физика, химия и др. Используемая сегодня лингвистическая терминология не вполне удовлетворяет практическим нуждам высшей и средней школы: отсутствует общезыковедческая терминология; имеются терминологические лакуны в таких областях науки, как фонология, лексикология, фразеология, семантика; наблюдается мно-

гозначность, синонимия и омонимия терминов, что является недостатком терминосистемы. Так, термин *дередже* используется в разных значениях: как залог (*фишль дереджеси* – залог как глагольная категория), как степень сравнения (*сыфат, зарф дереджеси* – степень сравнения прилагательного, наречия). Однокорневое слово *дереджелик* означает «частица». Гласные переднего ряда именуются эквивалентными терминами *йымшакъ* или *ог сыра*, заднего ряда – *кьалын* или *арт сыра*.

Потребности развивающейся науки о языке, а также школьного и вузовского преподавания поставили на повестку дня проблемы создания разного типа филологических словарей, в том числе и словаря-справочника лингвистических терминов [30]. Такое учебное пособие создано коллективом автором под руководством и при непосредственном участии проф. А.М. Эмировой [33]. Это первый справочник такого рода на крымскотатарском языке. Он включает в себя около 150 словарных статей, в которых толкуются основные понятия общего и крымскотатарского языкознания.

Сегодня ощущается острая нужда в толковых терминологических словарях и других сфер знания и производства: математики, физики, химии, медицины, машиностроения и др. В теории лексикографии давно разработаны пути и способы образования терминов: заимствования из других языков, в том числе калькирование разного рода (словообразовательное, семантическое, фразеологическое, синтаксическое); специализация (сужение или расширение) лексических значений единиц общенародного языка и др. При составлении крымскотатарских терминологических словарей других областей знания специалисты должны в обязательном порядке консультироваться с языковедами. Такие экспертные функции мог бы взять на себя авторитетный научный центр – НИИ крымскотатарского языка и литературы, который функционировал в Крыму до войны и восстановления которого в последние десять лет тщетно добивается крымскотатарская научная общественность..

2) Графика – совокупность графем, знаков препинания, ударения и пр. – призвана адекватно отражать на письме звуковую сторону языка (речи). Известно, однако, что ни в одном из существующих типов письма нет идеальной графики. Поэтому, а чаще по причине изменения социальных и геополитических условий, в разных языках время от времени предпринимаются попытки оптимизации (реформы) графики.

Крымскотатарское письмо за последние семьдесят пять лет реформировалось несколько раз: до 1929 г. – арабское письмо, с 1929 по 1938 гг. – латиница, затем – кириллица, которой крымские татары пользуются по сей день. Эти реформы, как известно, были продиктованы политическими соображениями – ускорить процессы советизации и ассимиляции нерусских народов России. Сегодня впервые за всю историю развития крымскотатарского языка представилась возможность провести реформу графики, исходя не только из изменившихся геополитических условий (а они, действительно, кардинально изменились), но и из потребностей оптимизации процессов развития крымскотатарского языка и системы образования на этом языке.

В апреле 1992 г. в г. Симферополе была проведена международная научная

конференция, посвящённая проблемам перехода на латинскую графику. Новый алфавит был разработан и принят в сентябре того же года, а в 1997 г. легитимирован Верховным Советом Крыма. Сегодня всё ещё функционирует кириллица, однако крымскотатарские средства массовой информации стали активно пользоваться новой графикой. При этом бросаются в глаза орфографические и пунктуационные расхождения в оформлении текстов. Латинизация крымскотатарской графики – проблема чрезвычайно сложная, со своими «за и против». Приходится констатировать, однако, что процесс этот уже необратим: все три республиканские крымскотатарские газеты, а также телевидение пользуются латиницей (впережку с кириллицей). Проблема сегодня состоит в том, чтобы справиться с ситуацией с наименьшими потерями для языка и его носителей.

3) Нормативно-стилистическая система – это следующий участок языка, в котором допустимо сознательное воздействие общества. Любой национальный язык существует как совокупность территориальных и социальных вариантов. В крымскотатарском языке выделяют три основных территориальных диалекта: степной (кыпчакско-ногайская подгруппа кыпчакских языков), средний (кыпчакско-половецкая подгруппа кыпчакских языков) и южный (огузская группа), каждый из которых распадается на говоры и наречия. В основу литературного языка в конце 20-х гг. XX в. был положен средний диалект.

Литературный язык, как известно, характеризуется полифункциональностью, стилистической дифференциацией, большей или меньшей обработанностью и нормированностью. Нормы литературного языка – это совокупность обязательных для всех носителей языка правил употребления языковых единиц в речи, их изменения, сочетания друг с другом, написания и произношения. Эти нормы должны быть кодифицированы, т.е. систематизированы и описаны в монографиях, учебных пособиях и ортологических словарях. Нормы литературного языка призваны оптимизировать процессы языковой коммуникации – обеспечивать взаимопонимание между коммуникантами. Без единого литературного языка не могут развиваться образование, наука, искусство, общественно-политические институты.

Каково сегодня состояние крымскотатарского литературного языка и его норм? Более или менее непротиворечивый свод правил орфографии слов и словоформ разработан усилиями таких ученых, как У. Куркчи, А. М. Меметов, А.Н. Гаркавец и др. И тем не менее учителя средних школ, преподаватели вузов, писатели и журналисты испытывают большие трудности в этом плане, о чём свидетельствует разноречивость в написании одних и тех же слов на страницах газет, журналов и учебных пособий.

Хуже обстоят дела с нормами словоупотребления, грамматическими и орфоэпическими. Необходимы специальные ортологические словари (правильностей и трудностей) с разработанной системой транскрипции. До сих пор не составлен даже толковый словарь крымскотатарского языка, который призван регламентировать правильное употребление слов в речи (в

соответствии с их лексическим значением), их написание, сочетаемость и в определенной степени – произношение.

Крымскотатарское литературоведение.

Имеющиеся работы затрагивают в той или иной степени проблематику всех трёх разделов литературоведения – теории литературы, истории литературы и литературной критики, однако крымскотатарское литературоведение как целостная наука еще не сформировалось.

1) Теория литературы изучает общие законы развития литературы, её роды и виды (жанры), структуру и язык художественных произведений, приёмы и методы анализа текстов. Предметом теории литературы является также стихосложение.

Совокупная крымскотатарская художественная литература в теоретическом аспекте не описана. Следует дать подробное описание всех родов и видов литературы: эпоса, лирики, драмы – и свойственных им жанров. Неисследованной теоретической проблемой является взаимодействие крымскотатарской литературы со смежными литературами – османско-турецкой, арабской, персидской. В более поздние исторические периоды крымскотатарская литература, как известно, начала испытывать на себе влияние русской литературы, которое усилилось в начале XX в. и особенно – во второй половине XX в. Это влияние прослеживается в заимствовании как жанров, так и приемов выразительности языка.

О сильном влиянии русской художественной литературы на своё творчество свидетельствует, в частности, известный писатель крымскотатарского зарубежья Дженгиз Дагджи: “*Aslında Rus kültürü içinden çıktım. Rus kültürü ve edebiyatıyla beslendim. Eserlerimde (bazan bilerek, bazan da farkında olmadan) Rus edebiyatının önemli etkisi oldu.*” (Я вообще вышел из русской культуры. Я воспитан русской культурой и литературой. На мое творчество (осознанно или неосознанно с моей стороны) оказала значительное влияние русская литература.) [35, с. 33].

Особенно сильное влияние русской и – через её посредство – европейских литератур заметно в области крымскотатарской поэзии. Сегодня никто из поэтов не пишет в традиционных восточных жанрах рубайи, месневи, касыда, газели; редко кто пользуется стихотворными размерами аруз и эджа. Более того, крымскотатарские поэты продолжают осваивать европейские поэтические жанры. (Пример тому – переводы сонетов А. Мицкевича на крымскотатарский язык, выполненные Ш. Селимом.) Крымскотатарское стихосложение, классическое и современное, как объект теории литературы нуждается в пристальном внимании и анализе учёных-литературоведов.

Отдельная теоретическая проблема – это творчество крымских татар, пишущих на русском языке: Л. Буджуровой, Я. Бекирова, Э. Кудусова, Э. Байрамова, А. Эмировой, А. Шема, Э. Оразлы, Р. Аппазова, Р. Сейфуллы и др. К этой же группе можно отнести писателей, творящих одновременно на крымскотатарском и других языках: на родном и русском – Э. Умеров, Э. Амит, Н. Умеров, Р. Халид, Т. Халилов, С. Эмин и др.; на крымскотатарском и

узбекском языках – У. Эдемова, Ш. Алиев, И. Абдураман, С. Нагаев, А. Велиев и др. Какова диалектика взаимодействия в их творчестве национального содержания (крымскотатарской «картины мира», национальных ценностных ориентиров) и инонациональной формы? Каким образом в «поверхностной» (языковой) структуре их текстов кодируются крымскотатарские этнокультурные феномены? Эти вопросы ждут своего теоретического осмысления.

2) Истории литературы, пожалуй, «повезло» более всего. Зачатки историко-литературных исследований творчества отдельных крымскотатарских писателей можно обнаружить в средневековых поэтических антологиях – тезкере. В них даны биобиблиографические справки о придворных поэтах тюркского мира и краткая характеристика их творчества. Так, в антологию Лятифи (16 в.) включена информация об одном крымском поэте, в антологиях Кыналы-заде (16 в.) и Салима (18 в.) – соответственно о трех и четырех поэтах; в антологии Фатина (19 в.) имеются сведения о десяти крымских поэтах [1].

Попытки описания отдельных периодов в истории крымскотатарской литературы, а также особенностей творчества некоторых писателей предпринимались и в начале XX в. Можно назвать работы А. Айвазова [2], О. Акчокраклы [5], А. Лятиф-заде [16], Б. Чобан-заде [25], А. Крымского [13], А. Гирайбая [7], А. Алтанлы [3] и др. Работы названных авторов сегодня недоступны массовому читателю. Их обзор сделан в монографии И. Керимова [10], в которой на широком социально-политическом фоне показано развитие крымскотатарской литературы к. XIX – н. XX веков.

Из антологий последнего времени следует указать на [37; 14; 23]. Изданный в Анкаре (на турецком языке) 13-ый том антологии тюркских зарубежных литератур [37] посвящен крымскотатарской художественной литературе и устному народному творчеству. В нём дана краткая биобиблиографическая справка о 83 писателях (н. XIII – к. XX вв.) и образцы их текстов. Выделено два периода в развитии крымскотатарской литературы – ханский и послеханский (включая и литературу последних лет).

Предварительная периодизация литературы намечена и в [23], однако характеристика каждого периода крайне скупа и поверхностна. Так, литературе периода Золотой Орды уделено лишь 2,5 страницы текста, периода завоевания Крыма Россией – 1,5 страницы, периода «пробуждения» – 2,5 страницы и т.п.

Предстоит дать полновесное описание литературного процесса разных периодов развития крымскотатарской литературы – охарактеризовать различные литературные школы и направления в контексте социально-политических и культурных реалий каждого периода.

Особое внимание следует уделить крымскотатарской зарубежной литературе. Вынужденный исход татар из Крыма имеет давние исторические корни. Наиболее выпукло эта тенденция обнаружила себя после завоевания Крыма Россией, когда насильственный захват земель, принадлежавших крымским татарам, вынуждал их покидать родину.

В XX в. эмиграция татар из Крыма имела место в годы гражданской войны, затем – раскулачивания и коллективизации. Последняя волна эмиграции,

связанная с военными событиями 40-х годов XX в., разбилась на два потока: один унес людей – через плен и концентрационные лагеря – в Европу, оттуда – в Америку, Турцию, Австралию, другой в одночасье – актом тотальной депортации – выплеснул оставшуюся часть народа (около 200000 человек) в восточные регионы бывшего Советского Союза.

На новых местах духовная культура крымских татар продолжала развиваться, хотя и более медленными темпами, питаясь национальными традициями, но одновременно испытывая на себе влияние окружающего культурного контекста. Крымскотатарская зарубежная литература до сих пор не осмыслена во всем её объёме, не периодизирована и не описана как особый компонент духовной культуры крымских татар. Сегодня есть основания говорить о крымскотатарской литературе дальнего и ближнего зарубежья. К первой относится творчество писателей, живших и живущих за пределами бывшего Советского Союза. Ко второй можно причислить творчество писателей, живших и живущих не в среднеазиатском регионе (в местах компактного расселения крымских татар после депортации), а в других регионах СССР.

В литературе дальнего зарубежья известны имена таких писателей, как Мемет Ниязий, Джафер Сейдамет, Мемет Муедин Севдияр, Фикрет Юртер Кырымлы, Дженгиз Дагджи и др. Творчество этих писателей – бесценное достояние крымскотатарской, общекрымской и общеукраинской культур, и в этом качестве оно должно быть объективно описано и по достоинству оценено. (См. [29; 32].)

3) Наиболее слабым участком крымскотатарского литературоведения является литературная критика, призванная интерпретировать и оценивать художественные произведения с позиций социальных и общекультурных задач того или иного времени [15, с. 169, 198]. К исследованиям литературно-критического характера можно отнести работы [10; 13; 26], в которых охарактеризован литературный процесс начала XX в.

И наконец, самая важная общепилологическая проблема – литературный язык как первоэлемент художественной литературы. Возрождение и развитие национальной культуры, в данном случае – крымскотатарской художественной литературы, предполагает наличие развитого литературного языка.

Как сообщалось выше, крымскотатарская литература и соответственно письменно-литературные формы языка имеют многовековую историю и традиции. Сохранились образцы официальных документов (ханские приказы, международная переписка), деловых бумаг (дарственные, купчие, уставы ремесленных цехов и др.). Дошли до наших дней также прекрасные образцы средневековой дворцовой лирики XVII в. Старокрымский письменный язык той эпохи находился под сильным влиянием общетюркского литературного языка. Литературные традиции Джучиева улуса, по мнению А.Н. Самойловича, соседствовали в нём с чертами османско-турецкого литературного языка [21, с. 189], что проявлялось, в частности, в обилии арабско-персидских лексико-фразеологических и грамматических категорий и форм. В целом эти тексты были далеки от живых народных говоров. Даже в начале XX в., по

наблюдениям А.Н. Самойловича, письменно-литературный язык становился «понятен крымским татарам только после специального его изучения» [20, с. 11].

Письменные формы литературного языка к XIX – н. XX вв. не отличались однородностью: некоторые тексты были ориентированы на турецкий литературный язык (по мнению А.Е. Крымского, таким был язык газеты «Терджиман» И. Гаспринского [13]), другие были исполнены на разных крымских диалектах. Как известно, в середине 20-х годов XX в. было принято решение о переориентации литературного языка на средний диалект крымскотатарского языка. Предполагалось, что дальнейшее развитие литературного языка будет происходить путем отказа от арабско-иранских элементов при разумном сочетании наиболее коммуникативно значимых единиц из кыпчакских и огузских говоров Крыма.

Процессы становления крымскотатарского литературного языка были прерваны войной (1941–1945 гг.) и тотальной депортацией народа.

Сегодня к литературному языку предъявляются иные требования: он в первую очередь должен оптимально выполнять коммуникативно-познавательную функцию, а также функцию социально-консолидирующую, т.е. способствовать объединению крымских татар, говорящих сегодня на разных территориальных диалектах, в сильную нацию с развитой культурой. В этих условиях литературный язык понимается как обработанная и нормированная форма общенародного языка, имеющая наддиалектный характер. (О нормах литературного языка см. в разделе «Крымскотатарское языкознание».) Без развитого литературного языка не может быть высококачественной художественной литературы и науки о ней – литературоведения во всех его ипостасях.

Как видно из сказанного, многие участки крымскотатарской филологии ждут своего исследования. Медленные темпы развития филологической науки объясняются отсутствием высококвалифицированных учёных (сегодня работают три доктора и несколько кандидатов филологических наук) и необходимых условий для их подготовки. Следует наконец создать благоприятные условия для развития крымскотатарской филологической науки: увеличить количество мест в целевой аспирантуре, установить достойную оплату труда аспирантов и их научных руководителей и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдульваапов Н.Р.* Османские тезкере // Крымский музей. 1995–1996. – Симферополь: Таврия, 1996.
2. *Айвазов А.С.* Миллий Кърым эдебияты // Ватан хадими. – Карасубазар, 1908. – № 21.
3. *Алтанлы А.* Шамиль Тохтаргъазы ве Асан Чергеев // Большевик ёлу. – Акъмесджит, 1935. – №№ 4, 6–10.
4. *Акъмоллаев Э.* Кърымтатар тилининъ амелияты. – Ташкент: Укитувчи, 1989.
5. *Акъчокъракълы О.* Кърым тюрк-татар эдебиятынынъ къыскаджа тарихеси // Миллет. – Акъмесджит, 1920. – № 6.
6. *Гаркавец А.Н.* Очерк крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии // Асанов Ш.А., Гаркавец А.Н., Усеинов С.М. Крымскотатарско-русский словарь. – Киев: Радянська школа, 1988.

7. *Гурайбай А.* Кърым эдебиятына бир бакъыш. Кърым шаирлери. – Костендже, 1935.
8. *Граннес А.* Опыт библиографии советской художественной литературы на крымскотатарском языке с первых изданий в ссылке до конца советского периода (1957 – 1991). – Норвегия, Берген, 1994.
9. *Керим И.А.* Медений эснас (1920–1938). – Симферополь: Таврия, 1997.
10. *Керим И.А.* XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башына кырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. – Симферополь, 1998.
11. *Керим И.А.* И. Гаспринскийнинъ «Молла Аббас» романы акъкъында // И. Гаспринский. Молла Аббас. – Т. 1. – Симферополь, 2001.
12. *Кримський А.Е.* Неоднакові групи татарських нарiччiв у Криму – на надбережному й гiрському пiвднi та на степовiй пiвночi. Стан дослiдiв над ними // Кримський А.Е. Тюрки, їх мови та лiтератури. Тюркськi мови. Вип. II. – Київ, 1930.
13. *Кримський А.* та ин. Студiї з Криму, I–IX. Исторiя ханства, взаємовiдносини з Україною, нарис кримсько-татарського письменства. – Київ, 1930.
14. *Къуртнезир З.* Къырымтатар эдиплери. Омюр ве яратылдылыкълары акъкъындв къыска малюматлар. – Симферополь: Таврия, 2000.
15. Литературный энциклопедический словарь. – Москва, 1987.
16. *Ляtif-заде А.* Къырымтатар эдебиятынынъ сонъки деври акъкъында // Окъув ишлери. – Акъмесджит, 1927. – №№ 4–5.
17. *Меметов А.* Татар тили грамматикасыннынъ практикумы. – Ташкент, 1984.
18. *Меметов А.М.* Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент, 1988.
19. *Меметов А.М.* Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь, 2000.
20. *Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики. – Петроград, 1916.
21. *Самойлович А.Н.* К истории крымскотатарского литературного языка // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. – Симферополь, 2000.
22. *Усеинов Т.Б.* Къырымтатар эдебиятынынъ орта асырлар деври. – Симферополь, 1999.
23. *Фазыл Р., Нагаев С.* Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи. – Симферополь, 2001.
24. *Чобан-заде Б.В.* Къырымтатар ильмий сарфы. – Акъмесджит, 1925 (арабским письмом).
25. *Чобан-заде Б.* Къырымтатар ильмий сарфы / Под ред. А.М. Эмировой. – Симферополь, 2003 (кириллицей).
26. *Чобан-заде Б.В.* Сонъ девир къырымтатар эдебияты. Тенкъит теждрибелери. – Акъмесджит, 1928 (арабским письмом).
27. *Эмирова А.М.* Крымскотатарский язык: последствия геноцида // Кримські татари: історія і сучасність. (До 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994). – Київ, 1995.
28. *Эмирова А.М.* Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1997. – № 1.
29. *Эмирова А.М.* Крымскотатарская зарубежная литература как феномен крымской культуры // Диалог культур: этнические реалии и будущее Крыма. Международная научно-практическая конференция. Сб. статей. – Симферополь, 1997.
30. *Эмирова А.М.* Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3.
31. *Эмирова А.М.* Сопоставительная характеристика фразеологии русского и крымскотатарского языков: универсальное и специфическое // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1999. – № 6.
32. *Эмирова А.М.* Феномен Дженгиза Дагджи // Эмирова А.М. Крым – любовь и боль моя. – Симферополь, 2000.
33. *Эмирова А.М., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С.* Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты. – Симферополь, 2001.
34. *Юнусов Ш.Э.* Крымскотатарська поезія 1920 років. Автореф...канд. філол. наук. – Київ, 1998.

35. Cengiz Dağcı. *Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden)*. – Ankara: 1998.
36. *Emirova A. Kontrastive Analyze somatischen Phraseologie im Russischen und Krimtatarischen // EUROPHRAS – 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und Kulturelle Vielfalt*. – Bochum, 1998.
37. *Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. 13. Kırım Türk-Tatar Edebiyatı*. – Ankara, 1999.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

(Журнал “Східний світ”. – Київ, 2002. – № 2. – С. 113–120. См. также: Лингвистическая концепция Бекира Чобан-заде // Бекир Чобан-заде. Къырымтатар ильмий сарфы. – Симферополь: Доля, 2003. – С. 18–29. На турецком языке: *Bekir Çobanzade’nın Dil Bilimi Anlayışı // Karadeniz Araştırmaları. Balkan, Kafkas, Doğu Avrupa ve Anadolu incelemeleri dergisi*. – Türkiye, 2006. – № 11. – S. 1–12.)

Тотальная депортация и ссылка крымских татар нанесла огромный ущерб их языку и культуре в целом [22–24]. Однако уничтожение крымскотатарской культуры советским режимом началось еще в начале 20-х годов XX в., особенно же – в годы сталинских репрессий, когда тысячи деятелей крымскотатарской культуры были арестованы и загублены в тюрьмах и лагерях. На их имена и творчество было наложено табу. Одной из самых ярких фигур репрессированного поколения крымских татар был известный учёный-тюрколог, поэт и общественный деятель Бекир Чобан-заде (1893–1937 гг.).

Жизни и творчеству ученого посвящено большое количество работ разного жанра. В монографии турецкого исследователя Исмаила Отара, со ссылкой на работу С. Нагасва [7], указаны 72 работы, опубликованные в 1927–1989 гг. [30, с. 49–52]. Десятки статей увидели свет в последующие годы. Большая часть работ о Б. Чобан-заде носит информационный характер: в них сообщаются факты жизни и деятельности ученого [2;10]. Что касается научного наследия, то оно фактически не исследовано. И. Отар, не будучи языковедом, вообще не ставил перед собой задачи описать и оценить научные труды ученого: “*Kâfi bilgiye sahip olmadığımızdan, gramer bakımından izahata girmedik*”. (“Из-за недостатка знаний мы не смогли дать грамматического комментария”.) [30, с. 28]. По мнению проф. Д.П. Урсу, “современные лингвисты-тюркологи редко обращаются к научному наследию крымского ученого. Это происходит частично по незнанию его трудов и их отсутствию в библиотеках, частично же из-за того, что филологическая наука за последние 60–70 лет пережила огромные изменения. Иными словами, изменилась сама парадигма науки. Открытия Б. Чобан-заде, Е. Поливанова и многих других передовых учёных сегодня воспринимаются как нечто хрестоматийное, общеизвестное...” [10, с. 88–89].

В ряду работ о Б. Чобан-заде следует выделить небольшие по объёму статьи Ф.Д. Ашнина [1] и А. Меметова [6], в которых сделана попытка общей характеристики научного наследия ученого. В целом информационный подход

к подаче материала в этих работах превалирует над аналитико-оценочным. Так, Ф.Д. Ашнин дал общую характеристику взглядов ученого на проблемы происхождения тюркских языков, их классификации, связей с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками; отметил исторический подход учёного к анализу языковых фактов; указал на его заслуги в области тюркологической терминологии и формирования тюркских литературных языков. А. Меметов информировал читателя о структуре и содержании “Крымскотатарской научной грамматики” и других работ ученого в области общей тюркологии, крымскотатарского и азербайджанского языкознаний, лексикологии и терминологии тюркских языков.

Научное наследие Б. Чобан-заде практически недоступно современному крымскотатарскому читателю, так как основные его труды, прежде всего монографии и учебные пособия [12; 14–16; 19–21], изданы арабской графикой, а с 1929 г. – латинской графикой на азербайджанском языке. Исключение составляют “Крымскотатарская научная грамматика” [13] и “Крымскотатарская литература новейшего периода” [18], которые, по свидетельству самого ученого, написаны на османском (турецком) языке.

Исчерпывающее описание лингвистической концепции Б. Чобан-заде может быть выполнена лишь на основе анализа его основных работ, посвящённых проблемам общего и частных языкознаний (крымскотатарского, азербайджанского, кумыкского, узбекского и др.). Однако на сегодняшнем этапе развития крымскотатарского языкознания представляется необходимым начать с основного труда ученого – “Крымскотатарской научной грамматики”. Монография подготовлена к переизданию под научным руководством проф. А. Эмировой⁶⁷. Публикация именно этой монографии в качестве первой акции в деле “издания полного академического собрания сочинений великого ученого-тюрколога, объединившего цивилизации Востока и Запада” [10, с. 89], объясняется не только тем, что она является единственной научной грамматикой крымскотатарского языка, написанной на одном из тюркских языков (см. [29]), но и тем, что в ней затронут широкий круг общезыковедческих проблем. Последнее обстоятельство позволяет в первом приближении наметить узловые участки лингвистической концепции Б. Чобан-заде.

“Крымскотатарская научная грамматика” состоит из трех частей: 1. описательной, 2. сравнительной и 3. исторической.

В предисловии к первой части автор заявляет, что в своей работе он исходил из двух принципов: 1. максимально использовать методы современной ему лингвистики, 2. постоянно держать в поле зрения факты живого народного языка. Здесь же он объясняет причины, побудившие его написать свой труд на османском (турецком) языке, который в начале XX в. использовался в Крыму в качестве одной из форм письменно-литературного языка: “Эсеримизнинь османлы тюркчесинде язылмасына кельгенде, бу бугунь даа сонью корюндеген

⁶⁷ А.М. Эмировой написаны предисловие, примечания, составлена библиография и др.; Н.С. Сеитягъевым выполнены транслитерация текста грамматики с арабского письма на кириллицу, его адаптация к нормам современного крымскотатарского языка, составлены предметный и именной указатели и глоссарий.

шиве къавгъасына чатмамакъ, анълашылмагъан уйдурма табирлерден къачмакъ, ниает, эсернинъ даа кениш даире ичинде файда кетирмесини темир этмек арзусындан олгъандыр”. (“Что касается того, что наш труд написан на османском тюркском языке, то это было вызвано желанием не включаться в нескончаемые до сего дня споры о (крымскотатарских) диалектах, избежать употребления непонятных, выдуманных терминов, наконец, обеспечить эффективное использование его в более широких кругах.”) [13, с. 2].

Обосновывая структуру монографии, автор декларирует исторический подход к анализу языковых явлений: чтобы понять современное состояние крымскотатарского языка, следует знать его историческое прошлое и выяснить его связи с другими тюркскими языками. В соответствии с заявленным историческим принципом анализа в названных трех частях монографии рассмотрены следующие вопросы: 1. звуковой строй, словообразование и словоизменение современного крымскотатарского языка, 2. сравнительная характеристика тюркских языков, 3. их историческая периодизация.

Автор монографии сознавал, что она не лишена недостатков, но считал, что её следует оценивать как первый опыт написания крымскотатарской научной грамматики, каждая часть которой в дальнейшем может быть расширена и издана в виде отдельной книги. Учёный планировал в ближайшие годы издать серию книг [12; 14; 15; 21], в комплексе с которыми данная монография, по его мнению, приобретёт необходимую содержательную полноту.

Во введении к первой части кратко определены основные лингвистические понятия, которые составили необходимый теоретический каркас монографии: язык; наука о языке и её разделы; происхождение языка и слова; строение речевого аппарата; связь языкознания с другими науками; литературный язык и живые народные говоры; социальные функции языка и др.

В целом эти понятия соответствуют уровню развития лингвистической мысли начала XX в. и во многом сохранили свое содержание до сего дня. Например, одна из современных теорий происхождения языка утверждает, что язык первобытного человека состоял из 20–40 знаков разного типа – неартикулированных звуковых комплексов и кинетических знаков (жестов, мимики, телодвижений, поз). Верно описан речевой аппарат человека и функции его составляющих; отмечена связь языкознания с физикой, анатомией, физиологией, психологией, категориями которых пользуется лингвистика.

Некоторые лингвистические понятия и положения, изложенные в этом разделе, за истекшие после издания монографии Б. Чобан-заде 80 лет изменили своё содержание – расширили и углубили его. Сегодня иначе толкуются понятия лексического значения слова, литературного языка, насчитывается иное количество тюркских языков ⁶⁸ и др.

⁶⁸ Б. Чобан-заде говорил о примерно 20 тюркских языках. Количество тюркских языков в последующие годы определялось по-разному. Так, в коллективной монографии [27], изданной АН СССР в 1966 г., указано 23 живых языка; в учебном пособии А.А. Реформатского [8] – 25 живых и 7 мертвых языков; в монографии Н.А. Басакова [3] – 27 живых и 12 мертвых языков. В новейшей коллективной монографии “Тюркские языки”, изданной ИЯ РАН в серии “Языки мира” в 1997 г. [28], отмечено 39 живых и 15 мертвых тюркских языков.

В разделе “Фонетика” дана классификация гласных и согласных звуков крымскотатарского языка, а также охарактеризованы процессы взаимодействия звуков в речи (фонетические процессы). Звуки описаны по месту и способу образования, а также по соотношению в них голоса и шума. В целом эта классификация может быть принята с некоторыми оговорками. В таблице классификации гласных, например, указано 9 основных звуков (фонем?), в таблице классификации согласных – 23 звука. Термин “фонема” автором грамматики вообще не используется, и потому неясно, являются ли представленные в таблицах звуки самостоятельными фонемами или среди них имеются разновидности (варианты, вариации) фонем. Так, среди гласных отмечено два сходных звука – средненебный (таньнай ортасы) [э] и передненебный (таньнай огу) [ä] - открытое [а]. Неясно также, как соотносятся между собой звуки [h] и [x]. В таблице согласных отсутствует задненебный носовой [ŋ], который имеется в крымскотатарском языке (*сонъ, манълай, онъайт, онъмакъ* и др.).

Сам автор грамматики осознавал неполноту своих таблиц, однако считал, что пока не настало время детальной характеристики звуковой стороны крымскотатарского языка: «Лякин бугунь бойле бир тешеббюс заманы дегильдир» [13, с. 14].

В подразделе “Взаимодействие звуков” в общих чертах описаны такие фонетические процессы, как явление конца слова (оглушение звонких в ауслуате)⁶⁹, ассимиляция согласных и гласных (сингармонизм), разного рода

Количественные расхождения объясняются политическими и социально-психологическими факторами. В период существования СССР, как известно, активно протекали процессы ассимиляции малых народов, их консолидации и образования на этой основе единых литературных языков для группы близкородственных языков. Эти процессы интерпретировались как достижения так называемой “ленинской” национальной политики. С распадом СССР наметились и набирают силы противонаправленные процессы – дифференциации близкородственных языков, продиктованные стремлением народов к политической и экономической независимости и возрождению своей национальной культуры, в том числе и языка, как базового элемента культуры. См. в [28] статьи о барабинском, долганском, крымчакском и др. языках.

В советских изданиях иногда отсутствовала информация о языках тюрков, проживавших за рубежом. См. в [28] статьи о сарарском, сарыг-югурском, сонкорско-тюркском, халаджском и других языках.

⁶⁹ 3. **Чередование звонких и глухих согласных в ауслуате**, т.е. в абсолютном конце слова (*буюк - буюги, тюп - туюбу*), и отсутствие такого чередования в некоторых словоформах (*къат - къаты, коп - кою*) автор монографии объясняет диалектными различиями. Можно предложить, однако, иное толкование данного феномена, а именно: чередование наблюдается в тех случаях, когда в ауслуате оказывается изначально звонкий согласный, который в такой слабой для него позиции регулярно оглушается (*эшек - эшеги, къулакъ - къулагъы*). В тех же случаях, когда в ауслуате находится исконно глухой согласный звук, чередования не происходит (*акъ - акъы, ат - аты*). Дополнительным аргументом в пользу нашего допущения являются и случаи оглушения звонких согласных в составе арабизмов (*китан - китабы, мектеп - мектеби*), которые в арабском письме передаются графемой со звуковым значением [б]. Не случайно в 30-е годы XX в., после перевода крымскотатарского письма на латиницу, эти и подобные им слова писались *kitab, mekteb*. Данный вопрос актуален и сегодня, в связи с переходом крымскотатарского письма на латинскую графику.

выкидки звуков – элизия, афферезис, синкопа и др. (Некоторые из перечисленных выше терминов в лингвистике 20-х годов XX в. ещё не употреблялись.)

Очень кратко охарактеризовано крымскотатарское ударение: выделение слога происходит путем усиления гласного звука (*resp.* ударение силовое, динамическое); ударение падает преимущественно на последний слог слова или словоформы; в многосложных словах можно обнаружить дополнительное ударение, которое падает на один из начальных слов. Кроме слогового, выделено логическое ударение.

В разделе “Морфология” автор грамматики поставил перед собой задачу – определить способы словообразования и формообразования в крымскотатарском языке. Разграничены корневые и аффиксальные морфемы и описаны звуковые, семантические и функциональные различия между ними. В частности, автор грамматики считает, что одним из дифференциальных признаков аффиксов, отличающих их от корней, является сходство их формы (звучания), благодаря чему слова с такими аффиксами откладываются и хранятся в сознании человека в виде связки, комплекта (*байгъын, салгъын, балгъын*)⁷⁰.

Описаны следующие способы словообразования: 1. аффиксация; 2. усечение и повтор корня с изменением звука в ауслaute (*бем-бяз, дос-догъру*); 3. сочетание соотносительных по звучанию и значению слов (*ялан-яньлыш, яхши-яман, бала-чагъа*); 4. повтор корня с протетическим [м] (*аш-маш, эв-мев*).

В зависимости от способа словообразования слова в крымскотатарском языке распределены по следующим группам: непроеводные (*баиш, кучук*), проиеводные, образованные путем аффиксации (*далгъын, яныкъ*), сложные (*алтыпат, аишана*) и служебные слова, которые в отличие от самостоятельных слов никогда не сочетаются с аффиксами (*киби, ичюн*).

Замечено, что слова, квалифицируемые в синхронии как непроеводные, т.е. состоящие из одного корня, в диахронии распались на корень и аффикс (*буюк < бу+юк, сьдэжакъ < ыс+дэжакъ, арслан < арл+ан*). Эти примеры свидетельствуют о том, что автор грамматики различал синхроническое и диахроническое состояние языка, знал, что звуковая и морфемная структуры слова исторически изменяются.

Описать грамматику языка, по мнению Б. Чобан-заде, значит выявить все аффиксы, разделить их на классы, разряды в зависимости от их

⁷⁰ Хранение в сознании человека определенным образом организованных, систематизированных языковых единиц современная психоллингвистика (раздел общего языкознания, изучающий ментальные процессы порождения, восприятия и интерпретации речи) объясняет возникновением между ними ассоциаций – когнитивных (мыслительно-познавательных) связей, которые могут “опираться” как на сходство формы, так и на близость или контрастность содержания. Более того, ассоциации могут возникать и на основе смежности предметов и их свойств, а также причинно-следственных отношений между ними, отражённых в значениях языковых единиц. Сформированные в результате ментальных процессов аналогии, категоризации разного типа группировки языковых единиц в сознании человека называются языковыми полями. Языковые поля могут быть разного типа: семантические, тематические, собственно ассоциативные, морфосемантические и др. См. [5, с. 380–381; 25, с.19; 26, с.18].

функций в процессах словообразования и охарактеризовать со стороны формы и содержания (грамматического значения). Выделены аффиксы словообразовательные и словоизменительные.

Очень подробно, с привлечением большого фактического материала, описаны словообразовательные аффиксы и их грамматические значения. Например, варианты аффиксы *-лыкь/ -лик/ -лукь/ -люк/* могут выражать следующие грамматические значения: количества (*аршынлыкь, ичимлик*), места (*ташлыкь, бахчалыкь*), предметности (*козьлюк, бурунлыкь*), абстрактного признака (*байлыкь, гузеллик*), времени (*омюрлик, айлыкь*).

Отдельно рассмотрены мертвые (*джансыз*) аффиксы – непродуктивные словообразовательные аффиксы, которые срослись с корнем в результате процесса опрощения морфемной структуры слова и в современном состоянии языка (в синхронии) не выделяются в качестве самостоятельной морфемы: *-джа/ -ча/ (къоджа, индже), -ман/ -мен/ (къурман, шишман), -къа/ -гъа/ -ке/ -ге/ (къырмакъа, сирке), -ыт/ -ит/ -ет/ -ют/ (кечит, когет, огют), -тай/ (къурултай, Алтай)* и др. Перечисленные аффиксы восходят к некогда самостоятельным словам.

Выделены и описаны (по значению и произношению) формообразовательные аффиксы имени и глагола, образующие формы падежа и числа разного типа имен (существительных, местоимений и др.) и формы глагольных категорий. Весьма ценны в этом разделе попутные сведения об особенностях диалектного произношения некоторых корней и форм: *манъа – мана - маа, санъа – сана - саа, алып кель - апкель, не шиле - нешле, не яп - няп* и др.

Большая часть данного раздела грамматики посвящена анализу глагольных форм и образующих их аффиксов. Выделены и описаны аффиксы, образующие глагольные формы от имен (*-ла/ -ле, -ар/ -эр, -лан/ -лен, -а/ -э*), от глаголов (*-т, -ур/ -юр/ -ир, -дыр/ -дир/ -тур/ -тюр*), отрицательные формы глагола (*-маз/ -мез/ -мас/ -мес, -ма/ -ме, -ув/ -юв, -ыш/ -иш*) и др. Описаны также формы настоящего, прошедшего и будущего времён, формы лица, числа, залога и др.

В разделе “Служебные слова” представляют интерес рассуждения учёного относительно грамматического статуса слов *шимди, къышын, язын, ярын* и т.п., которые, по мнению проф. А.Н. Самойловича, являются наречиями. Б. Чобан-заде показал, к каким ошибкам может привести экстраполяция категорий русского языка на крымскотатарский: способность этих слов образовывать регулярные именные формы (*ярын - ярындан, ярынлыкь, ярынджи*) свидетельствует о том, что они являются “живыми” формами самостоятельных слов – имен существительных.

Служебные слова, по мнению Б. Чобан-заде, отличаются от самостоятельных тем, что они не способны сочетаться с аффиксами, не имеют самостоятельного лексического значения, но способствуют изменению значений предыдущих (*сайын, киби, бери* и др.) или последующих слов (*нек, анджакь, тек, даа, эгер* и др.).

К служебным словам в грамматике отнесены междометия (*ай, ой, ах, вах, уф, вай*), в том числе и звукоподражания (*дран-дран, шарт-шарт, гуррь* и др.).

Вторая часть труда Б. Чобан-заде посвящена сравнительному анализу тюркских языков. Здесь он изложил современные ему теории и гипотезы происхождения тюркских народов, локализации их прародины (северные регионы Средней Азии – Кавказские горы – Месопотамия – Прибалтика), исторической дифференциации единой этнической и языковой общности тюрков на отдельные народы и языки, которая произошла еще до VII в. н.э.

В процессе исторического развития и дифференциации тюркских языков в них происходили следующие изменения: 1. распределение форм с одинаковыми грамматическими значениями и функциями по разным языкам; 2. изменение звукового (фонемного) состава морфем, слов и словоформ; 3. образование новых форм; 4. исчезновение старых форм; 5. изменение лексических значений слов.

Исторические изменения в грамматическом строе языков Б. Чобан-заде объясняет двумя противонаправленными факторами: индивидуальными особенностями употребления языковых единиц (произношения, написания, сочетания друг с другом и др.) и тенденцией к аналогии, т.е. к единообразному употреблению слов и форм. Так, появление в языке форм типа *агъамнен* из *агъамлен* произошло, по мнению учёного, в результате действия закона аналогии⁷¹.

Не соглашаясь с классификацией тюркских языков, предложенной В.В. Радловым, автор грамматики предлагает делить тюркские языки на две группы – огузские и чагатайские, между которыми много общих признаков.

Далее рассмотрены проблемы сравнительной фонетики и словообразования современных тюркских языков.

Охарактеризованы такие особенности звукового строя: в абсолютном начале слова в исконно тюркских словах не может быть звуков [р], [л], а также сочетаний согласных [см], [шк], [сн]. Эти звуки встречаются только в заимствованиях, а на почве крымскотатарского языка они регулярно преобразуются протетическими гласными [э], [и], [у]: *руба* - *уруба*, *рус* - *урус*, *рум* - *урум*, *леген* - *элеген*, *Станбул* - *Истанбул*, *скендже* - *ишкендже*, *эскендже* и др. То же касается начальных [з], [ф], [һ]. Такие звуки и звукосочетания, считал Б. Чобан-заде, могли произносить только образованные горожане.

Особый интерес сегодня, в связи с постепенным переходом крымскотатарского письма с кириллицы на латиницу, представляют свидетельства Б. Чобан-заде о произношении начального [һ] в заимствованных словах: *һеляк*, *һарун*, *һейет* и др. По его наблюдениям, в некоторых османских и крымскотатарских говорах под влиянием произносительных норм, культивировавшихся в медресе, появились новые варианты произношения – с начальным [һ] – не только в заимствованиях, но и в исконно тюркских словах. Новые и старые формы использовались в речи параллельно: *һекбе* - *экбе*, *һанги* - *анги*, *һеп* - *эн*, *һоргюч* - *оргюч*, *һайды* - *айды* и др. По мнению турецкого

⁷¹ Последние примеры следует интерпретировать не как проявление закона аналогии, а в качестве явлений ассимиляции согласных, которые с той или иной регулярностью встречаются в устной речи. См. [5; с. 48; 25, с. 21; 26, с. 8–9].

языковедца Наджипа Асыма, это произошло под влиянием арабского и персидского языков⁷².

В следующем разделе второй части грамматики характеризуется артикуляционная база тюркских языков, т.е. совокупность типовых движений органов речи, необходимых для производства звуков какого-либо языка. В древних тюркских языках, отраженных в орхоно-енисейских надписях, по мнению Б. Чобан-заде, превалировала заднеязычная артикуляция. В более поздние времена стала заметна тенденция к замене заднеязычных согласных в составе слов более передними, например [нъ] → [н]: *деньгиз - дениз, донъгъуз - домуз* и т.п. Такие процессы способствовали благозвучию тюркских (прежде всего – огузских) языков.

С целью выявления характерных особенностей таких тюркских языков, как чувашский, якутский, османский, киргизский, татарский и др., они сравниваются друг с другом и с крымскотатарским языком в звуковом и морфемном отношении. При этом базой сравнительного анализа служит крымскотатарский язык. На репрезентативном языкевом материале (соотносительные лексические ряды) описаны звуковые соответствия крымскотатарского и чувашского, крымскотатарского и якутского и др. языков.

Перечислены и кратко охарактеризованы словообразовательные и словоизменительные аффиксы в названных языках и их корреляты в крымскотатарском языке. Сравнены системы местоимений, числительных, глаголов и их категориальных форм и т.п.

Выводы, сделанные в конце данного раздела, согласуются с современной теорией языкознания и обогащают её новым фактическим материалом: изменения, происходящие в родственных языках в процессе их исторического развития и дифференциации, не случайны, а подчиняются языковым законам – общим, универсальным (свойственным всем языкам мира) и частным (характерным для одного языка или группы близкородственных языков), диахроническим (имевшим место на предшествовавших этапах развития) и синхроническим (действующим в современном состоянии языка), внешним (обусловленным историей общества и различными сторонами человеческой деятельности) и внутренним (имманентным, проистекающим из самой природы языка).

В третьей части грамматики Б. Чобан-заде дана историческая периодизация тюркских языков: выделены и кратко охарактеризованы орхонский, уйгурский, чагатайский периоды. Наука в начале прошлого века располагала очень незначительными сведениями об истории развития тюркских народов.

⁷² Арабские увулярные (язычковые), фарингальные и гортанные звуки, обозначаемые в арабском письме разными значками (хамза, айн, ха и др.), в крымскотатарском произношении начала XX в. обнаруживали большое сходство между собой в связи с отсутствием в крымскотатарском языке таких звуков (следовательно, и навыков их произношения у носителей языка). В крымскотатарской латинице, функционировавшей в 1929 – 1938 гг., этим звукам арабского языка соответствовали две буквы – *x* и *h*, которые при чтении текстов часто не различались: *ixtar, tarix, hem, hangi, harif* и др. (В разговорной речи произносился только заднеязычный, обозначаемый буквой *x*: *tarix*, но *ep, angi*).

Такую информацию, считал ученый, можно извлечь из языка. Имеющиеся в современных языках лексические заимствования свидетельствуют о том, что тюркский язык-основа (праязык) существовал уже в глубокой древности, за несколько тысячелетий до Рождества Христова. Однако ни одного памятника письменности того времени до нас не дошло, поэтому наука располагает только гипотезами относительно состояния тюркских языков того периода.

Самые ранние памятники древнетюркской письменности – орхон-енисейские надписи – относятся к концу VII – началу VIII вв. В грамматике Б. Чобан-заде даны краткие сведения об истории открытия и расшифровки этих надписей, приведены образцы с лексико-грамматическими комментариями.

Аналогично (образцы текстов, исторический и языковой комментарий, глоссарий) описаны тюркские письменные памятники уйгурского периода (XI–XIII вв.): “Кудатку билиг”, “Дивану лугат ат-тюрк” Махмуда Кашгарского – и чагатайского времени (XIV–XVII вв.): “Кыссасу-ль-энбия” Рубгузи, произведения Ахмеда Есави, Али-шира Навои, Бабур и др.

Здесь же отмечены характерные особенности чагатайского языка: начальные [b], [m], [n] вместо [v], [d], [b] (*бар - вар, даш - таш, мен - бен*); аффиксы *-гъан/ -ген* вместо *-ян/ -ен* (*окъугъан - окъуян*) и др. По мнению Б. Чобан-заде, эти признаки свидетельствуют о том, что крымскотатарский язык возник на основе скрещения южнотюркских (огузских) языков с чагатайским.

Наиболее близким (в звуковом, формальном и семантическом планах) к современному крымскотатарскому языку памятником письменности, считал автор грамматики, является “Кодекс куманикус”. Приведены несколько загадок из этого памятника и даны их современные крымскотатарские соответствия.

В выводах к исторической части своего труда Б. Чобан-заде утверждает, что современные тюркские языки сохранили большую близость с языками предшествующих периодов, чем это наблюдается в других языковых семьях. Объяснение этому феномену учёный видит в том, что еще два – три столетия тому назад тюрки, в связи с кочевым образом жизни, были очень тесно связаны, переплетены друг с другом. Именно этим обусловлена общность не только языковых, но и художественных, и концептуальных (мыслительно-познавательных) форм и категорий всех тюркских народов, включая якутов и чувашей.

Отмечены следующие тенденции в историческом развитии тюркских языков: изменение фонемного состава корней, которое происходило в соответствии с тенденцией к смещению артикуляционной базы с задних позиций на более передние; слияние аффиксов с корнями (процессы опрощения); исчезновение аффиксов: *-вул* (*къаравул, ясавул*), *-ры/ -ри* (*илери, кери, ары*) и др.; исчезновение корней: *асыгъ – файда, аджун – дюнья* и др.; возникновение новых корней и аффиксов.

Подчеркнуто, что перечисленные изменения в системе языков не случайны: они подчиняются языковым законам – внутренним и внешним, общим и частным, синхроническим и диахроническим.

Читая сегодня научную грамматику крымскотатарского языка Б. Чобан-заде, нельзя не заметить обширных знаний ученого в области общего языкознания и тюркологии, его стремления применять достижения европейского и русского языкознания к анализу тюркских языков. Богатый фактический материал, использованный в работе, тонкий анализ языковых явлений, умение разграничивать факты синхронии и диахронии языка – несомненные достоинства труда ученого. Остается незыблемой оценка, данная в свое время Ф.Д. Ашниным: “Бекир Чобан-заде был одним из самых эрудированных тюркологов своего времени, неизменно учитывавшим достижения передового западного и русского языкознания” [1, с. 210].

Монография Б. Чобан-заде и сегодня, спустя 80 лет после ее написания, не потеряла своей теоретической ценности. Новая крымскотатарская научная грамматика должна быть создана на базе достижений языкознания последних лет, с применением новейшего концептуально-терминологического аппарата. “Крымскотатарская научная грамматика” Бекира Чобан-заде, без сомнения, станет одним из краеугольных камней научного каркаса такой грамматики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ашнин Ф.Д.* Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. – Москва, 1967. – №1. – С. 208–216.
2. *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Профессор Б.В. Чобан-заденин мехкаме иши // Ыылдыз. – Симферополь, 1998. – № 6. – С. 45–63. (на крымскотатарском языке).
3. *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. – Москва: Высшая школа, 1969. – 384 с.
4. *Каримов Б., Муталов Ш.* Ўргатурк тили. – Ташкент: Мехнат, 1992. – 20 с. (на узбекском языке).
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. *Меметов А.* Чобан-заде ве кьырымтатар тильшьнаслыгъы // Ыылдыз. – Симферополь, 1993. – №№ 5–6. – С. 262–268 (на крымскотатарском языке).
7. *Нагаев С.* Медений инкьялп аскери // Нагаев С. Ыылнамелердеки излер. – Ташкент, 1991. – С. 75–216 (на крымскотатарском языке).
8. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – Москва: Просвещение, 1967. – 544 с.
9. *Урсу Д.П.* Чобан-заде Б.В. // Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944). Библиографический словарь. – Симферополь, 1999. – С. 201–206.
10. *Урсу Д.П.* Выдающийся ученый-тюрколог Бекир Чобан-заде: жизнь и деятельность // *Урсу Д.П.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). – Симферополь, 1999. – С. 74–89.
11. *Урсу Д.П.* Годы ученичества Бекира Чобан-заде // Голос Крыма. – Симферополь, 2002. – № 18. – С. 5.
12. *Чобан-заде Б.В.* Введение в тюрко-татарское языкознание. – Баку, 1924. – 212 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).
13. *Чобан-заде Б.В.* Крымскотатарская научная грамматика. – Акмесджит (Симферополь), 1925. – 187 с. (арабской графикой, на османском языке).
14. *Чобан-заде Б.В.* Методика преподавания тюркского (азербайджанского) языка и литературы. – Ч. 1. – Баку, 1926. – 264 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).
15. *Чобан-заде Б.В.* Методика преподавания тюркского (азербайджанского) языка

и литературы. – Ч.2. – Баку, 1927. – 218 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).

16. *Чобан-заде Б.В.* Тюрко-татарская диалектология. Введение. – Баку, 1927. – 135 с. (арабской графикой, на азербайджанском языке).

17. *Чобан-заде Б.В.* Тюркский (азербайджанский) язык. Первый курс. Вып. 1–6. – Баку, 1928. – 219 с. (латинской графикой, на азербайджанском языке).

18. *Чобан-заде Б.В.* Крымскотатарская литература новейшего периода. Критические этюды. – Акмесджит, 1928. – 102 с. (арабской графикой, на османско-турецком языке).

19. *Чобан-заде Б.В.* Тюркская (азербайджанская) грамматика. – Баку, 1929 (1930). – 202 с. (совместно с Ф. Ага-заде, латинской графикой, на азербайджанском языке).

20. *Чобан-заде Б.В.* Основы научной грамматики. Введение. – Баку, 1932. – 64 с. (совместно с Г. Багир-заде, латинской графикой, на азербайджанском языке).

21. *Чобан-заде Б.В.* Методика тюркского (азербайджанского) языка. – Баку, 1932. – 48 с. (совместно с Дж. Мухаммед-заде, латинской графикой, на азербайджанском языке).

22. *Эмирова А.М.* Крымскотатарский язык: последствия геноцида. // Кримські татари: Історія і сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994). – Київ, 1995. – С. 50–53.

23. *Эмирова А.М.* Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1997. – № 1. – С. 83–86.

24. *Эмирова А.М.* Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Международная научно-практическая конференция. (Ялта, 23–27 ноября 1998). – Киев, 1999. – С. 25–30.

25. *Эмирова А.М.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1995. – 94 с.

26. *Эмирова А.М., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С.* Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты. – Симферополь: Сонат, 2001. – 64 с. (на крымскотатарском языке).

27. Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. – Москва: Наука, 1966. – 531 с.

28. Языки мира. Тюркские языки. – Бишкек: Изд. Дом “Кыргызстан”, 1997. – 543 с.

29. *Jankowski, Henryk.* Gramatyka języka krymskotatarskiego. – Poznań, 1992. – 455 s.

30. *Otar, Ismail.* Kıymlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. – İstanbul, 1999. – 228 s.

РУССКИЙ ДИСКУРС В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР

(Журнал “Культура народов Причерноморья”. – Симферополь, 2003. –
№ 37. – С. 132–135.)

Одним из ключевых компонентов лингвокультурной ситуации в сегодняшнем Крыму является крымскотатарский язык и связанная с ним культура. Особый статус крымскотатарского языка обусловлен катаклизмами социально-политического развития советского и постсоветского обществ. После тотальной депортации крымскотатарского народа в 1944 г. в местах ссылки в течение почти полувека проводилась политика деструкции национального

самосознания крымских татар. За истекший период крымскотатарский язык подвергся глубокой деформации, особенно заметной на лексическом и грамматическом уровнях. (Сказанное выше является когнитивной метонимией: изменился не сам язык, а носители языка и их совокупный ментальный лексикон. Прежние состояния крымскотатарского языка можно реконструировать по сохранившимся текстам 1 половины XX века.)

Около 70% крымских татар до депортации жили в селах и потому слабо владели русским языком. Из ссылки вернулся народ, представители которого, за редким исключением, свободно владеют русским языком и имеют высокий образовательный ценз. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 76% крымских татар свободно владели русским языком. Уровень образования крымских татар, по материалам социологического измерения, проведённого в августе–сентябре 1997 г. Экспертным центром социологических и маркетинговых исследований (г. Ташкент) и дополненного мониторингом социокультурной ситуации в Крыму, высшее образование имеют 15,1% крымских татар, живущих в Крыму, и 18,6% татар, живущих в Узбекистане (в среднем – 16,85%); неполное высшее – соответственно 3,1% и 1,9% (в среднем – 2,5%); среднее специальное – 19,6% и 23,8% (в среднем – 21,7%); среднее общее 34% и 26,7% (в среднем 30,35%). Таким образом, около 70% опрошенных крымских татар имеют высшее и среднее образование [1, с. 98] Высокий уровень образования крымских татар косвенно подтверждается также материалами Всеукраинской переписи населения 2001 г.: в период с 1989 г. по 2001 г. количество лиц, имеющих высшее и среднее образование, в Крыму возросло на 20,7%, а именно в эти годы происходила активная репатриация крымских татар.

Оборотной стороной этих положительных процессов явились деформация языка и его забвение некоторой частью носителей языка. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., 93% крымских татар считают родным крымскотатарский язык, 0,6% – украинский, 5,9% – русский языки. [2] Однако реальная демографическая мощь крымскотатарского языка (количество говорящих на нём) гораздо ниже. Крайне низка и коммуникативная мощь языка (число социальных сфер, обслуживаемых языком). Крымскотатарский язык функционирует преимущественно в качестве «семейного» языка (в форме старых территориальных диалектов в их причудливом смешении), ограниченно – в СМИ (3 республиканские газеты, 2 из которых печатают материалы на русском и крымскотатарском языках; 3 журнала, один из которых имеет и русскоязычный вариант; недельное эфирное время на радио – 1 час 15 минут, на телевидении – 3 часа 40 минут) и в сфере образования (13 школ с крымскотатарским языком обучения – 4070 учащихся, а также 133 крымскотатарских класса в школах с русским языком обучения – 1802 учащихся, в которых обучается около 6000 детей из общего количества 46968 детей крымскотатарской национальности школьного возраста).

Русский дискурс, как следует из сказанного выше, занимает значительное место в речевой деятельности крымских татар. («Дискурс – ... связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными,

психологическими и др. факторами; ... речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3]). Речевая деятельность (resp. языковая компетенция) крымских татар, т.е. владение ими языком (языками) в плане порождения (мышление, говорение, письмо), восприятия и интерпретации речи, может быть охарактеризована в разных аспектах. Ниже предлагается два подхода к измерению языковой компетенции крымских татар: 1. по видам (параметрам) мыслеречевой деятельности и 2. по характеру языковой компетенции. Соотношение русского и крымскотатарского дискурсов в языковой компетенции крымских татар зависит от социального статуса коммуникантов – их пола, возраста, уровня образования, специальности, рода деятельности и др.

Речевая деятельность крымских татар (родной язык) имеет следующую параметризацию (параметры языковой компетенции ниже расположены в порядке убывания количества носителей языка, обладающих указанными параметрами): понимание крымскотатарской речи, воспринимаемой на слух; порождение речи (говорение); понимание речи, воспринимаемой в письменной форме; чтение и письмо. Несмотря на различие говоров и наречий, которыми крымские татары пользуются в быту (это различные варианты кыпчакских и огузских языков), в целом они понимают речь друг друга, так как опираются как на активный, так и на пассивный словарные запасы. Однако продуцирование речи (говорение) требует от них активного владения словарным составом и грамматикой, что в условиях русского языкового окружения, школьного и вузовского образования на русском языке, а также в практике общения в смешанных семьях (более 20% от общего числа браков) не культивировалось. Что же касается восприятия письменной речи, чтения и письма, то эти языковые способности представителей новых поколений крымских татар, родившихся в условиях ссылки, вообще не развивались (отсутствие школ с родным языком обучения, учебной и художественной литературы и др.).

По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах; 2. асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориального диалекта) в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую группу входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – люди пожилого возраста с низким уровнем образования. Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя

разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят только на крымскотатарском языке).

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. В их речи часто используются разного рода «включения» и кальки – словообразовательные, семантические, фразеологические, синтаксические.

Сказанное выше иллюстрируется результатами предварительного анализа 50 анкет, извлечённых из общего массива в 700 единиц методом случайной выборки. Респондентами являются крымские татары разного возраста, пола, уровня образования и рода деятельности. Родным языком назвали крымскотатарский 47 респондентов, 3 человека считают родным два языка – крымскотатарский и русский. В общественных местах (в магазинах, на рынке и пр.) 22 респондента говорят только на русском языке, 25 – на русском и крымскотатарском (в зависимости от национальной принадлежности коммуникантов) и 1 – только на крымскотатарском. Среднее и высшее образование на русском языке получили 42 человека, 3 – на русском и крымскотатарском, 1 – на узбекском языке. В семье большая часть информантов (36 человек) пользуется двумя языками, на крымскотатарском говорят чаще всего с членами семьи старшего возраста; 3 респондента пользуются только русским языком, 11 – только родным языком. Полученные результаты можно с известной долей относительности экстраполировать на весь этнос. В любом случае приведенные выше цифры можно рассматривать как информацию к размышлению относительно языковой компетенции крымских татар.

Почему крымские татары, в массе своей считая родным крымскотатарский язык, в речевой практике всё же чаще используют русский язык даже в общении друг с другом? Тому причиной разные факторы, как собственно языковые, так и внеязыковые. Собственно языковым фактором можно считать универсальный для всех языков мира закон экономии речевых усилий: в условиях спонтанного общения говорящие с меньшими ментальными усилиями и быстрее находят в своем внутреннем лексиконе необходимые русские лексические средства и синтаксические модели, являющиеся формами воплощения различных понятий и суждений. При скудости словарного запаса и плохом знании грамматических способов и средств крымскотатарского языка обращение коммуникантов к русскому языку и порождение ими русского дискурса становится вполне понятным и в какой-то мере оправданным.

К внеязыковым факторам можно отнести чувство психологического дискомфорта, возникающего у говорящего в связи с осознанием им несостоятельности своего крымскотатарского речевого поведения.

Что представляет собой совокупный русский дискурс как компонент и результат речевой деятельности крымских татар? Думается, его можно

квалифицировать как социально-региональный вариант русского языка. На уровне грамматики различий не замечено. Вариативные (дифференциальные) особенности его проявляются преимущественно на лексическом и фонетическом уровнях. В сфере лексики это использование регионализмов, в том числе этнокультурных, обозначающих специфические крымскотатарские реалии. В последние годы заметно использование украинизмов. Можно прогнозировать увеличение доли украинизмов в русской речи крымских татар не только на уровне слов, но и на уровне фонем: уже сегодня встречается использование украинского щелевого Г [γ], вместо русского взрывного Г [г].

В звуковой стороне русской речи крымских татар можно наблюдать легкий акцент, природа которого до сих пор не исследована. Известно, что акцентообразующими в языках мира выступают разные составляющие: артикуляционная база языка-рецептора, особенности ударения, интонации, характерные для того или иного языка фонетические законы и др. Сразу же следует сказать, что при некотором различии фонемного состава русского и крымскотатарского языков (в крымскотатарском языке имеется шесть гласных и согласных фонем, отсутствующих в русском языке) артикуляционная база русского языка не представляет для крымских татар какой бы то ни было трудности и, следовательно, не выступает в качестве акцентообразующего фактора, так как крымские татары, уже в третьем после депортации поколении, получили среднее и высшее образование в русской школе.

Легкий, как уже сказано, крымскотатарский акцент в русской речи определенной части крымских татар (преимущественно людей с начальным и неполным средним образованием) проявляется в форме некоторой напевности речи. Думается, этот феномен обусловлен особым типом крымскотатарского ударения: выделение слога происходит не только с помощью усиления гласного звука, но и с помощью движения голосового тона в пределах ударного слога. Возможно, акцентообразующим фактором является также специфика редукции гласных в крымскотатарском языке, которая носит не качественный, а количественный характер. К сожалению, данные феномены крымскотатарской речи абсолютно не исследованы.

Соотношение русского и крымскотатарского дискурсов в речевой деятельности крымских татар, ныне асимметричное, со временем может стать более гармоничным. Крымскотатарская общественность, при поддержке властных структур Украины и Крыма, а также некоторых международных организаций, делает определенные шаги в этом направлении: открываются школы и классы с крымскотатарским языком обучения, активизируется издательство учебной и художественной литературы на крымскотатарском языке, совершенствуется методика обучения крымскотатарскому языку и др.

Процессы возрождения и развития крымскотатарского языка могут быть оптимизированы в русле корректной языковой политики украинского государства, в частности – её законодательного аспекта. В Украине до сих пор не разработан новый закон о языках: в соответствии с законом Украины «О преемственности Украины № 1543-ХП» от 12 сентября 1992 г. всё ещё действует закон «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. № 8312-ХІ.

До сих пор не ратифицирована «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» (Страсбург, 1992 г.), в которой предложена система мер, способствующих развитию миноритарных языков. Как известно, разработанный Верховной Радой Украины проект закона о ратификации Европейской хартии решением Конституционного суда Украины от 12 июля 2000 г. был признан несоответствующим Конституции Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмиграционный потенциал ранее депортированных крымских татар в Республике Узбекистан. – Киев: MOM в Украине, 1998. – 100 с.
2. О количестве и составе населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Крымские известия, № 4. – Симферополь, 10 янв. 2003.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яреца. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 136–137.

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Learner's Dictionaries as an Instrument of Revival and Development of Crimean Tatar Language // EURALEX 2004: Euralex international congress. Lorient, Juli 6–10, 2004, France. – Volume 1. – S. 351–356.)

Из всех репрессированных сталинским режимом народов крымские татары, тотальная депортация которых была проведена 18 мая 1944 года, позже всех получили возможность вернуться на родину и заняться проблемами возрождения своего языка и своей культуры. В условиях ссылки родились и выросли два поколения крымских татар, которые не изучали в школе родного языка. Крымскотатарский язык был полностью вычеркнут из реестра языков народов СССР, его научное осмысление было табуировано.

Цель данной статьи – обсудить актуальные проблемы возрождения и дальнейшего развития крымскотатарского языка, задачи – наметить аспекты решения этих проблем и охарактеризовать созданные автором учебные словари как один из инструментов обогащения ментального лексикона носителей крымскотатарского языка.

Дисперсное проживание крымских татар в ссылке и расширяющаяся практика заключения смешанных браков между носителями разных диалектов (огузских и кыпчакских) и разных языков (крымскотатарского, с одной стороны, и русского, узбекского, таджикского и др., с другой) имели следствием разрушение старых крымских территориальных говоров и наречий, в результате чего к началу 90-х годов XX века крымскотатарский язык оказался на грани деструкции и исчезновения. Как раз в это время начали активизироваться процессы репатриации крымских татар. (Сегодня в Крыму проживает два миллиона человек, из них около 250 тысяч – крымские татары.)

Проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка имеют два

аспекта – социально-политический и собственно лингвистический. При всей условности разграничения названных аспектов можно тем не менее наметить круг вопросов, относящихся к каждому из них.

Первый – социально-политический – аспект предполагает решение комплекса взаимосвязанных вопросов: 1. определение социального статуса крымскотатарского языка (государственный, официальный, миноритарный или язык коренного народа?); 2. расширение спектра его социальных функций; 3. формирование системы среднего и высшего образования и др. Решение этих вопросов связано с совершенствованием законов Автономной Республики Крым и Украины с учётом новых социальных реалий; с расширением издательской базы на крымскотатарском языке; с открытием школ и детских учреждений с крымскотатарским языком обучения и воспитания; с подготовкой научных и педагогических кадров; в конечном счёте – с достаточным бюджетным финансированием всех перечисленных акций.

Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает реализацию комплекса научных мер: сбор, фиксацию и обработку на современных носителях сохранившихся крымскотатарских диалектов, как базы стандартного языка; кодификацию и совершенствование норм литературного языка; написание научных монографий, учебных пособий разного типа, в том числе словарей – общих и специальных, одноязычных и многоязычных.

Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние любого частного языкознания. Применительно к крымскотатарскому языку это означает, что существующие сегодня словари иллюстрируют бедственное состояние крымскотатарского языкознания, *resp.* неизученность многих сторон крымскотатарского языка [2]. Достаточно сказать, что до сих пор не создан даже толковый словарь крымскотатарского языка. Отсутствуют этимологический, морфемный, словообразовательный, семантический, синонимический, антонимический, омонимический, фразеологический, диалектные, ортологические (правильностей и трудностей) и другие словари.

С целью восполнения лакун в крымскотатарской лексикографии и развития теории языка нами в последние годы были созданы четыре словаря учебного типа – два терминологических и два фразеологических.

Т е р м и н о л о г и ч е с к и е с л о в а р и.

В словаре-справочнике лингвистических терминов [4] дано толкование 400 терминов, характеризующих языковые категории всех уровней языковой системы разных языков: фонетики и фонологии (*звук, фонема, гиперфонема, артикуляция, ассимиляция, слог* и др.), лексикологии и семантики (*лексема, коннотация, метафора, синонимия, антонимия* и др.), грамматики (*морфема, аффикс, аббревиация, словосочетание*) и др.

Новация данного словаря состоит в том, что в иллюстративной части словарных статей впервые в словарях подобного типа приведены примеры из крымскотатарского языка. (Данный словарь можно рассматривать как первый

шаг по созданию словаря лингвистических терминов на крымскотатарском языке.)

Следующие лексикографические проекты автора выполнены в рамках программы «Интеграция в украинское общество крымскотатарского народа, армян, болгар, греков, немцев, подвергшихся депортации» Международного фонда «Возрождение».

«Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка» [5] является первым словарем такого типа на крымскотатарском языке. Он создан на базе указанного выше словаря [4] путем перевода текста словарных статей с русского языка на крымскотатарский и его адаптации применительно к потребностям изучения, описания и преподавания крымскотатарского языка на современном этапе. В иллюстративной части словарных статей использованы примеры только из крымскотатарского языка.

Крымскотатарская терминология представлена в словаре тремя типами терминов: 1. интернациональными единицами, 2. употребительными крымскотатарскими терминами, в том числе и арабского происхождения, 3. кальками разного рода. Термины выбирались из существующих переводных словарей, учебной и научной литературы. Особую помощь составителям оказал сводный сопоставительный реестр лингвистических терминов семнадцати тюркских языков (турецкого, азербайджанского, узбекского, башкирского, казахского, кумыкского, киргизского и др.), представленный в тезаурусе лингвистических терминов тюркских языков [8].

На данном этапе развития крымскотатарского языкознания названные выше пути формирования терминосистемы являются наиболее оправданными, потому что позволяют соблюдать преемственность в терминологии и безболезненно совершенствовать её. С этой целью к некоторым интернациональным терминам подобраны крымскотатарские аналоги, которые предложено использовать параллельно или по выбору пользователя словарем: *метафора – меджаз, ассимиляция – бенъезиме, архаизм – эскирген сёз, диэреза – сес тюшюви, синоним – манадаш сёз, омоним – аддаш сёз* и др. Думается, на сегодняшнем этапе развития теории крымскотатарского языка такая терминологическая толерантность вполне логична и оправданна.

Ф р а з е о л о г и ч е с к и е с л о в а р и .

Овладение языком, в данном случае крымскотатарским, предполагает освоение не только основного словарного фонда (лексический минимум), но также устойчивых оборотов разного типа (фразеологический минимум). Активное владение языком (говорение) предполагает также умение говорящего пользоваться в речи различными грамматическими средствами: служебными и модальными словами и словосочетаниями, однословными и несколькословными междометиями, в том числе устойчивого типа, и др.

В русско-крымскотатарском словаре сочетаний [6], созданном на базе словаря [1] (с согласия его составителя), представлены устойчивые сочетания, эквивалентные одному слову в семантическом и функциональном отношениях: служебные слова (союзы, предлоги, частицы), модальные, наречные,

местоименные, предикативные и междометные словосочетания. Такие сочетания слов, будучи целостными по значению и устойчивыми по форме, в то же время не обладают переносно-образным значением и эмоциональной коннотацией. Следовательно, они не являются идиомами, однако их можно квалифицировать в качестве оборотов фразеологического типа. (Идиомы – это устойчивые сочетания слов с образно-переносным значением, способные в компактной форме выражать мысли, чувства, оценки говорящего и эффективно воздействовать на психику слушающего – на сознательном и бессознательном уровнях.)

Словарь адресован прежде всего крымским татарам, слабо владеющим родным языком. Крымские татары, в массе своей получившие среднее и высшее образование на русском языке, испытывают большие трудности при попытке передать содержание таких устойчивых оборотов на крымскотатарском языке и потому часто вставляют их в свою речь: *Несмотря на то, что мен хастайым, всё же ишке бардым. В конце концов мен чокъ ёрудым.* Довольно часто говорящие просто калькируют такие обороты и тем самым нарушают законы семантической и грамматической сочетаемости слов в крымскотатарском языке: *в свою очередь – озь неббетинде; не секрет, что – сыр дегиль ки; на первых порах – биринджи вакъытта* и др. [3]

Особая трудность, с которой столкнулись составители словаря, состояла в том, что русским устойчивым сочетаниям слов, эквивалентным одному слову, в крымскотатарском языке не всегда соответствуют слова и словосочетания, соотносительные с ними по лексико-грамматическому (частеречному) значению. Например, русскому сочетанию *так вот*, функционирующему в качестве частицы, в крымскотатарском языке соответствует модальное словосочетание *мында бакъ* (букв. ‘сюда смотри’). Функционально-семантическое содержание русского оборота в крымскотатарском языке может передаваться также сочетанием служебного слова и специфической грамматической формы или только глагольной формой. Так, временному союзу *только что...*, *как...*, оформляющему сложноподчиненное предложение с придаточным времени, в крымскотатарском языке соответствует сочетание глагольной формы со словоформой *дегендже* (букв. ‘не успел сказать, как’): *Только что сел работать, как в дверь постучали. – Ишлемеге отурдым дегендже, кимдир къагыны къакъты.*

«Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь» [7] задуман и выполнен как классический двуязычный учебный фразеологический (идиоматический) словарь толкового типа. Это первый опыт такого словаря в крымскотатарской лексикографии. В нём дана семантическая, грамматическая, стилистическая и эмоционально-экспрессивная характеристика русских и крымскотатарских идиом. Словарь включает в себя более 700 (вместе с синонимами) идиом русского языка и их крымскотатарские соответствия (эквиваленты и аналоги).

Работа над словарем (сбор языкового материала) началась в 1993 году. Автор-составитель словаря сразу же столкнулась с огромными трудностями, обусловленными неразработанностью теории фразеологии и фразеографии в

крымскотатарском языкознании, с отсутствием толковых, фразеологических, орфографических словарей на крымскотатарском языке. Самым трудным участком работы оказался подбор для русских идиом их крымскотатарских коррелятов – эквивалентов и аналогов.

В двуязычной фразеографии (науке о теории и практике составления фразеологических словарей) давно разработаны принципы перевода идиом:

1. Подбор фразеологических эквивалентов, т.е. единиц, полностью совпадающих по значению, в том числе и по внутренней форме (этимону), стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске: рус. *вешаться на шею кому*, разг., неодобр. – крымскотатарск. *бойнуна асылмакъ кимнинъ*, лакъ., такъ.

2. Подбор фразеологических аналогов, т.е. идиом, частично совпадающих по значению, отличающихся этимоном, а также стилистической и эмотивной окраской: рус. *на седьмом небе* быть, находится, разг. – крымскотатарск. *башы кокке тиймек кимнинъ* (букв. головой коснуться неба), лакъ.

3. Перевод с помощью свободных словосочетаний: рус. *как аршин проглотил* – крымскотатарск. *тим-тик, букульмейип*.

В словаре использованы лишь первые два способа перевода: включены такие русские идиомы, для которых в процессе перевода были найдены крымскотатарские фразеологические корреляты. Это было связано с необходимостью по возможности полнее представить в словаре крымскотатарскую идиоматику.

Фразеологические единицы крымскотатарского языка «вылавливались» автором из повседневной речи носителей языка (на рынке, в гостях, в городском транспорте, из радио- и телепередач). Целенаправленный подбор крымскотатарских фразеологизмов, соотносительных с русскими идиомами, осуществлялся путем опроса людей пожилого возраста, учившихся в довоенное время в крымскотатарских школах и хорошо владеющих родным языком. В качестве респондентов выбирались по преимуществу симметричные билингвы, т.е. люди, одинаково хорошо владеющие русским и крымскотатарским языками.

Работа с респондентами обнаружила такую тенденцию, как частое использование фразеологических калек. Носители языка затруднялись разграничивать исконно тюркские единицы и русские кальки, что свидетельствует о мощном влиянии русского языка на механизмы речепроизводства крымских татар и о деформации их языкового сознания на глубинном, ассоциативном, уровне.

Авторская картотека крымскотатарских фразеологизмов регулярно пополнялась в процессе чтения издающихся на крымскотатарском языке газет, журналов. Бесценным источником выборки идиом явились также художественные произведения известного крымскотатарского зарубежного писателя Дженгиза Дагджи (с 1946 года по сей день живет в Лондоне), написанные на турецком языке, которые с 1993 года переводятся автором (Эмировой А.М.) на русский язык.

Особая значимость словаря [7] обусловлена также тем, что идиоматика является самой интимной частью любого национального языка, его самобытной

«душой»: в ней отражаются характерные типологические особенности языка, в том числе его предшествующие состояния, а также «картина мира» народа – его повседневная жизнь, обычаи, суеверия, история, религиозные догматы, психический склад. Владение идиоматикой (знание минимум 500–800 идиом и умение корректно, уместно использовать их в коммуникативных актах) является одним из объективных тестов, иллюстрирующих высокий уровень владения языком в целом – родным или неродным.

Мы надеемся, что рецензированные выше словари в какой-то степени восполнят лакуны в крымскотатарской лексикографии и будут способствовать скорейшему возрождению и дальнейшему развитию крымскотатарского языка и науки о нём.

Значимость и актуальность затронутых в данной работе проблем неизмеримо возрастет, если проецировать их на весь социально-политический контекст полиэтничного Крыма. Кроме крымских татар, к аборигенным (коренным) народам Крыма относятся также малочисленные этносы – караимы (670 человек) и крымчаки (200 человек). Свои надежды на возрождение исчезающих караимского и крымчакского языков они связывают с развитием крымскотатарского языка.

Учебные словари разного рода, особенно фразеологические (идиоматические), являются незаменимым источником обогащения лексикона носителей любого миноритарного языка и, следовательно, эффективным инструментом возрождения и развития языков, находящихся в опасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Рогожникова Р.П.* Словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Москва: Русский язык, 1983. – 144 с.
2. *Эмирова А.М.* Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.
3. *Эмирова А.М.* Языковая компетенция крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 182–184.
4. *Эмирова А.М.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1995. – 93 с.
5. *Эмирова А.М., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С.* Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининь лугъаты (Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка) / Под ред. А.М. Эмировой. – Симферополь, 2001. – 64 с.
6. *Эмирова А.М., Усеинов С.М.* Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: Сонат, 2003. – 232 с.
7. *Эмирова А.М.* Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2003. – 166 с.
8. *Emine Gürsoy-Naskali.* *Türk Dünyası Gramer Terimleri Kılavuzu.* – Ankara, 1997. – 324 s.

НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА: ФЕНОМЕН ДЖЕНГИЗА ДАГДЖИ

(Русская словесность в мировом культурном контексте / Материалы международного конгресса (Москва, 14–19 дек. 2005). – Москва, 2005. – С. 82–84).

Дженгиз Дагджи – знаковая фигура в культурной парадигме современного Крыма: сама История избрала его для выполнения особой миссии – миссии сближения культур Востока и Запада: Крыма – Украины – Турции – России – Польши – Англии. Сам Дженгиз Дагджи, возможно, догадывается об этом, однако сегодня его творчество в России, Польше и Англии неизвестно.

Дженгиз Дагджи, известный писатель крымскотатарского зарубежья, родился 9 марта 1920 г. в Крыму, в поселке Гурзуф, что приоткрылся у правого бока легендарной горы Аю-Даг (Медведь-гора). Среднюю школу окончил в Симферополе, поступил на исторический факультет Крымского государственного педагогического института. В конце 1940 г. был призван в армию, затем – Вторая мировая война, плен, концентрационные лагеря, жизнь на чужбине (с 1946 г. по сей день – в Лондоне).

Творческий путь писателя начался до войны. Первые стихи, очерки, репортажи на крымскотатарском языке печатались в газетах и журналах довоенного Крыма. Однако как писатель-прозаик, автор эпических полотен разного жанра (повести, романы, дневники-воспоминания и др.), он состоялся за рубежом. Основные темы его творчества – довоенный Крым, война, жизнь на чужбине.

Перу писателя принадлежит около тридцати прозаических произведений, большая часть которых исполнена в жанре романа: *Korkunc Yillar* (“Страшные годы”), *Yurdunu Kaybeden Adam* («Человек, потерявший родину»), *Onlar da insandı* (“Они тоже были людьми”), *Badem Dalına Asılı Bebekler* (“Куклы, висящие на ветке миндаля”), *Üşüyen Sokak* (“Мерзнувшая улица”), *Anneme Mektuplar* (“Письма к матери”), *Biz Beraber Geçtik Bu Yolu* (“Мы вместе прошли этот путь”) и др. Три романа тематические не связаны с Крымом: *Genç Temuçin* (“Юный Темучин”), *Benim Kibi Biri* (“Один из тех, как я”), *Ölüm ve Korku Günleri* (“Дни смерти и страха”). Первый роман (“Страшные годы”) Дженгиз Дагджи начал писать во время войны на крымскотатарском языке, однако позже сам перевёл его на турецкий язык. В дальнейшем писал только на турецком языке: путь к крымскотатарскому читателю в те годы для него был закрыт.

Заметное место в творчестве писателя занимают пять книг дневников-воспоминаний *Yansılar* (“Отражения”), которые писались им с марта 1985 по декабрь 1992 года, но охватывают события почти вековой протяжённости. Это бесценный художественный и одновременно исторический документ, в котором отразились факты биографии писателя, портреты исторических деятелей, феномены культуры, политические события того времени (например, перестройка в СССР, референдум 1992 года в Крыму и др.).

Связь с Крымом у Дженгиза Дагджи наиболее тесная и многоплановая, что иллюстрируется тематикой, системой образов-персонажей и языком его произведений. Духовная и творческая установка писателя выражена в словах: «Вообще я родился вместе с Крымом, с Крымом и умру; и жить буду только с Крымом» [10, с. 203]. «Основной темой моего творчества вот уже пятьдесят лет является Крым» [10, с. 29]. Сами названия его романов прямо или косвенно подтверждают вышесказанное: «Человек, потерявший родину», «Эта земля была нашей», «Они тоже были людьми» и др.

Персонажи его произведений – это вымышленные образы или реальные люди с каноническими мусульманскими именами арабского или – реже – персидского происхождения, относящиеся к разным социальным группам крымскотатарского общества: крестьяне (женщины – Айше, Эсма, Урие, Эмине, Земине, мужчины – Бекир, Энвер, Сеид-Али, Ремзи, Асан, Алим, Сулейман и др.), интеллигенция (Джавтобели, Эшреф Шемьи-заде, Шамиль Алядин) и др.

Крымскотатарский язык в произведениях Дженгиза Дагджи не дан в прямом наблюдении – он отражен в зеркале современного турецкого языка. Однако пристальный взгляд исследователя обнаруживает в них специфические для крымскотатарского языка лексико-фразеологические и стилистические категории. Прежде всего, это номинации реалий, характерных для быта крымских татар описываемого времени. Это обширный пласт онимов: антропонимов, зоонимов, макро- и микропонимов, уже исчезнувших с карты Крыма и уходящих из памяти людей. Это и фразеологические единицы разного рода: идиомы, пословицы, поговорки, присказки и т.п., в которых отразилась «картина мира» крымских татар – их миропонимание, ценностные ориентиры, религиозные постулаты, суеверия, особенности психического склада. Это характерные для крымскотатарского языка приёмы речевой образительности: сравнения, метафоры, эпитеты, олицетворения, во внутренней форме которых отражены крымские и крымскотатарские реалии. По свидетельству самого писателя, он «сплетал жизнь героев романа («Письма к матери». – А.Э.), используя красоту и живость родного языка» [10, с. 206]. В этом плане творчество писателя является богатейшим источником изучения и возрождения крымскотатарского языка.

Крымскотатарскому читателю творчество Дженгиза Дагджи стало доступно в последнее десятилетие в переводах Ю. Кандыма. Русскоязычный читатель Крыма и Украины (в том числе и крымские татары, не владеющие родным языком) получил возможность знакомиться с фрагментами из разных произведений писателя начиная с 1994 г. в переводах, выполненных А. Эмировой [1–9]. В 2003г. вышел в свет полный текст автобиографического романа «Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя)» [10], электронная версия которого помещена на сайте Центра информации и документации крымских татар [11].

Связь с Россией у писателя опосредована интересом к русскому народу и его культуре. Еще учась в школе и вузе, он прочитал программные (для того времени) произведения русских и советских писателей: А.С. Пушкина,

Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, В.В. Маяковского и даже С.А. Есенина, запрещённого в те годы. Впоследствии, уже в Лондоне, ему стали доступны произведения тех русских писателей, которые были под запретом в годы советской власти, – Ф.М. Достоевского, А.А. Ахматовой и др.

Писатель открыто говорит о своем интересе к русскому народу и его культуре и о том влиянии, которое оказала на его творчество русская литература: «Никогда, ни в одном из своих произведений, я не выказывал вражды к русским. Наоборот, именно чувство близости к русскому народу открыло мне дорогу в литературу. Я вообще вышел из русской культуры. Я воспитан русской культурой, русской литературой. На мое творчество (осознавал я это или нет) оказала значительное влияние русская литература» [10, с. 4].

Это влияние русской литературы заметно не только в макропоэтике (композиция, речевая и авторская характеристика персонажей и обстановки, роль пейзажа и пр.), но и в микропоэтике его произведений (характерные для русского языка приемы выразительности). Бросается в глаза использование в текстах писателя русизмов и – через русский язык – интернационализм, в том числе калек разного типа (семантических, словообразовательных, фразеологических, синтаксических). Их употребление в текстах, несомненно, обусловлено тем, что эти языковые единицы были уже знакомы писателю. Думается, свободный порядок слов в предложении, не свойственный тюркским языкам, но так часто встречающийся в текстах писателя, также можно объяснить влиянием русского языка. Примечателен и такой факт: по свидетельству писателя, свою первую пьесу “Большая ложь” он написал в 1946 году по-русски, а в 1956 году спешно и некачественно перевёл её на турецкий язык. (Пьеса не была напечатана.)

Связь писателя с Польшей – более конкретна и непосредственна. После многомесячного пребывания Дженгиза Дагджи в концлагерях для пленных военное лихолетье занесло его в Польшу (Легионово – Варшава – Ченстохова – Варшава), где он познакомился со своей будущей женой.

Регина-Барбара Клешко увлекалась русской литературой. Собственно, это и послужило поводом для их знакомства: увидев её в кафе за столиком, на котором лежали книги Лермонтова, Толстого, Блока, Маяковского, Есенина, Дженгиз подошел к столику и тихо продекламировал строки:

Вхожу я в тёмные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там ждут прекрасные дамы
В мерцании красных лампад.

В семье говорили только по-польски. Писатель хорошо знал творчество польских писателей Жеромского, Сенкевича, Мицкевича, Реймонта и др. Однако заметен его интерес и к культуре других стран и народов. На страницах его произведений часто встречаются имена турецких писателей (Индже Мемет, Октай Акбал, Яшар Наби Найыр и др.), писателей из различных европейских стран (Рильке, Грэхэм Грин, Генри Миллер, Кафка, Оруэлл, Стриндберг, Милан Кундера и др.).

Особое место в творчестве писателя занимают три повести, которые он сам назвал «английскими»: *Bay Markus Burton'un Köpeği* (“Собака господина Маркуса Буртона”) [13]; *Bay John Marple'in Son Yolculuğu* (“Последнее путешествие господина Джона Марпле”) [14]; *Oy, Markus, Oy* (“Ой, Маркус, ой”) [15]. Уже сам факт создания писателем «английских» повестей говорит о его особом взгляде на жизнь современной Англии.

В Англии не знают о том, что в Лондоне живет и творит известный писатель тюркского мира, который сделал попытку отразить в зеркале своего творчества окружающий его чуждый мир. Мне трудно судить, насколько это ему удалось: к сожалению, мной эти повести пока не переведены. Думаю, однако, что англичанам было бы небезынтересно увидеть себя глазами постороннего человека, который более полувека прожил рядом с ними, не теряя своей «восточной» идентичности.

Каково же место Дженгиза Дагджи в мировом литературном процессе? Каким писателем – турецким или крымскотатарским – он себя считает? В одном из писем я задала писателю этот вопрос. Дженгиз Дагджи ответил так: **“Ben eserlerimi Türkçe yazan Kıımlı bir yazıcıyım.”** (“Я крымский писатель, пишущий свои произведения по-турецки”.) [Из письма от 15 апреля 1999.]

По мнению известного русского литературного критика Л. Аннинского, вопрос о принадлежности (отнесенности) творчества художника к той или иной культуре решается достаточно просто: принимает ли и в какой степени эта культура творчество художника [16]. Творчество Дженгиза Дагджи воспринимается всеми крымскими татарами, живущими как в Крыму, так и в местах ссылки, как значимый компонент своей национальной культуры. В Турции же оно оценивается как часть турецкой и – шире – общетюркской литературы. Подтверждением тому является диплом **İLESAM**, которым в 1993г. писатель был награжден Турецким обществом учёных и писателей за выдающиеся заслуги в области литературы тюркских народов. А в апреле 2000г. Фонд защиты тюркской культуры (Стамбул) наградил его Почётной грамотой турецкого языка. Эта неоднозначность в оценке творчества писателя объясняется несколькими факторами, один из которых был приведён выше. Если при этом принять во внимание, что в Турции, по мнению турецких социологов и историков, сегодня проживает около пяти миллионов потомков крымских татар, эмигрировавших в Турцию после завоевания Крыма Россией в 1783г., то позиция писателя и глобальная оценка его творчества в тюркском мире станут понятны и оправданны.

Творчество Дженгиза Дагджи – это чистое зеркало, в котором отразилась жизнь Крыма и в какой-то мере Европы двадцатого века. И в этом качестве оно должно быть оценено как феномен не только крымской, общеукраинской, но – шире – европейской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дженгиз Дагджи. Отражения. Перевод с турецкого А. Эмировой // Голос Крыма. – №№ 10–12. – Симферополь, 1994.*

2. *Дженгиз Дагджи*. Отражения. Перевод с турецкого А. Эмировой // Голос Крыма. – №№ 10, 40. – Симферополь, 1998.
3. *Дженгиз Дагджи*. Отражения. Перевод с турецкого А. Эмировой // Берега Тавриды. – Симферополь, 1999. – №№ 1–2. – С. 153–197.
4. *Дженгиз Дагджи*. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой («Ты не умрешь: тебя родила татарская мать») // Голос Крыма. – № 20. – Симферополь, 2000. – С. 5.
5. *Дженгиз Дагджи*. Отражения // Эмирова А.М. **Крым – любовь и боль моя**. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 63–89.
6. *Дженгиз Дагджи*. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого // Эмирова А.М. **Крым – любовь и боль моя**. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 90–145.
7. *Дженгиз Дагджи*. Отражения – 1. Перевод с турецкого А. Эмировой // **Ж. Осақ. – Симферополь, 2001. – № 3. – С. 38–39.**
8. *Дженгиз Дагджи*. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой // **Ж. Осақ. – Симферополь, 2001. – 39.**
9. *Дженгиз Дагджи*. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой. // **Черное море. – Симферополь, 2003. – № 1. – С. 129–142.**
10. *Дженгиз Дагджи*. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 216 с.
11. *Дженгиз Дагджи*. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого А. Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 216 с. // [www.cidet.org.ua/uk/sLudii/12\(2003\)/](http://www.cidet.org.ua/uk/sLudii/12(2003)/)
12. *Cengiz Dagci*. Regina. – Istanbul: Otügen, 2000. – 123 s.
13. *Cengiz Dagci*. Bay Markus Burton'un Köpegi. – Istanbul: Otügen, 1998. – 144 s.
14. *Cengiz Dagci*. Bay John Marple'in Son Yolculuğu. – Istanbul: Otügen, 1988. – 128 s.
15. *Cengiz Dagci*. Oy, Markus, Oy! – Istanbul: Otügen, 2000. – 144 s.
16. Литературная газета. – № 3. – Москва, 19–25 янв. 2000. – С. 10.

ОППОЗИЦИЯ «МУЖЧИНА – ЖЕНЩИНА» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – Москва: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 165–169.)

«Мужчина – женщина» – онтологическая оппозиция, лежащая в основе естественного языка как базового компонента человеческой культуры. Пристальный интерес к категории гендера, понимаемой как социокультурная ипостась человека, обусловлен сегодня бурным развитием новых направлений лингвистики, в центре внимания которых находится говорящий, думающий и чувствующий человек. Гендерная оппозиция – это языковая универсалия,

обладающая в языках разного типа специфическим набором категорий и форм выражения.

Разные уровни языковой системы обладают разной гендерной отмеченностью: наиболее регулярно гендерная оппозиция проявляется в морфологии, словообразовании и лексике, менее отчетливо – в синтаксисе. Фразеология же стала предметом изучения в гендерном аспекте лишь в последние годы.

Исследователи уже обратили внимание на гендерную маркированность русской фразеологии в плане содержания и прагматики. Обычно отмечается способность фразеологических единиц разного типа, преимущественно паремий, давать отрицательный аксиологический портрет женщины глазами мужчины (*Курица не птица, женщина не человек; Баба с возу – кобыле легче; У бабы волос долог, да ум короток; У бабы дорога – от печи до порога* и др.), реже – отрицательный портрет мужчины глазами женщины (*Муж – голова, жена – шея; Седина в волосы – бес в ребро; Сила есть – ума не надо* и др.) [1–3; 5–7].

Сегодня, однако, рано говорить о становлении отдельного раздела лингвистической гендерологии, который можно было бы назвать фразеологической гендерологией или гендерной фразеологией. В данной статье лишь намечен круг проблем, которые могут составить предмет этого раздела науки: типы гендерных фразеологических номинаций и предикаций; способы выражения грамматических значений маскулинности и феминности во фразеологии; фразеологическая параметризация мужчин и женщин; гендерно маркированные фразеологические поля; номинации мужчин и женщин, в том числе антропонимы в составе фразеологических единиц как элемент внутренней формы; отражение категории гендера во фразеографии и др.

Впервые на гендерную отмеченность содержания некоторых фразеологических единиц в русском языке обратил внимание Л.И. Ройзензон. Разрабатывая проблему фразеологической парадигматичности, т.е. способности фразеологизмов к изменению их грамматической формы (выделены нулевая, полная и неполная фразеологическая парадигматичность), он привел примеры неполной фразеологической парадигмы на «*родо-половой основе*»: *гусь лапчатый*, но – **гусыня лапчатая*; *шут гороховый*, но – **шутиха гороховая*; *рубаха-парень*, но – **рубаха-девушка*; *сам с усам*, но – **сама с усами* и др. [4, с. 204].

Более интересными – в гендерном плане – представляются следующие замечания Л.И. Ройзензона: «...В русской фразеологии имеет место явление феминизации и маскулинизации УСК (устойчивых словесных комплексов – А.Э.), т.е. закрепление за той или иной ФЕ определенного объекта, на который распространяется действие лица того или иного пола» [4, с. 205]; ср.: *будь мужчиной, волочитесь за каждой юбкой*, но: *вешаться на шею, наставлять рога*.

Думается, гендерная отмеченность фразеологических единиц во многом коррелирует с их семантико-грамматическим (частеречным) значением. Такие единицы мною обнаружены преимущественно среди субстантивных фразеологизмов, реже – глагольных и адъективно-предикативных.

Для анализа в данной работе из ФСРЯ [8] были выбраны субстантивные идиомы со значением лица. Большая часть таких единиц обладает не номинативным, а предикатным (признаковым, характеризующим) значением. В гендерном отношении они в массе своей не маркированы – обозначают и характеризуют лиц обоего пола в социально-статусном, психологическом, нравственном и других аспектах.

Идеографическая параметризация субстантивных фразеологизмов позволила выделить семантические группы, называющие и характеризующие человека по следующим признакам:

1. Социальное происхождение: *голубая кровь* – ‘человек дворянского, аристократического происхождения’; *белая кость* – ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России’; *жеребьячья порода* – ‘презрительное прозвище попов’ и др.

2. Семейное положение и родственные отношения: *дражайшая половина* – ‘супруг или супруга, чаще – о жене’; *плоть и кровь, плоть от плоти, кость от кости, кровь от крови* – ‘1. родной ребенок, о кровном родстве’; *христова невеста* – ‘2. немолодая женщина, не бывшая замужем’; *седьмая вода на киселе* – ‘очень дальний родственник’ и др.

3. Социальный статус: *большая рука, птица высокого полета* – ‘влиятельный человек, занимающий высокое положение в обществе’; *важная птица* – ‘человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием’. Большая часть фразеологизмов этой группы имеет пейоративную семантику: *ноль без палочки* – ‘ничего не стоящий, не значащий человек’; *последняя спица в колеснице* – ‘1. человек, играющий ничтожную, незначительную роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле’; *птица низкого полета* – ‘человек, не занимающий видного, значительного положения в обществе’; *мелкая сошка* – ‘человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение, неавторитетный человек’; *ворона в павлиньих перьях* – ‘человек, тщетно пытающийся казаться более важным, значимым, чем он есть на самом деле’; *шишка на ровном месте* – ‘незначительный, не имеющий влияние, веса человек’ и др.

4. Особенности характера, преимущественно отрицательные: хитрость, лицемерие – *гусь лапчатый, продувная бестия*; робость, застенчивость – *заячья душа, божья коровка*; бесшабашность – *буйная голова, забубённая голова, бедовая головушка* и др.

5. Умственные способности: положительные – *светлая голова, ходячая энциклопедия*; негативные – *дурья голова, дубина стоеросовая, дырявая голова, мешок с соломой* и др.

6. Внешние физические качества: *коломенская верста* – ‘человек очень высокого роста, верзила’; *каланча пожарная* – ‘очень высокий человек’; *слепая курица* – ‘близорукий, плохо видящий человек’; *сонная тетеря* – ‘человек, который очень любит поспать, соня’; *тепличное растение* – ‘слабый, изнеженный человек’ и др. [9, с. 62–64.]

Как было сказано выше, основная масса субстантивных фразеологических единиц со значением лица не дифференцирована по признаку пола. Гендерная семантика может конкретизироваться и эксплицироваться в речи сочетаемостными потенциями фразеологизмов, а также широким контекстом. Ср. актуализацию фразеологических единиц со значением лица мужского и женского пола: *Прежде поп был притча во языцех, последняя спица в колеснице...* – *Эта девушка...говорит хорошо, убежденно, – видно, не последняя спица в колеснице. Он был мастер на все руки. – Тетя Даша была мастер на все руки.*

Анализ иллюстративной зоны словарных статей, однако, показал, что основная масса таких единиц актуализирует в речи значение лица мужского пола. Думается, здесь в скрытой форме проявляется андроцентричность языка. Кроме того, следует иметь в виду, что маскулинный уклон семантики таких единиц, как *важная птица, птица высокого полёта, калиф на час, заплочных дел мастер, чернильная (бумажная) душа, канцелярская крыса* и т.п., во многом обусловлен исторически сложившейся дифференциацией трудовой деятельности между представителями разных полов. Несомненно также влияние лексикографических традиций: семантизация слов и фразеологизмов общего рода в словарях обычно осуществляется с помощью синонимичных слов мужского рода (*чернильная душа* – ‘бюрократ, чиновник, формалист’) или субстантивным словосочетанием со стержневым компонентом *человек* (*травленый волк* – ‘человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания’). (Уместно вспомнить в этой связи максимум «*Курица не птица, женщина не человек*», которая отражает исторически сложившуюся русскую профанную ментальность.)

Значение лица мужского и женского пола может быть выражено лексически и морфологически – лексическим значением и системой родовых и «половых» аффиксов субстантивного компонента устойчивых словосочетаний. Ср.: *старая дева, христова невеста, подруга жизни – шут гороховый, олух царя небесного* и др. Ср. также гиперонимы *слабый пол – сильный пол*, фразеологическое значение которых мотивировано ассоциативно-смысловым ореолом адъективных компонентов *слабый – сильный*.

Гендерные различия выступают особенно рельефно при наличии лексических и словообразовательных оппозиций в составе одноструктурных фразеологических единиц с общим компонентом. При этом первым членом оппозиции выступают, как правило, языковые единицы со значением мужского пола, что также можно рассматривать как проявление скрытого языкового сексизма [1, с. 182]: *раб божий – раба божья, соломенный вдовец – соломенная вдова, маменькин сынок – маменькина дочка, искатель приключений – искательница приключений* и др.

Предварительные наблюдения показывают, что аксиология мужчин и женщин в зеркале идиоматики асимметрична в количественном и качественном отношениях: как было показано выше, большая часть фразеологизмов со значением общего рода характеризует мужчин как с положительной, так и с отрицательной сторон; небольшое количество идиом с феминной

семантической отмеченностью характеризуют женщину преимущественно в отрицательном ключе: *драная кошка* – ‘худая, измождённая женщина’; *маменькина дочка* – ‘избалованная, изнеженная девочка, девушка’; *синий чулок* – пренебр., презр., ‘женщина, лишённая женственности, обаяния и всецело поглощённая книжными, учеными интересами’; *вешаться на шею* – ‘2. навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви (о женщине по отношению к мужчине)’; *трепать юбки (хвост, хвосты)* – ‘вести распутную жизнь, распутничать (о женщине)’; *ходить по рукам* – ‘2. вступать в половые отношения то с одним, то с другим мужчиной (о женщине)’; *стрелять глазами (глазками)* – ‘2. кокетливо, игриво поглядывать на кого-либо’; *строить глазки* – ‘кокетничать с кем-либо, игриво поглядывать на кого-либо’; прост. *приносить в подоле* – ‘рожать внебрачного ребенка’; диал. *гиблое семя* – ‘женщина, не способная рожать’ и др.

Даже, казалось бы, нейтральные в аксиологическом отношении фразеологизмы *слабый пол*, *Евина дочка*, *старая дева*, *наша сестра*, *ваша сестра* имеют в своем содержании потенциальную негативную сему, которую можно эксплицировать с помощью ментальной процедуры выводного следствия: *наша сестра* – ‘мы, женщины, следовательно, можем вести себя в соответствии с типичной моделью поведения женщины – кокетничать, лгать, плакать, говорить о пустяках и т.п.’.

Отдельная проблема – анализ фразеологизмов, включающих в свой состав слова, обозначающие лиц мужского и женского пола, их дериваты, а также собственные имена: *базарная баба*, *красная девица*, *бабы сказки*, *чёртова кукла*, *как на маланьину свадьбу*, *(драть, пороть) как сидорову козу*, *показать кузькину мать*, *куда Макар телят не гонял* и др. Гендерный компонент в содержании таких единиц во многом обусловлен прозрачностью их внутренней формы, восходящей к прецедентным событиям или текстам.

К этой же группе можно отнести идиомы, включающие в свой состав номинации мифологических, фольклорных и др. персонажей разного пола. Так, гендерная маркированность значений фразеологизмов *в костюме Адама* – ‘нагишом, без всякой одежды (о мужчине)’, *в костюме Евы* – ‘нагишом, без всякой одежды (о женщине)’ обусловлена широкой известностью прецедентного текста – Библии. И здесь наблюдается отмеченная выше андроцентричность языка: отсутствуют единицы с компонентами *ведьма*, *русалка*, а идиом, включающих в свой состав лексемы *чёрт*, *бес* и их производные, насчитывается более шестидесяти: *бес попутал*, *на кой чёрт (бес)*, *чёрт ногу сломит*, *до чёртиков*, *чёртова кукла*, *чёртова перечница*, *как чёрт от ладана (убегать, отмахиваться)*, *чем чёрт не шутит*, *сам чёрт не брат*, *чёрт дернул за язык*, *у чёрта на куличках*, *чёрта (беса) лысого* и др. Анализ семантики этой группы фразеологизмов можно проводить путем реанимации и соответствующей интерпретации, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте, их внутренней формы.

Особая гендерно отмеченная зона во фразеологии – это инвективная (бранная) фразеология. Исследователи отмечали, что инвективы чаще используются в мужской речи. Известно, что в составе инвективной фразеологии

часто встречаются слова, обозначающие и характеризующие женщину и «срамные» части ее тела, а во внутренней форме таких единиц отражены акты сексуального насилия. Исследование данного участка русской фразеологии (и лексики) табуировано морально-этическими соображениями. Однако нет сомнения в том, что инвективная лексика и фразеология являются специфическим феноменом русского языка, весьма значимым в собственно лингвистическом, социолингвистическом (лингвокультурологическом) и прагмалингвистическом аспектах.

Намеченная в данной работе проблематика фразеологической гендерологии ждёт своего дальнейшего углублённого анализа. Гендерно маркированная фразеология русского языка являет собой значимый фрагмент концептуального поля «человек», которое является базовым компонентом русской национальной концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малишевская Д.* Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – Москва, 1999. – С. 180–184.

2. *Маслова В.А.* К вопросу о мужском и женском языках и о вербальном поведении мужчины и женщины // Уполномоченное образование – путь в третье тысячелетие. Материалы международной научно-практической конференции. – Киев, 2000. – С. 9–12.

3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – Москва, 2001. – С. 121–131.

4. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд. 1973. – 223 с.

5. *Семиколенова Е.И.*: Гендерный анализ как способ исследования «человеческого фактора» в языке // Уполномоченное образование – путь в третье тысячелетие. Материалы международной научно-практической конференции. – Киев, 1999. – С. 12–19.

6. *Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю.* Введение в лингвистическую гендерологию. – Луганск. – Симферополь, 2001. – 40 с.

7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва, 1996. – 288 с.

8. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 4, стереотипное. – Москва: Русский язык, 1986. – 343 с.

9. *Эмирова А.М.* Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – 96 с.

АСПЕКТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

(Проблеми зіставної семантики. – Вип. 7. – Київ, 2005. – С. 252–256. Первый вариант доклада на тему «Контрастивный анализ соматической фразеологии русского и крымскотатарского языков» был прочитан на международном конгрессе EUROPHRAS-95, который состоялся в 1995 г. в г. Грац, Австрия.)

Сегодня, в условиях интеграции крымскотатарского народа в украинское общество, когда формируется система школьного и вузовского образования на крымскотатарском языке, ощущается острая необходимость в учебной

литературе разного типа, а также в работах теоретического и прикладного характера. Ждут своего исследования – с применением современного концептуально-терминологического аппарата – такие участки языковой системы, как звуковой (*resp.* фонемный) состав, грамматический строй, лексика, фразеология и др. – в синхронии и диахронии. Фразеология крымскотатарского языка до сих пор не была объектом обстоятельного научного анализа. (См. [10].).

Настоящее исследование представляет собой двусторонний анализ фразеологии двух языков – русского и крымскотатарского – в их соположении на контрастивной основе [4, с.144]. Языковые явления рассматривались в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Остальные параметры фразеологических единиц – форма, дистрибуция – привлекались к анализу лишь в том случае, если они релевантны содержательно.

Цель настоящего исследования – сопоставительный анализ одной группы соматической фразеологии (идиоматики) русского и крымскотатарского языков, ориентированный на выявление универсального и специфического (этнокультурного) в их содержании (характерные семантические поля; корреляция общего фразеологического значения со значением стержневого компонента; типы переноса, лежащие в основе фразеологического значения, и др.).

Объектом анализа являются две группы фразем – **идиомы с компонентами голова – баи** в русском и крымскотатарском языках (около ста единиц в каждом языке). Такие группы, как известно, называются фразеологическими гнездами. Фразеологическое гнездо представляет собой частный случай системных парадигматических отношений на уровне фразеологии. С ним коррелируют такие системные явления, как полисемия, синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия, семантические поля и др. В работах автора, посвященных проблемам фразеологической семантики, в том числе и анализу семантического пространства русской фразеологии в идеографическом аспекте [5–9], рассмотрены такие системные явления, как фразеологическая синонимия, антонимия, омонимия, фразеосемантические поля эмоциональной и когнитивной деятельности человека и др. Анализ показал, что фразеологическая семантика носит избирательный – **антропоцентрический** – характер: фразеология покрывает те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его «картиной мира», с характеристикой психических особенностей личности – **познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны** деятельности, индивидуально-типологических свойств личности (характер, темперамент, способности) и т.п.

Контрастивный анализ проведен по следующим аспектам:

1. Соотношение универсального и специфического.

Одинаковое строение и функционирование человеческого организма; одинаковые или коррелирующие жесты, мимика, телодвижения и их универсальная (за небольшим исключением) символизация и интерпретация в разных культурах; одинаковые психо-физиологические механизмы когнитивной и эмоциональной деятельности человека и др. – всё это обус-

ловило наличие фразеологических универсалий. В обоих языках имеются фразеологизмы, совпадающие по содержанию, в том числе и по внутренней форме, и соотносительные по внешней форме (разумеется, с учетом специфики грамматического строя обоих языков): *голова распухла у кого* – *башы шишити кимнинь*; *поднимать голову* – *башыны кьалдырмакъ*; *с головы до ног* – *баштан аякъкъа къадар*; *спасть голову* – *башыны къуртармакъ* и др.

Специфическое же как этнокультурный компонент в содержании фразеологических единиц обусловлено «картиной мира» народа – носителя языка; особенностями его быта, сфер жизнедеятельности, географических и природных условий, в которых жили и живут носители языка, и др. Знаками специфического в составе идиом могут выступать слова, называющие этнокультурные реалии и природные феномены: предметы быта (детали интерьера, одежды, посуды и пр.), представители животного и растительного мира, специфические явления природы и т.п. Ср.: рус. *как снег на голову*, *хрен в голову*, *очертя голову* и др.; крымскотатар. *башына кьына якъмакъ кимнинь* (букв. ‘наносить хну на голову’ – от обычая красить хной руки и волосы перед мусульманскими праздниками) ‘торжествовать’; *башы къабакъ киби олмакъ кимнинь* (букв. голова превратилась в тыкву) ‘голова разрывается от шума у кого’ и др.

Этнокультурный компонент может быть выявлен и при сопоставлении идиом, одинаковых по содержанию и частично по форме Ср. обороты со значением ‘выражать отчаяние’: рус. *хоть головой об стенку бейся* – крымскотатар. *башыны таштан ташкъа урмакъ* (букв. биться головой о камни). Можно предположить, что внутренняя форма этих единиц отражает специфику жилища у славян и кочевых тюрков: у последних традиционное жилище строилось не из твердых материалов.

2. Идеографическая стратификация идиом. Распределение идиом с компонентами *голова* – *баш* по понятийным полям в сопоставляемых языках не совпадает в количественном (наполняемость полей) и качественном (частотность и структурация полей) отношениях. В исследуемом фразеологическом гнезде русского языка выявлены следующие фразеосемантические поля: познавательные процессы личности (52 единицы), в том числе мышление (44 единицы): *перебирать в голове*, *каша в голове у кого*, *голова соломой набита и др.*; память (8 единиц): *дырявая голова*, *держаться в голове*, *вертеться в голове у кого*, *выбрасывать из головы* и др.; эмоциональное состояние человека (16 единиц): *вешать голову*, *кровь бросилась в голову у кого*, *посыпать голову пеплом* и др.; индивидуально-типологические особенности личности (12 единиц): *бедовая голова*, *ветренная голова*, *о двух головах*, *сам себе голова*, *ветер в голове [гуляет] у кого*; физическое состояние человека (11 единиц): *голова идет кругом у кого*, *на свежую голову*, *класть голову* и др.

Идиомы, входящие в состав анализируемого фразеологического гнезда в крымскотатарском языке, распределены по следующим семантическим полям: эмоциональное состояние человека (45 единиц), в том числе 35 идиом выражают отрицательные эмоции: *башыны кутьмек кимнинь* ‘докучать,

надоедать кому’; *баш белясы* ‘неприятности, морока’; *башына беля ачмакъ кимнинъ* ‘попадать в затруднительное положение, ставить в затруднительное положение кого’; *башы ишимек кимнинъ* ‘испытывать раздражение от чего’; *башы кокке тиймек кимнинъ* ‘радоваться, быть в состоянии эйфории’ и др.; познавательные процессы личности, в том числе мышление (8 единиц): *башы ерине кельмек кимнинъ* ‘обретать ясность ума, опомниться’; *башына къоймакъ* ‘вбивать в голову кому’ и др.; память (2 единицы): *башына (акълына) тутмакъ нени* ‘держат в голове, помнить’; *башындан атмакъ нени* ‘выбрасывать из головы, забывать’; физические характеристики человека или предмета (10 единиц): *эсли- башлы* ‘пожилой’; *баш бермек* ‘колоситься, зреть’; индивидуально-типологические свойства личности (3 единицы): *башы еринде кимнинъ*, *башы чакъа кимнинъ* ‘умный, сообразительный’; и др.

Как видно из приведённых выше примеров, в русском языке преобладают фраземы, характеризующие познавательные процессы личности, в то время как в крымскотатарском на первом месте (по количеству) стоят идиомы, связанные с характеристикой эмоционального состояния человека. Последнее как будто не согласуется с прогнозируемым, в качестве универсалии, направлением семантической деривации лексемы *голова*: ‘часть тела, в котором находится мозг как инструмент мышления’ → ‘ум, рассудок’. Однако с позиций современной неврологии корреляция ‘голова как орган’ → ‘психические свойства личности’ отражает объективную картину взаимосвязей высших психических функций человека. Содержательную интерпретацию отмеченного выше феномена, однако, трудно сделать на таком ограниченном языковом материале.

3. Семантические основы фразеобразования. Большая часть идиом в обоих языках сформирована на основе метафорического переноса: рус. *голова соломой набита у кого, каша в голове у кого, перебирать в голове* и др.; крымскотатар. *башында кунь догъды кимнинъ* (букв. над головой взошло солнце у кого) ‘повезло, посчастливилось кому’; *башындан чыкъмамакъ кимнинъ* (букв. не выходит из головы) ‘постоянно вспоминать’ др. Реже встречается метонимия как основа фразеобразования: рус. *вешать голову, кровь бросилась в голову*; крымскотатар. *башыны салламакъ* (букв. качать головой) ‘соглашаться’; *баштан аякъкъа къадар* (букв. с головы до ног) ‘целиком, полностью’ и др. На последнем месте – синекдоха (разновидность метонимии): рус. *дурья голова, шальная голова, на свою голову*; крымскотатар. *башыны алып кетмек* (букв. взять свою голову и уйти) ‘уходить, убираться’; *башыны ортагъа къоймакъ* (букв. класть свою голову на середину) ‘рисковать’ и др.

4. Соотношение общего фразеологического значения и значения соматизма как компонента идиомы. Общее значение идиомы мотивируется, как правило, совокупным значением свободного словосочетания-прототипа. Однако учёные обратили внимание на то, что некоторые разряды лексем (например, соматизмы) играют ключевую роль в формировании фразеологического значения (т.н. семантически стержневые слова). Лексемы *голова* – *баш* являются, как правило, смыслообразующими компонентами идиом. Соотнесение семантической структуры соматизмов *голова* – *баш*

как виртуальных единиц с их семантическими вариантами в составе анализируемых идиом русского и крымскотатарского языков обнаруживает, что не все их частные значения, зафиксированные в лексикографических источниках, актуализируются во фразеологических значениях.

Сравним словарные дефиниции лексем *голова* и *баш*.

В словаре русского языка [2, с. 135–136] отмечено 9 значений лексемы *голова*: 1. часть тела; 2. черепная коробка; 3. ум, рассудок; 4. человек как носитель каких-либо свойств; 5. в царской России название некоторых должностей; 6. руководитель, начальник (разг.); 7. передняя часть чего-нибудь движущегося и вытянутого; 8. пищевой продукт в форме шара, конуса; 9. единица счета скота, животных. В составе анализируемых фразеологизмов актуализируются следующие семантические варианты: 1-й (*поднимать голову*); 2-й (*голова соломой набита у кого*), 3-й (*голова варит у кого, не укладывается в голове у кого*), а также такое значение лексемы *голова*, которое не отмечено в толковых словарях, – ‘память’ (*вылетать из головы у кого, не выходить из головы*).

В крымскотатарско-русских словарях зафиксировано лишь три значения лексемы *баш*: 1. часть тела; 2. главный; 3. послелог с пространственным значением [1, с. 34; 3, с. 49]. В анализируемых же фразеологизмах актуализированы следующие семантические варианты лексемы *баш*: 1. часть тела (*башыны таитан таишкѡ урмакъ*), 2. человек, индивид (*башыны алып кетмек*), 3. ум, рассудок (*башы ерине кельмек*), 4. память (*башындан атмакъ нени*), 4. конец (*баша чыкъмакъ*).

Данное расхождение можно объяснить несовершенством крымскотатарской лексикографии, в частности – недостаточной глубиной семантизации лексемы *баш* в словарях. Составителям крымскотатарских словарей следует принимать во внимание свидетельства фразеологии, а также учитывать показания лексикографии родственных языков. Так, например, в турецко-русском словаре зафиксировано 11 значений лексемы *baş* [11, с. 97], в турецком толковом словаре – 14 значений [12, с. 91], 5 из которых актуализируются в содержании крымскотатарских идиом.

Результаты контрастивного анализа семантики фразеологии таких разных в генетическом и типологическом отношениях языков, как русский и крымскотатарский, представляют несомненный интерес для лингвистической типологии, а также для таких смежных наук, как этнолингвистика, психоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов Ш.А., Гаркавец А.Н., Усеинов С.М. Крымскотатарско-русский словарь. – Киев: Радянська школа, 1988.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1997.
3. Усеинов С.М. Крымскотатарско-русский словарь. – Тернополь: Диалог, 1994.
4. Штернеманн Р. и др. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. – Москва: Прогресс, 1989.

5. Эмирова А.М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1972.
6. Эмирова А.М. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности // Вопросы русской и славянской фразеологии. XIII. – Самарканд, 1978. – С. 55–70.
7. Эмирова А.М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических предикатов // Вопросы языкознания. – Москва, 1984. – № 6. – С. 114–118.
8. Эмирова А.М. Типология фразеологических предикатов // Исследования по семантике. – Уфа, 1986. – С. 110–115.
9. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988.
10. Adile Emirova. Kontrastive Analyse somatischer Phraseologie im Russischen und Krimtatarischen // EUROPHRAS 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. – Bochum, 1998. – S. 191–199.
11. Büyük Türkçe-Rusça Sözlük. – İstanbul, 1994.
12. Türkçe sözlük. – Ankara: Yeni Matbaa, 1959.

КРЫМСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ Б. А. ЧИЧИБАБИНА

(Чичибабин и мировая литература. Вестник чтений Б.А. Чичибабина. – Вып. 1. – Симферополь: Крымский Архив, 2005. – С. 60–66.)

Празднично-яркая, экзотическая и притягательная природа Крыма, его богатая история, сложившаяся на основе перманентных процессов дивергенции и конвергенции сотен племен и народов, колоритная мозаика его совокупной культуры – все это издавна привлекало внимание художников слова, кисти, звука и служило питательной почвой для их творчества.

«Крым я люблю, как говорится, с первого взгляда и на всю жизнь, люблю, как любят его все или многие люди, пишущие стихи и любящие поэзию. У меня много стихов о Крыме, и сказать о том, почему, за что и как я его полюбил и люблю, сказать об этом прозой лучше и больше, чем сказано в этих стихах, я не сумею», – так написал Б.А. Чичибабин в одном из писем читателю [1]. «Крымские прогулки» (1961), «Чёрное море» (1962), «Есть поселок в Крыму. Называется он Качивели» (1966), «Ещё недавно ты со мной...» (1968), «Месяц прошел и год, десять пройдет и сто...» (1970), «Херсонес» (1971), «Памяти Грина» (1975), «На могиле Волошина» (1975), «Чуфут-кале по-татарски значит “Иудейская крепость”» (1975), «С. Славичу» (1976), «Судацкие элгии» (1972, 1982), «Феодосия» (1984), «Дельфинья элегия» (1984), «Ежевечерне я в своей молитве...» (1984), «Коктебельская ода» (1984), «Воспоминание» (1984) и др. – эти стихи Б. Чичибабина прямо или опосредованно связаны с Крымом. Их условно можно разделить на два тематических цикла: философское осмысление бытия и татарский Крым.

В стихах первого цикла звучит гимн прекрасной природе Крыма, которая притягивает взор и душу:

*Дразнит прозу мою,
брызжет в раны веселый обидчик,
чья за мутью и зеленью
так изумительна синь ... [2, с. 77]*

*... Море хлопает в мол.
Море мокрые камешки сыплет.
Им никто не насытится.
Море и мёртвых живит... [2, с. 78]*

Та же тема развивается в стихотворениях «Месяц прошел и год, десять пройдет и сто...» и «Есть поселок в Крыму. Называется он Кацивели».

*... дышит – поёт внизу море в барашках белых...
Чайки сулят покой. Звёздно звенят цикады...
Ласточкино гнездо, Ласточкино гнездо –
Нежного неба зов, южного моря берег. [2, с. 79]*

*Там у синего моря цветы на камнях розовели.
И дремалось цветам под языческий цокот цикад ...
Жарко-ржавые пчёлы от сока живьём осовели,
чёркал ящерок яркий. Скакал по камням богомол. [2, с. 113]*

Однако тема радостного единения с природой крымского Эдема перемежается в них с мотивами тоски и безысходности и даже перекрывается ими:

*Я от кривды устал, я от горнего голода высох,
не смеются глаза, и улыбкой не красится рот ...
Там нам было тепло. А бывало, от стуж коченели.
Государственный холод глаза голубые гасил... [2, с. 113]*

Тематически примыкает к предыдущему и стихотворение «Ещё недавно ты со мной...», являющееся на первый взгляд гимном красоте обнажённой любимой:

*И мир был только сотворён,
и белка рыжим звонарём
над нами прыгала потешно.
Зверушка, шишками шуриша,
видала, как ты хороша,
когда с тебя снята одежда ...
Водою воздух голубя,
на обнажённую тебя
смотрела с нежностью Массандра. [2, с. 224]*

Но и здесь гимн женской красоте – по прихоти контрастной ассоциации – прерывается криком отчаяние и боли:

*Как ни стыжусь текущих дней,
Быть сопричастником стыдней, –
Ох, век двадцатый, мягко стелешь!*

И далее сформулирована этическая максима:

*...но злом дышать неспособу
тому, кто видел наготу
твою на южном побережье [2, с. 225].*

Тема вечности и древности Крыма реализована в стихах «Херсонес», «Чуфут-кале по-татарски значит “Иудейская крепость”», «Феодосия».

Херсонес – античное городище, где «... лира у моря для мудрых поёт / про гибель великой культуры.» [с. 223]. Чуфут-кале – иудейская крепость древнего народа – караимов. Феодосия–Кафа, подарившая поэту сплетение причудливых ассоциаций: Одиссей – «рыцарь чумазый под белой чалмой» – Грин – Пэппи – Айвазовский («... лучше о Вечности поговорить / со стариком Айвазовским ...») [2, с. 319] – Мандельштам. Всё это Крым. Это – История. Это – культура. Это – Вечность.

Философское осмысление сущностных вопросов бытия – жизни и смерти, добра и зла, любви и обиды, вины и покаяния – сквозная тема стихотворения «Ежевечерне я в своей молитве...», примыкающего к крымскому циклу стихов Б. Чичибабина:

*Все вглубь и ввысь! А не дойду до цели –
На то и жизнь, на то и воля Божья.
Мне это всё открылось в Коктебеле
Под шорох волн у чёрного подножья* [2, с. 323].

Современники и друзья поэта отмечали, что в его стихах 80–90-х годов «все чаще стали прорываться ноты усталости от самого себя, возникала даже досель не свойственная ему внутренняя расслабленность. Рождалось досадливое чувство повторяемости, монотонности». [3, с. 8.] В стихотворении «Дельфинья элегия» поэт сравнивает себя с подопытным дельфином на карадагской биостанции. Ему здесь, в этом замкнутом и душном мире, одиноко и безысходно:

*Я разлучён с родимой бездной,
мне всё враждебно и непрочно,
и надо мной не свод небесный,
а потолок цементно-блочный...
... И вот – в пяти шагах от моря,
От неба синего и рая –
Я с неразумия и горе
Никак не сдохну, умирая* [2, с. 322].

Трагическая тема была не минутным явлением, а перманентным мотивом жизни и творчества поэта. Вот так заканчивается последнее его стихотворений:

*Не мои ни пространство, ни время,
ни с обугленной вестью тетрадь.
Не под силу мне бренности бремя,
Но от бесов грешно умирать.
Быть не может земля без пророка.
Дай же сил мне, – кого-то молю, –
Чтоб не смог я покинуть до срока
Обречённую землю мою* [2, с. 415].

Второй цикл стихов поэта, условно названный «Татарский Крым», представлен стихотворениями «Крымские прогулки», «Судакские элегии» и «Чёрное пятно». Пафос этого цикла выражен в строке из «Судакских элегий»: «Как непристойно Крыму без татар».

В стихотворении «Крымские прогулки» лирическим героем является сам автор, и авторская позиция выражена прямо, в лоб:

*... Улочками кривыми
в горы дышал и лез.
Думал о Крыме: чей ты,
Кровью чужой разбавленный?
Чьи у тебя мечети,
Прозвища и развалины?
... Люди – на пляж, я – с пляжа,
там у лесов и скал,
«Где же татары?» – спрашивал,
всё я татар искал ...
Шёл, где пахли отары,
Жёлтую пыль топтал.
«Где ж вы, – кричал, – татары?»
Нет никаких татар ...
Родина оптом, так сказать,
Отнята и подарена, –
И на земле татарской
Ни одного татарина [2, с. 73-74].*

Эта же тема развивается во второй части цикла «Судакские элегии»:

*Мне с той землёй не быть накоротке,
она любима, но не богоданна.
Алчак-Кая, Солхат, Бахчисарай...
Я понял там, чем стал Господень рай
после изгнания Евы и Адама.
Как непристойно Крыму без татар!
Шашлычных углей лакомый угар,
Заросших кладбищ надписи резные,
Облезлый ослик, движущий арбу,
Верблюжесть гор с кустами на горбу,
И всё кругом – такая не Россия [2, с. 227].*

(Ср.: в главе «Конец концов» романа-эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых» несколько раз повторяется: «Чужая земля, татарская» [4].)

В 1987 г., после двадцатилетнего отлучения поэта от литературы, журнал «Новый мир» собрался дать подборку его стихов, в том числе и «Судакские элегии». В ответ на просьбу журналистки И. Роднянской изменить строку «Как непристойно Крыму без татар» Б. Чичибабин написал ей: «Без татар Крым – не Крым, ненастоящий Крым... Они (татары) были исконным местным населением этой земли, они были народом, пустившим корни в эту землю, обжившим ее, одухотворившим её названиями гор, поселков, мифологией, памятью, верой, мечтой, они стали и были душой Крыма. И когда эту душу искусственно, насильственно изъяли из тела и тело осталось без живой души, но с какой-то тенью ее, с каким-то кровотокающим следом её, с памятью о ней, – татар нет, а татарские названия остались, – это не только трагично, грустно, страшно, но

в этом есть что-то неподлинное, притворяющееся, неестественное, стыдное, непристойное.» (Из архива Б. Чичибабина.)

Несмотря на сопротивление поэта, эта строка была заменена на такую: «Я шёл тропой горестей и кар». И только в цитируемом издании [2] она обрела первоначальный вид: «*Как непристойно Крыму без татар*» [2, с. 227].

История создания стихотворения «Чёрное пятно» отражена в переписке А. Эмирова и Б. Чичибабина (1990 г.) [1]. Из письма А. Эмирова: «Ваше имя я впервые услышал от моего учителя Эшрефа Шемьи-заде, который в 1976 г. рассказал мне по секрету, что именно Вы, а не Твардовский или Евтушенко, являетесь автором популярного среди крымских татар стихотворения «Чёрное пятно»... В дополнение «к раскрытию тайны» Эшреф-агъа рассказал, что он встречался с Вами в Харькове».

В ответном письме поэт подтвердил факт встречи с крымскотатарским писателем Э. Шемьи-заде, однако написал, что он не помнит такого своего стихотворения: «Наша встреча в Харькове и его рассказы «вдохновили» меня на небольшой стихотворный отклик, который я передал для распространения в дружеском кругу. Черновика у меня не осталось, и стихов этих я совершенно не помню. Может быть, в Вашем письме речь идет об этих стихах? Если да, то они написаны наспех и потому (повторяю, что я их не помню) вряд ли имеют какую-нибудь поэтическую ценность, но, пожалуй, там что-то говорилось о чёрном пятне, которое необходимо как можно скорее стереть» [1].

По свидетельству вдовы поэта, Л.С. Карась-Чичибабиной, черновик этого стихотворения (в неоконченном виде) сохранился, оно вошло в сборник [5, с. 142–144]. Первая публикация стихотворения состоялась в № 2 (4) за 1993 г. крымской газеты «Мераба» с посвящением Эшрефу Шемьи-заде [1]. А. Эмиров свидетельствует: «...Борис Чичибабин прислал мне от руки написанный текст «Чёрного пятна», который хранится у меня» [5, с. 145].

Стихотворение «Чёрное пятно» состоит из 13 катренов, в одном из которых действительно есть такие строки:

*Постыдных дел в добро не красьте, –
живым забвенья не дано, –
скорей с лица Советской власти
сотрите чёрное пятно!*

*Не удержать водою воду,
не загасить огня огнём,
верните родину народу,
его душа осталась в нём!*

Мыслитель и художник, патриот, ощущавший чужую боль как собственную, Б. Чичибабин страстно любил Крым и был одним из печальников (см. [6]) татарского Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичибабин Б.А. Крымские прогулки. Из письма А.Эмирову // Газета «Мераба» («Здравствуйте»). – Симферополь, 1993. – № 2 (4).

2. Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. – Харьков: Фолио; Каравелла, 1998. – 463 с.
3. Борис Чичибабин в статьях и воспоминаниях. – Харьков: Фолио, 1998. – 463 с.
4. Шмелев И. Солнце мертвых. Эпопея // С того берега. Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг. Книга первая. – Москва: Водолей, 1992. – С. 241.
5. Чичибабин Б. Раннее и позднее. – Харьков: Фолио, 2002. – 479 с.
6. Эмирова А.М. Печальники татарского Крыма: Б. Чичибабин и В. Некипелов. (Поэтическая переключка через 30 лет) // М.А. Волошин – поэт и мыслитель. Материалы международной научной конференции. Крым, Коктебель, 17–21 мая 1999. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 106–114.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПОЭТИКЕ Б. ЧИЧИБАБИНА

(Чичибабин и развитие русской поэзии Украины: Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина. – Симферополь: Крымский Архив, 2006. – Вып. 2. – С. 63–68.).

При внимательном чтении стихов Б. Чичибабина бросаются в глаза многочисленные нарушения норм русского литературного языка: использование слов в ином значении, в иной, не зафиксированной в словарях форме; стилистический диссонанс (вкрапление в текст слов с инородной стилистической окраской), неканоничная пунктуация и др. И если последнее можно интерпретировать в качестве феномена авторской пунктуации, то предыдущие девиаты (отклонения от норм), несомненно, представляют собой предмет и объект исследовательского интереса.

Сразу же следует сказать, что я исключаю предположения о недостаточной грамотности поэта. Убедительные доказательства тому найдены мною во многих текстах поэта, но особенно – в т.н. Ахматовской анкете. Он любил поэзию А.Ахматовой, считал её «мастером незаменимых слов, мастером точности, мастером простоты, которая упорядоченная, гармонизированная сложность, а не что-то другое» [2, с. 269]. Там же, в Ахматовской анкете, он называл её имя в ряду «гениев совершенства, гениев гармонии»: «Ахматова – после Пушкина, самый совершенный, самый гармонический поэт». [Там же.]

Такой поэт, как Б.Чичибабин, тонко чувствовавший гармонию во всём: в природе, в человеческих отношениях, в поэзии, – не мог не замечать несовершенства некоторых своих строк, которое проявлялось в нарушении им законов семантической, грамматической и стилистической сочетаемости слов. Обилие окказиональных образований в его стихах позволяет рассматривать их в качестве сущностного компонента авторской поэтики.

Что же представляют собой эти девиаты–окказионализмы? Каковы их природа и типология? Каковы их функции в поэтическом тексте?

Окказионализм в узком смысле – это «слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [4, с. 240]. Однако в данной работе этот термин употребляется в более широком значении: как любая языковая единица или речевое образование, так или иначе выходящие за рамки современного нормативного употребления.

Ниже предлагается типология таких окказионализмов, в большом количестве встречающихся в поэтических текстах Б. Чичибабина: 1. собственно лексические, 2. семантические, 3. грамматические, 4. акцентуационные, 5. стилистические, 6. пунктуационные.

1. Собственно лексические окказионализмы (resp. – авторские неологизмы) – новые слова, образованные автором для данного случая: *Улыбнись мне спросонышка...* [2, с. 29]; *...под певчатыми стаями / Не стали **деревя*** [2, с. 36]; *...я последним взором подыму / те озёра с **плёско**м лебяжьим...* [2, с. 50]; *Сокрой свой рай в **таулицах** лесных...* [2, с. 60]; *А на улице снежок, молодой и **лунистый**.* [2, с. 102]; *Пусть на ходу от трения / **туфли горня** горят.* [2, с. 115]; *...пришел послушать рокот волн / и крики **чаячи*** [2, с. 115]; *Перед милой тобой / все красавицы мира – **неряшки**.* [2, с. 118]; *Мои губы бегут / по твоим **колыхливым** коленям...* [2, с. 118]; *...я славлю холод зорь и звон **бездольных** иволг...* [2, с. 130]; *...от стиха ж я ни **таинки** не таю.* [2, с. 130]; *Преодолевши материну **нехоть**...* [2, с. 133]; *Идет **свистёж** по заграницам, / а мы **обугленно** молчим* [2, с. 146]; *...кто стал опорой доброты / и ратником **яснополянца*** [2, с. 146]; *...кто сроки жизни сократил, / раздавши душу без **отдарства**...* [2, с. 146]; ***Упырствуют?** А ты упорствуй...* [2, с. 146]; *...не поддавайся **русохва**лам...* [2, с. 146]; *Не унимайся, сын **землицын**...* [2, с. 146]; *Пройдусь ладонью, как по клавишам, / по книг любимых **переплетьям**.* [2, с. 147]; *...на **многодальнем** рпстоянии...* [2, с. 147]; *...где братья пророков **златоустых**...* [2, с. 150]; *...её застенчивая **девичь** / цветом таинственным цвела в ней.* [2, с. 150]; *...в **безрыцарственный** век ты страж добра и чести...* [2, с. 163]; *...он – **выжданый** брат мой по цеху...* [2, с. 165] и др. Как видно из приведенных выше примеров, авторские неологизмы образованы, как правило, по продуктивным словообразовательным моделям, а широкий контекст обеспечивает их адекватную семантизацию и понимание.

2. Семантические окказионализмы – новые семантические варианты общеупотребительных слов, как правило, слабо мотивированные производящим (основным) значением данной лексемы или находящиеся с ним в отношениях смежности. Примеры: *И сто солёных, рубленных **раззяв** / ко мне тянулись и смотрели в рот мой...* [2, с. 34] (ср. словарное значение: *раззява* – то же, что *разиня* [3, 547]); *У голубых и **призрачных** прудов...* [2, с. 64] (ср.: *призрачный* – 1. являющийся призраком, порождённый больным воображением, 2. воображаемый, мнимый [3, с. 591]); *Ко мне вы сплетен / не **приурочите** ...* [2, с. 81] (ср.: *приурочить* – отнести к какому-н. сроку [3, с. 602]); *Простите, что с суконным рылом / **втемяшился** в калашный ряд* [2, с. 89] (ср.: *втемяшиться* – засеть в голове, укрепиться в сознании [3, с. 107]); *Потёмками влажными небо **свело**...* [2, с. 95] (ср.: *свести* – согнуть, стянуть, скорчить [3, с. 701]); *...а крыши в снегу – как **торт неразрозненный**...* [2, с. 60]. (ср.: *разрозненный* – несогласованный, лишённый единства, не имеющий полного комплекта [3, с. 652]); *...и слушал ритмичную музыку **кос**, / **сбирающих** пышный **трофей**.* [2, с. 64] (ср.: *трофей* – имущество, боеприпасы, техника, захваченные у противника [3, с. 813]; *А ветки бывают различной **погудки**:* /

Одни – на затычки, другие – на дудки [2, с. 71] (ср.: погудка – напев, а также присказка, прибаутка [3, с. 531]); *Дело сводилось к осени.* [2, с. 97] (ср.: свестись выразиться в чем-то малом, несложном, несущественном [3, с. 701]); *Родина вся как нищая, / мучалась и говела...* [2, с. 98] (ср.: *говеть* – у верующих: поститься и ходить в церковь во время поста [3, с. 134]; ...люди в жарком жерле/ *волочили* кирпич на плече... [2, с. 109] (ср.: *волочить* – тащить, тянуть по земле [3, с. 95]); *Не по карману нам пока, / в работу канувишим, / лежамя пролёживать бока / на тёплых камушках* [2, с. 116] (ср.: *кануть* – бесследно пропасть, исчезнуть [3, с. 264]); ...я *безбожной* зимы избежал [2, с. 117] (ср.: *безбожный* – 2. недопустимый, бессовестный (разг.) [3, с. 39]); *Я беру твои бёдра, / Венера сникает тряпичницей.* [2, с. 118] (ср.: *сникать* – слабеть духом [3, с. 738]; *тряпичник* – человек, интересующийся только нарядами, тряпками [3, с. 815]); ...и *высотное* небо России [2, с. 120] (ср.: *высотный* – 1. осуществляемый на большой высоте, 2. многоэтажный, очень высокой (об архитектурных сооружениях) [3, с. 119–120]); *Скворцы вовсю свирепствуют.* [2, с. 122] (ср.: *свирепствовать* – 1. быть свирепым, поступать свирепо, 2. перен. о стихийном бедствии, а также о чём-то тяжёлом, грозном: проявляться с большой силой [3, с. 703]; *От небренных её октябрей и маёв / проложилась багряная вежа...* [2, с. 145] (ср.: *бренный* – устар. тленный, проходящий [3, с. 59]; ...кто стал опорой доброты / и *ратником* яснополянца [2, с. 146] (*соратником?*); ...и слава *пастырю* пера, / не убожавшуся гонений... [2, с. 146] (ср.: *пастырь* – 1. то же, что пастух, 2. священник как наставник паствы [3, с. 495]; *В осыпь всеобщую Вас-то за что, / Осип Эмильевич?* [2, с. 147] (ср.: *осыпь* – осыпавшиеся обломки горной породы [3, с. 465] и др.

Как видно из примеров, в ряде случаев такие семемы можно интерпретировать в качестве оттенков значения окказионального характера.

3. Грамматические окказионализмы – парадигматические формы слова, созданные по непродуктивным или некорректным (диалектным, разговорным, просторечным) моделям формообразования. Некоторые из приведённых ниже форм являются архаичными. Примеры: *А на заре иных **времен**...* [2, с. 21] (ср.: *времён*); *Отложу я стихи до хороших **времен*** [2, с. 56]; *Абрикос желтеют груды* [2, с. 26] (ср.: *абрикосов*); *И знать не знал про белые **снеги**...* [2, с. 34] (ср.: *снега*); *Воздух полон **лепетов**, / Искорок и хруста.* [2, с. 70]; ...ветер им сёк **волоса**. [2, с. 125]; *Преодолевши **материну** нехоть, / ты в дальний путь заторопилась ехать...* [2, с. 133] (ср.: *материнскую, матери*); *Людские шёпоты и вопли / бессонница и полумгла / в их вязкой зависти **утопли**...* [2, с. 91] (ср.: *утопились*); *Мильоны правят ритуал / на тёплый юг **манящихся**.* [2, с. 122]; ...и слава *пастырю* пера, / не **убоявшуся** гонений... [2, с. 146] (ср.: *не убожавшемуся*); *Изрезан росписью морщин, / со **лажю** спорит Солженицын.* [2, с. 146] (ср.: *с ложью*); ...но я б хотел до звёзд любовь к нему **донести**... [2, с. 155] (ср.: *донести*) и др.

4. Акцентуационные окказионализмы – слова и словоформы с ненормативной локализацией ударения: *Не экзотический Восток / в **запы**ленных веках – / Здесь нежный пенится **хлопóк** / У девушек в руках.* [2, с. 24] (ср.:

запылённый, хлёпок); ...**туда** исходит соком...[2, с. 26] (ср.: *туда* – туговое дерево); У голубых и призрачных прудов/ поёт **мошкá**. [2, с. 64] (ср. *мошка*); ...звала отца, об **умершем** скорбя. [2, с. 133] (ср.: *умерший*); Попавший из огня да в полымя, / речами шумными **привлечен**, / томлюсь бедой... [2, с. 147] (ср.: *привлечён*); Ей даль нашлась и **отозвалась**... [2, с. 150] (ср. *отозвалась*) и др.

Основная часть приведённых выше образований имеет разговорную, просторечную или диалектную окраску, т.е. находится вне пределов литературного языка.

5. Стилистические окказионализмы – слова и словосочетания, маркированные стилистически. В целом это явление можно назвать стилистическим диссонансом – нарушением законов стилистической сочетаемости: в поэтический текст включены единицы иных стилистических пластов – архаизмы, разговорные, просторечные и диалектные слова и словоформы: *Сколько б ни бродилось, ни **трепалось**...*[2, с. 84] (*трепаться* – 4. то же, что околачиваться, прост., неодобр. [3, с. 810]); *Что в жизни, начатой с азав, / с трубы, с костра, с лесного хруста, / **не токмо** Пришвин и Бажов / меня учили речи русской* [2, с. 87] (*токмо* – устар.); *Простите, что с суконным рылом / **втемяшился** в калашный ряд* [2, с. 89] (*втемяшиться* – прост., неодобр.); **Враз** набежало облако / и **запузырил** дождик [2, с. 99] (*враз* – прост., *запузырить* – прост.); *Нынче время тусклое, / **паче** для артистов...* [2, с. 100] (*паче* – устар.); **Замурзанные** музы / на сцену волокут / героев кукурузы...[2, с. 100] (*замурзанный* – прост.); *А не лучше, парень, / взять и удавиться, / чем со сцены **шпарить** / из передовицы?* [2, с. 100] (*шпарить* – прост.); *Вот так ты сказал – и **баста**, / и душу всю **распротак!*** [2, с. 101] (*баста* – разг., *распротак* – прост.); **Се аз** храню на свете белом / свободных лириков союз... [2, 103] (*се аз* – устар.); ...как Бог, **куролесил** / в стихах непростых [2, 106] (*куролесить* – прост.); ...сев на горячий камушек, / передохну **чуток** [2, 114] (*чуток* – прост.); ...стал опорой доброты / и **ратником** яснополянца... [2, 146] (*ратник* – устар.); В Кремле **артачатся** вожди [2, 146] (*артачатся* – прост.); Империи – **хана!** [2, 156] (*хана* – прост.); И это ни капли не странно, / **хои'а** языка не чеша, / ...к душе прикипает душа [2, 165] (*хоиша'* – диал.) и др.

Как видно из приведённых выше примеров, включение в поэтический текст стилистически инородных единиц не всегда содержательно и стилистически оправданно.

Отдельную группу стилистических окказионализмов составляют украинизмы, которые вкрапливаются в русский текст. Их употребление, как правило, оправданно тематически, содержательно (почти все примеры взяты из стихотворений «Тарас» [2, с. 103–105] и «Леся в Ялте» [2, с. 149–151]) и лично («С Украиной в крови я живу на земле Украины...» [1, с. 248]): *А за край свой **ридный**, за поля, за травы / на распятыя душу сможете отдать?* [2, 104]; ...в селянских хатах, в заповедных **скрынях** / с Библией хранился дедовский «Кобзарь» [2, с. 104] (*скрыня* – сундук, ящик); ...с марта и до мая, с **березня** до **травня** / шествует Шевченко грянувшей весной [2, с. 104]; ... и народ рабочий аж за океаном / кланяется земно **батьке** своему [2, с. 104];

Поплывём, **грогада**, морем Кременчугским / до горы Чернечей, где лежит Тарас [2, с. 105]; На краткий срок на диких скалах, / горюя **бсторонь** от мира... [2, с. 150] (*бсторонь* – в стороне); По белу свету **тепенаясь**... [2, с. 88] (*тепенаясь* – образно: идти медленно; тащиться, волочиться); Тебе ль беду не каркали / скупые **куркули**? [2, с. 100] (*куркуль* – кулак) и др.

К феномену стилистического диссонанса можно отнести фрагменты текста, не поддающиеся однозначной и адекватной семантизации: Они (мальвы. – А.Э.) *подслушивали мысли / и – сокрушители крамол – / из-за плетней высоких висли, / чтоб смех за хатами примолк. / Людские шёпоты и вопли, / бессонница и полумгла / в их вязкой зависти утопли, / им долговязость помогла* [2, с. 91]; Их вольные души сгорят и простятся / на тёмной волне, не оставив следа [2, с. 97]; Свет его мыслей гаснущих / бился темно и скупо [2, с. 99]; В каждом взоре моём – / твой огнём обрастающий образ, / твоё светлое личико, – / женищина жизни моей [2, с. 119]; И то беда, а не просчёт, / что в скором времени навряд ли / слова, что бременем набрякли, / Иван Денисович прочтёт [2, с. 146] и др.

6. Пунктуационные окказионализмы – ненормативная расстановка знаков препинания или их отсутствие. В целом такое явление можно интерпретировать в качестве авторской пунктуации, однако, к сожалению, в некоторых случаях в тексте явно нарушаются пунктуационные нормы литературного языка: ...я их симпатий избежал – / и в домик Чехова [2, с. 115] (ср.: ...я их симпатий избежал / и – в домик Чехова); ...лежмя, пролёживать бока... [2, с. 116] (ср.: ...лежмя пролёживать бока...); Как из лесу цветы, / твои белые ноги свисали / и с весёлым лицом / ты лилась в мои ночи, свежа [2, с. с. 117] (ср.: ...твои белые ноги свисали, / и с весёлым лицом / ты лилась...); По молодости лет он – город без легенд, / он сам их создаёт и сны его стройны... [2, с. 155] (ср.: ...он сам их создаёт, / и сны его стройны...) и др. В стихотворении «Неве» [2, 153–154] знаки препинания вообще отсутствуют.

Несмотря на разнотипность рассмотренных выше языковых и речевых образований в поэтических текстах Б. Чичибабина, можно говорить о том, что они выполняют идентичные экспрессивно-стилистические функции: эпатажа, фронды, оппозиции существующему порядку вещей; рекламную (resp. – привлекающую внимание), прескриптивно-воздействующую; игровую. За всем этим вырисовывается образ лирического героя, беспокойного, ершистого, колючего, который в какой-то мере коррелирует с личностью самого автора и отражает его социальные и поэтические (художественные) предпочтения и идеалы. Известно, например, что Б. Чичибабин до начала 70-х годов находился под сильным влиянием личности и творчества В. Маяковского – «агитатора, горлана, главаря». Обилие акцентуационных и стилистических окказионализмов в текстах поэта может свидетельствовать также о его намеренном, нарочитом желании заявить о своей неразрывной связи с простым народом, радетелем и печальником которого он себя ощущал:

Быть не может земля без пророка.

Дай же сил мне, – кого-то молю, –

*Чтоб не смог я покинуть до срока
Обречённую землю мою [1, 415].*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борис Чичибабин. В стихах и прозе. – Харьков: Фолио; Каравелла, 1998. – 463 с.
2. Борис Чичибабин. Раннее и позднее. – Харьков: Фолио, 2002. – 479 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Изд. 2. – Москва: Просвещение, 1970. – 543 с.

ЗВУКОПИСЬ КАК КОМПОНЕНТ ПОЭТИКИ Б. ЧИЧИБАБИНА

(Б.А. Чичибабин и проблемы развития русской поэзии на рубеже XX – XXI веков. Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина. – Вып. 3. – Симферополь: Крымский Архив, 2007. – С. 85–89)

Звукопись, или фоника, понимается в данной работе как качественная сторона звуков речи, выполняющих различные стилистические функции и являющихся объектом изучения эвфонии как раздела поэтики. Различные художественные средства, характерные для творчества автора, образуют поэтическую систему: они дополняют друг друга, выполняя одинаковые или смежные стилистические функции. Окказионализмы разного типа, рассмотренные мной на предыдущих Чичибабинских чтениях [3], находятся в отношениях комплементарности с другим феноменом поэтики – звукописью как совокупностью фоностилистических приёмов, используемых автором для усиления звуковой выразительности и образности речи. Вот примеры собственно лексических и стилистических окказионализмов, позволяющие интерпретировать их в качестве средств звукописи: *Он весь звенел от шурких шорохов...* [1, с. 59] (ср.: **шуровать** – делать что-либо быстро, энергично, прост.). *Изрезан росписью морщин, / со лжюю спорит Солженицын...* [2, с. 146] и др.

Цель данной работы – выявить типологию и стилистические функции средств звукописи в поэзии Б.Чичибабина.

Распространёнными средствами звукописи в поэтике Б. Чичибабина являются аллитерация, ассонанс, анаграмма и внутренняя рифма. Наиболее частотна аллитерация – повторение одинаковых или однородных по акустико-физиологическим свойствам согласных звуков (свистящие, шипящие и др.): *...В седой пустыне постоянства* [1, с. 56]. *А ветер, гнёзда струшивая, / скрежещет жёстью крыш* [1, с. 58]. *...Из пней прогнивших сыплется труха* [1, с. 61]. *... Да слушаю речек сырые свирели* [1, с. 62]. *Его терпенье несут пустыни...* [1, с. 66]. *...Снова наводит мурашки / жёсткости взор жёстяной* [1, с. 68]. *Немея от нынешних бедствий, / и в бегстве от будущих битв...* [1, с. 69]. *Пока на радость сытым / стаям подонки травят Пастернаков, – /*

не умер **Сталин** [1, с. 71]. *Клянусь на знамени весёлом / сражаться праведно и честно, / что будет путь мой крут и солон, / пока исчадьё не исчезло, / и не скажусь в бою усталым, / пока дышу я и покамест / не умер Сталин!* [1, с. 72]. ...*Спешит семья стремительных скворцов* [1, с. 81]. ...*Грущу – и грусть моя грешна* [1, с. 86]. ...*И трубы трепетного счастья / по-птичьи плачут надо мной* [1, с. 86]. *Настой на снах в пустынном Судаке...* [1, с. 227]. ...*У вскинутых скал Карадага со всеми свой рай разделил* [1, с. 200] и др.

Гораздо реже встречается ассонанс – созвучие (повторение) гласных звуков: ...*Да слушаю речек сырые свирели и гулкие дудки болотных лугов* [1, с. 62]. ...*И не пойму, хотя и не кляню, / зачем я эту горькую страну / ношу в крови, как сладкую заразу* [1, с. 228]. ...*Кувшинки ждут, вкушая темноту* [1, с. 63]. *Там у ромашек, канувших / в пенящийся поток, / сев на горячий камушек, / передохну чутко* [2, с. 114] и др.

В качестве разновидности ассонанса можно рассматривать совмещение, гибрид аллитерации и ассонанса – повтор одинаковых и близких по звучанию слогов или сочетаний согласных и гласных звуков: *Мы так её любили, не знали про беду. Её автомобилем убило на ходу* [1, с. 64]. Однако *радоваться рано – / и пусть орёт иной оракул, / что не болеть зажившим ранам, / что не вернуться злым оравам, / что труп врага уже не зная...* [1, с. 71]. ...*Сидят холёные, как ханы...* [1, с. 71]. *Где-то на сивом Севере / косточки их лежат.* [1, с. 75]. *До потёмко позябнем от зыби* [1, с. 77]. ...*Лохматой лазури ломоть* [1, с. 78]. *Сладостно-солона вечная синева, / юность ушла в туман на корабле прошедшем. / Ласточкино Гнездо – ласковые слова, / те, что не раз, не два мы в тишине прошепчем* [1, с. 79]. *Давние времена, славные имена, / как ветровой привет и как заветный вызов* [1, с. 79]. ...*И пахнет полынь, как печаль* [1, с. 226]. *Но туча явилась длинна и тоща, тащицалась и падала навзничь...* [2, с. 95]. ...*К тучам по кручам лезть* [2, с. 114]. *С бубенцом твоих губ / я безбожной зимы избежал* [2, с. 117] и др.

Некоторые из приведённых выше гибридных средств звукописи могут быть охарактеризованы в качестве анаграммы – художественного приёма, состоящего в перестановке, рекомбинации (иной комбинации) букв или звуков в словах и словоформах. Анаграмма может быть сознательным приёмом, языковой игрой. Однако отобранные из поэтических текстов Б.Чичибакина фрагменты дают основание интерпретировать их в психолингвистическом ключе: они эксплицируют, отражают не доступные прямому наблюдению ментальные процессы поиска автором необходимых языковых-речевых единиц. Эти процессы происходят на широкой ассоциативной платформе, при этом на первом плане оказываются ассоциации по сходству (и формы, и содержания), как бы колдовски прогнозирующие искомое слово: ...*Тяжело / достаётся Достоевскому Россия* [1, с. 36]. ...*В тёплых лужах заплясали скomorохи-комары* [1, с. 47]. ...*И суетятся мудро муравьи* [1, с. 61]. *Палил меня полдень, кололи колосья...* [1, с. 62]. ...*Кувшинки ждут, вкушая темноту.* [1, с. 63]. *Когда ж ты родишься, / в огне трепещи, / новый Радищев – / гнев и печаль?* [1, с. 76]. *Я лежу на рядне. / Породиться бы нам, кипарисы!* [1, с. 77]. *Солнце плавит плоды...* [1, с. 77]. *Седьм моржом наморщенный Маршак*

/ судил мой жар... [1, с. 80]. ...Ты древней расы, я из рода россов... [1, с. 137].
...В сиянии синего света, на круче Кучук-Енишар [1, с. 200].

Особой формой звукописи является рифма. Проблема специфики чичибабинской рифмы ждёт своего исследования. В поэзии Б.Чичибабина встречаются особые звуковые повторы, которые можно назвать *внутренней рифмой*. Могут рифмоваться обе части стиха (строки) – полностью или частично: ...*Ласточкино Гнездо, Ласточкино Гнездо*... [1, с. 79]. *Давние времена, славные имена*... [1, с. 79]. *Сладостно-солона вечная синева*... [1, с. 79]. Сюда же примыкает стих: *Близким теплом души, блеском любимых глаз*... [1, с. 79]. Как видно из примеров, средствами фоники здесь выступают не только рифмы, но и анафора, и параллелизм.

Как показал проведённый выше анализ, наиболее частотными звуками в составе фонических средств являются согласные [с] [ш] [п] [р] и гласные звуки [у], [а], [и]. Только дважды встретился повтор слогов со звуком [ц]: *О, как горюют царственные цацы*... [1, с. 63]. ...*И дремалось цветам под языческий цокот цикад* [1, с. 113]. Можно было бы рассуждать на тему о символических значениях данных звуков. Известно, например, что в славянских языках звук [у] устойчиво выражает идею страха, ужаса, одиночества, [а] – простора и дали. Глухим согласным [с], [ш], [п] можно приписать способность выражать идею беззвучия, безгласия, сопряжённого с одиночеством. Однако всё это было бы спекулятивными натяжками, опирающимися на поверхностно интерпретируемые факты жизни и творчества поэта. Имеющийся языковой материал не даёт оснований для креативной интерпретации феномена частотности звуков в его корреляции с языковой картиной мира автора.

Какие же стилистические функции выполняют рассмотренные выше средства звукописи? Кроме общих для них прагматической (ментально-прогностической) и эстетической функций, они могут выполнять и собственно эстетическую, экспрессивную (образную), эмотивную, рекламную и игровую функции.

Суть прагматической – ментально-прогностической функции – состоит в том, что все формы звукописи эксплицируют многоуровневые, сложные, часто неосознанные ментальные процессы поиска говорящим / пишущим необходимых **ad hoc. речевых средств как в преспекции, так и в ретроспекции, обнаруживают** этапы порождения художественной речи и тем самым иллюстрируют универсальный закон человеческого мышления – его ассоциативность. (См. выше интерпретацию феномена анаграммы.) В связи с вышесказанным данную функцию звукописи можно назвать и ассоциативной.

Общеэстетическая функция – это использование элементов звукописи в составе слова как первоэлемента художественного текста. Эстетическая функция звукописи в узком смысле (собственно эстетическая) – это её способность генерировать у слушающего / читающего чувство эстетического наслаждения, обусловленное способностью автора отбирать из номинативно-экспрессивного инвентаря языка наиболее адекватные выражаемому смыслу и своему эмоциональному состоянию языковые единицы, творчески преобразовывать их, неординарно «сцеплять» друг с другом, и одновременно по достоинству

оценивать языковую компетенцию поэта. Тут следует сказать, что глубина и полнота эстетического наслаждения доступны лишь эзотерику – посвящённому, филологически искущённому читателю, имеющему в своём психическом (в том числе – и речевом) опыте аналогичные образы и звучания.

Экспрессивная функция звукописи понимается в данной работе как соответствие фонетического состава фразы или её части изображаемой картине, как способность фонетического слова (слов) воссоздавать в сознании материальный (зрительный или звуковой) образ описываемого. Значительная часть анализируемого материала выполняет именно такую функцию: *...В тёплых лужах заплясали / скоморохи-комары* [1, с. 47]. *...Но с братом запросто полажу, / рубая правду напрямик* [1, с. 57]. *А ветер, гнёзда струшивая, / скрежещет жестью крыш* [1, с. 58]. *...Да слушаю.... / гулки дудки болотных лугов* [1, с. 62]. *...Лишь ляют собаки да плещется дождь* [1, с. 62] и др.

Эмотивная функция фонических средств, являющаяся, как правило, следствием экспрессивной функции, – это их способность генерировать у читающего и слушающего определённые эмоциональные состояния: удовольствия, радости, эстетического наслаждения, иронии, презрения, пренебрежения и пр. (См. приведённые выше примеры.) Под рекламной функцией понимается использование фонических средств для привлечения внимания к изображаемому: *О, как горюют царственные цацы!* [1, с. 63]. И наконец, во всех прочих случаях мы имеем дело с игровой функцией звукописи – содержательно немотивированным использованием звуковых средств для усиления выразительности текста: *Январь – серебряный сержант...* [1, с. 57]. *...И возьму я с собой... / лохматой лазури ломоть.* [1, с. 78].

Перечисленные выше функции фонических средств в поэтике Б. Чичибабина, как правило, актуализируются не изолированно, а комплексно. Богатейшая звуковая организация чичибабинского стиха вкупе с оригинальным его содержанием способна производить мощное психологическое воздействие на читающего и слушающего.

Думается, поэтические тексты Б. Чичибабина адресованы не столько глазам, сколько ушам – их следует читать вслух и слушать. Незабываемым событием общественной жизни 90-х годов (17 октября 1993 г.) стал творческий вечер Поэта на центральной телевидении: мудро-минорный облик, низкий, с хрипотцой, тембр голоса, своеобразная тематика, не созвучный официальной идеологии пафос – всё это необычайно сильно воздействовало на многомиллионную телеаудиторию. В немалой степени тому способствовали богатство и разнообразие фонических средств чичибабинского стиха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борис Чичибабин в стихах и прозе. И всё-таки я был поэтом... – Харьков: «Фолио». СП «Каравелла», 1998. – 464 с.
2. Борис Чичибабин. Раннее и позднее. Кончусь, останусь жив ли... – Харьков: «Фолио», 2002. – 480 с.
4. Эмирова А.М. Окказионализмы в поэтике Б. Чичибабина // Чичибабин и развитие русской поэзии Украины в XX веке. Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина. – Вып. 2. – Симферополь: Крымский Архив, 2006. – С. 63–68.

РУССКО-КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ КРЫМА

(ВІСНИК Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – 2007, № 18 (134). – С. 183–192.)

“Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств” (Страсбург, 5 ноября 1992), в которой предложена система мер, способствующих сохранению и развитию исторических региональных языков Европы, была подписана Украиной 2 мая 1996 и после многолетних обсуждений (ратифицирована 24 декабря 1999 г., но 12 июля 2000 г. решением Конституционного Суда принятый закон был аннулирован) окончательно ратифицирована 15 мая 2003 г., однако вступила в силу только с 1-го января 2006 г.

В рамках Хартии Украина отвечает за сохранение и развитие 13 миноритарных языков: белорусского, болгарского, венгерского, гагаузского, греческого, еврейского, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского, румынского, русского и словацкого, – носители которых, за исключением гагаузского и крымскотатарского языков, имеют независимые государственные образования за пределами Украины.

В Крыму, как известно, проживают представители нескольких десятков народов, в том числе три этноса, которые признаны аборигенными, – крымские татары, караимы и крымчаки: они исторические сформировались именно на этой территории, имеют сложный многокомпонентный этногенез и своеобразные трагические судьбы: крымские татары 18 мая 1944 г. подверглись тотальной депортации и находились в местах ссылки вплоть до конца 80-х годов XX в.; крымчаки, как иудеи, были уничтожены во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские караимы остались на родине, но, как и все малые народы СССР, активно и целенаправленно ассимилировались в русле “ленинской национальной политики”. Согласно итогам всеукраинской переписи населения 2001 г. в Крыму проживали около 250000 крымских татар, 700 караимов и 200 крымчаков.

Караимский и крымчакский языки не вошли в реестр миноритарных языков Украины. Однако караимы и крымчаки сегодня намерены в той или иной форме сохранить свои языки. В Крыму функционируют ассоциация крымских караимов «Къырым карайлар» и республиканское культурно-просветительское общество крымчаков «Кърымчахлар», усилиями которых издаются разного типа учебные пособия (словари, самоучители). Процессы ассимиляции этих народов сегодня уже необратимы. Носителей крымского варианта караимского языка осталось 10–20 человек, крымчакского – несколько человек. Тем не менее караимы пытаются возродить свой язык для практического использования в семье. В Евпатории функционирует воскресная школа, слушателей которой разговорному караимскому языку учат носители языка старшего поколения, не имеющие педагогического (филологического)

образования. Последняя воскресная школа такого типа у крымчаков закрылась в 1997 г. Крымчакский язык фактически уже вошёл в список мёртвых языков. Основная цель крымчаков – сохранить свой язык как памятник этнической культуры.

Караимский и крымчакский языки входят в кыпчакскую группу тюркской семьи, к которой относится и близкородственный им крымскотатарский язык. Поэтому надежды на сохранение и возможное возрождение своих языков караимы и крымчаки во многом связывают с возрождением крымскотатарского языка и расширением его функционального пространства. Однако трагические перипетии XX века способствовали основательному разрушению системы крымскотатарского языка: резко сократилась его демографическая мощь (количество владеющих им); за невостребованностью в местах ссылки традиционных форм жизнедеятельности крымских татар (табаководства, садоводства, овцеводства и др.) и отсутствием школ с родным языком обучения резко сократился и словарный состав; деформировалась стилистическая система и соответственно сократилась коммуникативная мощь языка (количество обслуживаемых им социальных сфер) и др. Процессы русско-крымскотатарской интерференции затронули все уровни языковой системы крымскотатарского языка.

В строгом смысле интерференция – это взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся преимущественно при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от нормы и системы **второго** языка под влиянием родного [1, с. 197]. В рамках поставленной проблемы могут быть рассмотрены следующие вопросы: 1. вектор интерференции и её динамика в разные периоды жизни этноса; 2. языковая компетенция и тип билингвизма; 3. содержание понятия “родной язык”; 4. пути и способы реанимации миноритарных языков, находящихся в опасности; 5. личность как субъект и объект языковой интерференции и др.

Изучение проблем взаимодействия русского и крымскотатарского языков показывает, что феномен русско-крымскотатарской интерференции отличается от классической модели, при которой, как выделено выше, только во **втором** (заимствованном) языке наблюдаются девиации (отклонения) на разных уровнях языковой системы. Русско-крымскотатарская интерференция представляет собой качественно иной социолингвистический феномен: на разных этапах взаимодействия данных языков вектор интерференции и её динамика перманентно изменялись.

Взаимодействие русского и крымскотатарского языков началось, как известно, после завоевания Крыма Россией (1783). На первых этапах оно было спорадическим и проявлялось в классической форме: второй – русский – язык искажался под влиянием родного языка, которым в тот период владели все крымские татары. Например: *чар* < *царь*; *Катарна́* < *Екатерина*; *Руси́е* < *Россия*; *истакан* < *стакан* и др. Как видно из приведённых выше примеров, искажения звукового состава русизмов были обусловлены спецификой артикуляционной базы крымскотатарского языка и его фонетических законов.

Более интенсивное освоение русского языка крымскими татарами началось после Октябрьской революции, однако до тотальной депортации народа вектор интерференции оставался прежним: в русской речи крымских татар родной язык влиял на русский, что проявлялось прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях.

Начиная с 1944 г. (после депортации) вектор интерференции стал кардинально меняться: при отсутствии в местах ссылки крымскотатарских школ русский язык стал мощно влиять на все уровни крымскотатарского языка, что имело следствием деструкцию последнего и даже его частичную аннигиляцию. (Замечу в скобках, что оборот “аннигиляция языка” используется здесь как когнитивная метонимия: исчезает не язык, а носители языка, точнее – появляются новые генерации, не владеющие языком родителей.)

В условиях ссылки и по сей день крымскотатарский язык функционировал и функционирует преимущественно как “семейный” язык (в форме территориального говора или наречия). По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах; 2. асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – русским языком; 3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят на каком-либо территориальном диалекте крымскотатарском языке). Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – люди пожилого возраста с низким уровнем образования.

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. В их речи очень часто используются русские «включения», в том числе разного рода кальки [2, с. 57–58].

Как следует из сказанного, сегодня крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Однако здесь следует обратить внимание на такой парадокс, обнаруженный мной по итогам всеукраинской переписи населения 2001 г.: 93% крымских

татар считают родным крымскотатарский язык, 0,6% – украинский, 5% – русский языки [3]. В то же время социально-лингвистический мониторинг показывает, что реальная демографическая мощность крымскотатарского языка (количество владеющих им в той или иной степени) гораздо ниже. Крайне низка и коммуникативная мощность языка (число социальных сфер, обслуживаемых языком).

Крымские татары, в массе своей считая родным крымскотатарский язык, в речевой практике всё же чаще используют русский язык даже в общении друг с другом. Тому причиной разные факторы, как собственно языковые, так и внеязыковые. К первым относится интуитивное толкование понятия родного языка как языка родителей. (Такая дефиниция встречается и в трудах по социолингвистике.) Собственно языковым фактором можно считать универсальный для всех языков мира закон экономии речевых усилий: в условиях спонтанного общения говорящие с меньшими ментальными усилиями и быстрее находят в своем внутреннем лексиконе необходимые русские лексико-фразеологические средства и грамматические модели, являющиеся формами воплощения и презентации различных понятий и суждений. При скудости словарного запаса и плохом знании грамматических способов и средств крымскотатарского языка обращение коммуникантов к русскому языку и порождение ими русского дискурса становится вполне объяснимым и в какой-то мере коммуникативно оправданным.

К внеязыковым факторам можно отнести наличие смешанных браков (до 20% семей), в которых общение осуществляется преимущественно на русском языке, и отсутствие постоянного языкового окружения в местах дисперсного проживания крымских татар. Экстралингвистическим фактором можно считать также обостренное чувство патриотизма как реакции на социальную несправедливость, проявляющуюся в том, что решение актуальных для жизнедеятельности крымскотатарского социума проблем (получение украинского гражданства, политическая реабилитация народа, землепользование и др.) затягивается государством на долгие годы.

Сегодня остро стоит вопрос о возрождении и развитии крымскотатарского языка. Возродить язык – значит развивать и совершенствовать его в такой мере, чтобы он мог быть использован во всех социальных сферах. Эта проблема имеет два аспекта – социально-политический и собственно лингвистический. (Ниже только обозначены проблемы, решение которых может способствовать оптимизации коммуникативного статуса крымскотатарского языка.)

Социально-политический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает решение ряда взаимосвязанных вопросов.

1. Определение социального статуса крымскотатарского языка.

В соответствии со ст. 10 Конституции Украины крымскотатарский язык имеет статус миноритарного языка – языка национального меньшинства, которому «гарантируется свободное развитие, использование и защита» [4, с. 4]. Социальная практика последнего десятилетия показала, однако, что

такой статус языка не обеспечивает ему необходимой финансовой поддержки со стороны государства, не способствует формированию его престижности в глазах носителей языка и представителей других этносов многонационального Крыма и, следовательно, не стимулирует его освоения и изучения.

Известно, что крымские татары выступают с требованием придать их языку статус государственного языка ⁷³, что сегодня противоречит Конституции Украины, как унитарного государства. Думается, что придание крымскотатарскому языку, наряду с русским, статуса официального языка ⁷⁴ обеспечило бы его преподавание во всех школах Крыма в качестве обязательного предмета и тем самым способствовало бы повышению уровня его престижности. Признание крымскотатарского языка языком коренного народа Украины, что предполагает увеличение объёма бюджетного финансирования, также могло бы способствовать его быстрой реанимации. Однако этот вопрос, несмотря на неоднократные обращения общественности, до сих пор не ставился на повестку дня Верховной Рады Украины.

2. Расширение системы воспитания и образования на крымскотатарском языке.

Общее количество детей школьного возраста крымскотатарской национальности в Крыму в 2006–2007 учебном году составляет 37266 человек; из них 3443 учатся на родном языке в 14 школах с крымскотатарским языком обучения. Кроме того, в 65 школах функционируют 220 классов с крымскотатарским языком обучения, охватывающих 2622 учащихся. Качественно оценить приведенные выше цифры можно при количественном сравнении: в Крыму сегодня функционируют около 600 школ, в которых обучается 199173 детей разных национальностей. Приведённые выше цифры красноречиво свидетельствуют о том, что в таких условиях обучить подрастающие поколения родному языку не представляется возможным.

3. Расширение функционального пространства крымскотатарского языка.

Известно, что оптимальное усвоение языка происходит в условиях перманентной языковой среды, в создании которой участвуют различные факторы: средства массовой информации; макро- и микропонимия; дорожные указатели, вывески, объявления, лозунги и т.п.

Сегодня крымскотатарское радио и телевидение располагают соответственно 1 часом 20 минутами и 5 часами эфирного времени в неделю; на крымскотатарском языке издаются (с разной периодичностью) четыре журнала («Йылдыз», «Оджакъ», «Ха-ха-ха!», «Йылдызыкъ-Зірочка»), три республиканские газеты («Янъы дюнъя», «Къырым», «Маариф ишлери»); русскоязычная газета «Голос Крыма» периодически печатает материалы

⁷³ Государственный язык – язык, выполняющий на территории определенного государства все основные социальные функции, имеющий особый юридический статус и являющийся, наряду с флагом, гербом и гимном, символом государственности. [9, с. 34]

⁷⁴ Официальный язык по объему понятия совпадает с государственным языком: выполняет на территории определенного государства все основные социальные функции и имеет соответствующий правовой статус. [9, с. 76]

на крымскотатарском языке (кириллицей и латиницей). Старая крымская топонимия все еще не восстановлена.

Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1. сбор и фиксация на современных носителях всех сохранившихся говоров и наречий; 2. кодификация и оптимизация норм литературного языка.

1. Сбор и сохранение территориальных диалектов – непереносимое условие дальнейшего развития языка. Известно, что диалекты «питают» литературный язык. Поэтому сегодня как никогда остро стоит вопрос о необходимости сбора и хранения всего диалектного богатства крымскотатарского языка. Такая работа (диалектологические экспедиции) проводилась в предвоенные годы усилиями сотрудников НИИ крымскотатарского языка и литературы, однако собранные материалы не сохранились. К сожалению, сегодня нет специалистов в области крымскотатарской диалектологии, которые смогли бы организовать работу по сбору, консервации и обработке диалектного материала. До сих пор не удалось восстановить и названный выше НИИ.

2. Дальнейшее развитие и совершенствование крымскотатарского языка предполагает наличие развитого литературного языка. Сегодня к крымскотатарскому литературному языку предъявляются новые требования: наряду с основными социальными функциями (коммуникативной, когнитивно-мыслительной, эмотивной и др.), он должен выполнять социально-консолидирующую функцию, т.е. способствовать более прочному объединению крымских татар, говорящих на разных территориальных диалектах, в сильную нацию с развитой культурой. В этих условиях литературный язык понимается как обработанная и нормированная форма общенародного языка, имеющая наддиалектный характер. Нормы литературного языка – это совокупность обязательных для всех носителей языка правил употребления языковых единиц, их изменения, сочетания друг с другом, произношения и написания. Они призваны оптимизировать процессы языковой коммуникации, т.е. обеспечивать взаимопонимание между коммуникантами. Без единого, общего для всех литературного языка не могут оптимально функционировать формирующиеся крымскотатарские общественно-политические и культурные институты, не могут развиваться образование и наука.

Единой системы ортологии крымскотатарского языка до сих пор не создано. Нормы грамматики и орфографии отражены в существующих учебных пособиях, однако и здесь имеются проблемные участки, которые нуждаются в осмыслении и переоценке с позиций современных социальных реалий и теории языка. Не кодифицированы до сих пор нормы словоупотребления и орфоэпии. В крымскотатарской лексикографии отсутствуют специальные справочники по орфоэпии с разработанной системой транскрипции. До сих пор не составлен даже толковый словарь, который призван регламентировать правильное употребление слов (в соответствии с их значением), их правильное написание, сочетаемость и в определенной степени – **произношение**.

Как уже говорилось выше, в современных условиях вектор русско-крымскотатарской интерференции направлен от русского языка к крымскотатарско-

му: русский язык, который является первым языком для значительной части крымских татар детского, молодого и среднего возраста, активно влияет на все участки системы крымскотатарского языка. На уровне лексики это проявляется в наличии большого количества лексических заимствований и калек разного рода – словообразовательных, семантических, фразеологических, синтаксических; на уровне синтаксиса – в нарушении фиксированного порядка слов, характерного для тюркских языков; на фонетическом (речевом) уровне – в искажении дифференциальных признаков фонем и их аллофонов и др.

В то же время следует отметить, что в звуковой стороне русской речи некоторых групп крымских татар (преимущественно людей с начальным и неполным средним образованием) можно наблюдать легкий крымскотатарский акцент, проявляющийся в форме специфической интонации. Известно, что акцентообразующими в языках мира выступают разные составляющие: артикуляционная база языка-рецептора, особенности ударения, интонации, характерные для того или иного языка фонетические законы и др.

Природа этого феномена до сих пор не исследована. Думается, он обусловлен особым типом крымскотатарского ударения: выделение слога происходит не только с помощью усиления гласного звука, но и с помощью движения голосового тона в пределах ударного слога. Возможно, акцентообразующим фактором является также специфика редукции гласных в крымскотатарском языке, которая носит не качественный, а количественный характер.

Как следует из сказанного, всем трём тюркским языкам аборигенных народов Крыма сегодня угрожает опасность. В нынешних условиях русский язык, кроме своих основных функций, самой историей призван выполнять ещё одну важную социальную функцию – способствовать сохранению и возрождению миноритарных языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Эта функция русского языка может выполняться при создании в первую очередь двуязычных словарей с «левой» русской частью: русско-крымскотатарских, русско-караимских, русско-крымчакских. Как известно, словари разного типа являются одним из важных инструментов расширения внутреннего (ментального) лексикона личности. Мой опыт создания двух русско-крымскотатарских словарей [5; 6], а также их оценка пользователями убедила меня в том, что русский язык выполняет в данном случае функцию компаса, ориентира, позволяющего «войти» в иной язык и вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации процессов коммуникации на миноритарном языке, находящемся в опасности. Такую социальную функцию русского языка можно условно назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение) – восстановительной, возмещающей.

Процессы возрождения и развития крымскотатарского и других миноритарных языков Крыма и Украины могут быть оптимизированы в русле корректной языковой политики украинского государства, в частности – её законодательного аспекта. В середине сентября 2006 г. Министерство юстиции Украины вынесло на общественное обсуждение проект новой концепции государственной языковой политики, разработанный Национальной комис-

сией по укреплению демократии и утверждению верховенства права [7], в преамбуле которого заявлено: «За прошлые годы... власть не смогла ни утвердить Концепцию государственной языковой политики, ни разработать и осуществить эффективную программу языкового планирования, ни создать действенный механизм возрождения и поддержки украинского языка, ни противодействовать культурно-языковой экспансии России» [с. 9]. Этот документ, по мнению его авторов, призван определить направления формирования и реализации языковой политики, организационные и правовые механизмы решения существующих проблем в этой социальной сфере. Однако результаты обсуждения этого документа широкой общественности до сих пор не сообщены. (См. [8])

В Украине до сих пор не разработан новый закон о языках: в соответствии с законом Украины «О правопреемственности Украины № 1543-ХІІ» от 12 сентября 1992 г. все еще действует закон «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. № 8312-ХІ. Имплементация положений «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» в социальной практике Украины до сих пор задерживается. Первый отчётный доклад Украины Европе о выполнении положений Хартии должен был состояться в январе сего года (2007), однако только 20 апреля на сайте Министерства юстиции Украины в рубрике «Обговариваем законопроекты» появился текст данного доклада, обсуждению которого общественностью был отведен месячный срок, т.е. до 20 мая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. *Эмирова А.М.* Русский дискурс как компонент речевой деятельности крымских татар // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Вып. 6. – С. 55–61.
3. О количестве и составе населения АРК по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Крымские известия, № 4. – Симферополь, 10 янв. 2003.
4. Конституция Украины. – Киев: Официальное издание Верховной Рады Украины, 1996. – 53 с.
5. *Эмирова А.М., Усеинов С.М.* Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: Сонат, 2003. – 232 с.
6. *Эмирова А.М.* Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.
7. Крымские известия, № 169. – Симферополь, 15 сент. 2006.
8. *Эмирова А.М.* Языковая политика на Украине // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, 19–22 марта 2007. – Москва, 2007. – С. 753–754.
9. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж.* Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Казак университеті, 2002. – 170 с.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ В ЯЗЫКЕ: РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

(Мир русского слова и русское слово в мире. – XI конгресс МАПРЯЛ. Варна, Болгария, 17–21 сент. 2007. – Том 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 348–352.)

Преамбула

Данный доклад первоначально был задуман как информация о моём опыте создания двух учебных переводных фразеологических словарей с левой русской частью, позволившем сделать выводы об онтологических категориях языка – универсальное и этнокультурное на уровне фразеологии. Однако в процессе подготовки доклада рассматриваемые фразеологические проблемы закономерно сошлись с проблемами социальной лингвистики, что несколько сместило ракурс и пафос исследования, вследствие чего представленный вниманию слушателей доклад уместно было бы переименовать: Регенеративная функция русского языка в условиях глобализации.

Русский язык, как известно, выполняет широкий спектр социальных функций. Однако следует выделить ещё одну социальную сферу, в которой русский язык может выполнять особую функцию – **помочь в возрождении** миноритарных языков, находящихся сегодня под угрозой исчезновения. Речь идёт о языках малых народов бывшего СССР, которые целенаправленно ассимилировались в рамках «ленинской национальной политики» и фактически потеряли свои языки.

К таким языкам относятся языки коренных народов Крыма – крымских татар, караимов и крымчаков; эти народы исторически сформировались на территории Крыма, имеют сложный, многокомпонентный этногенез, и их языки являются близкородственными – входят в кыпчакскую группу тюркской языковой семьи. Исторические судьбы этих народов по-своему трагичны: крымчаки, как иудеи, были уничтожены во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские татары 18 мая 1944 года были totally депортированы сталинским режимом в Среднюю Азию и на Урал. Крымские караимы остались на родине, но, как и все другие малые народы в СССР, активно и целенаправленно ассимилировались.

С конца 80-х годов XX в. начались активные процессы репатриации крымских татар. Согласно Всеукраинской переписи населения в 2001 г. в Крыму проживали около 250 тысяч крымских татар, караимов – 704 человека, крымчаков – около 200. Процессы ассимиляции караимов и крымчаков сегодня уже необратимы: крымский диалект караимского языка (выделяют ещё галицкий и тракайский диалекты) и крымчакский язык сегодня можно отнести к мёртвым языкам. (В перечне 13 миноритарных языков, которые

Украина, в рамках «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», обязалась сохранять и развивать, караимский и крымчакский языки вообще не числятся.) Носителей караимского языка сегодня осталось около 10 человек, крымчакского – 2 человека.

Вся система крымскотатарского языка за истекший период подверглась глубокой деформации, особенно заметной на лексическом и грамматическом уровнях. По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1. симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах; 2. асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) – **русским языком**; 3. асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком (в форме территориальных диалектов) в быту, а русским – **ограниченно, в общении** с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4. монолингвы двух типов: владеющие только русским или только крымскотатарским языками.

Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую группу входят представители интеллигенции: преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – **люди** пожилого возраста с низким уровнем образования. Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят только на каком-либо территориальном диалекте крымскотатарского языка).

Как следует из сказанного, сегодня крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Гармонизация языковой компетенции крымских татар – владение в равной степени родным, русским и украинским языками – может быть осуществлена в условиях корректной языковой политики Украины, которая (политика) сегодня таковой не является.

Проблема возрождения и развития крымскотатарского языка имеет два аспекта: социально-политический и собственно лингвистический. В рамках первого аспекта предполагается решение ряда взаимосвязанных вопросов: 1. определение социального статуса крымскотатарского языка (миноритарный – официальный – государственный – язык коренного народа?); 2. расширение системы воспитания и образования на крымскотатарском языке (из функционирующих сегодня в Крыму 600 школ только 14 считаются школами с крымскотатарским языком обучения); 3. расширение его функционального пространства в СМИ (из более чем 1300 изданий, зарегистрированных в Крыму в 2007 г., только 3 газеты и 4 журнала издаются на крымскотатарском языке; эфирное время на радио и телевидении составляет соответственно 1 час

20 минут и 5 часов в неделю). Собственно лингвистический аспект проблемы реанимации крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1. сбор и сохранение на современных носителях исчезающих территориальных диалектов; 2. развитие стандартного (литературного) языка и единой, непротиворечивой системы его ортологии.

Как известно, одним из путей расширения внутреннего (ментального) лексикона человека является языковое общение в процессе обучения, в том числе и самостоятельная работа со словарями. Практическая лексикография является тем беспристрастным зеркалом, в котором отражается состояние языка и науки о нём. Современная крымскотатарская лексикография бедна в количественном и качественном отношениях. Достаточно сказать, что до сих пор не создан толковый словарь, который призван регламентировать употребление слов (в соответствии с их значением), их написание, изменение, сочетаемость и в определенной степени – произношение. Отсутствует и толковый фразеологический словарь.

Считаю, что на современном этапе функционирования крымскотатарского языка особую роль должны и могут сыграть двуязычные словари с левой русской частью. Мною создано два русско-крымскотатарских фразеологических словаря: «Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову» (в соавторстве) [2] и «Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь» [3].

Особо значимым в рамках заявленной темы является второй словарь, потому что и в русской, и в крымскотатарской его частях представлен однородный фразеологический материал – только идиомы (фразеологические сращения и фразеологические единства). Известно, что в двуязычной фразеологии используются три способа перевода фразеологических единиц: 1. с помощью эквивалентов, т.е. фразеологизмов, полностью совпадающих по содержанию, в том числе и по внутренней форме, стилистической и эмотивной окраске; 2. с помощью аналогов, т.е. фразеологизмов, частично совпадающих по значению, отличающихся внутренней формой и, возможно, стилистической и эмоциональной коннотацией; 3. с помощью буквального перевода, представленного свободным словосочетанием. В данном словаре использованы первые два способа: в него включены лишь те русские идиомы, для которых были найдены крымскотатарские идиоматические же соответствия – эквиваленты и аналоги. Такой подход к сбору и фиксации языкового материала объясняется поставленной целью – не знакомство с идиоматикой русского языка, а расширение ментального лексикона крымских татар.

Формирование крымскотатарской части словаря осуществлялось следующими путями: 1. работа со словарями разных типов и языков; 2. работа с респондентами; 3. выборка из художественных и газетно-публицистических текстов.

Материал обоих словарей позволяет сделать выводы по кардинальной для теории фразеологии и фразеографии проблеме – **универсальное** и этнокультурное во фразеологии. **Универсальное** обнаруживается прежде всего во фразеологических единицах, соотносящихся со сферами психики

(мыслительные и эмоциональные процессы и состояния) и физиологии человека. Именно эти сферы дают наибольшее количество фразеологических эквивалентов: *открывать рот – агъзыны ачмакъ* ‘начинать говорить, высказывать своё мнение’; *молоко на губах не обсохло у кого – агъзы даа сют къокъуй кимнинъ* ‘кто-либо совсем ещё молод и неопытен’; *вбивать в голову кому, что – акълына къоймакъ кимнинъ, нени* ‘внушать что-либо, убеждать в чём-либо’; *держатъ в уме кого, что – акълында тутмакъ нени* ‘постоянно думать или помнить о ком-либо или о чём-либо’; *вылетать из головы у кого – акълындан чыкъмакъ кимнинъ* ‘забывать’; *ходить из уст в уста – агъыз агъыздан кезмек* ‘распространяться (о слухах, новостях)’; *поджилки трясутся у кого – къоркъу дамарлары тутмакъ кимнинъ* ‘кто-либо испытывает сильный страх, дрожит от страха’; *поворачивать оглобли – арабасыны тувармакъ* ‘отступать от своих обещаний, убеждений’. Ср. также: *белая кость – акъ сюек (сюеклерден)* ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию’; *чёрная кость – къара сюек (сюеклерден)* ‘человек незнатного происхождения или принадлежащий к непривилегированному сословию’.

Этнокультурное проявляется в содержании тех единиц, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ – **носитель данного языка**, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, обычаи, собственные имена, реалии повседневной жизни (одежда, обувь, пища, мебель, орудия труда) и др. Это преимущественно фразеологические аналоги: *болтать языком – агъзында бакъла сыланмаз кимнинъ* (букв.: у него во рту фасоль не намокнет) ‘слишком много говорить, пустословить’; *как осёл глуп – Корбекуль эшеги киби ахмакъ* (букв.: глуп, как осёл из села Корбекуль, жители которого считались глупыми); *делать большие глаза – пармагъыны тишлемек* (букв.: укусить палец, взять его рот) ‘выражать крайнее удивление, недоумение’; *когда рак на горе свистнет – деве минареге чыкъкъанда* (букв.: когда верблюд поднимется на минарет) ‘никогда’; *важная птица – агъасы гъазы (гъазылардан) кимнинъ* (букв.: его брат газы – борец за ислам в средние века) ‘человек, занимающий высокое общественное положение, обладающий большим влиянием’.

Выявление универсального и этнокультурного усложнено феноменом калькирования: респонденты затруднялись разграничивать исконно тюркские фразеологические единицы и русские заимствования-кальки, что свидетельствует о мощном влиянии русского языка на механизмы речеобразования крымских татар и о деформации их языкового сознания на ассоциативном уровне. Ср.: *пить кровь кого – къаныны ичмек кимнинъ* ‘мучить, притеснять кого-либо, издеваться над кем-либо’; *отсохни у меня язык – тишим къурусын* (при наличии в языке – *тишим тутулсын*, букв.: пусть мой язык отнимется) ‘клятвенное заверение’; *входить с чёрного хода – арт къапыдан кирмек (сокъулмакъ)* ‘добиваться чего-либо незаконным путём’; *вариться в общем котле – бир къазанда къайнамакъ* ‘долго находиться в какой-либо среде, воспринимая её взгляды, интересы’; *быть одной ногой в могиле – бир аягъы мезарда олмакъ кимнинъ*

‘быть при смерти’; *утопить в ложке воды кого – бир къашыкъ сувда богъмакъ* (при наличии вариантов: *къарыш* ‘пядь, небольшое количество’, *ютум* ‘плоток’); *уйти в иной мир – обир дюнъягъа кетмек* ‘умереть, скончаться’; *слюнки текут у кого-либо – селекийлери акъмакъ кимнинь* ‘кто-либо испытывает сильное желание съесть, попробовать или выпить что-либо вкусное’; *не считать за человека кого-либо – адам саймамакъ кимни* ‘пренебрежительно относиться к кому-либо, не считаться с кем-либо’; *легко сказать – айтмасы къолай* ‘выражение несогласия’ и др.

Как показывает опыт создания и использования вышеназванных двуязычных словарей с левой русской частью, русский язык в данном случае выполняет функции особого «входа» в другой язык, функции компас-ориентира, позволяющего вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации общения на крымскотатарском языке.

Активизирующиеся в последнее десятилетие процессы глобализации, по мнению учёных, представляют угрозу языкам и культурам прежде всего малых народов. Процессы социально-культурного строительства, которые происходили в прошлом веке в рамках СССР, могут быть интерпретированы сегодня как глобализация в миниатюре. Известно, что русский язык, как язык межнационального общения, в условиях советского тоталитарного режима выполнял неоднозначные социальные функции: с одной стороны, он способствовал развитию и обогащению словарного запаса и стилистических систем языков малых народов, с другой, – во многом содействовал их деструкции, вытесняя их из совокупного коммуникативного пространства. Сегодня сама история предоставила великому русскому языку возможность выполнять новую социальную функцию – способствовать сохранению и возрождению языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Такую эксклюзивную функцию русского языка можно условно назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – **восстановление, возрождение, возобновление**) – восстановительной, возмещающей нанесённый ущерб.

Регенеративная функция русского языка может быть актуализирована и на более высоком когнитивно-мыслительном уровне – на уровне развития филологической мысли миноритарных языков. Научное осмысление языковых и литературно-художественных феноменов миноритарных языков, опирающееся на достижения русистики во всех её ипостасях (языкознание, литературоведение, культурология), несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию и оптимизации коммуникативных качеств тех языков, которым сегодня угрожает опасность исчезновения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Эмирова А.М.* Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь, 2003. – № 37.
2. *Эмирова А.М., Усеинов С.М.* Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь, 2003.
3. *Эмирова А.М.* Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь, 2004.

РУССКИЙ ЯЗЫК НА УКРАИНЕ: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

(Журнал «Октябрь». – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180. См. также: Русская словесность в мировом культурном контексте. II Международный симпозиум. Избранные доклады и тезисы. – Москва, 2008. – С. 24–28.)

Как показывает социальная практика последних пятнадцати лет, на Украине отсутствует целостная концепция корректной языковой политики. До сего дня Украина живет в рамках “Закона о языках в Украинской ССР”, принятого 28 октября 1989 г. После обретения Украиной независимости (24 августа 1991 г.) были предприняты попытки языкового строительства в новых социально-политических условиях, с учетом новых реалий, в частности – образования Автономной Республики Крым и массовой репатриации крымских татар. Так, 2 мая 1996 г. Украина подписала “Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств”, принятую мировой общественностью 5 ноября 1992 г. в Страсбурге (Франция), а 24 декабря 1999 г. ратифицировала ее. Однако уже 12 июля 2000 г. Конституционный Суд Украины принял решение о неконституционности данного Закона в связи с его несоответствием новым правилам подписания и официального опубликования законов Украины. Повторная ратификация Хартии произошла 15 мая 2003 г., но только с 1-го января 2006 г. она вступила в силу.

За прошедшие годы Верховная Рада Украины периодически регистрировала и рассматривала проекты законов о языках, вносимые народными депутатами: С.Н. Кияшко (13 нояб. 1998), А.Ю. Кучеренко (5 янв. 1999), А.А. Костусевым (7 апр. 1999), А.А. Коноваловым (8 сент. 1999) и др. Кабинет Министров Украины 3 июня 2000 г. представил проект “О развитии и применении языков в Украине”. Проблемы языкового строительства на Украине с каждым годом усложнялись, но не решались.

Сегодня статус языков на Украине и отношения между ними регулируются Конституцией Украины, принятой 28 июня 1996 г. (ст. 10, 11, 24, 53, 92 и др.), в Крыму – в том числе Конституцией АРК от 12 октября 1998 г. (гл. 3, ст. 10–13). При этом в последнее время на страницах СМИ активно обсуждается вопрос о придании русскому языку статуса второго государственного языка (согласно Конституции Украины, он имеет статус языка национального меньшинства). Известно, что данное В. Януковичем в конце сентября 2004 г. обещание сделать русский язык вторым государственным позволило ему выйти во второй тур выборов президента Украины. Однако, став председателем Кабинета Министров Украины, В. Янукович не спешит претворять своё обещание в жизнь. Тем временем начались процессы имплементации (фактической реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне) региональных языков: русский язык решениями местных органов власти признан региональным в Донецкой, Запорожской, Николаевской, Харьковской, Херсонской областях, а также в Донецке, Днепропетровске, Кривом Роге, Луганске, Нико-

лаеве, Севастополе. В этой связи “Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств” опять привлекает внимание политиков: якобы перевод ратифицированной Хартии является неточным. Тем не менее президент В. Ющенко, выступая с речью по случаю пятнадцатилетия независимости Украины, твердо заверил слушателей: “В Украине нет и не будет альтернативы украинскому языку как языку государственному и языку официального общения” [“Крымские известия” (далее – КИ), № 155, 26 авг. 2006 г.]

В условиях шатания и брожения депутатских умов, которые до сего дня продолжают после последних выборов в Верховную Раду Украины, а также инициатив местных властей указанных выше регионов в середине сентября 2006 г. Министерство юстиции Украины наконец вынесло на общественное обсуждение проект новой Концепции государственной языковой политики, разработанный Национальной комиссией по укреплению демократии и утверждению верховенства права [КИ, № 169, 15 сентября 2006]. “За прошлые годы... власть не смогла ни утвердить Концепцию государственной языковой политики, ни разработать и осуществить эффективную программу языкового планирования, ни создать действенный механизм возрождения и поддержки украинского языка, ни противодействовать культурно-языковой экспансии России”. Этот документ, по мнению его авторов, призван определить направления формирования и реализации языковой политики, организационные и правовые механизмы решения существующих проблем в этой социальной сфере.

Текст Концепции состоит из следующих разделов: 1. Общие принципы. 2. Языковая ситуация в Украине. 3. Украинский – язык украинского народа и государственный язык в Украине. 4. Языки национальных меньшинств в Украине. 5. Цели и приоритетные направления государственной языковой политики. 6. Механизмы осуществления государственной языковой политики. 7. Заключительные положения.

Пафос обсуждаемого проекта ориентирован на возрождение и совершенствование украинского языка: “Высокое языковое сознание и достоинство способны противостоять... массовому распространению такого угрожающего для украинского языка явления, как *суржик*, необоснованному применению иноязычных слов, когда им есть полноценные соответствия в украинском языке. Качество украинской речи уже давно вызывает беспокойство учёных и широкой общественности... Над этой проблемой плодотворно работает Национальная комиссия по правописанию и языковым нормам Национальной академии наук Украины. Подготовлен проект, предусматривающий: внесение дополнений и изменений в украинское правописание; создание и утверждение правил иноязычного воспроизведения украинских собственных имен и названий национальных реалий (денежных единиц административно-территориального устройства, должностей и т.п.); решение спорных вопросов украинской научной и производственной терминологии; утверждение нормативных требований, экспертиза качественного уровня языка средств массовой информации, рекламы, инструкций и информационных надписей на товарах широкого потребления и т.п.”

Как видно из приведённых выше цитат, авторы текста проекта сознают, что корпус украинского языка, в том числе и его нормативная база, по многим коммуникативным параметрам уступает русскому языку.

Текст Концепции представляется излишне политизированным, категоричным и недостаточно объективно (а чаще искажённо) отражающим прошлую и нынешнюю языковые ситуации на Украине. Обращает на себя внимание и недостаточная теоретическая подготовленность в области социолингвистики анонимных авторов документа, что проявляется в некорректном употреблении ими некоторых терминов. Складывается впечатление, что к составлению данного документа учёные-языковеды вообще не привлекались.

Вот некоторые положения, которые представляются излишне категоричными, неточными или некорректными:

“В системе государственных приоритетов языковая политика занимает главное место...”

“Угроза украинскому языку является тотальной угрозой национальной безопасности Украины...”

“Источником статуса украинского языка как государственного (официального) является государственное самоопределение украинской нации”.

“Знание украинского языка является непременным условием обретения гражданства Украины”.

“Состояние фактической дискриминации украинцев в их собственной стране создаёт напряжённость в межъязыковых отношениях...”

“Значительная часть его (украинского языка. – А.Э.) словаря значительно старше почти *полуторатысячелетней* (! – А.Э.) истории его применения в разных сферах общественной и культурной жизни”.

Остановимся подробнее на следующем фрагмента раздела 3: “...Государственный статус украинского языка означает его обязательное использование, употребление на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления... в работе государственных и коммунальных учебных заведений, сфере обслуживания, культуре, средствах массовой информации”. Как известно, языковая компетенция человека предполагает четыре уровня владения им каким-либо языком: говорения, понимания, письма и чтения. Следовательно, если человек не говорит и не пишет по-украински, но понимает сказанное и прочитанное, то он не нарушает ст. 10 Конституции Украины.

Некорректными или понятийно неопределёнными представляются и такие обороты: “язык (своего) гражданства”; “языковое достоинство”; “украинский народ”; “украинская нация”; “внедрение мер положительной дискриминации” и др. Следует уточнить также содержание понятий “государственный язык” и “официальный язык”, которые в Концепции используются как эквивалентные.

Украина как независимое государство – “страна-подросток”. В самостоятельную жизнь не вступило даже первое поколение её “незалежных” граждан. Все институты её государственности находятся в стадии становления и развития. В таких условиях переходного состояния украинской государственности

от тоталитаризма к настоящей демократии следует наметить систему принципов, на базе которых предстоит разработать *гибкую долгосрочную* языковую политику, включающую в себя и политику *переходного* периода. Вот несколько принципов *бесконфликтной* языковой политики *переходного* периода:

1. Обязательное знание украинского языка как государственного следует требовать с тех граждан, кто обучался в украинской школе, а также с тех, кто пошёл в школу после принятия Украиной независимости. Это требование не может распространяться на тех, кто недавно приехал на Украину и получил украинское гражданство. (Например, крымские татары, которые вернулись на родину со знанием русского и узбекского языков.)

2. Граждане, получившие среднее и высшее образование до принятия Украиной независимости, выбирают любой другой язык общения по необходимости.

3. Организовать в государственном масштабе бесплатные курсы украинского языка для всех желающих с обеспечением необходимой учебной литературы, как это практикуется для иммигрантов, в том числе и репатриантов, в таких странах, как Германия и Израиль.

Действующая Конституция Украины предоставляет региональным и миноритарным языкам довольно широкие коммуникативные возможности. Следует настоятельно апеллировать к соответствующим её статьям и добиваться их адекватной имплементации. Такого мнения придерживаются и участники **V Международного Форума русистов Украины (Крым, Ялта – Ливадия, 2005)**, в резолюции которого отмечено:

“1. Учитывая, что факты *нарушения существующего законодательства* в сфере языковой политики продолжают иметь место, обратиться к Президенту, руководителям всех рангов и уровней с настойчивым призывом обеспечить неукоснительное соблюдение гарантированных Конституцией Украины (статьи 10, 11, 24, 53, 92) языковых прав граждан Украины, в частности, в области использования русского языка в государственной практике и общественной жизни, повседневного общения на русском языке, получения среднего и высшего образования на русском языке...”

2. Обратиться в Кабинет Министров Украины с предложениями:

а) разработать национальную Программу развития языков в Украине, для создания которой привлечь ведущих учёных, юристов, педагогов...;

б) подготовить и принять необходимые нормативные документы, защищающие статус русского языка в Украине *в строгом соответствии с существующей законодательной базой государства...*”

Рассмотренный проект Концепции государственной языковой политики на Украине нуждается в корректировании и доработке с привлечением прежде всего учёных-языковедов, занимающихся проблемами социальной лингвистики. Представленный вариант проекта не может быть положен в основу давно ожидаемого закона о языках, в котором остро нуждается многонациональная Украина. Мировая практика решения таких проблем показывает, что оптимальная языковая политика строится не на идеологических, а на экономических принципах.

Постулатами новой языковой политики на Украине должны стать идеи толерантности, демократии, равноправия народов и языков и верховенства прав личности. Во главу угла строительства новой украинской государственности сегодня поставлена личность со всеми её социальными правами и обязанностями. Только сама личность правомочна определить свою национальную идентичность и свой родной язык.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА КРЫМСКИХ КАРАИМОВ

(Доклад прочитан на 1-й международной научно-практической конференции «Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов», которая работала в рамках Международного этнографического фестиваля «Караи собирают друзей» / Симферополь, 14–16 сентября 2007.)

В полиэтничном сообществе Крыма особое положение занимают крымские татары, караимы и крымчаки: они де-факто признаны коренными народами Крыма, так как исторически сформировались именно на этой территории, имеют сложный и многослойный этногенез и своеобразные трагические судьбы. Крымские татары, как известно, 18 мая 1944 г. подверглись тотальной депортации и находились в местах ссылки вплоть до конца 80-х годов XX в.; около 80% крымчаков было уничтожено во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские караимы остались на родине, но, как и все малые народы СССР, активно и целенаправленно ассимилировались в русле пресловутой “ленинской национальной политики”. Согласно итогам всеукраинской переписи населения в конце 2001 г. в Крыму проживали около 250000 крымских татар, 700 караимов и 200 крымчаков.

Традиционные культуры этих народов, и прежде всего их языки как базовый компонент культуры, находятся сегодня в критическом состоянии. Крымскотатарский, караимский и крымчакский языки являются близкородственными: относятся к кыпчакской группе тюркских языков. Думается, что возрождение и развитие крымскотатарского языка, имеющие следствием расширение его функционального пространства, могут сегодня в определённой степени способствовать также реанимации караимского и крымчакского языков. И если крымскотатарское общество в последние десятилетия предпринимает активные шаги по развитию своего языка и культуры [2–7], то положение с караимским и крымчакским языками вызывает серьёзное опасение.

Сохранение и развитие культур коренных народов Крыма может быть осуществлено двумя путями: 1. при осознанном желании этнического общества, воплотившемся в формулу национальной идеи; 2. в рамках корректной государственной национальной политики Украины.

Формирование национальной идеи в любом обществе и в любое время

– процесс сложный и трудноуправляемый. Как известно, даже в могущественной России сегодня всё ещё идут дискуссии относительно выбора национальной идеи. Несомненно, процессы формирования и принятия национальной идеи во многом обусловлены количеством особей, входящих в состав этноса, а также уровнем его пассионарного напряжения. И в этом плане крымские татары находятся, так сказать, в более благоприятном по сравнению с караимами и крымчаками положении, потому что их больше и потому, что они полвека прожили вне родины и до сего дня не могут решить все проблемы репатриации. Национальная идея крымских татар, которую исповедует большая часть общества, – это комплексная идея восстановления отнятой государственности и сопряженных с ней проблем (реабилитация народа, определение его социального статуса, реституция и др.).

Что касается крымских караимов, можно предположить, что их национальная идея – сохранить свой язык как памятник этнической культуры. В Крыму функционирует ассоциация крымских караимов «Къырым карайлар», усилиями которой издаются разного типа учебные пособия (словари, в том числе энциклопедии, самоучители) и историко-краеведческая литература. Однако процессы ассимиляции караимов, прежде всего в языковом аспекте, сегодня представляются необратимыми. Носителей крымского варианта караимского языка осталось 10–20 человек. Тем не менее караимы пытаются возродить свой язык и для практического использования в семье. В Евпатории функционирует воскресная школа, слушателей которой разговорному караимскому языку обучают носители языка старшего поколения, не имеющие педагогического (филологического) образования.

Показательна в плане сказанного акция проведения I-го международного этнографического фестиваля «Караи собирают друзей» (Симферополь, 14–16 сентября 2007), в рамках которого работает настоящая научно-практическая конференция «Святые и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов». Выступая сегодня с этой трибуны, я хочу напомнить уважаемому собранию программу изучения караимского языка, которую в своё время, 12 лет назад, наметил известный российский тюрколог проф. Э.Р. Тенишев [1].

Проф. Э.Р. Тенишев считал, что из трёх территориальных вариантов караимского языка: тракайского (Литва), луцко-галицкого (Западная Украина) и крымского – последний уподобился крымскотатарскому языку, и предполагал, что это не единственная мена языка у караимов. Для сохранения этноса, по мнению учёного, важен не только язык: необходимы и такие социальные и психологические факторы, как национальное самосознание, ощущение непрерывности своей истории, следование традициям в области религии, культуры, быта [1, с.44].

Перечисляя труды учёных, которые в разное время занимались исследованием вариантов караимского языка (А. Зайончковский, В. Гордлевский, А. Мордкович, О. Прицак, О. Прик, К. Мусаев и др.), проф. Э.Р. Тенишев отмечал, что история караимского языка является неизведанной

областью, и призывал заняться этой проблематикой. Очень ценным источником изучения истории караимского языка являются язык переводов религиозных текстов, записей устных проповедей, а также эпитафии и эпитафии. Составление свода, корпуса всех этих текстов является первостепенной задачей современных учёных. Необходимо изучить коллекции А. Фирковича из отдела рукописей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге и Б. Кокеная из библиотеки Вильнюсского университета.

К сожалению, намеченная проф. Э.Р. Тенишевым программа не выполнена и не может быть выполненной сегодня по причине отсутствия среди караимов профессиональных филологов и историков. Рекомендую караимскому обществу целенаправленно готовить молодых учёных по указанным научным направлениям.

Проблемы возрождения языков и культур коренных народов Крыма, особенно караимов и крымчаков, сегодня волнуют только их самих. Украинский и крымский истеблишмент занимается этими проблемами только под нажимом «снизу». И здесь следует напомнить, с каким трудом проходил в Украине процесс ратификации “Европейской хартия региональных языков или языков меньшинств” (Страсбург, 5 ноября 1992), в которой предложена система мер, способствующих сохранению и развитию исторических региональных языков Европы. Хартия была подписана Украиной 2 мая 1996 и после многолетних обсуждений (ратифицирована 24 декабря 1999 г., но 12 июля 2000 г. решением Конституционного Суда принятый закон был аннулирован) окончательно ратифицирована 15 мая 2003 г., однако вступила в силу только с 1 января 2006 г.

В рамках Хартии Украина отвечает за сохранение и развитие 13 миноритарных языков: белорусского, болгарского, венгерского, гагаузского, греческого, еврейского, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского, румынского, русского и словацкого, – носители которых, за исключением гагаузского и крымскотатарского языков, имеют независимые государственные образования за пределами Украины. Как видим, караимский и крымчакский языки не входят в этот реестр миноритарных языков.

И ещё один красноречивый факт: 7 сентября 2007 Генеральная ассамблея ООН ратифицировала “Декларацию Организации Объединённых Наций о правах коренных народов”, которая призвана обеспечивать выживание, уважение достоинства и благополучие коренных народов мира. Украина, к сожалению, оказалась в числе тех государств (Россия, Грузия, Азербайджан), которые воздержались от голосования.

Сегодня, когда Украина не выработала корректной государственной политики в отношении языков и культур национальных меньшинств, находящихся в сфере её юрисдикции, проблемы сохранения и развития миноритарных культур могут быть решены только усилиями самих этнических обществ. Это значит, что крымские караимы должны активизировать свою деятельность в этом направлении и, в частности, озаботиться целевой подготовкой молодых учёных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Тенишев Э.Р.* К изучению тюркских языков Крыма // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Москва, 1995. – Том 54. – № 1. – С. 41–48.
2. *Эмирова А.М.* Языковая ситуация в Крыму // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции (Москва, 23–25 окт. 2001). – Москва, 2001. – С. 141–143.
3. *Эмирова А.М.* Языковая компетенция крымских татар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 182–184.
4. *Эмирова А.М.* Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // Русское слово в мировом культурном пространстве: Материалы X конгресса МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003). – Санкт-Петербург, 2003. – С. 142–146.
5. *Эмирова А.М.* Шляхи відродження і розвитку кримськотатарської мови // Україна–Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє / Збірник наукових праць. – Київ, 2004. – С. 410–414.
6. *Эмирова А.М.* Lerner's Dictionaries as an Instrument of Revival and Development of Crimean Tatar Language (Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка) // EURALEX international congress. Volume 1. Proceedings. (Lorient, France, Juli 6–10 2004). France: Universite de Bretagne-Sud, 2004. – S. 351–356.
7. *Эмирова А.М.* Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. – № 18 (134), 2007. – С. 183–192.

ОНИМЫ КАК КУМУЛЯТИВНЫЕ ЗНАКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Доклад прочитан на Второй научно-практической конференции «Этнография Крыма XX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы», посвящённой 15-летию Крымского этнографического музея, 12–14 декабря 2007.)

Всё, что человек создает для удовлетворения своих физических и духовных потребностей, он именуется словами. Совокупная – материальная и духовная – культура отражена в языке и образует этническую (национальную) “языковую картину мира”. В содержании языковых единиц разных уровней отражены все этапы развития этноса, все формы и способы его жизнедеятельности. Среди них особое положение занимают онимы – слова или словосочетания, которые служат для именованья, называнья объекта, его выделения среди других объектов, его индивидуализации и идентификации. Собственные имена изучаются особым разделом языкознания – ономастикой. Ономастику интересуют любые собственные имена: антропонимы – имена людей; топонимы – собственные имена любых географических объектов (в том числе ойконимы, гидронимы, оронимы, спелеонимы, урбанонимы); зоонимы – собственные имена животных; теонимы – имена богов; агнионимы – имена святых; фитонимы – имена растений и др.

Онимы являются кумулятивными (лат. *cumulatio* – **увеличение, скопление**) знаками – в них скапливается разнородная информация о предмете, именем которого они являются: о месте его нахождения, о времени его создания, о языке именованья, о народе, давшем ему это имя и оценившем его место в своей материальной и духовной жизни.

Собственные имена маркируют природную и социальную сферы жизни этноса и формируют то культурное пространство, в котором этот народ чувствует себя “дома”. Поэтому одним из первых социальных требований крымскотатарского народа, вернувшегося на родину и стремящегося возродить свою материальную и духовную культуру, было требование восстановить прежнюю топонимию – названия сёл, городов, рек, водоёмов, гор, холмов и прочих природных урочищ, которые директивным порядком были переименованы через несколько лет после выселения крымских татар. Сделано это было из политических соображений – стереть всякие следы многовекового пребывания крымских татар на этой земле. Много лет спустя известный поэт Борис Чичибабин, который часто приезжал в Крым, так оценил эту варварскую акцию: «Без татар Крым – не Крым, ненастоящий Крым, не тот Крым, который видел, и который описал, и в какой на всю жизнь влюбился Пушкин, который видели и любили Толстой и Чехов, Ахматова и Цветаева, Паустовский, Пришвин, Сергеев-Ценский; это какой-то искусственный, экзотический, специально для курортников и туристов придуманный и сделанный заповедник... Они (татары) были исконным местным населением этой земли, они были народом, пустившим корни в эту землю, обжившим её, одухотворившим её названиями гор, посёлков, мифологией, памятью, верой, мечтой, они стали и были душой Крыма. И когда эту душу искусственно, насильственно изъяли из тела и тело осталось без живой души, но с какой-то тенью её, с каким-то кровотокающим следом её, с памятью о ней, – татар нет, а татарские названия остались, – это не только трагично, грустно, страшно, но в этом есть что-то неподлинное, притворяющееся, неестественное, стыдное, непристойное». (Из архива Б. Чичибабина; предоставлено мне Л.С. Карась-Чичибабиной.)

К сожалению, многие прежние названия пока не удаётся восстановить, поэтому в крымскотатарских средствах массовой информации сегодня приняты двойные наименования – прежние и в скобках современное: *Акъмесджит (Симферополь)*, *Къарасубазар (Белогорск)*, *Акъяр (Севастополь)*, *село Коккоз (Соколиное)*, *Ай-Василь (Васильевка)* и др.

Предметом исследования в данной работе является только один класс онимов – антропонимы, т.е. собственные имена крымских татар, а именно: личные имена, отчества, фамилии, прозвища (дополнительные имена, которые даются человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-то аналогии) и др. Их изучает раздел ономастики – антропонимика. В рамках поставленной темы выделены следующие проблемы: 1. антропонимические словари; 2. канонические формы крымскотатарских личных имён, их написание и произношение; 3. форма совокупного имени крымских татар; 4. крымскотатарские вокативы (звательные формы).

Крымскотатарские личные имена почти все восходят к арабскому языку, и это связано с принятием ислама: арабский язык – язык Священной Книги – Корана. В диахронии, исторически, после принятия ислама (13–14 вв.) при за-

имствовании арабских корней в разных тюркских языках Крыма происходили процессы их фонетической адаптации, т.е. приспособления арабских звуков и звуковых цепей к фонетической системе этих языков. Если при этом принять во внимание сложный, многокомпонентный этногенез крымских татар и смешение, взаимодействие разных групп тюркских диалектов (кыпчакских, ногайских и огузских) в составе современного крымскотатарского языка, то разнообразие форм однокоренных крымскотатарских личных имён станет в какой-то мере понятным и оправданным. Следует учесть также, что в устной речи крымских татар действуют специфические фонетические законы (редукции, выкидки, ассимиляции и др.), которые также способствуют искажению звукового облика личного имени: ср.: *Адиле* → *Адле*, *Эмине* → *Эмне*, *Алиме* → *Альме*, *Велиша* → *Вельша* и т.п. (выкидка безударного гласного); *Яхья* → *Яя*, *Сеид-Яхья* → *Сетья* (Ситья), *Сеид-Умер* → *Сетмер* (Ситмер), *Абдурахим* → *Абреим*, *Абдурахман* → *Абдраман* (выкидки звуков, сопровождаемые качественной редукцией гласных и согласных); *Абдулазиз* → *Аблязиз* (Абляз, Абляс), *Сеид* → *Сеит* (стяжение звуков и редукция согласных) и др. К сожалению, все эти искажённые формы имён фиксируются в документах и даже отражаются в словарях, в том числе и предназначенных для работников государственных учреждений (паспортных столов, загсов, поселковых и сельских советов и др.). Составители словаря [2], например, в который включены все формы написания имён, в том числе и искажённые, заявляют, что их справочник содержит *правописание* (т.е. правильное написание) наиболее употребительных крымскотатарских имён, отчеств и фамилий, и потому адресуют свой справочник работникам указанных учреждений.

Такую же задачу поставили перед собой и составители словаря [6]: «...дати працівникам офіційних органів та державних закладів довідник, який, на нашу думку, допоможе упорядкувати і уніфікувати написання українською мовою кримськотатарських чоловічих імен та імен по батькові» [6, с. 3]. Там же написано, что составители пользовались «найавторитетнішими» словарями крымскотатарских имён, составленными С. Усеиновым, Э. Озенбашлы, Ш. Кайбуллаевым [3–5], которым (словарям) свойственны те же недостатки, что и рецензированным выше [2; 6]. Думается, что авторитетнейшим словарём восточных, в том числе и тюркских, имён, сегодня всё ещё остаётся словарь Алима Гафурова «Имя и история», увидевший свет в 1987 г. в московском издательстве «Наука» [1]: в нём даны современные формы восточных имён и их арабские (и персидские) производящие основы в арабской графике и кириллице. Работу по созданию более совершенных в научном отношении словарей личных имён могут выполнять лишь высококвалифицированные филологи, специалисты в области общего языкознания.

Известно, что арабский язык, входящий в семитскую ветвь семито-хамитской семьи языков, отличается от тюркских языков и фонемным (звуковым) составом, и лексико-грамматическими категориями, и фонетическими законами. Однако при написании крымскотатарских личных имён, особенно в документах гражданского состояния, следует стремиться по возможности к

более точному воспроизведению их канонической формы с учётом различия сущностных особенностей, в том числе и фонетических законов, языка-оригинала (в данном случае – арабского) и языка-рецептора (крымскотатарского). Такой подход к решению проблемы имеет и иной – не филологический, а профессиональный (религиозный) – аспект: он будет свидетельствовать о пиетете крымскотатарского общества к языку Священного Корана.

Сказанное выше не означает, что в повседневной речевой практике следует отказаться от разговорно-диалектных форм произношения крымскотатарских личных имён. В неофициальной обстановке – в семье, среди родных и близких – можно называть друг друга так, как это принято в том или ином говоре.

Под влиянием русского языка уже до войны (1941–1945) стали активно искажаться крымскотатарские личные имена. Это проявлялось в разных формах. Прежде всего была утеряна традиционная формула совокупного именованья – личное имя + имя отца и / или прозвище: *Мемет Ниязий, Керим Решид Джаманакълы, Сеид Абдулла Озенбашлы, Номан Челеби Джихан, Трош Айше Али* и т.п. Совокупное имя стало оформляться по русской формуле – личное имя + отчество на - *ович* / - *евич*, - *овна* / - *евна* + фамилия на - *ов* / -*ев*, - *ова* / -*ева*: *Асан Сабри Айвазов, Эмиров Мемет Алиевич, Земине Мустафаевна Дагджи, Арифов Ягья Джелиль* и др. Русифицированное отчество часто в документах не записывалось: *Эмирова Адиле, Мазинова Гульназ, Ганиев Сулейман*. В устной речи, особенно детей школьного возраста и молодёжи, личное имя часто заменялось (и до сих пор заменяется) на русское, начинающееся с того же звука или сочетания звуков, что и крымскотатарское, или созвучное с ним в какой-то части: *Нелюфер* → *Нэля*, *Наджие* → *Надя*, *Нияр* → *Нина*, *Зоре* → *Зоя*, *Алиме* → *Алла*, *Сыдыкъа* → *Соня*, *Сервер* → *Сергей*, *Бекир* → *Борис*, *Селим* → *Сеня*, *Недим* → *Дима* т.п.

Попытки крымских татар в условиях ссылки оформлять документы в соответствии с традиционной формулой совокупного имени встречали резкое противодействие со стороны государственных чиновников. После возвращения на родину многие крымские татары делают попытки возродить традиционную форму имени: **сегодня можно встретить написания такого рода**, как *Мерьем Асан Темеш* или *Мерьем Асан къызы* (букв. – ‘дочь’) *Темеш*; *Исмаил Асан оглу* (букв. – ‘сын’) *Керим*. Вряд ли взрослые станут менять свои многочисленные документы через судебные инстанции. Однако если молодые родители захотят вернуться к старым именованным формам, то можно надеяться, что следующие поколения крымских татар будут именоваться так, как их деды и прадеды.

В “Книге путешествий” знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби, который дважды побывал в Крыму – в 1641–1642 и в 1666–1667 годах, имеются сведения о языках жителей Крыма, в частности – их именах. Вот имена благородных людей: *Омер аталык, Салтык аталык, Сюнди бай, Келген бай; Танбурлу Рамазан ага, Мухсинхан, Чолак Дедеш ага, Абу Ахмед ага Заде Челеби*. Мужские имена, часто встречающиеся в Бахчисарае: *Альши ака, Дедеш ака, Улан Мехмед ага, Кайтас ака, Джанкули; женские имена:*

Гюльафзун, Бикеджан, Сибаджан. Имена поэтов: Мумин эфенди, Физули Челеби, Эмир Мехди Челеби и др. Как видно из приведённого выше перечня имён представителей разных слоёв общества, к мужским и женским именам слов-детерминантов *огълы, кызы* в те времена (17 век) не добавляли.

О том же свидетельствует известный крымскотатарский писатель Дженгиз Дагджи. Вот перечень собственных имен исторических деятелей и персонажей, встречающихся в его романе “Onlarda insandi” (Олар да инсан эди): *Алим Айдамакъ, Номан Челебиджихан, Исмаил Гаспралы, Джафер Сейдамет; Абдулвейс Мезин, Асан Балтаджи, Амет Къырыкъ, Асан Къарамырза, Вели Къуришун, Джемил Софу, Осман Пармакъсыз, Усеин Къашкъа (Кашка)* и др. В структурно-грамматическом отношении, как правило, это двукомпонентные, т.н. бинарные, имена: личное имя в сочетании с патронимом – именем, фамилией или прозвищем отца. Бинарная форма традиционно была наиболее характерной моделью имени собственного в крымскотатарском языке. Иногда она расширялась за счёт добавления имени деда или прозвища рода. (См. [8, 9]). Яшлавская Няяр, родившаяся в 1927 г. в деревне Ханышской Симферопольского района, свидетельствует, что в архивной справке о её рождении, полученной ею в архиве АРК 11 июня 1993, имена родителей записаны в следующей форме: отец – *Яшлавский Джафер Суин*, мать – *Яшлавская Мауре Аметовна*. В свидетельстве о рождении *Ибраимовой Мунире* (РЗ № 896859 от 2 июня 1925 г.), родившейся 15 февраля 1925 г. в селе Ташлы Шейх-эли Джанкойского района Крымской АССР в семье *Ибраимова Амзы* и *Ибраимовой Ферриште*, также отсутствуют детерминанты *огълы, кызы*. Пять лет спустя, 12 декабря 1930 г., тот же *Амза Ибраимов* оформил копию своего свидетельства (№ 2709 от 16 июля 1930 г.), в котором его имя записано в форме *Амза Ибраим*. Приведённые данные свидетельствуют о том, что в 20–30 годы активно протекали процессы русификации крымскотатарских имён, думается, во многом под давлением чиновников, оформлявших такие документы.

К рассмотренным выше вопросам ономастики примыкает проблема крымскотатарских вокативов. Вокатив – это слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т.е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий; иначе – это звательная форма нарицательного имени, которая обычно сочетается с именем собственным. В постпозиции к крымскотатарским мужским именам находятся вокативы *ака, акъай, агъа, оджа, эфенди*; женские имена сопровождаются вокативами *ана, апте, абла, оджа (оджанче), шерфе*. В последние годы, по-видимому, не без влияния турецкого языка, возродились и стали очень употребительными обращения *бей* и *ханым*. Думается, и в этой сфере, в рамках культуры крымскотатарской речи, следует сформулировать определённые рекомендации, учитывающие возраст человека, его социальный статус, род деятельности и характер отношений с окружающими.

Совокупность крымскотатарских личных имён (т. н. антропонимикон, или именник), их формы, этимология и употребление – это один из важнейших компонентов традиционной духовной культуры народа. Личные имена и

формулы совокупного имени – это свидетельства его этногенеза, истории, религии, нравственных предпочтений и оценок. Они – кумулятивные культурные знаки, объединяющие людей в единое общество, способствующие их национальной идентификации и самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Гафуров А.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – Москва: Наука, 1987. – 221 с.
2. *Девлетов Р.Р., Каленчук Г.М., Прайд Ю.Ф.* Краткий русско-украинский и украинско-русский словарь. Крымскотатарские фамилии, имена, отчества / Под ред. Ю.Ф. Прадеда. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 128 с.
3. Крымскотатарские имена. Происхождение и значение / Составитель Ш.Э. Кайбуллаев. – Симферополь, 1994. – 82 с.
4. Крымскотатарские имена. Справочник / Составитель С. Усеинов. – Симферополь: Анаюрт, 1992. – 63 с.
5. *Озенбаилы Э.* Кырымтатар адлары. Крымскотатарские имена. – Симферополь: Таврия, 1992. – 49 с.
6. *Регушевський Е.С., Регушевська І.А., Усеинов С.М.* Кримськотатарські чоловічі імена та імена по батькові. Кримськотатарсько-український правописний словник. – Симферополь: Доля, 2005. – 132 с.
7. *Суперанская А.В., Шейх-Аметов М.А.* Крымскотатарские имена // Справочник личных имен народов СССР / Под ред. А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева. – Москва: Русский язык, 1987. – 656 с.
8. *Эмирова А.М.* Онимия как объект лингвокультурологии // Научные и методические основы филологического образования в условиях многоязычия. – Киев: Знання, 1999. – С. 29–34.
9. *Эмирова А.М.* Крымскотатарский ономастикон как объект этнолингвистики // Мир языка. Материалы конференции, посвящённой памяти проф. М.М. Копыленко. – Алматы: КазГУМОиМЯ, 1999. – С. 299–305.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

За отчётный период автором написано 112 отзывов и рецензий разного жанра, в том числе: отзывы официального оппонента о докторских и кандидатских диссертациях, об авторефератах докторских и кандидатских исследований, отзывы ведущей организации, экспертные отзывы о докторских и кандидатских диссертациях и др.

Ниже приводятся тексты некоторых отзывов и рецензий, написанных в последние годы.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Оказ Л.С. «Сложносочинённые союзные предложения в крымскотатарском языке (Семантика. Прагматика. Структура)», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.13 – языки народов Азии, Африки, аборигенных народов Америки и Австралии (Симферополь, 2000. – 170с.).

В условиях почти 50-летней ссылки крымскотатарского народа его язык претерпел серьёзные деформации: резко сократилось число его социальных функций, распалась стилистическая система, исчезли из языка большие пласты слов, связанных с основами жизнедеятельности народа. Был наложен запрет на научное осмысление крымскотатарского языка, вследствие чего многие участки системы языка до сего дня не изучены и не систематизированы. В частности, сложносочинённые предложения крымскотатарского языка до сих пор не были объектом специального монографического исследования. (В учебном пособии Э. Акмоллаева «Кърымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис» этой проблеме посвящено 6 параграфов общим объемом около 100 строк.)

Сказанным выше объясняется новизна и вытекающая отсюда актуальность рецензируемого исследования, обусловленные нуждами развивающегося сегодня среднего и высшего образования на крымскотатарском языке.

Соискателю удалось освоить, систематизировать и «приложить» к крымскотатарскому языку теоретические положения о сложном предложении, разработанные в других частных языкознаниях (русистике, тюркологии и др.). Результатом такой кропотливой работы явилась разработанная соискателем комплексная типология сложносочинённого предложения в крымскотатарском языке, учитывающая его структурные, семантические и прагматические особенности. В работе дан всесторонний анализ сложносочинённых предложений с различными сочинительными союзами (*ве, эм, амма* и др.); выявлены семантические и грамматические отношения между компонентами

предложений (одновременности, последовательности, сопоставительности, противительности, разделительности и др.); охарактеризованы средства выражения предиката в частях сложносочинённых предложений (различные глагольные формы, часто в сочетании с обстоятельственными словами и др.); сделана попытка определить способы действия глагола-сказуемого и соотносённые с ними лексические средства и др.

Анализируя различные типы сложносочинённых предложений, соискатель попутно стремился выработать более чёткие критерии разграничения разных типов таких предложений с учётом особенностей их структуры, содержания и функций. Так, им сделана попытка определения категории однородности и связанных с ней критериев разграничения простых и сложных предложений (с. 60–67). И хотя не все аргументы соискателя по этому вопросу бесспорны, однако достойна одобрения его решимость определить суть анализируемых языковых явлений. Думается, в этом же разделе работы следовало бы систематизировать остальные параметры простого и сложного предложений, описанные в других частях работы (количество предикативных центров, способы выражения предиката и др.).

Заслуживает одобрения и попытка соискателя рассмотреть объект исследования в парадигме прагмалингвистики – одного из новых направлений в языкознании последних десятилетий. В работе использованы такие термины и терминологизированные обороты, как *прагматика*, *прагматический аспект*, *прагматический анализ* и др., однако они не дефинированы. Складывается впечатление, что соискатель нечетко представляет содержательное пространство лингвистической прагматики. Думается, диссертационное исследование выиграло бы при более корректном и последовательном использовании концептуально-терминологического аппарата прагмалингвистики, который до сих пор не применялся в исследованиях по тюркологии.

Обращает на себя внимание солидный список проработанной и осмысленной научной литературы (152 позиции). Следует отметить и большое количество источников (произведений крымскотатарских писателей), из которых черпался языковой материал (1670 сложных предложений, в том числе 850 сложносочинённых).

В качестве положительного момента следует указать также на использование соискателем различных таблиц, графиков и схем (предложений), которые несут дополнительную информацию и эксплицируют некоторые научные конструкты и конкретные языковые факты.

Диссертационное исследование Оказ Л.С., посвящённое одной из самых сложных проблем синтаксиса, будучи первой монографической работой по данной теме, несомненно, содержит в себе ряд спорных положений, которые нуждаются в дальнейшем обсуждении и уточнении. Во многом именно этим обусловлены наши замечания, касающиеся как содержания, так и формы рецензируемой работы:

1. Вызывают сомнения интерпретации статуса и особенностей некоторых предложений (с. 49, 50, 51, 57, 64, 66, 84 и др.). Например, на с. 84 работы

диссертант утверждает, что сложносочинённые предложения могут выступать в роли главного предложения в составе сложноподчиненного. Думается, в таких случаях следовало бы говорить о сложных предложениях с сочинением и подчинением. Представляется неаргументированным и включение парцелированных структур в состав сложносочиненных предложений.

2. Неубедительна и слабо аргументирована квалификация некоторых наречий (*сонъра, къайтадан, базыларда* и др.) в качестве союзных относительных слов (с. 35 и след.).

3. Отсутствуют чёткие дефиниции отдельных ключевых понятий-терминов: *пропозиция, пресуппозиция, прагматическое значение, предикат* и др. Известно, что в современной лингвистике многие термины по-разному понимаются в разных научных школах и направлениях. (Особенно это характерно для когнитивной лингвистики, которая сегодня всё ещё находится в стадии поиска и уточнения своего объекта). В таких условиях от учёного, особенно начинающего, требуется эксплицировать своё понимание содержания используемых терминов.

4. Возникают сомнения относительно формы и качества перевода крымскотатарских предложений на русский язык. Несмотря на заявления соискателя о необходимости учитывать при переводе особенности структуры крымскотатарского языка, предложенные им переводы не всегда верно отражают логико-грамматическое содержание анализируемых предложений, что усугубляется иногда ошибочной пунктуацией. Думается, буквальный перевод с восстановлением опущенных в оригинале членов (чаще всего – субъекта) способствовал бы более адекватному отражению логико-грамматического содержания предложения.

5. К сожалению, в работе встречаются стилистические и грамматические погрешности (с. 5, 7, 8, 20, 25, 71 и др.).

6. В отдельных случаях не соблюдены требования ГОСТа при оформлении списка литературы (см. позиции 25, 28, 35, 36 и др.).

Сделанные выше замечания не снижают в целом положительной оценки работы Оказ Л.С. Более того, следует всячески приветствовать научную смелость соискателя, взявшегося в нынешних условиях неразработанности крымскотатарского языкознания за решение столь сложной научной проблемы.

Содержание рецензируемой работы может послужить базой для создания синтаксической теории крымскотатарского языка, а её основные положения могут быть использованы в практике преподавания крымскотатарского языка в средней и высшей школах, которые сегодня испытывают острую нужду в учебных пособиях разного типа. Сказанным определяется теоретическая и практическая значимость диссертационной работы Оказ Л.С.

Публикации соискателя по теме диссертации и автореферат достаточно полно отражают теоретические положения, методологию и основные выводы исследования.

Диссертационное исследование Оказ Л.С. отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого жанра, а его автор заслуживает присуждения иско-мой учёной степени кандидата филологических наук.

Настоящий отзыв обсужден на заседании кафедры крымскотатарского языка и литературы Крымского государственного индустриально-педагогического института и утвержден единогласно 29 марта 2000 года, протокол № 5.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры крымскотатарского языка и литературы КГИПИ, заслуженным деятелем науки и техники Украины *Эмировой А.М.*

29 марта 2000.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационном исследовании Сорокина С.В. «Система микросинтаксиса турецкого языка», представленном на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.13 – языки народов Азии, Африки, аборигенных народов Америки и Австралии (Киев, 2002).

Сегодняшний этап в развитии языкознания характеризуется комплексным подходом к анализу языковых сущностей, учитывающим данные различных научных направлений и школ, и предполагает стремление исследователей к ревизии результатов, добытых на предшествующих этапах развития науки о языке. Известно, однако, что только объёмные знания, гибкий ум и научная корректность позволяют исследователю, сочетая неординарный подход к анализу языкового явления и пиетет к традициям, избежать крайностей и ошибок и адекватно верифицировать объект исследования.

Именно такое положительное впечатление производит диссертационное исследование Сорокина С.В. Хорошее знакомство с литературой вопроса, с работами отечественных и зарубежных учёных, владение концептуально-терминологическим аппаратом общего языкознания, в том числе таких его ответвлений, как генеративная лингвистика, полевая лингвистика, умение оригинально классифицировать и интерпретировать языковой материал, орфографическая, пунктуационная и стилистическая грамотность – эти достоинства соискателя сразу же обращают на себя внимание.

Основное отличие разобранный им классификации словосочетаний турецкого языка соискатель видит в её ориентации на семантику с учётом формально-грамматических показателей компонентов словосочетаний. Типы словосочетаний идентифицируются в работе на основе общности их глубинной структуры, основным элементом которой выступают такие виды синтаксических связей между конститuentами словосочетаний, как посессивность и идентитивность.

Основные положения концепции соискателя разворачиваются во 2-м и 3-м разделах работы.

Во 2-м разделе рассмотрены теоретические основы структурно-семантической классификации словосочетаний турецкого языка и обоснованы методы их исследования. Достоинством данного раздела работы является системный анализ всех грамматических категорий, которые непосредственно связаны с типологией словосочетаний и определяют их специфику в современном турецком языке. Это категории определённости – неопределённости, части речи,

падежа, числа. Здесь заметен нетрадиционный подход соискателя к характеристике данных языковых категорий: выделены такие признаки названных категорий, которые способствуют адекватной и системной характеристике объекта анализа. Так, например, категория определенности – неопределенности выступает в качестве точного критерия дифференциации посессивных (с. 96–104, 122–160) и объектных (с. 160–169) словосочетаний.

Представляет интерес и попытка соискателя интерпретировать категорию части речи в качестве функционально-семантического поля: выделены ядро (типовые средства выражения данного грамматического значения) и периферия, в том числе межполевые образования. Попутно произведена «ревизия» традиционных понятий и терминов. Так, соискатель выдвигает убедительные аргументы в пользу термина *вербоиды*, вместо используемых в традиционной тюркологии терминов *отглагольные имена, имена-действия*. К вербоидам в турецком языке отнесены личные причастия настоящего прошедшего времени, инфинитивы и др.

Всё содержание 2-го раздела рецензируемой работы чётко структурировано, систематизировано и направлено на решение основной задачи исследования – разработку комплексной структурно-семантической классификации словосочетаний в современном турецком языке.

Логическим продолжением предыдущих частей диссертации является 3-й раздел, в котором представлена оригинальная функционально-семантическая классификация словосочетаний турецкого языка: посессивные, объектные и идентитивные словосочетания. Идентификация (в терминологии диссертанта – интеграция) типов словосочетаний осуществлена в соответствии с их семантическим наполнением на основе трёх типов синтаксической связи – согласования, управления, примыкания.

Ключевым типом словосочетаний в турецком языке признаны посессивные словосочетания. При этом категория посессивности понимается достаточно широко – как отношение (относительная номинация) – и состоит из ряда субкатегорий (партиитивность, релятивность, причинность, инструментальность и др.), каждая из которых актуализируется в определенных подтипах словосочетаний. Попутно выявлена корреляция видов синтаксической связи с граммемами и лексическими значениями компонентов словосочетания. Так, имена прилагательные, наречия и причастия, по наблюдениям соискателя, не могут вступать в абстрактно-посессивные отношения; они всегда актуализируют партиитивную семантику.

Так же подробно и обоснованно охарактеризованы другие типы словосочетаний – объектные и идентитивные. В целом в 3-м разделе работы дана чёткая, непротиворечивая и обстоятельная классификация типов словосочетаний, которая к заключительной части работы вырастает в репрезентативную типологию словосочетаний в современном турецком языке.

Большое количество проблем, поставленных и решённых в рецензируемой работе, во многом нестандартный подход к интерпретации известных языковых категорий, наконец, грамотное оформление работы, в том числе списка

литературы, – всё это несомненные положительные стороны диссертационного исследования Сорокина С.В. В то же время некоторые положения работы наталкивают на размышления и вызывают вопросы. Например, почему соискатель обратился к методам структурной лингвистики, в частности, к генеративной лингвистике с её ключевым понятием – глубинная структура? Обращение к концептуально-терминологическому аппарату структурной лингвистики сегодня воспринимается в определенной степени в качестве анахронизма.

Известно, что категория глубинной структуры даже в классической генеративной лингвистике понималась неоднозначно. В 60–70 гг. XX в. понятие глубинной структуры было предметом дискуссий. Многие учёные (Солнцев В.М., Гак В.Г., Шмелёв Д.Н. и др.) выражали сомнение в объяснительной ценности данного понятия. В последние два десятилетия формируется новая научная парадигма – когнитивная лингвистика, ключевым понятием которой является понятие концепта – мыслительной сущности, отражающей, замещающей некоторые фрагменты объективной действительности. Во внеязыковом мире, в объективной реальности, по мнению философов, существуют только вещи, свойства и отношения, которые, не являлись онтологическими философскими категориями (такими категориями, как известно, являются материя и сознание), тем не менее «имеют первостепенное значение для раскрытия структуры окружающего нас мира» [Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. – Москва, 1963. – С. 3].

Думается в рамках новой научной парадигмы – когнитологии – можно было бы получить более чёткий ответ на вопрос, какова глубинная структура (мыслительная сущность) словосочетания. Иначе: Какие концепты соотносятся с выделенными типами словосочетаний? Каковы знаковые значения исследуемых типов словосочетаний, т.е. какие реальные (а не ментальные!) сущности презентуются в их содержании?

Показательна в свете проблематики рецензируемой диссертации построенная известным украинским профессором-русистом Тулиной Т.А. функционально-семантическая типология словосочетания: в соответствии с концепцией языка как знаковой системы особого рода словосочетания интерпретируются ею как полные или частичные знаки ситуаций – одноактантных, двухактантных, усложнённых и др.

В то же время следует отметить, что неоднозначность ключевых терминов *функциональный*, *семантический*, *функционально-семантический* дают основания исследователю разрабатывать свою оригинальную функционально-семантическую классификацию словосочетаний в рамках принятой им системы научных координат. Поэтому сказанное выше не следует расценивать как упрёк в адрес соискателя. Это, скорее, информация к размышлению и советы соискателю в его дальнейшей научной работе.

Можно отметить следующие недочёты рецензируемой работы:

1. Ключевое для данной работы понятие *глубинная структура*, по моему мнению, определена недостаточно чётко (см. с. 10–11, 121–122 и др.), что

несколько снижает верификационную ценность конечных результатов исследования.

2. Несмотря на заявления автора диссертации, что «при выполнении основной части работы ... было обработано большое количество фактического материала» [с.13], в самой работе мало языковых иллюстраций, а в автореферате они вообще отсутствуют.

3. Имеются лакуны в списке использованной литературе: отсутствуют научные грамматики некоторых тюркских языков СССР (СНГ), монографии Н.А. Баскакова, Тулиной Т.А. и др.

Указанные выше недочеты не снижают теоретической и практической значимости рецензируемой работы, которая представляет собой законченное оригинальное исследование, характеризующиеся богатством содержания, неординарным подходом к анализу объекта исследования, чёткой, логически обоснованной структурой, прекрасным научным слогом и оформлением.

Автореферат диссертации и публикации адекватно и достаточно полно отражают содержание диссертационной работы.

Рецензируемая диссертационная работа полностью отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Украины к работам такого жанра, а её автор, Сорокин Сергей Владимирович, заслуживает присуждение искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.13 – языки народов Азии, Африки, аборигенных народов Америки и Австралии.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины.

14 февраля 2002.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационном исследовании Соболевой И.А. «Сниженные (внелитературные) языковые средства в современном публицистическом дискурсе», представленном на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – русский язык (Симферополь, 2002).

Диссертационная работа Соболевой И.А. представляет собой комплексное исследование сниженных (внелитературных) языковых средств, которые используются в современном публицистическом дискурсе: охарактеризованы лексическая, лексико-грамматическая и прагматическая семантика просторечных единиц, особенности функционирования жаргона в современной публицистике; описаны семантические и грамматические особенности ключевых слов жаргонного происхождения; сделана попытка выявления динамики речевого стандарта современной публицистической коммуникации.

Не вызывает никаких сомнений актуальность темы исследования: в условиях социально-политических реформ и катаклизмов последних двух десятилетий, сопровождавших распад советского строя и становление демократических институтов, на первый план выступили проблемы взаимодействия языка и общества, составляющие предмет социальной

лингвистики. Соискатель поставил перед собой очень ответственные цели и задачи: установить основные закономерности функционирования сниженных языковых средств в современной языковой ситуации, выявить их соотношение с экстра- и интралингвистическими факторами.

Комплексный подход к решению поставленных задач определил структуру диссертационного исследования.

В 1-м разделе рецензируемой работы дан комплексный анализ русского просторечия: выявлены языковые и внеязыковые параметры лексем, позволяющие идентифицировать их просторечный статус; очерчены границы лексического состава просторечия и предложена его структуризация (выделены ядро и периферия); определён статус просторечия как значимого экспрессивно-оценочного элемента современного публицистического дискурса. В целом весь 1-й раздел работы представляет собой аналитический обзор работ отечественных учёных, демонстрирующий хорошее знание соискателем литературы вопроса, умение интерпретировать теоретические положения в нужном аспекте и применять их к анализу собственного языкового материала. Предложенные здесь характеристики просторечных языковых средств (деминутивы, префиксальные формы глаголов, нестандартная сочетаемость лексем и др.) в целом неоригинальны и повторяют наблюдения и обобщения других исследователей. Привлекает, однако, обилие иллюстративного материала, который адекватно «препарирован» и интерпретирован.

2-й раздел рецензируемой работы посвящён характеристике особенностей функционирования жаргона в современном публицистическом дискурсе. Здесь сделана попытка разграничить понятия *арго*, *жаргон*, *сленг*, которые по природе своей многокомпонентны, «текучи» и потому трудно поддаются дифференциации.

Представляет интерес 3-й подраздел данного раздела, в котором рассмотрены связи и отношения между элементами тематического поля «денежные средства»: выявлены синонимические ряды, определены стилистические и эмоционально-экспрессивные коннотации их членов, охарактеризованы процессы адаптации жаргонизмов к семантической и грамматической системам литературного языка. Неоправданным, однако, представляется использование здесь термина *фрейм* (см. об этом ниже).

Богатый иллюстративный материал использован в 4-м подразделе, в котором жаргонизмы квалифицируются в качестве интенсификаторов современной публицистической речи. Рассмотрены приёмы цитирования и квазичитирования фрагментов из разных источников (художественной литературы, фольклора и др.) в составе заголовков, названий газетных рубрик и собственно текстов. Однако приведённые иллюстрации не всегда имеют просторечный статус. Более того, предложенная соискателем классификация аллюзивных трансформаций и «включений» неоригинальна: она уже разработана в сфере фразеологической стилистики и поэтики. (Соискатель почему-то не ссылается на прецедентные работы.)

Наиболее «лингвистичным» представляется содержание 3-го раздела

рецензируемой работы, посвященного анализу ключевых слов (КС) жаргонного происхождения (*крутой, крыша, тусовка, беспредел*). Здесь дана комплексная лексико-семантическая, грамматическая и прагматическая характеристика названных лексем; прослежено изменение их семантики (на материале словарных дефиниций и употреблений в публицистических текстах); выявлено расширение их деривационных (словообразовательных), сочетаемостных и фразообразовательных (в смысле: образование фразеологических единиц) потенциалов. Этот раздел работы изобилует иллюстративным языковым материалом, который в целом достаточно адекватно верифицирован. Однако и здесь встречаются отдельные неточности. Так, не всегда корректно интерпретируются семантические и грамматические особенности некоторых ключевых слов. Иллюстрируя многочисленными примерами расширение сочетаемостных возможностей КС «крутой» (с. 95), соискатель затрудняется дефинировать актуализированные в них семантические варианты, в то время как все они «покрываются» 4-м значением данного слова: «Решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление» (ТСРЯ, 1997, с. 310). Более того, соискателю неизвестно, что в словаре-справочнике неологизмов 80-х годов зафиксировано 5 жаргонных значений данной лексемы (НСЗ–80, с. 390–391).

Сомнительным представляется и утверждение соискателя об изменении грамматических свойств слова «крутой», в частности – об «углублении качественных признаков» (с.96) и его субстантивации (с. 97) именно в рамках современного публицистического дискурса. (См.: СРЯ, т. II, с. 140).

Наконец, в 4-м разделе работы сделана попытка выявить динамику речевого стандарта современной публичной коммуникации. Убедительным представляется в этой связи обращение соискателя к сравнительной характеристике современных процессов речупотребления в русском и украинском языках методом социально-языкового анкетирования. Собранный таким образом богатый фактический материал соискателем адекватно осмыслен и интерпретирован. В частности, выявлены внеязыковые и собственно языковые факторы, влияющие на эволюцию речевого стандарта в современном публицистическом дискурсе.

Своевременным представляется также намерение соискателя определить внутри- и внеязыковые параметры современных социолектов, их взаимодействие в практике жизнедеятельности современной социально-языковой общности. Однако заявленная здесь проблематика имеет не прямое, а опосредованное отношение к целям и задачам рецензируемой диссертационной работы.

Выводы, во многом дословно повторяя обобщения предыдущих разделов работы, достаточно полно отражают её содержание. Большое количество проблем, поставленных и решённых в рецензируемой работе, репрезентативной языковой материал, во многом нестандартный подход к интерпретации известных языковых категорий, актуальность и новизна проблематики, грамотное оформление работы, в том числе списка литературы, – всё это несомненные достоинства диссертационного исследования Соболевой И.А.

Рецензируемая работа не лишена и отдельных недочетов:

1. Не разграничены понятия объекта и предмета исследования: объект исследования – сниженные языковые средства, предмет исследования – периодические издания СМИ (с. 11–12). Как известно, в науке о языке объектом исследования принято считать языковые сущности, а предметом – совокупность проблем, которые ставятся и решаются на данном языковом материале.

2. Обращает на себя внимание склонность соискателя к гипертрофированию, «глобализации» значимости как исследовательских задач («разработать приёмы типологического описания социолекта», «предложить научно обоснованные рекомендации в области языкового воспитания и языковой политики» и др.), так и добытых им научных результатов («...характер и направленность включения просторечно-жаргонной лексики влияет на формирование норм литературного языка, а также на уровень этнической языковой культуры в целом»; «...синтез признаков просторечности и книжности в разных пропорциях стал глобальной всеохватывающей тенденцией современного языкового развития».)

К такого же типа недочётам («глобализация» намерений и выводов) можно отнести и названия некоторых методов и приемов анализа, заявленных во введении: коммуникативно-прагматический, интеграции языковых и социальных процессов, дискурсивный анализ, метод концептуализации категорий (?), фреймовый анализ и др. Кстати, в современной когнитологии используются различные методы и приёмы анализа фрейма (см.: Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – С. 96–159). Анализ фрейма – это ещё не фреймовый анализ.

3. Заметно некорректное, «вольное» употребление некоторых терминов: *фрейм*, *ФСП*, *фразеологическое словосочетание* и др. Приведя верное определение фрейма, почерпнутое из КСКТ (с. 71 дис.), в дальнейшем тексте соискатель отождествляет фрейм с совокупностью языковых единиц: «...функционирующий в современном языке фрейм...», «фрейм “денежные средства” включает в свой состав тематические группы...», «жаргонизмы фрейма» и т.п.

Фрейм – это мыслительная сущность, которая может соотносится с языковыми единицами разных уровней (а может и не соотносится, и тогда обнаруживаются т.н. семантические лакуны). Фактически соискатель анализировал (с. 71–74) не структуру фрейма, а тематическое поле «денежные средства».

Нетрадиционное содержание вложено соискателем и в термины *ФСП* (с. 98), *фразеологическое сочетание* (с. 103, 105) и др. В качестве семантических эквивалентов используются в работе термины *язык – речь*, *языковой – речевой*, *языковой – лингвистический*, *денотативный – номинативный* и др.

Складывается впечатление, что термины когнитивной лингвистики и теории речевых актов используются соискателем всуе – не операционально, а декларативно. Думается, однако, что концептуально-терминологический аппарат теории речевых актов можно было бы успешно применить при анализе объекта исследования (сниженные языковые средства), особенно в

части определения параметров измерения иллокутивной силы высказываний (способ достижения иллокутивной цели, условия успешности РА и др.).

4. Неудовлетворительным представляется анализ фразеологических единиц (ФЕ) жаргонного происхождения (с. 48–53, 101–106): неверно квалифицирован статус словных компонентов ФЕ; не всегда точно определены границы ФЕ; отсутствуют отсылки к работам известных фразеологов, разработавших типологию трансформаций ФЕ в речи (Шанского Н.М., Молоткова А.И., Эмировой А.М., Абрамец И.В., Ломова А.Г., Дибровой Е.И. и др.).

Отмеченные выше недочеты в целом не снижают теоретической и практической значимости рецензируемой работы, которая представляет собой законченное оригинальное исследование, характеризующееся богатством содержания, во многом неординарным подходом к анализу объекта исследования, четкой, логически обоснованной структурой и грамотным оформлением.

Автореферат и публикации достаточно полно отражают содержание диссертационной работы.

Диссертационное исследование «Сниженные (внелитературные) языковые средства в современном публицистическом дискурсе» отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Украины к работам такого жанра, а его автор, Соболева И.А., заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – русский язык.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины.

4 марта 2002.

ОТЗЫВ

об автореферате диссертации Мосенкиса Ю.Л. «Проблема реконструкции языка трипольской культуры», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – украинский язык и 10.02.15 – общее языкознание (Киев, 2002. – 24 с.).

Актуальность диссертационного исследования Мосенкиса Ю.Л. обусловлена прежде всего неисследованностью проблемы, а также тем огромным интересом к историческим, в том числе языковым, корням, который наблюдается в сегодняшней Украине, строящей свою государственность. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые изучены и систематизированы источники языкового исследования трипольской культуры, сделана попытка реконструкции лексики носителей этой культуры, язык которой определён в качестве доиндоевропейского субстрата.

Достоинством рецензируемой работы является то, что соискатель не только выполнил большой объем работы по реконструкции лексической системы трипольской культуры и выявил её фонетические, морфологические особенности, но и систематизировал результаты исследований, добытые другими учёными. Такой подход к анализу материала позволяет расценивать диссертационную работу Мосенкиса Ю.Л. как высокую ступень развития научной мысли, намечающую перспективы исследований в данной области.

Богатство и глубина содержания, проявившиеся в постановке и успешном решении сложных лингвокультурологических проблем, рассмотренных в широком культурно-историческом контексте; прекрасное знание литературы вопроса и источников; владение концептуально-терминологическим аппаратом компаративистики; неординарный подход к анализу объекта исследования; достаточная обоснованность основных положений работы – вот несомненные достоинства рецензируемого исследования.

Обращает на себя внимание большое количество публикаций соискателя (71 работа, в том числе работы монографического характера), посвящённых общим и частным проблемам реконструкции языка трипольской культуры, которые полно отражают содержание исследования Ю.Л. Мосенкиса.

К недочетам формального характера в рецензируемой работе можно отнести отдельные стилистические конструкции; «*Язык киммерийцев как первых письменно упомянутых жителей Украины*», «*...языковой мир Украины II – I тыс. до н.э.*» (с. 23). Здесь опущено промежуточное содержательное звено: речь идёт не о жителях Украины, которой в качестве государственного образования в тот исторический период не существовало, а об этносах, некогда населявших территорию современной Украины.

Сказанное выше не снижает теоретической и практической значимости рецензируемой работы, которая представляет собой законченное оригинальное исследование, отвечающее требованиям, предъявляемым ВАК Украины к работам такого жанра. Автор рецензируемой работы, Мосенкис Ю.Л., несомненно, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.02.01 – украинский язык и 10.02.15 – общее языкознание.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук профессор кафедры русского языка Таврического национального университета им. В.И. Вернадского., заслуженный деятель науки и техники Украины.

18 июня 2002

ОТЗЫВ

о диссертации Керимова И.А. «Эволюция крымскотатарского художественного слова в конце XIX – начале XX вв.», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.10 – крымскотатарская литература (Симферополь, 2002).

Известно, что тотальная депортация и полувековая ссылка крымских татар нанесли огромный ущерб не только их языку, но и науке о языке – крымскотатарской филологии. И если в последние годы стали появляться работы в области языкознания, то крымскотатарское литературоведение как раздел филологии находится в зачаточном состоянии. Отсутствуют работы в области теории литературы и литературной критики, фрагментарно представлена история крымскотатарской литературы.

В этих условиях диссертационное исследование Керимова И.А. можно рассматривать как успешный опыт анализа особенностей развития

крымскотатарской литературы конца XIX – начала XX вв., сочетающего методологию истории литературы и литературной критики.

Ценность рецензируемой работы состоит в том, что крымскотатарская литература рассмотрена в ней на широком социально-политическом фоне конца XIX – начала XX вв. В научный обиход введено творчество как крупных писателей, так и малоизвестных, творчество которых, тем не менее, значимо для общей характеристики литературного процесса рассматриваемого периода. На примере произведений разных писателей показана характерная для того времени «ломка» старых поэтических традиций, отмечена роль переводной (преимущественно с русского языка) литературы в данном процессе.

Впечатляют богатство собранного соискателем литературного материала, его транслитерация (с арабского на современное крымскотатарское письмо) и научный комментарий текстов.

Содержание диссертационного исследования Керимова И.А. нашло полное отражение в публикациях, в том числе – в одноименной монографии (Симферополь: Къырымдеврокъувнешр, 1998. – 184 с).

Следует сказать и о недочетах, преимущественно формального характера: части разделов работы не именованы, и потому страница «Содержание» неинформативна; список литературы оформлен в соответствии с требованиями ГОСТ Республики Казахстан и др.

Диссертационная работа Керимова И.А. является первым комплексным исследованием крымскотатарской литературы конца XIX – начала XX вв., в котором анализ историко-литературных проблем с необходимостью дополнен литературно-критической оценкой художественных феноменов.

Считаю, что Керимов И.А. заслуживает искомой учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.10 – крымскотатарская литература.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, действительный член (академик) Крымской академии наук, заслуженный деятель науки и техники Украины

30 июня 2002.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Бушакова В.А. «Историческая топонимия Крыма», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.13 – языки народов Азии, Африки, аборигенных народов Америки и Австралии (Киев, 2005).

Несомненным достоинством рецензируемой работы является её комплексный, междисциплинарный характер: добытые соискателем научные результаты представляют интерес не только для языкознания, но и для истории, социологии, этнологии, культурологии, географии, биологии и др.

Обращает на себя внимание огромный языковой материал, извлечённый из многочисленных и разнообразных по жанру источников, скрупулезно описанный и введённый в научный обиход.

Несомненной заслугой соискателя является также попытка всестороннего осмысления языкового материала. Разработана комплексная типология крымской топонимии, представленная несколькими классификациями, находящимися в отношении комплементарности: видовая стратификация топонимов, учитывающая географические особенности объектов номинации; семантическая и тематическая классификация словарного состава топонимов; словообразовательная характеристика тюркских топонимов и др. Что касается других параметров научной новизны диссертации, то они декларированы в разделе I-м, но четко не отражены в самом тексте и не подытожены в заключении. (См. об этом ниже.)

Не вызывает сомнения актуальность рецензируемого исследования, обусловленная различными факторами: отсутствием полного и всестороннего описания топонимикона Крыма (в монографическом жанре); сегодняшней социально-политической и лингвокультурной ситуацией в Крыму, когда крымскотатарский народ борется за возрождение своей национальной культуры, одной из важнейших составляющих которой является историческая топонимия, как генератор исторической памяти и чувства национальной самоидентификации народа, и др.

В разделе 2 дан анализ большого количества источников, посвящённых проблемам взаимодействия на территории Крыма различных племён, народов и их культур начиная с античных времен и кончая новой историей 20-го в. На широком историческом фоне показано формирование топонимической системы Крыма и предложена её хронологическая и ареальная стратификации. И здесь обращают на себя внимание глубокие знания соискателя в области истории Крыма и сопредельных регионов (Северное Причерноморье, Кавказ, Малая Азия и др.), его знакомство с литературой вопроса (в списке использованных работ – 691 позиция, в том числе 41 работа – на немецком, английском и французском языках).

Исчерпывающе охарактеризованы собственные имена различных географических объектов (элементов рельефа земной поверхности, водных объектов естественного и искусственного происхождения, любого типа поселений, территорий и областей природного и административного характера), соответственно представленные основными тематическими классами топонимов: оронимами, гидронимами, ойконимами и хоронимами (раздел 3). Здесь следует отметить, что соискателем обогащена номенклатура топонимов: предложены новые гидрографические термины – пегоним (название источников) и фреаратоним (названия колодцев).

Отдельную ценность в данном разделе представляют этимологические этюды, посвященные ключевым топонимам региона: Крым (3.3), Чонгар (3.4). См. также этимологизацию хоронима Таврика в разделе 2.

В разделе 4 предложена лексико-семантическая классификация исторической топонимии Крыма. Основанием классификации является мотивационный признак номинации, что в конечном счёте позволило соискателю нарисовать широкую природно-географическую, историческую и социально-экономи-

ческую панораму Крыма с древнейших времен и по сей день. Несомненным достоинством этого раздела является обилие языкового материала и попытка его осмысления в собственно лингвистическом аспекте.

Представляется, однако, что в данном разделе совмещены две классификации, находящиеся в отношениях дополнительности: 1) самих географических объектов (их величина, форма, пространственные параметры, количество, наличие – отсутствие воды и др.) и 2) мотивирующих признаков их номинаций. Не всегда четко разграничиваются семантические и тематические группы лексем – компонентов топонимов: из 15 выделенных групп в строгом смысле семантическими являются только две: 4.1.6 – эмоционально-оценочные слова и 4.1.7 – метафорические топонимы. Остальные группы следует квалифицировать в качестве тематических. Можно допустить, что сам объект анализа не позволяет четко развести эти два исследовательских подхода, однако в итоге остается ощущение некорректности предложенной классификации. По сути это не лексико-семантическая, а тематическая рубрикация лексем, входящих в состав топонимов.

Примыкает к разделу 4 и по сути является тематической группой «Европеизмы в тюркских топонимах», выделенная в отдельный раздел 7. Европеизмы, преимущественно грецизмы, этимологизируются в алфавитном порядке; не сделано попытки какой-либо их семантико-тематической характеристики.

В разделе 5 дана подробная структурно-словообразовательная характеристика топонимов: выделены простые непрямые, простые производные и составные номинации; определен тип синтаксических связей между компонентами топонимов: атрибутивная (собственно определительная и притяжательная) и предикативная; указаны ареалы названных типов топонимов, обусловленные историческими событиями прошлого; выделены характерные топонимобразующие тюркские аффиксы и др.

Несомненным достоинством рецензируемого исследования является также картосхема кадылыков и каймакамов, составленная соискателем на основе списков населённых пунктов Крымского ханства 18-го века.

Наряду с указанными выше достоинствами рецензируемой работы следует указать и на некоторые её недочёты.

1. Нечётко сформулирована методологическая основа исследования, которая почему-то названа *методической* основой (раздел 1.2, с. 32). «*Принципиальным положением*» (может, общенаучным или частнонаучным принципом? – А.Э.), лежащим в основе исследования исторической топонимии Крыма, названа системность, которая трактуется соискателем как “*учёт лингвистического, исторического и географического факторов*” формирования крымской топонимии. Из цитированного ясно, что системность понимается соискателем нетрадиционно – как комплексный подход к исследованию языкового материала. В качестве методов исследования названы исторический (?), этимологический (?), формантный (?) и др. А лексико-семантическая классификация и структурно-словообразовательный анализ

топонимов названы “самыми распространенными методами исследования географических имен” (с. 237 диссертации).

2. Словообразовательный анализ проведён в синхронии – в рамках системы современного крымскотатарского языка, что не коррелирует с заявленными во вступлении к работе целями исследования. Деривационная и семантикотематическая характеристика топонимов предполагает реконструкцию их основной формы, восходящей к архетипу: известно, что формы слов в диахронии изменяются под влиянием фонетических законов языка (редукции, дизэрезы, эпентезы, фузии разного типа и др.), а также в результате языковой интерференции. К тому же графическая форма топонимов, извлечённых из карт и других письменных источников, не исключает искажения их внешней формы, о чём пишет и сам соискатель. Однако в диссертационной работе отсутствует диахронический анализ, опирающийся на знание и применение фонетических законов тех языков (диалектов), которые функционировали в разные исторические периоды на территории Крыма. Иначе говоря, соискатель не пользуется сравнительно-историческим методом исследования, который даже не заявлен во вступлении. В связи с этим некоторые этимологизации и интерпретации языковых единиц представляются некорректными (см. с. 295, 296, 397 и др.).

3. Можно предъявить претензии к компоновке материала и к композиции диссертационного исследования в целом. Значительное место в работе занимают обзоры, не всегда непосредственно связанные с проблематикой исследования, в том числе – сопоставления крымской топонимии с топонимическими системами других тюркских языков. В разделе 3.1, например, четыре страницы текста (с. 128–132) отведены описанию оронимичных систем Башкирии, Дагестана, Казахстана, Киргизии и Монголии, что, по мнению соискателя, необходимо для выявления универсальных и специфических черт крымской оронимии. Аналогичные экскурсы имеются и в других подразделах раздела 3, в разделе 4 и др.

Некоторые страницы раздела 2 представляются излишними, в том числе неоригинальными. Так, на с. 101–104 со ссылкой на источник [288] приводится ряд топонимов античной эпохи с указанием локализации их объектов на современной карте Крыма. Однако остается неясным, это собственные изыскания соискателя или цитации из названного источника. История переселения готов в Крым излагается на с. 66–76, однако большая часть этого материала непосредственно не связана с проблемой формирования исторической топонимии Крыма: анализируется, за редким исключением, лексика других семантических разрядов.

4. Раздел «Заключение» и подраздел «Научная новизна исследования» раздела I не коррелируют содержательно. Многие положения, заявленные в подразделе «Научная новизна», не нашли отражения в заключении: *«выделены и охарактеризованы этапы развития исторической топонимии Крыма»* (какие? – А.Э.); *«проанализированы основные тенденции развития топонимической системы крымскотатарского языка»* (какие? – А.Э.) и др.

Не отражены в заключении также такие декларированные в разделе

1–м цели (с. 12–13): «сформировать концептуальные представления об эволюции крымскотатарской топонимии»; «создать концепцию системного исследования крымской топонимии»; «выявить и описать основные принципы и закономерности возникновения и развития крымских топонимов» и др.

Без сомнения, все эти вопросы так или иначе освещались в соответствующих разделах монографии, однако они не нашли выпуклого отражения в разделе «Заключение». В какой-то степени этот недочёт мог бы компенсироваться при наличии выводов к каждому разделу, но таковые отсутствуют. Кроме того, в разделе «Заключение» опять приведены языковые примеры, что несовместимо с жанром заключения.

Указанные выше особенности компоновки и изложения материала (см. выше пункты 3 и 4) обусловили некоторую структурную и содержательную аморфность и излишнюю объёмность рецензируемой работы, что несколько загущивает её новизну и значимость.

Отмеченные выше недочёты не снижают научной ценности рецензируемой монографии, которая представляет собой оригинальное теоретическое исследование. Диссертационная работа «Историческая топонимия Крыма» отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Украины к исследованиям такого жанра, а её автор, Бушаков В.А., заслуживает искомой учёной степени доктора филологических наук.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, заслуженный деятель науки и техники Украины.

17 февраля 2005.

ЭКСПЕРТНЫЙ ОТЗЫВ

о диссертации Пахаревой Т.А. «Акмеистические тенденции в русской поэзии последних десятилетий XX – нач. XXI вв.», представленной на соискание научной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 – русская литература (Симферополь, 2006).

Рецензируемая работа свидетельствует о творческой смелости Т.А. Пахаревой, взявшей в одиночку осмыслить, а в какой-то степени и переосмыслить, литературный процесс всего XX в. Особые трудности, стоявшие перед соискателем, были обусловлены тем, что рассмотренные в работе художественные феномены – творчество поэтов второй половины и особенно конца XX в. – это живая, пульсирующая ткань, которую практически невозможно рассматривать сквозь призму *отстранения* и *отстранения*. И тем не менее соискатель успешно справилась с этими трудностями. Однако содержание работы наводит на некоторые размышления, которые – при желании – могут быть интерпретированы в качестве критических замечаний, а при нежелании (к чему я склоняюсь) – как медитации по поводу.

Итак, – медитации по поводу. Соискатель говорит о *ценностном пространстве*, *ценностной системе* акмеизма, основными *параметрами* которой являются историзм, этикоцентризм и культуроцентризм. Думается,

точнее было бы говорить не о ценностном, а *содержательном пространстве* акмеизма, а историзм, этико- и культуроцентризм назвать не параметрами, а категориями: понятие *параметр* ориентировано более на формальные признаки, а *категория* – на содержательную сущность.

Постулат о единстве формы и содержания, гласящий, что содержание всегда актуализируется в специфической для него форме, никто до сих пор не отменял. Однако соискатель трактует акмеизм как эстетическую парадигму внестилевого характера с *незакрепленными формальными признаками*. Иначе: содержательное пространство акмеизма, по мнению соискателя, репрезентируется содержательными же феноменами – историзма, этико- и культуроцентризма. Из этого следует, что ценностная система акмеизма оказывается очень нечёткой, зыбкой и аморфной, чего не отрицает и сам соискатель. И тогда возникает подозрение, что попытка интерпретации этого пространства соискателем может оказаться необъективной, искусственно втиснутой в прокрустово ложе исследовательской концепции. О каком же тогда (цитирую) «*специфическом поэтическом языке катастрофического времени*» идет речь? Думается, что названные категории поэтической идеологии акмеистов являются художественными универсалиями – их можно обнаружить и в других литературных направлениях и жанрах.

Завершая свои медитации, хочу сказать, что, читая работу соискателя, я испытывала эстетическое наслаждение: прекрасный научный слог, адекватно отражающий тончайшие движения сложнейшей исследовательской мысли. Высокий уровень культуры мышления, глубокие знания в области рассматриваемой проблемы и смежных сфер культуры, прежде всего – философии и психологии искусства, блестящее владение концептуально-терминологическим аппаратом своей исследовательской области, исчерпывающее знание поэтического дискурса 19–20 вв. – вот несомненные достоинства соискателя, которые достаточно полно репрезентированы в его работе.

Рецензируемая диссертационная работа рекомендуется к защите.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК.

11 марта 2006.

О Т З Ы В

об автореферате диссертации Басырова Ш.Р. «Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках», представленной на соискание научной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание (Киев, 2006).

Диссертационное исследование Басырова Ш.Р. «Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках» выполнено в русле современных типологических исследований отдельных подсистем языка, направленных на выявление в них общих закономерностей и пределов их варьирования в индоевропейских языках.

В данной фундаментальной работе на обширном языковом материале (анализируется свыше 7200 единиц из 22 индоевропейских языков) разработана и представлена модель структурно-семантического описания глаголов, образованных путем одновременного осложнения производящей основы рефлексивным маркёром и словообразовательным аффиксом.

Научную новизну рецензируемой работы составляет прежде всего комплексная типологическая характеристика производных глаголов в плане их формальной и семантической производности. Сформулированные в работе межъязыковые обобщения и корреляции, а также разработанную соискателем типологическую классификацию глаголов с рефлексивным комплексом можно квалифицировать как весомый вклад в лингвистическую типологию и лингвистику универсалий.

Скрупулёзный анализ литературы вопроса, логичность и последовательность изложения материала, новые аспекты анализа феномена ГРК, нетривиальные выводы и обобщения, расширяющие исследовательское пространство сравнительно-исторической и типологической лингвистики, – несомненные достоинства рецензируемой работы. Вместе с тем некоторые положения диссертации представляются недостаточно обоснованными и/или вызывающими сомнения относительно адекватности полученных результатов реальному состоянию анализируемых языков:

1. По определению, ГРК – это производные слова, которые образуются путем **одновременного** присоединения к мотивирующей основе на **одном** деривационном шаге всех составляющих рефлексивного комплекса. Однако в рецензируемой работе не эксплицированы методы определения такой «одновременности». Можно предположить, что некоторые (а может, многие) ГРК, особенно в языках синтетического типа, формировались постепенно, в диахронии, а не путем одноразового, одновременного присоединения к производящей основе всех компонентов РК. Доказательства в пользу допущения соискателя об одновременности акта деривации таких глаголов можно было бы найти в этимологических словарях, однако таковые отсутствуют в индексе использованных словарей.

2. При анализе формальных и содержательных параметров ГРК соискатель широко пользуется термином «продуктивность» в различных его семантических вариантах (типологическая, словообразовательная и др.). Как заявлено в работе, ГРК исследуемых языков получены методом сплошной выборки из одноязычных и двуязычных словарей. Показания таких словарей не могут свидетельствовать о продуктивности тех или иных словообразовательных моделей, а только – об их **частотности** в том или ином временном состоянии языков. Продуктивность языковых моделей может быть определена лишь на основе материала неологических словарей или опросов филологически искушённых информантов.

3. Вызывает возражение использование соискателем термина «система ГРК» применительно ко всем анализируемым в работе языкам. Как видно из содержания работы, соискатель оперирует не системой, а простой

совокупностью языковых единиц, количество которых в разных языках существенно колеблется (см. выделяемые в работе два типа «систем ГРК» на с. 27 АДД). Наши сомнения относительно системного статуса ГРК подтверждаются и выводами самого соискателя о том, что между ГРК существуют лишь два вида системных (парадигматических) отношений – синонимические и антонимические (с. 29). Этого явно недостаточно для атрибуции совокупности языковых единиц в качестве автономной системы.

Высказанные выше замечания носят не столько критический, сколько медитативный характер (рассуждения по поводу) и потому не снижают научной значимости рецензируемой работы. Диссертационное исследование «Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках» отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Украины к работам такого жанра, а его автор, Басыров Ш.Р., заслуживает присуждения искомой научной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК.

22 мая 2006.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. ТЕРЕХОВА “ЗА ПЕРЕВАЛОМ ПЕРЕВАЛ” (Симферополь: Таврия, 1991)

В аннотации книги В. Терехова написано: “Проникнутая заботой о судьбе крымской природы, она ставит целью вооружить читателя социально-историческими, экономическими и экологическими знаниями”. Думается, сегодня, в связи с обострением земельных проблем, переделом форм собственности, потребительскими отношениями к природе, проблемы бережного отношения к ней стали ещё более актуальными.

Следует, однако, принять во внимание, что за истекшие 16 лет **коренным образом** изменились социально-политические условия и демографическая ситуация в Крыму. Последнее связано прежде всего с репатриацией депортированных, среди которых большинство составляют крымские татары – около 260000 человек. Горный Крым, описанию которого посвящена книга В. Терехова, – это регион исторического формирования и проживания крымских татар. Поэтому следует проявить особую корректность и научную добросовестность при изложении исторических событий, имевших здесь место, особенно – при этимологизации (толковании происхождения и буквального значения) топонимов. И здесь к автору книги можно предъявить претензии. Например, его рассуждения по поводу формирования топонимии горного Крыма и начавшихся в конце 80-х годов процессов “самовольной” репатриации крымских татар не всегда доказательны, так как написаны по канонам советской идеологической доктрины о “наказанных народах”.

Рецензируемую книгу можно и нужно переиздать при условии её

переработки с учётом новых социально-политических реалий: изъять из текста идеологическую терминологию и фразеологию советского времени; осовременить статистические данные (количество жителей, городов и пр.), внести коррективы в топонимию – в направлении возрождения старых, в том числе и крымскотатарских, названий и т.п. В случае отсутствия в сегодняшней официальной топонимической номенклатуре крымскотатарских названий природных и социальных объектов их следует дать параллельно: это будет способствовать стабилизации межнациональных отношений в Крыму, а также бóльшей экзотизации Крыма в глазах туристов и гостей. Как известно, в крымских средствах массовой информации такие двойные написания уже практикуются. Необходимый материал можно почерпнуть из научных трудов последних лет, посвящённых проблемам этногенеза крымских татар и формирования исторической топонимии Крыма. (См. работы Гаркавца А.Н., Бушакова В.А. и др.)

С учётом всех указанных выше факторов книга В. Терехова “За перевалом перевал” может быть переиздана **более крупным тиражом**, часть которого пойдёт в продажу и, следовательно, сможет окупить расходы на издание.

Эмирова А.М. – член экспертного совета по книгоизданию при Республиканском комитете по информатике, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК, академик Крымской академии наук, член Национального союза писателей Украины.

24 февраля 2007.

ОТЗЫВ

о диссертации Зайцевой И.П. “Современная драматургическая речь: структура, семантика, стилистика” (Москва, 2002), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Симферополь, 2007).

Заслуживает внимания и одобрения заявленная в качестве цели работы попытка комплексного общепилологического анализа драматургических произведений последних трёх десятилетий, что позволило, по мнению соискательницы, выявить в сфере драматургии наиболее характерные языковые процессы в их соотношении с таковыми на предшествующих этапах развития этого рода литературы, а также – с процессами естественной речевой коммуникации, протекающими в современном обществе.

Сразу же обращают на себя внимание нечётко сформулированные основные положения, выносимые на защиту (*повышенная дискурсивность драматургических текстов, экспансия в них сниженных речевых средств, преобладание монологических форм речи, усложнение ремарочного текста*), которые в совокупности своей должны эксплицировать целостную авторскую концепцию, по определению долженствующую отличаться новизной, актуальностью и теоретической значимостью. Данные положения в обобщённой форме представлены в заключении диссертационного исследования. Представляется, однако, что теоретические обобщения, сделанные автором рецензируемой

работы, недостаточно аргументированы конкретным текстовым анализом и не могут квалифицироваться в качестве онтологических признаков современной драматургической речи.

Сложилось впечатление, что рецензируемая работа изначально выполнена в литературоведческом ключе, а позже, для усиления её лингвистической составляющей, в неё были инкорпорированы некоторые ключевые для современного языкознания термины-понятия: языковая личность, дискурс, внутренняя речь и др. Но они не “срослись” с основной текстовой тканью, использованы в работе декларативно – для создания лингвистического антуража.

Вот мои размышления по этому поводу.

1. Категория “языковая личность” (с опорой на концепцию Ю.Н. Караулова) является в работе ключевой: один раздел 2 главы называется “Современный драматургический персонаж как языковая личность”. Эта лингвистическая категория действительно является одной из центральных в коммуникативно-прагматической научной парадигме последних десятилетий. Она предполагает исследование языковых способностей личности на следующих трёх уровнях: 1. вербально-семантическом (лексикон и грамматикон, по терминологии Ю.Н. Караулова), 2. когнитивном (языковая картина мира) и 3. прагматическом (прагматикон, по Ю.Н. Караулову) – коммуникативные интенции, мотивы, установки говорящего. Я ожидала выхода на эти уровни при анализе соискателем монологической и диалогической речи персонажей, однако, как правило, комментарии многостраничных иллюстративных текстов в работе носят слишком общий характер (например, выделены такие черты языковой личности: креативность, развитая рефлексия, умение прогнозировать собеседника (!?)). Даже при наличии пространной характеристики речи персонажа (Лариса в пьесе Коляды “Куриная слепота”) соискательница ограничивается декларациями типа: *Речь Ларисы отличается ... прежде всего богатством (?) и выразительностью... Для речи Ларисы характерны множество ассоциативных переключек, разнообразные приёмы игры со словом, довольно значительное количество тропов и стилистических фигур.* И далее приведены её монологи и реплики, в которых заявленные феномены не выделены и не охарактеризованы.

2. Дискурс-анализ, которому автор диссертации придаёт особое – решающее – значение в анализе особенностей поэтики современной драматургии, мне таковым не представляется: за этим модным современным термином в рецензируемой работе скрывается традиционный комплексный анализ идеолекта персонажа любого рода литературы, учитывающий все его (персонажа) ипостаси и жизненные проявления.

По мнению соискательницы, онтологической чертой современных драматургических текстов является их *повышенная дискурсивность*, и это положение, в качестве центрального, вынесено на защиту. При этом автор исходит из общепринятого определения дискурса как “речи в действии”, т.е. высказывания (или совокупности высказываний, в которых реализована коммуникативная интенция говорящего), взятого в экстралингвистическом контексте (с учётом социальных, психологических, прагматических, культурных

и др. факторов). Однако в современном языкознании категория дискурса используется прежде всего по отношению к текстам, соотносённым с реальной действительностью. А художественная литература, в том числе драматургия, создает виртуальную реальность, вторичную действительность, сконструированную автором произведения. И это обуславливает специфику такого дискурса, однако в работе эта специфика неоднократно заявлена, но не эксплицирована.

Кроме того, декларация о *повышенной дискурсивности* драматургических произведений именно *последних десятилетий* представляется недостаточно аргументированной. В работе отсутствует аналогичная характеристика драматургии предшествующего периода (хотя имеются многочисленные отсылки к фундаментальной работе Т.Г. Винокур “О языке современной драматургии”, 1977), и потому данное заявление автора приходится принимать на веру. (Замечу в скобках, соискательница довольно часто использует в тексте модальные обороты типа *по нашим наблюдениям*, призванные усилить аргументацию, но это не убеждает, а скорее внушает сомнения.)

3. В одном из разделов главы 2 сделана попытка охарактеризовать монологи в их количественном и объёмном соотношении с диалогами в составе 45 пьес разных жанров. Теоретической основой анализа заявлены психолингвистическая категория внутренней речи и её литературоведческие корреляты *внутренний монолог* и *поток сознания*. В результате анализа разных типов монологической речи соискательница приходит к следующим выводам: «По структурно-семантическим признакам монологические формы сходны с речью внутренней, отличающейся высокой степенью ситуативной обусловленности и *семантической спецификой компонентов* (? – А.Э.), что находит выражение в определённых *лингвистических признаках* (? – А.Э.) высказывания».

Обращение к категории внутренней речи как базисной для содержания данной главы предполагает, что соискательница хорошо разбирается в сущности этого феномена, знакома с типологией внутренней речи и, следовательно, может адекватно верифицировать и интерпретировать монологические тексты. Соискательница, однако, не обнаружила знания типологии внутренней речи. И потому сомнительным представляется её категорическое утверждение о том, что внутренней речи присуща “высокая степень ситуативной обусловленности”. (Ситуативная обусловленность присуща только одному типу внутренней речи, т.н. “проговариванию”.) Заявление о семантической специфике компонентов внутренней речи в тексте диссертации не актуализировано. Лексемы, используемые во внутренней речи, действительно обладают особой семантикой: они относятся к разряду т.н. *предикатных*, характеризующих слов, но таких выводов в работе нет. Для вербализованного потока сознания характерно, по мнению соискательницы, обилие служебных слов. И это верно для анализируемых в работе монологов, но совершенно не свойственно внутренней речи, которая характеризуется высокой степенью редуцированности, доходящей до аграмматизма.

Здесь следовало бы говорить о традиционных способах передачи

внутренней речи в художественной литературе, которые не отражают адекватно специфики внутренней речи как психолингвистического феномена. В мировой и русской литературе известны, однако, образцы более адекватных отражений внутренней речи (ср. текст романа М. Фриша “Назову себя Гантенбайн”; начало ключевого монолога Чацкого “Не образумлюсь... Виноват...”).

Наиболее насыщенной оригинальными авторскими наблюдениями и находками представляется глава 2 – “Речевая стихия персонажей в современной драматургии”. В ней разработана типология диалогов (*унисонного* и *диссонансного* типов), учитывающая содержательное и коммуникативно-прагматическое пространство анализируемых пьес (гесп. *прагматикон* языковой личности), а также выполняемые диалогическими формами прагматические функции (информативная, фатическая, эмотивная, апеллятивная и их различные комбинации). Однако и здесь анализ текстов проведён поверхностно: правильные выводы (например: “...разного рода жаргонизмы, иная сниженная, в том числе и оценочная, лексика, ... обилие типичных для разговорной-обиходной сферы общения синтаксических конструкций...”), как правило, не эксплицированы: многостраничные иллюстративные тексты не препарируются, перечисленные языковые явления никак ((например, графически) не выделяются. Читателю рецензируемой работы приходится самому, в меру своих знаний и наблюдательности, находить в иллюстративной зоне текста названные автором грамматические и изобразительно-выразительные средства. Здесь уместно сказать, что я, как фразеолог, не обнаружила анализа фразеологических единиц разного типа, без которых трудно представить диалогическую и монологическую речь.

К недочётам рецензируемой работы можно отнести также непропорционально большой объём синоптических материалов и цитат из прецедентных научных работ. Не всегда ясны границы между содержанием таких текстов и собственными наработками диссертанта, степенью их оригинальности и теоретической значимости. Не отвечает привычным для нас требованиям и структура автореферата диссертации, в котором обозначен объект исследования, но не указан его предмет; не заявлена отдельным пунктом новизна исследования; отсутствует аннотация и др.

Нет сомнения в том, что И.П. Зайцевой проделана солидная исследовательская работа: обобщена необходимая научная литература, проанализирован огромный массив драматургических текстов, сформулированы соответствующие выводы. Однако вынуждена сказать, что у меня не сложилось целостного впечатления о типологических особенностях драматургической речи последних десятилетий, отличающих её от поэтики других родов литературы и характерных черт естественной языковой коммуникации. Некоторые теоретические положения работы, которые автор пытался сформулировать с применением современного концептуально-терминологического аппарата, представляются неоригинальными, известными, вторичными, что особенно заметно при их соположении с известными моментами уже упоминавшейся работы Т.Г. Винокур.

Можно предположить, что во многом тому виной заявленный в

начале работы комплексный общепилологический подход к анализу объекта исследования. (Об этом говорит и предыстория нынешней перезащиты (нострификации) – попытки соискательницы пройти эту процедуру в различных киевских инстанциях.) Коллеги тому свидетели, я сама в этом зале неоднократно ратовала за возвращение в общую “филологическую шинель”, из которой мы все, языковеды и литературоведы, вышли и довольно далеко отделились друг от друга. Возможно, на сегодняшнем этапе развития филологической мысли необходимо пересмотреть наши взгляды и сформулировать новые постулаты такого – общепилологического – анализа.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК.

12 апреля 2007.

ОТЗЫВ

об автореферате диссертации Компанцевой Л.Ф. “Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты”, представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – русский язык (Киев, 2007. – 36 с.).

Актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость рецензируемой работы не вызывают сомнений. При этом обращают на себя внимание глобальность цели исследования и широта круга задач, поставленных и успешно решённых в русле заявленной цели. К несомненным достоинствам рецензируемой работы следует отнести также выбор таких аспектов исследования, как когнитивно-прагматический и лингвокультурологический, вытекающих из самой природы объекта, убедительную структуриацию исследуемого материала и прекрасный научный слог, иллюстрирующий умение соискателя адекватно выражать движение исследовательской мысли.

Некоторые из выявленных соискателем частных параметров интернет-коммуникации экстраполированы на весь массив сетевых материалов, и потому такие выводы представляются некорректными, необъективными. Например, в выводной части работы соискатель заявляет, что в интернет-коммуникации формируются собственные критерии нормотворчества. Думается, данный феномен имеет место не во всех составляющих сетевой коммуникации, а лишь в тех, которые продуцируются представителями некоторых молодёжных субкультур. Мой опыт работы в интернете в жанрах e-mail, chat, а также мои наблюдения за речепроизводством в рамках жанровых форматов blog и “дискуссионный клуб” в составе личных сайтов писателей и учёных показал, что языковые нормы интернет-коммуникации (в указанных жанровых форматах и виртуальных сообществах) не отличаются от традиционной (внесетевой) речевой практики.

Вряд ли можно согласиться также с категоричным заявлением соискателя о том, что язык интернета может быть отнесён к новой разновидности общенародного языка, которую можно сравнить с такими его вариантами,

как язык художественной литературы или разговорная речь. Думается, что рунет-коммуникация как система находится в стадии становления. Сегодня она представляет собой конгломерат разноприродных когнитивно-языковых сущностей, репрезентирующих дискурсивную практику различных виртуальных сообществ. Следует при этом иметь в виду, что виртуальная языковая личность, являющаяся одной из центральных категорий интернет-коммуникации, в сети чаще всего представлена в форме виртуальной коммуникативной маски, основная цель которой – самореклама, самопиар. К сожалению, в работе (по крайней мере – в автореферате) отсутствует типология виртуальной языковой личности, построенная на разных основаниях: по возрасту, по профессиональной принадлежности, по интересам и пр.

Таким образом, суть наших замечаний сводится к тому, что некоторые из выявленных соискателем типологических параметров интернет-коммуникации в выводной части работы следовало бы сформулировать не в категорической, а в гипотетической форме.

Сделанные нами замечания не снижают научной значимости рецензируемой работы, которая представляет собой актуальное, оригинальное и законченное научное исследование. Диссертационная работа “Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты” отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Украины к работам такого жанра, а её автор, Компанцева Л.Ф., заслуживает искомой учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – русский язык.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК.

8 мая 2007.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Яблоновской Н.В. “Пресса этносов Крыма: проблемы национального возрождения и диалог культур”, представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – журналистика. (Киев, 2007. – 465 с.).

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость рецензируемой работы и особенно её актуальность не вызывают сомнений: проблемы национального возрождения и диалог культур – самые “болевые точки” социального бытия сегодняшнего Крыма. При этом обращают на себя внимание глобальность цели исследования (дать комплексную научную картину возникновения и развития этнической прессы Крыма с 1860 г. и по настоящее время) и широта круга задач, поставленных и в целом успешно решённых в русле заявленной цели, а именно: выявить сущностные признаки этнической периодики и её социальные функции; охарактеризовать способы отображения в ней процессов национального возрождения и взаимодействия культур; предложить периодизацию развития этнической прессы Крыма с учётом важнейших социально-политических событий в истории региона; проанализировать проблематику и тематику периодической печати и др. Как явствует из вышес-

казанного, совокупная проблематика диссертационной работы маркирована слогом “впервые”: диссертация Яблоновской Н.В. является первой попыткой комплексного научного осмысления неоднозначных и зачастую разновекторных процессов становления и развития этнической прессы Крыма. Детерминант “впервые” и однокоренные с ним производные могут быть поставлены в препозиции практически всех задач, вытекающих из заявленной цели: впервые рассмотрены советские СМИ этносов Крыма в период Второй мировой войны; впервые описаны некоторые этнические издания периода оккупации Крыма и т.д.

К несомненным достоинствам рецензируемой работы следует отнести также междисциплинарный характер её проблематики: для адекватного решения поставленных проблем соискателю пришлось обратиться к категориям и данным смежных наук: истории, социологии, филологии, этнопсихологии и др. Объект исследования, представленный 224 изданиями разного уровня и значимости [с. 435–465], рассмотрен на широком историческом и социально-политическом фоне, который во многом обусловил типологические особенности прессы рассматриваемых периодов.

Анализ современного состояния этнической прессы Крыма, её достижений и стоящих перед ней проблем [с. 310–343] выполнен квалифицированно и корректно. Следует согласиться с мнением автора диссертационной работы, утверждающим, что можно прогнозировать в ближайшем будущем расширение функционального пространства украинского языка и, как следствие, увеличение числа украиноязычных СМИ в Крыму. Решение данной проблемы, однако, зависит от наличия в Украине корректной долгосрочной языковой политики, которая до сего дня, к сожалению, не разработана.

Обоснованным представляется также методологический инструментарий (совокупность методов и приёмов анализа фактического материала), использованный в рецензируемой работе, который позволил соискателю ввести в научный оборот и в определённой степени верифицировать огромный массив журналистиковедческих данных, репрезентирующих разные коммуникативные жанры и этнокультурные коды.

Рецензируемая работа, однако, не лишена и некоторых недочётов, самым серьёзным из которых считаю следующее:

1. Название диссертации состоит из двух частей, между которыми поставлено двоеточие: “Пресса этносов Крыма: проблемы национального возрождения и диалог культур”. Типовое значение такой синтаксической конструкции интерпретируется следующим образом: первая часть – это тот фактический материал, на базе которого ставятся и решаются концептуальные проблемы, заявленные во второй части формулировки, в данном случае – проблемы национального возрождения и диалога культур в полиэтничном сообществе Крыма. Следовательно, названные проблемы должны быть сквозными, формально и содержательно скрепляющими всю структуру диссертационного исследования. При этом предполагается, что первой части формулировки названия соответствует описательная форма изложения материала, а второй – концептуальный анализ и аргументированный синтез.

Анализ содержания работы, однако, обнаружил явный переко в сторону первой части: подробно, в деталях описано большое количество изданий: годы их функционирования, формат, тираж, штатный состав, проблематика и пр. Однако материал, соотнесённый со второй частью названия работы, представлен скухими наблюдениями и выводами, которые в тексте диссертации следует долго искать, потому что рубрикация содержания на разделы и подразделы (страница “Содержание”) отражает преимущественно историческую периодизацию и этнокультурную принадлежность рассматриваемых феноменов, в то время как концептуальные проблемы (национальное возрождение и диалог культур) не получили отражения в номинациях структурных составляющих. Сказанное наводит на мысль о том, что концептуальное ядро исследования проработано недостаточно глубоко. Это подозрение подтверждается и перечнем предварительных задач (из 10 задач лишь одна, девятая, соотносится со второй частью названия работы), и объёмом текста в соответствующих разделах работы. Так, в подразделе 4.1.2 (“Крымскотатарская журналистика: национальное возрождение сквозь призму классового подхода” [с. 212–236]) заявленная проблема декларируется [с. 223, 236, 237], но не всегда глубоко анализируется.

В выводной части диссертации [с. 347–362] указанным концептуальным проблемам уделено больше внимания, однако связь этих выводов с содержанием основной части диссертации не всегда эксплицирована, и потому они зачастую представляются голыми декларациями, слоганами: *“способствовать культурному развитию членов национальных обществ, побуждать их к изучению родного языка, национального прошлого, национальной культуры...”* [с. 348]; *“отображать национальное самосознание репрезентованного этноса...”* [с. 348] и т.п. К сожалению, в данной части работы много “информационного шума” – фоновых сведений (названия журналов, имена редакторов, журналистов и пр.), которым не место в итоговом разделе диссертации.

Следующие замечания не имеют столь принципиального характера:

2. Специфику этнической прессы Крыма соискатель видит в том, что она представлена изданиями национальных меньшинств и коренных этносов Крыма. К последним в работе отнесены крымские татары, караимы и крымчаки. Известно, однако, что эти народы де-юре, согласно Конституции Украины, не имеют статуса коренного народа. Крымские татары в течение ряда лет добиваются такого социального статуса, который может способствовать оптимизации процессов возрождения национальной культуры. Однако проблема до сих пор не решена. Что касается крымчаков и крымских караимов, то они входят в перечень национальных меньшинств Украины, однако крымчакский и караимский языки не вошли в реестр языков национальных меньшинств, которых Украина, подписав “Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств” (2003 г.), обязалась перед мировой общественностью сохранять и развивать. Тем не менее следует согласиться с соискателем: пресса коренных этносов Крыма выполняет более

широкий спектр социальных функций, нежели издания других национальных меньшинств, которых поддерживают их, по словам соискателя, страны-метрополии. (Слово *метрополия* в данном контексте употреблено некорректно: *метрополия* – это государство по отношению к своим колониям, владеющее захваченными колониями.)

3. Не могу согласиться с мнением соискателя, утверждающего, что уровень языковой компетенции коррелирует с уровнем национальной самоидентификации отдельной личности и народа в целом (“...уровень языковой, а значит, и национальной самоидентификации...” – с. 319). Невладение личностью языком родителей не всегда является показателем изменения его национальной самоидентификации, которая по психологической природе своей субъективна и обусловлена совокупностью факторов, среди которых знание языка является необходимым, но не единственным.

4. Пресса крымскотатарского зарубежья в работе рассмотрена поверхностно: упомянуты лишь основные издания, при этом не описаны их параметры: проблематика, пафос, адресат и др. Не названы такие известные в Крыму издания, как журналы *Birlik* и *Kalgay* (Турция).

Научные результаты, добытые соискателем самостоятельно, прошли широкую апробацию и адекватно отражены в достаточном количестве публикаций, среди которых имеется оригинальная монография “Этническая пресса Крыма: история и современность” (Симферополь, 2006. – 312 с.).

Сделанные выше замечания не снижают научной значимости рецензируемой работы, которая представляет собой актуальное, оригинальное и законченное научное исследование. Диссертационная работа “Пресса этносов Крыма: проблема национального возрождения и диалог культур” отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Украины к работам такого жанра, а её автор, Яблоновская Н.В., заслуживает искомой учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – журналистика.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК.

29 мая 2007.

О Т З Ы В

об автореферате диссертации Адониной Л.В. “Концепт “женщина” в русском языковом сознании”, представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Воронеж, 2007).

К несомненным достоинствам рецензируемой работы следует отнести новый подход к анализу объекта исследования (структура и содержание концепта “женщина” в языковом сознании, а не в словарной презентации), широту круга задач, поставленных и успешно решённых в русле заявленной цели, а также репрезентативный языковой материал, собранный методом свободного ассоциативного эксперимента. Следует отметить также чёткую структуризацию текста, адекватно отражающую содержание исследования, и хорошее знакомство соискателя с литературой вопроса.

Необычайно широко и многоаспектно исследовательское пространство работы, что позволило соискателю добыть оригинальные научные результаты (главы 2 и 3-я): охарактеризована макрокомпонентная структура концепта “женщина” (образная, информационная, энциклопедическая и интерпретационная зоны); описана его категориальная структура (когнитивные классификаторы); выявлена и охарактеризована полевая структура концепта (ядро и периферии); указана специфика содержания и структуры концепта в гендерном и возрастном сознании – в их количественном и качественном (содержательном) выражении.

Особый интерес вызывает образный компонент концепта: он представлен перцептивными данными всех пяти рецепторов, которые в количественном выражении в какой-то степени коррелируют с естественной (неязыковой) перцепцией окружающей действительности: зрительные образы – 86,6%, тактильные – 2,7%, звуковые – 2,1%, вкусовые – 0,9%, обонятельные – 0,4% (см. с. 11).

Наши замечания сводятся к следующему:

1. Когнитивный признак – базовое понятие рецензируемого исследования – по определению есть признак познавательно-мыслительный. Однако в реестр когнитивных включены и эмоционально-оценочные признаки, входящие в общеоценочную зону концепта “женщина” (с. 13–14). Несомненно, любой познавательный процесс сопровождается эмоциональной (“нравится – не нравится”) и / или логической (“хорошо – плохо”) оценкой, но акты познания и оценки – это разные психические феномены, которые в целях адекватного описания объекта следовало бы “развести”. Думается, не случайно общеоценочные признаки не вошли в число когнитивных классификаторов, а включены (причём избирательно и не всегда обоснованно) в классификатор “характер” (с. 14).

Нечётко дифференцированы когнитивные признаки и по их понятийному содержанию: среди них выделяются признаки разной степени абстракции, находящиеся в отношениях родо-видовых, смежности, конъюнкции (включения) и др. (ср.: “*выступает в роли матери*” – “*имеет детей*”, с. 10).

2. В работе встречаются содержательные неточности, которые одновременно могут быть квалифицированы в качестве стилистических погрешностей. Например, на с. 5 автореферата написано: “*Лингвокогнитивное исследование концепта методом свободного эксперимента...*”. В действительности концепт исследован в работе теми методами, которые заявлены во введении (лингвокогнитивным и описательным), а метод свободного ассоциативного эксперимента использован в работе лишь в качестве инструмента сбора объекта анализа (языкового материала).

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным определяя концепт как «**дискретное** (выделено нами. – А.Э.) ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека...», соискатель далее неоднократно (с. 5, 18 и др.) называет концепт «*единым ментальным образованием*». Как известно, понятийное содержание этих лексем находится

в отношениях дизъюнкции (взаимоисключения). Концепт «женщина» тем более не может быть квалифицирован в качестве «единого ментального образования», потому что, как следует из иллюстративного материала, в разных зонах его содержания встречаются амбивалентные когнитивные признаки.

Сделанные выше замечания не снижают научной и практической ценности рецензируемой работы, которая представляет собой актуальное, оригинальное и законченное научное исследование. Диссертационная работа “Концепт “женщина” в русском языковом сознании” отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого жанра, а её автор, Адонина Л.В., заслуживает искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Эмирова А.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки АРК.

10 сентября 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Curriculum vitae	6
Об отражении некоторых аспектов эволюции языка во фразеологии	9
О моделировании некоторых устойчивых предложно-именных оборотов в современном русском языке	10
Процессы включения в сфере фразеологии	12
О соотносённости содержательной структуры фразеологической единицы и её компонентов-слов	15

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

<i>Предисловие</i>	18
1. Изучение фразеологии на современном этапе	19
2. Некоторые активные источники и способы образования фразеологических единиц	22
3. Об изменении семантики фразеологических единиц в речи	26
4. Семантическая структура фразеологических единиц	30
4.1. Стержневые слова в составе фразеологических единиц	31
4.2. Семантические основы фразеологической идиоматичности	35
4.3. Структура фразеологических единиц в логико-семантическом аспекте	37
5. Системные связи во фразеологии	42
5.1. Фразеологическая синонимия	42
5.2. Об антонимических оппозициях в сфере фразеологии	44
5.3. К вопросу о фразеологической омонимии	48
5.4. О специфике синтагматических и парадигматических отношений во фразеологии	50
Библиография	52
К теории двуязычной фразеологии	56
К теории фразеологии (Рецензия на «Справочник по русской фразеологии для иностранцев», составленный Р.И. Яранцевым)	62
Некоторые проблемы фразеологии в ономазиологическом аспекте	65
Ономазиологическая характеристика основных семантико-грамматических разрядов русской фразеологии	71
Теория номинации и фразеология (К вопросу об объекте фразеологической номинации)	79
Фразеология в поэтической речи	85
К вопросу о номинативной сущности фразеологических (идиоматических) предикатов	89

Рец.: Новое в русской лексике. Словарные материалы 77–79. (I–Москва, 1980. II–Москва, 1981. III–Москва, 1982.).....	96
О языковых функциях фразеологических единиц (идиом).....	98
Тип значения идиом и их адекватная семантизация в словарях.....	107

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>Предисловие</i>	111
1. Идиоматика как объект коммуникативной лингвистики.....	112
2. Структура фразеологического значения в коммуникативно- прагматической освещении.....	115
2.1. Знаковое значение идиом.....	116
2.2. Прагматический (коннотативный) компонент фразеологи- ческого значения.....	118
3. Семантико-грамматические (частеречные) разряды идиом в коммуникативном аспекте.....	122
3.1. Субстантивные фразеологические единицы с идентифици- рующим значением.....	124
3.2. Фразеологические единицы с предикатным значением.....	125
3.2.1. К типологии идиоматических предикатов.....	128
3.3. Прономинальные фразеологические единицы.....	133
3.4. Фразеологические единицы с прагматическим значением.....	134
3.4.1. Модальные фразеологические единицы.....	136
3.4.2. Междометные фразеологические единицы.....	137
4. Проблемы фразеологической ономазиологии.....	139
4.1. Процессы синхронического фразообразования (семантический и логико-психологический аспекты).....	139
4.2. Воспроизводство фразеологических единиц в речи как ономазиологический акт.....	148
5. Основы фразеологической идеографии.....	152
5.1. Фразеологическая идеография: предмет и задачи.....	152
5.2. Идеографическая характеристика субстантивных идиом.....	154
5.3. Фразеология сферы человеческих эмоций.....	157
5.4. Фразеология когнитивной сферы человека.....	161
<i>Заключение</i>	168
Список использованной литературы.....	168
Список сокращений.....	176
Фразеология перестройки.....	178
Коммуникативная фразеология: предмет и задачи.....	184
Крымскотатарська мова: проблеми існування і розвитку.....	186
Крымскотатарська мова: сучасні проблеми функціонування.....	192
Языковая компетенция крымских татар и проблемы возрождения крымскотатарского языка.....	196
Крымскотатарский язык: последствия геноцида.....	200

«Солнце мёртвых»: крымскотатарская тема в творчестве И.С. Шмелёва	204
Языковые права как социальный феномен	207
Части речи во фразеологии: миф и реальность	211
Крым в творчестве Виктора Некипелова	212
Языковая политика в Крыму как фактор стабилизации межэтнического согласия	220
Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития	223
Современное состояние крымскотатарского литературного языка и перспективы его развития	228
Крымскотатарский ономастикон как объект этнолингвистики	232
Б. Чичибабин и В. Некипелов: Поэтическая перекличка через 30 лет ...	237
Образный мир В. Набокова	241
Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития	247
Лингвистические взгляды Бекира Чобан-заде	257
Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар	267
Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского языка	272
На перекрестье культур Востока и Запада: феномен Дженгиза Дагджи ...	278
Оппозиция «мужчина – женщина» в русской фразеологии	282
Аспекты сопоставительного изучения фразеологической семантики ...	287
Крымская тема в поэзии Б. Чичибабина	292
Окказионализмы в поэтике Б. Чичибабина	297
Звукопись как компонент поэтики Б. Чичибабина	302
Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма	306
Универсальное и этнокультурное в языке: русская фразеология в зеркале крымскотатарского языка	314
Русский язык на Украине: новая концепция государственной языковой политики	319
Актуальные проблемы возрождения языка крымских караимов	323
Онимы как кумулятивные знаки этнической культуры	326

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Отзыв о кандидатской диссертации Оказ Л.С. «Сложносочиненные союзные предложения в крымскотатарском языке (Семантика. Прагматика. Структура)»	332
Отзыв о кандидатской диссертации Сорокина С.В. «Система микросинтаксиса турецкого языка»	335
Отзыв о кандидатской диссертации Соболевой И.А. «Сниженные (внелитературные) языковые средства в современном публицистическом дискурсе»	338

Отзыв об автореферате докторской диссертации Мосенкиса Ю.Л. «Проблема реконструкции языка трипольской культуры».....	342
Отзыв о докторской диссертации Керимова И.А. «Эволюция крымскотатарского художественного слова в к. XIX – н. XX вв.».....	343
Отзыв о докторской диссертации Бушакова В.А. «Историческая топонимия Крыма».....	344
Отзыв о докторской диссертации Пахаревой Т.А. «Акмеистические тенденции в русской поэзии последних десятилетий XX – начала XXI вв.».....	348
Отзыв об автореферате докторской диссертации Басырова Ш.Р. «Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках»	349
Рецензия на книгу В. Терехова «За перевалом перевал».....	351
Отзыв о докторской диссертации Зайцевой И.П. «Современная драматургическая речь: структура, семантика, стилистика»	352
Отзыв об автореферате докторской диссертации Компанцевой Л.Ф. «Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты».....	356
Отзыв о докторской диссертации Яблоновской Н.В. «Пресса этносов Крыма: проблемы национального возрождения и диалог культур»	357
Отзыв об автореферате кандидатской диссертации Адониной Л.В. «Концепт «женщина» в русском языковом сознании.....	360

Наукове видання

Емірова Аділе

ОБРАНИ НАУКОВІ РОБОТИ

До 75-річчя від дня народження й 52-річчя наукової, педагогічної і громадської діяльності

*Директор І.Б. Чегертма
Оператор Д.Р. Сеферов*

Підписано до друку 11.11.2008 р. Формат 60x84^{1/16}. Папір офсетний.
Гарнітура «Times New Roman». Умовн. друк. арк. 21,39. Обл.-вид. арк. 11,0.
Об'єм 23,0 друк. арк. Тираж 500 прим. Зам. № 351.

КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав»

95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 5.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи ДК № 508, від 26.06.2001 р.

Надруковано у ЧП Устіменко А.В.

95000, м. Сімферополь, вул. Крилова, 135.

Свідоцтво про Державну реєстрацію № 21340000000001171, від 23.06.2005 р.